

Гай Юлий
Орловский

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
коннетабль

Ричард Длинные Руки —
коннетабль

Жизнь — борьба, в кото-
рой надо драться грабро и честно.
Ричарду это обычно удавалось,
однако он уже не рядовой
рыцарь... Увы, могущес-
твенный лорд должен
быть еще и уни-
тым политиком.
Именно ли
граб-
ство

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Рицард Длинные Руки
Рицард Длинные Руки — воин Господа
Рицард Длинные Руки — паладин Господа
Рицард Длинные Руки — сеньор
Рицард де Амальфи
Рицард Длинные Руки —
властелин трех замков
Рицард Длинные Руки — виконт
Рицард Длинные Руки — барон
Рицард Длинные Руки — ярл
Рицард Длинные Руки — граф
Рицард Длинные Руки — бурграф
Рицард Длинные Руки — ландлорд
Рицард Длинные Руки — пфальцграф
Рицард Длинные Руки — оверлорд
Рицард Длинные Руки —
коннетабль

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард
Длинные Руки —
коннетабль

ЭКСМО
Москва, 2007

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

Иллюстрация на переплете *П. Трофимова*

Орловский Г. Ю.

О-66 Ричард Длинные Руки — коннетабль: Фантастический роман. — М.: Эксмо, 2007. — 416 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-23602-2

Жизнь — борьба, в которой надо драться храбро и честно. Ричарду это обычно удавалось, однако он уже не рядовой рыцарь... Увы, могущественный лорд должен быть еще и умелым политиком. Но можно ли быть храбрым и честным политиком? Может ли быть политиком рыцарь?

**УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

ISBN 978-5-699-23602-2

© Орловский Г. Ю., 2007
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2007

Часть 1

Глава 1

Снапором и грохотом, словно в захваченную крепость, вошел в натопленный зал громадный человек, поперек себя шире, гулко топал ногами, стряхивая снег, хлопал широкими, как лопаты, ладонями по плечам. Обожженное морозом широкое красное лицо стало похожим на закатное солнце.

— Хорошо, — проревел он гулко, — на дворе тихо...

Сэр Растер единственный, кто облачается в рыцарские доспехи с утра и не снимает до вечера, иначе, мол, к лету, когда пора боевых подвигов, не сумеет выбраться из-за стола.

Позванивая шпорами, он прошел к длинному столу, рыцари шумно пируют с утра, облапил на ходу Митчелла, похожего на него больше, чем сын на отца, покровительственно хлопнул по плечу Макса.

— Хорошо!

— Как скажете, сэр Растер, — ответил Макс почтительно. — Во дворе упражнялись?

— Среди нас дураков нет, — гордо ответил Растер. — Особенно дураков выходить в такую погоду. С крыльца на метель посмотрел, и хватит ей.

— Да, — согласился барон Альбрехт, — нечего ее баловать.

Растер с усилием всадил себя в тесноватое для него кресло, Альбрехт любезно придвинул старшему рыцарю кубок побольше. Растер дождался, облизывая крупные мясистые губы, когда темно-красная струя

вина заполнит до краев, мощным рывком поднял и мгновенно вылил в свой широкий рот, как в пропасть.

— За победы!

— Какие? — опасливо поинтересовался барон.

Растер отмахнулся и обеими руками придвинул к себе блюдо с жареным кабаном.

— Всекие, — прорычал он. — Разные...

Подо мной кресло выше, чем у остальных, тоже указание на статус, но я поглядывал на сэра Растера с острой завистью. Ему все понятно, он тверд и прям, у него строгие жизненные установки, идет по жизни честно и праведно... ну, насколько позволяют обстоятельства. И сэр Митчелл такой же, и сэр Макс, и даже сэр Альбрехт, который каждым словом и жестом бахвалится, что его не сдерживают никакие узы.

Сдерживают, еще как сдерживают! Это вот меня настолько не сдерживают, чему сперва радовался, теперь печалюсь. Полная свобода — жутковато. Скрываю от всех, даже от себя, что пугаюсь ответственности, оттого и дергаюсь, поступаю иногда так, что потом от стыда горю: то нахамлю старшим и уважаемым людям, то выкажу превосходство над простыми и чистыми женщинами, верными нравственным нормам своего времени... не такими уж и тупыми, если так уж честно, то вообще веду себя не адекватно обстановке...

И все оттого, что остальных что-то ведет, а меня — никто и ничто. Даже самые что ни есть свободные люди на свете, странствующие рыцари, которые никому не служат, только хранят верность своей даме, да и то не все ими обзавелись, — даже они скованы строгой рыцарской моралью, обетами, кодексом чести. Они не забывают перекреститься за столом и сказать несколько слов благодарственной молитвы, каждое слово и поступок регламентируют. За ними следит не только Господь Бог, но и Пресвятая Дева, которой служат куда охотнее, а за мной никто не смотрит, я свободен, свободен, свободен... словно преступник!

Да, самые свободные люди на свете — преступники. Им и людские законы — по фигу, и моральные устои — придуманная фигня.

Господи, что я за чудовище? Повесить бы такое, дык не дамся же...

— Сэр Ричард! — требовательно проревел из-за стола Растер и помахал наполовину обглоданной кабаньей ногой. — Скажите слово!.. Это будет лучшей приправой к обеду.

Альбрехт мягко поправил:

— Лучшая приправа — присутствие на пиру красивой женщины.

Растер замолчал не потому, что немедленно вгрызся в кабанью ногу, а он вгрызся, просто в глазах вспыхнул жадный интерес. Макс посмотрел на меня с вопросом в больших чистых глазах высокорожденного эльфа.

— Сэр Ричард, — произнес он осторожно, — а когда спасенная благородная дама... ощутит себя лучше... она почтит своим присутствием?..

Я стиснул челюсти, из Фриды знатная дама как из меня танцор, но смотрят с ожиданием, я промямлил:

— Ее хрупкая и ранимая натура подверглась... да... колдовство очень мощное... временами забывает, кто она вообще... с нею надо очень мягко, а вы тут напугаете одним только ревом!

Сэр Растер встал и гаркнул так, что огоньки светильников заметались испуганно, словно под порывом урагана:

— Да никто!.. Мы все будем шепотом!.. Как церковные мыши под полом!

Сэр Альбрехт произнес так же вкрадчиво:

— Вообще-то присутствие женщины облагораживает. В каждом замке есть благородная дама.

— Да, — проревел сэр Растер, — это как гербовый щит над воротами замка! Кто видел замок без щита?.. Без герба и дамы — собачья будка, а не замок.

Макс сказал обидчиво:

— Замок сэр Ричард захватил только что! А готовой дамы здесь еще не было. Барон Эстергазэ тоже не успел в заботах бранных...

— Да, — согласился сэр Растер несколько добрее, — это хорошо, когда дама уже в замке. Мужа убил, даму изнасило-

вал — и вот уже твоя дама. Во всяком случае, замковая. В каждом захваченном замке — по даме. Дурак этот барон! Мог бы побеспокоиться.

— Дурак, — согласился и Альбрехт. — Все, кто не с нами, дураки.

Макс перекрестился.

— И Господь их накажет.

Все перекрестились, пробормотали «аминь». Некоторое время слышался только стук ножей по тарелкам и плеск наливаемого в кубки и чаши вина.

Я вытер губы краем скатерти, поднялся.

— Пируйте, пируйте, не поднимайтесь! Набирайтесь сил, скоро лето, пора походов.

Фрида испуганно обернулась на скрип двери. Я видел, как инстинктивно сжалась в комок и сгорбилась в ожидании удара. И лишь увидев, что это не инквизитор, с облегчением перевела дух, даже попыталась несмело улыбнуться.

— Все хорошо, — сказал я с неловкостью и чувством вины, что ничего не могу для нее сделать больше. — Никто тебя больше не тронет!.. Мир жесток, но здесь ты под моей защитой, малышка.

Она прошептала со слезами на глазах:

— Я не знаю, как вас благодарить, ваша милость!

— А никак, — пояснил я. — Я просто возвращаю долг.

Она покачала головой:

— Нет, это наш долг — защищать своего сеньора.

— А долг сеньора, — возразил я, — защищать своих людей. И вообще, давай не меряться, кто кому больше должен. Ты здесь среди своих. Все к тебе настроены дружелюбно и рвутся защищать.

Она широко распахнула глаза.

— Меня? Защищать?

Я пояснил с неловкостью:

— Пришлось сказать, что ты из знатного рода. Но тебя выкрали еще младенцем злые колдуны, и ты росла в чужом

замке вместе со слугами. Надо же объяснить мозоли на твоих ладонях.

Она посмотрела на свои розовые ладошки.

— Мозоли? Нет у меня никаких мозолей.

— Правда?

— Конечно, — ответила она. — Уж от мозолей-то я умею избавляться! Сэр Ричард, я уже выздоровела. Мне очень стыдно, что я в вашей постели, как свинья неблагодарная!.. Что подумают? Мне нужно вниз, к челяди. Я буду работать, я все умею делать! Я не буду в тягость...

Я отмахнулся.

— Знаю. Но ты не в тягость. Это я себе прощение так зарабатываю.

Она округлила глаза.

— Прощение? Вы?

— Не трясись, — сказал я почти грубо, — не перед тобой, а перед Богом и потомками. Кого повесил, кого зарубил, кого велел удавить или утопить — забудется, житейские мелочи, все так делают, а вот тебе помог — зачтется. И даст возможность говорить о моем человеколюбии и необыкновенной гуманности. Возможно, только это и останется. Мало кто скажет, чем велик Архимед, а вот что голым бежал по Сиракузам...

Она растерянно хлопала глазами, потом ее личико прояснилось.

— Ой, так вы это потому, что вам так надо?

— Ну да!

Она с облегчением вздохнула.

— Как хорошо! А то я уж себя изгрызла, что ни в жисть не расплачусь за такое... такое...

Я погладил ее по голове.

— Вот видишь, снял с твоей души камешек. Теперь бы кто с моей снял... Ладно, отдыхай, скоро и ты понадобишься. Сколько той зимы... тьфу, прицепится же!..

Она сказала робко:

— Я похожу по замку, можно?

— Иди, — разрешил я, — а то уже чувствуешь себя в такой же камере, верно?

Она покачала головой, улыбнулась печально и чуть-чуть хитренько.

— Нет, здесь хорошо. Но чтоб другие девушки не подумали, что я заняла вашу постель и никого в нее не пускаю.

От камина несет горячим сухим воздухом. Березовые поленья горят долго, от них всегда такие крупные и радостно-пурпурные угли. Вдоль стен ровно и мощно источают свет горящие фитили в круглых чашах.

А на столе меня ждет удивительная карта, на которой опасаясь что-то отмечать или черкать: вдруг да отразится в реале.

За окном блеснул свет, словно солнце прорвалось сквозь тучи. С неба пал узкий луч света, настолько радостный и сверкающий, что сердце ликующе подпрыгнуло. И почти сразу по лучу вниз скользнула блистающая, как первозданный свет, человеческая фигура.

Ангел, а это явно ангел, плыл по воздуху прямо на замок. На миг каменная башня заслонила плазменную фигуру, тут же огненный ангел вынырнул с этой стороны, а затем, пересекая двор по воздуху, вошел в каменную кладку донжона.

Я отпрянул от окна, а из стены вышел в плазменном огне ангел в полтора раза выше самых рослых людей на свете. За плечами отливающие золотом огромные прекрасные крылья, мне показалось, что он весь из плазменного света, настолько блестящ и сверкающ, хотя его свет не режет глаз. Доспехи изумительной работы, на широких грудных пластинах панциря горят маленькие солнца, в поясе изящен, через плечо шитая золотом перевязь, но оранжевый огненный меч обнажен, ангел держит его в руке красиво и гордо.

Он взглянул мне в лицо, я онемел, лицо безукоризненное, а глаза как два солнца, смотрят мне прямо в душу. Вокруг бестелесного тела бурлит уже не море, а океан звездных энергий, но я не ощутил опасности, ведь это ангел, это его стихия.

— Сэр Ричард, — произнес он могучим красивым голосом, я ощутил его дружелюбие, покровительство и дружеское напоминание, кто он есть, и что его обращение нужно при-

нимать иначе, чем слова гонца любой важности. — Сэр Ричард, тебе послание...

Я сглотнул ком в горле.

— От кого?..

Лицо ангела почти неразлично, помимо солнечных глаз, вижу только безукоризненной формы высокие скулы и широкий подбородок, что создают общий облик существа, рожденного повелевать. Еще я рассмотрел, как губы слегка изогнуло в усмешке.

— От кого? Такое должен чувствовать сердцем.

Я прошептал:

— Неужто... от Самого?

Из плазменного огня прозвучало:

— Сердце твое чувствует, хотя сам ты и полон сомнений.

— И что... за послание?

— Ты должен укрепить свою власть, — прозвучало из плазменного сияния. — Заставить покориться твоей власти непокорных лордов! И когда вся Армландия будет под твоей твердой рукой, ты должен добиться мира и процветания на отныне своих землях.

— Выполню, — сказал я и поспешно поправил себя, — постараюсь.

— И когда обеспечишь сытость и благополучие, ты должен просветить народ, обучить грамоте! Неважно, благородный или неблагородный восхочет учиться...

— Грамоте? — переспросил я. — Но ведь Иисус говорил, что блаженны как раз тупые и темные. Они, дескать, самые умные... где-то там глубоко внутри, потому их и возьмут в рай. А всякие умники будут гореть в аду.

Ангел кротко молвил:

— Иисус был Сыном Божьим, но все-таки от земной женщины. Кроткой, милой, богобоязненной и красивой, что, как вы понимаете, сэр Ричард, подразумевает некоторую... гм... туповатость, что в женщинах особенно хорошо и ценно. Все мы предпочитаем... гм, красивых, а если учесть, что все люди созданы по образу и подобию...

— Понял, — прервал я. — Господь Бог сам предпочитает

туповатых. Нет, мужчин он предпочитает умных, а женщин... милых и щебечущих. Так что Иисус...

— ...был не прав, — мягко закончил ангел. — Учение — свет, а Иисус по своей молодости полагал, что приятная полутьма лучше... Потому грамотность — одна из приоритетных задач. А также свобода, свобода, свобода! Человек должен реализовывать ее во всех направлениях...

Я слушал, слушал, уже все понятно, сердце стучит, самому страшно до жути, но в то же время задиристость берет верх, а также негодование, что меня стараются обвести вокруг пальца.

Ангел продолжал нравоучать, как я должен себя хорошо вести, это вообще ни в одни ворота, хочу и буду самодуром, я зевнул и сказал с предельным равнодушием, какое сумел изобрести:

— Ладно, кончай трюндеть. Знаешь, морда, пошел нах.

Ангел застыл на мгновение, затем из огня раздалось потрясенное:

— Что?

— Пошел, — повторил я с удовольствием, не каждый день можно послать ангела, — пошел, пошел, пошел... Меня, знаешь ли, уже пробовало разводить и покруче жулье, чем ты! Так что иди и являйся местным простакам. А я хлопец тертый.

Пылающая огнем фигура стала выше, очертания лица стерлись, теперь это сплошной бьющий в глаза свет.

— Да как ты смеешь?

— А вот смею, — ответил я нагло.

— Но... почему?

— Ты прокололся, — сказал я покровительственно. — Теперь понимаешь, почему Творец создал вселенную и отдал ее нам, несовершенным людям, а не вам, ах-ах каким совершенным?

Из плазменного огня донеслось:

— Не понимаю...

— И почему Творец, — сказал я, — послал сына своего, чтобы примириться с восставшим против него человеком и

попытаться спасти его, человека... а не вас, совершенных ангелов? Вот, и этого не понимаешь... А я вот знаю, но не скажу. Так что иди-иди-иди, разводи лохов на вокзалах. Ты попал, хлопец, понял? Я тебе поставил простейшую ловушечку, а ты туда сразу, как дурак... кем ты, впрочем, и являешься.

Он исчез, словно его выключили, уже без торжеств и фанфар, а я хоть и с жалко трепещущим сердцем, но собрался с силами и хлопотал себя по плечу: Бэкон прав, знание в самом деле — сила. Это малограмотные деревенские старушки да еще интеллигенты представляют верных Творцу ангелов светлыми, а Сатане — темными, а я не они, я-то грамотный!

На самом деле Свет и Тьма — понятия условные, больше нравственные, чем физические. И по этому поводу Библия предупреждает, что ни в коем случае нельзя доверять первому попавшемуся ангелу, поскольку тот может оказаться не вестником от Бога, а одним из падших ангелов.

А полагать, что наши должны быть обязательно в белом и чистом, а не наши в темном и коричневом, все равно будто все красивые люди — честные и замечательные, а некрасивые — преступники, фашисты и даже, страшно вышептать, патриоты.

Хороши были бы взбунтовавшиеся ангелы, если бы являлись человеку в виде грязных закопченных чертей с рогами, копытами и хвостами, да еще дурно пахнущих смолой и серой! Кто бы с ними разговаривал...

Но такова уж леньность человеческого сознания. Если не наши — то сплошь гомосеки и спидоносцы, у них на морде написано, что дряни и подонки. Ну, как в старом кино, когда с первой минуты ясно, кто немецкий, а потом американский, шпион.

Ловушечку я поставил в самом деле проще некуда: спросил о Христе. Умным известно, что Божий ангел никогда не будет свидетельствовать против Иисуса Христа и говорить то, что противоречит Слову Божию. Если же ангел говорит не то, что в Библии, или трактует Священное Писание не так, как учил Иисус, то этот ангел послан не Богом, не Богом. Еще апостол Павел предупреждал: *«Но если бы даже мы или Ангел с*

неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет **анафема**».

Снизу доносятся не то крики, не то удалые песни, я уже выучил их наизусть все, но сейчас не до песен, как мне, так и другим. Появление ангела видеть могли многие, и меня прорабывает запоздалый страх: а не расправится со мной ангел за такое хамство? Тем более падший. Ему море по колено, никто не указ, Творцу не подчиняется... Он же меня как Бог черепаху...

Однако, насколько помню, ангелы все-таки ограничены в своих возможностях. Да, могут мгновенно переноситься на любые расстояния, их не удерживают ни двери, ни стены, ни горные хребты: бестелесность рулит, однако ангелы не знают будущего, не понимают смысл пришествия Христа, не постигают помышления не то что Творца, но даже людей... Вообще-то будущее иногда предсказывают, но всегда только по откровению свыше. И вообще, еще раз: этот мир Бог создал для человека, и только человек в нем царь, слуга и свинья в одном лице. А все остальные либо служат ему, либо пошли вон.

Так что навредить мне — руки коротки. Все эти драки человека с ангелом или чертом — оставим для безграмотного Голливуда и самых тупых, что называют себя интеллигентами и читают высокую прозу. А я все-таки не они, я ж умница, вовремя все усек...

Глава 2

В коридоре как будто море осторожно шумит, я с некоторой опаской распахнул дверь. Толпа рыцарей, некоторые даже в доспехах и при оружии, стоят плотной стеной, как застывший девятый вал. За их спинами челядь, эти как селедки в банке, но и благородные, и простые смотрят на меня с благоговейным ужасом.

— Что-то случилось? — спросил я.

Сэр Растер гаркнул:

— Сэр Ричард, да все видели, как в небе блеснула звезда, а

потом понеслась к нашему замку! И, превратившись в величественного ангела, вошла сквозь стену в ваши покои!.. Мы тут же, честно говоря, примчались. Даже ваши голоса услышали через дверь, только слов не разобрали...

Я протянул:

— А-а-а, вот вы чего...

Сэр Растер перекрестился, за ним перекрестились и остальные. Даже сэр Альбрехт осенил себя крестным знамением.

— Сэр Ричард, — воскликнул он, — но ведь ангел же!

Я пожал плечами:

— Ну и что? Мне, как паладину, с кем только не приходится общаться. Святость, она, знаете ли, накладывает, а то и налагает даже... Это так, трудовые будни паладина. Не обращайтесь внимания. Просто другие ангелы прилетали тайно, чтоб народ не отвлекать от нужных и важных дел. Вас вон даже из-за стола подняло из-за такой ерунды...

Сэр Растер воскликнул с чувством:

— Да! Из-за стола!.. Не подняло, а прямо выдернуло! Но мы вот такие, бегом даже из-за стола с хорошим вином ради такого зрелища... А что? Это к вам стаями, а я ни одного близко не видел! И что он сказал?.. Ох, простите...

— Да ничего особенного, — ответил я буднично. — Что может мне сказать ангел, чего я сам не знаю? Вы меня удивляете, сэр Растер... Что-то я и так знал, о чем-то догадывался. Обычная рутина... Ребята, вы не отвлекайтесь, не отвлекайтесь!.. Сколько той зимы? А в походах не до застолий будет. Идите догуливайте и догулёвывайте. Подумаешь, ангел! Да хоть и архангел...

Расходиться не стали, прежним составом двинулись по направлению к нижнему залу, где слуги уже успели сменить блюда и вина на столе, а не успели — выдрать лодырей...

Только сэр Макс задержался, в чистых голубых глазах безмерное уважение, он прошептал с великим почтением:

— Как много вы знаете... И слова все такие новые...

— Да, — ответил я горько, — есть страны, где это самое главное. Много слов, разных и раскудрявленных, и... ничего за словами.

Он спросил осторожно:

— А вы оттуда сбежали в Армландию?

— В самую точку, Макс. Только раньше я не знал, что сбежал. А теперь знаю.

Он сказал по-юношески радостно:

— Ну вот и хорошо. И для нас.

— Спасибо, — сказал я, — но теперь, когда я понял наконец-то, что сам не хочу возвращаться, легче не стало. Потому что ориентиры неожиданно поменялись. Или хотя бы сместились. Я ведь пер напралом на Юг, на Юг, на Юг, как три сестры в Москву, даже по сторонам не смотрел! Может быть, уже задавил кого. А на Юг только потому, что оттуда надеялся с помощью магов в свое королевство...

Он спросил почтительно:

— Сэр Ричард, вы там были королем?

Я отмахнулся:

— Да ерунда это все. В чем-то и повыше короля и даже императора, в чем-то ниже простого кузнеца, дело не в том. Я шел не к той цели, а когда вдруг понял, что пру не туды... тут-то от меня и ушла карта! Сейчас вот сижу, как Будда какой, мыслю... представляешь?

Он с печалью в глазах покачал головой:

— Не представляю... Вы же рыцарь!

— Я тоже раньше и подумать такое не мог! Что за дурь — мыслить? Когда все промыслено, взвешено и решено благодетелями за нас, нам остается только развлекаться... И вот сейчас думаю, думаю, будто лошадь какая. Ладно, беги, а то и ты таким станешь... Вдруг это заразно?

Он послушно побежал догонять остальных, а я в самом деле думал и думал, уже не как лошадь, а как целый табун. Стремление на Юг, как ни странно, не утихло, но теперь понимаю, что сейчас это вовсе не попытка ушмыгнуть в прежний мир. А еще крепнет желание в этой гребаной Армландии переделать и перестроить, создать совершенный мир коммунизма, где церковь устраивает крестовые походы за веру и разрабатывает в монастырях атомные реакторы, олигархи качают нефть и все такие добрые и гуманные, а счастливый народ поет, танцует и размахивает флагами...

...Снизу доносится мощный рев, под сводами нижнего зала гремит боевая походная. Чувствуется энтузиазм, все видели ангела, теперь все сметем: с нами Бог, кто против нас?

Если кто и сомневался в моих возможностях рулить в Армландии, завоевывать и перекраивать, «чтоб всем было хорошо», то теперь уверовали, ликуют и умиляются, а за мной готовы хоть в преисподнюю. Я слушал, улыбался, кивал, хорошо знаю насчет энтузиазма. Пока им горим, готовы хоть Царство Небесное для всех людей на свете строить, то есть коммунизм, но энтузиазм постепенно испаряется, нельзя вечно им жить, даже долго удастся продержаться далеко не всем...

Но с охваченной энтузиазмом толпой спорить бесполезно. Самое толковое — это соглашаться и медленно и неторопливо поворачивать эту толпу на другую дорожку, уверяя, что все так же прём прямо и бесстрашно к светлому будущему.

Радостные вопли перехватили меня на середине лестницы. Рыцари дружно встали с наполненными кубками в руках, сэр Растер мощно прокричал здравицу в честь сюзерена, к которому ангелы прилетают, как мухи к цветам.

Я посмотрел на него с подозрением, но Растер и сам не понял, что сумничал не совсем то, да никто и не вслушивается в слова, интонация и могучий властный голос важнее. Все орали, протягивая в мою сторону кубки, потом лихо опорожняли, за сюзерена нужно до дна.

Вскинув руки, я милостиво улыбался и спускался, стараясь не оступиться на покрытых красным сукном ступеньках, слишком мелких для сапог моего размера.

— Все сделаем, — сказал я в ответ на радостные вопли, — все сделаем...

— Ура! — прокричал сэр Растер.

Я уловил иронический взгляд барона Альбрехта, но назло ему солнечно улыбнулся и сказал:

— Да-да, ура мне.

Мне кричали здравицу и когда я вышел в холл. Там холодно, а под дверь, несмотря на все ухищрения, ветер забивает снег. Три шубы висят на крюках, чтобы сразу можно накинуть на плечи и выскочить во двор.

Я ожидал увидеть метель, доверяя сэру Растеру, но день ясный и солнечный, морозец не чувствуется, двор вот уже несколько дней как вычищен до каменных плит.

Мысль продолжала тянуть ту же нить, словно из старого ленивого паука: проще всего, конечно, собрать нужную мне команду, приготовить все необходимое для постройки замка... или там на Юге нет замков?.. и отправить все это на корабле. А самому прыгнуть через туннель. Не сразу, а прикинуть, что плыть будут примерно с месяц, вот и успеть туда за сутки. Но этот великолепный и рассчитанный на мои уникальные возможности план разбивается о самую простую вещь: я не знаю, в каком месте южного материка находится нуль-туннельный выход.

Наверное, придется все-таки сперва туда самому, но на этот раз добраться до обитаемых земель. По возможности приобрести карту, чтобы провести линию от места высадки корабля до той странной выжженной пустоши.

Через холл прошмыгнул человек в шубе, я остановил окриком:

— Миртус! Что-то редко вижу тебя. У тебя как с работой?

Мой дворовый маг отвесил торопливый поклон.

— Ваша светлость, работы продвигаются...

— ...над созданием философского камня, — подхватил я, — который сделает меня богатым, вечно юным и даже исполненным необыкновенной мужской силы!.. Миртус, оставь эту хрень. Ты столько раз уже говорил ее предыдущим властелинам, что теперь вроде отченаша. Меня это не интересует, я тебе уже говорил, а ты все никак не поверишь. А интересует меня, как я тоже говорил, даже не магия!

Он смотрел настороженно, замер в согбенном положении, готовый к немедленному поклону, как истинный интеллигент.

— Будешь заниматься наукой, — сказал я со вздохом, — меня, собственно, интересуют больше плоды науки, но, увы, их сперва нужно вырастить. Потому сосредоточимся на самых приоритетных. То есть тех, что дадут немедленную при-

быль и удвоение взвэпэ. Ну, взвэпэ пока оставим, как и фундаментальные исследования, а прикладными займемся.

Он суетливо поклонился.

— Что угодно будет приказать?

— Сам еще не знаю, — признался я, — с чего начинать. Во-первых, твоя лаборатория маловата. Ерунда это, а не лаборатория. Пришло время не кустарей-одиночек, а коллективного творчества! Скажем, научно-исследовательского... гм... коллектива. Я вот сейчас хотел было сказать, что подберу помещение побольше, но сам же и засомневался. Не фиг приспособливаться под природу, надо нам самим ее нагибать и приспособливать под себя и свои неотъемлемые нужды. То есть есть у меня смутная задумка построить большой замок! А там, естественно, хорошо бы не подвальчик для твоей лаборатории, а настоящий... да, что-то помасштабнее. Правда, тебя это не касается, ты же высоколобый... Честно говоря, мне казалось, что мне есть что тебе сказать, а выяснилось, что пока нечего. Тяжело быть феодалом! Главное пока запомни: никакого философского камня! Никакого эликсира бессмертия! Только основы механики, математики, геометрии... и всего, что на их основе можно смастерить нужного для хозяйства. Ага, вот еще! Я уже пригласил перебраться ко мне кое-каких магов, которых знаю лично я, так что тебе придется работать в коллективе. Конечно, если ты мизантроп какой, то трудись в одиночку...

Он сказал торопливо:

— Нет-нет, вдвоем работать быстрее и легче!

— Приедет больше, — сказал я без особой убежденности. — Так что создадим собственную научную школу. Я тебе тоже вроде бы говорил, чтобы зазывал знакомых магов? Скажи, будут созданы хорошие условия для работы, гранды и бонусы обещаны. Правда, сам отсею тех, кто мозги пудрит обещаниями насчет философского камня. Но только деликатно, не хочу ссориться с научной общественностью.

Его глаза блеснули, но тут же опустил веки, чтобы я не уловил, что он там думает на самом деле.

— И вот еще, — сказал я, вспомнив кое-что из школьной

программы для младшей школы, — для тебя есть особое задание. Серьезное! Нужно создать некий механизм... нет, даже машину! Да, машину. Называется паровым двигателем. Сейчас я тебе быстро набросаю чертеж... Иди за мной.

Он покорно тащился следом через зал, где пирует рыцарство, по лестнице и длинному коридору. От его фигуры веяло такой безнадегой, что едва не отправил обратно.

Но в моих покоях он следил за моими движениями с непроницаемым лицом, ни словом, ни взглядом не выдал отношения к тому, что может начертить сеньор, искусно владеющий копьём и мечом. Я тоже помалкивал, пока быстро не набросал схему. Миртус добросовестно таращил глаза, я водил пальцем по рисунку.

— Видишь, котел?.. В него наливается вода, обыкновенная вода. Не святая и не чародейская. Ее кипятим, пар выходит по этой трубке и толкает вот эту пластину, а она поворачивает вот этот вал...

Он спросил с поклоном:

— А почему пар будет толкать ту пластину?

Я спросил в свою очередь:

— Ты когда-нибудь бывал на кухне?

— Бывал, ваша светлость.

— Неужели не видел, как подпрыгивают крышки кастрюль и даже котлов, когда закипает похлебка?

Он ответил медленно:

— Да, но...

— Что? — переспросил я. — Ага, врубился?.. Если тяжелую чугунную крышку котла подбрасывает, то это сила? Надо только котел покрепче, а то разор-р-р-рвет. Пар — он такой, свободная натура, ему все равно куда, лишь бы на свободу. А мы такие, дадим, но сперва пусть покрутит эти лопасти... Словом, суть ты понял. Понял? Ну, а сработает или нет, увидим, когда все будет готово.

Он взглядом попросил разрешения взять чертеж, хотя, думаю, и так все запомнил. Просто нужна страховка, чтобы когда ничего не получится, указать на чертеж: вот, все сделано, как вы мудро изволили велеть...

— Миртус, — сказал я вдогонку, когда он был уже у двери, — я мог бы прикинуться эдаким гением, чтобы ты меня совсем зауважал... по-настоящему, а не так, как сейчас, но скажу правду: не я придумал эту штуку. Это давно пашет в моем прошлом королевстве! Так что берись, не думая, что я дурак. Я дурак в другом, а в этом не совсем уж круглый... Все получится.

Он впервые за время разговора улыбнулся.

— Спасибо, ваша светлость. Начну прямо сейчас.

Глава 3

Слуга внес на широком подносе золотые кубки, украшенные драгоценными камнями, молча поставил на стол глиняную бутылку с множеством выдавленных печатей. Ему явно хотелось остаться обслуживать сеньоров и заодно послушать их речи, но я отослал его жестом, сам взялся наливать себе и барону.

Сэр Альбрехт пригубил вино, вскинул брови.

— Прекрасно! Тонкий аромат, дивный вкус...

— Знаете, барон, — сказал я с досадой, — вы бы хоть раз сказали правду! А то все у вас прекрасное, дивное, замечательное, редкое, отменное... Я уж и не знаю, когда в самом деле хорошо, а когда брешете, как самый что ни есть шелудивый пес в крестьянском дворе.

Он слегка приподнял бровь, взгляд стал ироническим.

— Дорогой сэр Ричард, я же воспитанный человек благородного сословия! Ну что мне, трудно сказать хозяину приятное? Все равно как любой женщине можно говорить, как молодого выглядит. И как сегодня особенно свежа!.. Все довольны, всем нравится, а значит — я в их глазах милый и замечательный человек!.. Но, вспомните, я вам никогда не комплиментю, когда касается серьезных дел. И сейчас вот напому неприятное...

— Ну-ну!

Он сказал холодно:

— Вам предложили гроссграфство, однако власть над

Армландией должны устанавливать сами. Из той части лордов, что признают вас гроссграфом, некоторые могут выделить в помощь войско, хоть и немного, остальные же останутся с интересом следить, как попытаетесь нагнуть остальных...

— А кто из лордов отказался признать мое гроссграфство? Он пожал плечами:

— Сразу не скажешь.

— Почему?

— Часть не признает именно вас, а другие — никого. Им вольготно быть крохотными королями в своих владениях.

Я сказал настороженно:

— Но это нехорошо. Я насмотрелся на самоуправства маркиза де Сада, Синей Бороды и его жены Салтычихи... так что не надо про свободы! Лучше уж абсолютизм, чем такие свободы олигархов. Давайте перейдем к тому столу, там пошире. Поглядим на карту.

Он пропустил мимо ушей упоминания о непонятных личностях, вино все же допил, значит, не совсем дерьмовое, а может, это не он осушил кубок, а хорошее воспитание это сделало. Пойми воспитанного человека, эти всегда брешут, из-за чего всегда уютно и приятно находиться в их обществе.

Я раскатал рулон с картой, края прижали кинжалом, чернильницей и тяжелыми золотыми кубками.

— Вот смотрите, — произнес он трезвым голосом, — здесь ваши сторонники. К счастью, их владения граничат одно с другим, они выступают как единое целое. Этот вот край — против вас. А эти лорды, смотрите, просто разбойники. Воспользовались удаленностью от короля Барбароссы, слабостью центральной власти...

Я навис над картой, изучая диспозицию. Среди гор, если присмотреться, можно рассмотреть красивый гордый замок.

— Здесь кто?

— Очень точно, — заметил барон одобрительно. — Поздравляю, вы сразу отыскиали самое важное звено в обороне противника. Хотя, конечно, противник — лорды, когда всяк сам за себя, но это замок самого сэра Белоголового.

— Самого, — пробормотал я. — А чем он славен?

— Прежде всего, — ответил барон, — твердыня несокрушима. А еще она, как видите, на вершине горы. Она так и называется — Орлиная. Графа Белоголового одолеть можно только на равнине. Да и то если будет только со своим личным войском.

— Вассалов много?

Он вздохнул.

— И вассалов, а еще больше — родни. Все, как один, отважные рыцари. Сердца кипят доблестью, души жаждут подвигов. Сэр Ричард, начинать нужно не с Орлиной горы и не с Орлиного замка.

— А как?

— Сперва покорить, — сказал он наставительно, — тех, кого проще. Если под вашей властью окажется больше половины Армландии, еще часть можно склонить на свою сторону с помощью переговоров. А с оставшимися то ли воевать, то ли с помощью взаимных уступок...

Я внимательно всматривался в карту. Голова начала кружиться, я перешел на телескопическое зрение и теперь старался не шевелить головой и даже не двигать глазами яблоками, а то изображение слишком резко прыгает из стороны в сторону.

— Три ряда стен, — напомнил барон. — Представляете? Это три крепости, вложенные одна в другую. Двадцать исполинских башен из таких глыб, которые не пошатнуть никакими ударами таранов. Только в башнях может разместиться огромное войско, а что говорить про саму крепость?.. Известно, что когда семьдесят лет тому здесь проходил император Гард Беспощадный, он даже не попытался остановить свое огромное войско, чтобы захватить крепость. Он сразу увидел, что ее не взять, а терять время и репутацию искусного воителя не хотел. Сейчас там лордом, как я уже сказал, сэр Белоголовый, воин умелый, решительный и донельзя отважный. За ним идут в бой охотно, потому что первым бросается в бой, а выходит из него последним.

— Это хорошо, — сказал я задумчиво.

Он взглянул на меня быстро.

— Даже и не думайте! Он не дурак. Увидев со стен большое войско, просто запрет ворота и не высунет носа.

— А осада?

— Говорят, у него несметные запасы. Может спокойно пережить осаду хоть двадцать лет.

— Это хорошо, — повторил я.

— Чем же хорошо?

— Что он так думает. И что другие так думают. И что даже вы так думаете! Уверенность порождает беспечность. Лишь бы не применили никаких магических штук...

Он спросил настороженно:

— У вас есть какие-то подозрения?

Я покачал головой:

— Нет. Когда я захватил свой первый замок, я был один. А замком правил могучий колдун. Остальные даже не успели вмешаться. Второй и третий замок принадлежали грубым и диким воинам, что сами недавно захватили те крепости и не успели еще укрепиться. Но здесь, как я понимаю, замки родовитой знати.

— Верно. И что из этого?

Я вздохнул.

— За что еще уважаю церковь, так за узду, которую хочет набросить на человечество. Чтобы все — в пределах правил. Хоть война, хоть семейная жизнь. Даже привычки, с какой ноги слезать с постели, а с какой заходить в туалет. Потому и магию уничтожает, что от магии столько неожиданностей... Я вот тоже не хотел бы, чтобы по нашему войску пальнули из магических орудий. Или чтоб его атаковали невесть откуда взявшиеся драконы! Или мертвецы вылезли из могил.

Он подумал, кивнул.

— Вы правы, сэр Ричард, — сказал он неохотно, — у некоторых есть всякие штуки. Разные. Все помалкивают, все-таки церковь осуждает, да и не по-рыцарски таким пользоваться... Но когда припрет, кто-то может и ухватиться за последнюю возможность спасти шкуру и защитить замок!

— То-то и оно, — сказал я хмуро. — Одно дело, когда

только у тебя, другое — когда и у других. Ладно, будем работать и над этим.

На другой день Миртус долго сверялся с картами и справочниками, рискуя тем, что сочтут неумехой, другие маги отвечают быстро и бодро, наконец сообщил осторожно, что трое суток будет ясная погода, а потом придет большая снежная буря. Каждый год налетает день в день, так что наверняка все повторится...

Сэр Альбрехт спросил скептически:

— А может и не повториться?

— Может, — ответил Миртус, он взглянул на меня исподлобья, — но вероятность мала.

— А точно сказать не можешь? — спросил Альбрехт настойчиво.

Миртус вздохнул и развел руками:

— Думаю, никто не может. Даже великие маги не могут поменять лето и зиму.

Я прервал:

— Хорошо, Миртус. Можешь идти... пока. Но скоро понадобится. Я планирую поход, ты пойдешь с нами.

Он охнул.

— Ваша светлость... зимой?

— Да что вы все про зиму, — ответил я с досадой. — Другие ведь зимой тоже спят? То-то. Ладно, иди.

После его ухода Альбрехт произнес задумчиво:

— Сутки на сборы, а еще двое на то, чтобы добраться до Орлиной горы. А там нас буря благополучно погребет под снежным саваном. Все войско. Косточки отыщутся только весной.

— Всегда слушаю вас с удовольствием, — сказал я. — Вы такой оптимист, барон, такой оптимист!

Замок гудел от подвалов до крыши, никто никогда не воюет зимой, однако сеньор куда-то собрался, немислимо, все же, к моему облегчению, рыцари оживились и быстро собрались в нижнем зале, уже в доспехах и при оружии. Я спустился с лестницы нарочито замедленно, все-таки заставляю

себя хотя бы внешне выглядеть крупным феодалом, отечески улыбнулся и вскинул руки в приветствии.

— Счастлив видеть вас... в полном боевом! Надеюсь, все это пригодится.

Сэр Растер спросил торопливо:

— В поход?

Альбрехт сказал негромко:

— Сэр Растер, хоть иногда думайте, что спрашиваете.

Растер ответил обидчиво:

— Если сначала думать, а потом говорить, то другой успеет вставить свой анекдот раньше!

Я ответил Растеру и всем:

— Да, предстоит небольшая прогулка. По непроверенным агентурным, но заслуживающим доверия данным, нам придется столкнуться со злобными и ужасными орками!.. Так что будьте готовы. Кто чувствует себя плохо после вчерашнего перепоя, может остаться. Кому-то нужно охранять замок в наше отсутствие.

Выступили прямо с полудня; застоявшиеся кони достаточно бодро пошли по накатанной крестьянами дороге, солнце светит яркое, ясное, небо синее. В арьергарде на спокойном мерине едет Миртус, нахохленный и недоумевающий, с ним мешок всяких колдовских снадобий. Сэр Растер то и дело останавливается, пропуская мимо себя рыцарей и простых ратников. Он назначен главой основного отряда, горд настолько, что сам ржет, как его конь, придирчиво проверяет боевую готовность всех, даже рыцарей Макса, которым я отвел вспомогательную роль.

На десятой миле меня догнал Макс, вид смущенный, заговорил, понизив голос:

— Сэр Ричард, вы не сбились с пути?

— Вроде бы нет, — ответил я, — а что?

— В Орочий лес нужно взять левее, — напомнил он тихо.

— Ты прав, Макс, — сказал я поощряющее.

Он посмотрел на меня с надеждой.

— Мы... обходим какое-то препятствие?

Я покачал головой.

— Макс, ты первый заметил отклонение от маршрута, тебе и скажу первому... Мы не в Орочий лес идем! Мы вообще идем не в лес. Что нам там делать, когда грянет снежная буря?... Но спасибо за доверие, что пошел. На самом деле цель — Орлиный замок.

Он охнул, округлил глаза.

— Сэр Ричард!

— Знаю, — ответил я, — но там нас не ждут. Даже летом никто не пытается взять Орлиный. Зимой же вообще смешно... А уж в снежную бурю...

Он захлопнул рот, подумал, спросил тихо:

— Атака будет во время бури? Когда нас не увидят?

— Примерно так, — ответил я. — Но только примерно. Спасибо за доверие, Макс!

Далеко впереди показался бредущий через целинный снег огромный белошкурый зверь, почти неотличимый от снега, размером побольше полярного медведя, с коротким хвостом и странно-человечьей мордой, даже лицом, хоть и звериным. Он шел легко, взрывая снег, позади остается широкая и утоптанная до самой промерзлой земли колея.

Я ощутил, что этот зверь даже тяжелее и плотнее, чем выглядит: из снега только голова и спина, а движется так, словно идет через легкий туман. Рыцари оживленно переговаривались, кто-то даже взял копье на изготовку, выказывая рыцарскую доблесть и отвагу, но атаковать не спешили.

К нам подъехал барон Альбрехт, Макс вежливо попрощался и попросил позволения отбыть к своим рыцарям. Я кивнул, Макс пустил коня рысью.

Альбрехт задумчиво посмотрел ему вслед.

— Что-то он меня не больно любит. А я ведь его ничем не обидел...

— Он чистый рыцарь, — объяснил я.

— А я?

— А вы не чистый, — ответил я злорадно. — Кстати, что там за зверюка? В моем королевстве такие не водятся.

— Здесь тоже редкость, — ответил барон сумрачно. — Ни-

кто не знает, что за зверь. Никто никогда не видел детенышей.

— На них охотились?

Он хмыкнул.

— С нашими героями как же без этого? Сперва, правда, пытались еще мужики, мех вон какой шикарный... Да только никому не удавалось. Этот зверь, его называли лешака, что-то вроде быка: на людей не нападает, даже не сразу начинает отбиваться.

— А если начинает?

Он отмахнулся.

— Для него завалить рыцаря с конем вместе — пустяк. Но никогда не терзает жертву. Так, сломает шею или раздавит грудь, потом уходит. В конце концов на них перестали обращать внимание. Ходит и ходит. Нам не мешает, мы — ему.

— Но самолюбие задевает, — отметил я, провожая взглядом лешаку. — Ишь, толстожопый... Цари мы или не цари на планете, которую Господь подарил нам?

— Права на царство надо еще доказывать, — напомнил барон. Глаза его насмешливо блеснули. — Как и на гроссграфство.

За сутки прошли половину пути, даже чуть больше, а к наступлению ночи показался высокий частокол небольшого городка, что уже выплескивается отдельными домами и даже улицами за пределы. Я напомнил рыцарям, что никаких бесчинств, мы не на чужой территории, не только грабить, даже насиловать нельзя, это будет прямым оскорблением своего сюзерена.

Впрочем, ночью в городе все равно почти никто не спал: горожане с тревогой прислушивались к веселью благородных, а рыцари разносили таверны, таскали в сараи на сеновалы девок, сэр Альбрехт напомнил строго, что если кто не расплатится, того отчислят из похода, и когда мы утром покидали город, то бургомистр раскланивался и вполне искренне приглашал приезжать чаще.

Солнце с утра встало ярко-красное, я бы сказал, зловеще-

красное, а кто-то из рыцарей пробормотал старую примету: если солнце красно к вечеру — моряку бояться нечего, если красно поутру — моряку не по нутру...

Дорога шла между холмами, пару раз миновали настоящие горы, одна все же покатая, уже разрушающаяся, а другой будто всего несколько миллионов лет, что значит — молоденькая, свеженькая, только что родилась, с блестящей от гигантского разлома поверхностью.

Мы ехали вдоль этой отвесной стены, мимо меня проплывает заснеженная поверхность, кое-где с уступов уже нависают сосульки, я смотрел по большей части вперед, как вдруг будто электрический заряд пронзил тело. С уступа смотрит живыми любопытными глазами ярко-зеленый зверь с приподнятыми для взлета крыльями. Тело покрыто крупной изумрудной чешуей, пасть распахнута, как у собаки, которой жарко, блестят острые клыки, тоже зеленые, все тело налито взрывной силой и жаждой действия.

Лишь в следующую секунду я сообразил, что зверь отлит... или не отлит, а сделан как-то иначе из непонятного мне металла. И сразу пришла оторопь и горестное изумление: ну кому, кому понадобилось это дивное произведение искусства здесь, среди мертвых скал?

Рыцари, проходя мимо, крестились, шептали молитвы, плевали через плечо, хватались за амулеты. Барон Альбрехт, перехватив мой взгляд, заметил ровным голосом:

— Да, такое в наших краях случается.

— И часто?

— Кому как, — ответил он. — Народ привык не обращать внимания. Каждый все еще озабочен, как выжить!.. И рыцари, и даже крупные владетели. А это — остатки старого мира. Крестьяне у нас здоровый люд. Сперва убеждаются: кусается или нет, вредит или нет, потом думают, как приспособить в коровниках и загонах для свиней, а если и это не удастся, сразу теряют интерес. И проходят мимо, не замечая. Ну, как мимо трещин и выступов...

— Да, — согласился я, — сперва нужно накормить народ. И одеть. И обуть. А черед духовной пищи придет потом.

Он покосился на меня с непониманием.

— Духовной? Священники духовную ставят впереди. Никто не возьмет ложку, не прочитав молитвы.

— Я о другом, — объяснил я. — Когда, изнемогая от жажды, ползешь по раскаленной пустыне и думаешь только о глотке воды, весь мир сужается до чашки с водой! Но если доберешься до родника, напьешься от пуза, тогда только и замечаешь: батюшки, да какой же мир, оказывается, огромный! И сколько в нем чудесного!

Барон подумал, кивнул.

— Да только напиться трудно, сэр Ричард. Одному глотка хватит, а другой уже как корова раздулся, а все пьет и пьет! И никогда мира не увидит.

Глава 4

Когда Орлиная гора красиво и гордо замаячила на фоне синего неба с наползающими с востока серыми облаками, барон Альбрехт сказал предостерегающе:

— Снежная буря в самом деле будет нешуточная!

— Зато впереди приз! — сказал я.

— А если застанет по дороге?

— И должно застать, — ответил я. — При хорошей погоде, как вы сами говорили, нас из того орлиного гнезда заметят Бог знает с какого расстояния.

Он нахмурился, покрутил головой.

— Не знаю, не знаю. Зимой не воюют.

— У нас не война, — ответил я терпеливо. — А короткий рейд по захвату чужого замка. Только и всего. Мужайтесь, барон!

Небо постепенно заволакивало серыми облаками. Те сменились тучами, а тучи неспешно превращаются в огромный угольно-черный массив, широкий и тяжелый, как Уральские горы. Поднялся ветер, начал поднимать с земли снег. Сперва дул в спину, как бы обнадеживая, потом заходил то справа, то слева, а когда отдалились от города достаточно далеко и он

убедился, что не вернемся, развернулся и злорадно набросился спереди.

Резко похолодало, ударил мороз. При каждом вдохе в горло забивало снег, а когда я пытался дышать только носом, не хватало кислорода. Пасть жгло, как кипятком, лицо стягивало холодом. Я на ходу прикрывал лицо ладонями, но ветер ухитрялся вдвухать колючий снег даже под веки.

В довершение всего с неба начал сыпать снег, мелкий и противный, даже не снег, а ледяная крупа. Ветер и его подхватывал и с размаха швырял в лицо. Можно, конечно, опустить забрало, но так набивается в щель, а у подбородка начинает то таять, то превращаться в льдину.

Затем пришла настоящая вьюга, я видел только силуэты двух едущих впереди всадников, дальше все скрывалось в белой пугающей тьме. Снег носится вихрями, тугими волнами, ударяет с такой силой, что кони шатаются и сбиваются с шага.

Сквозь белую пелену донесся хриплый голос Растера, больше похожий на лай большого простуженного пса:

— Держаться вместе!.. Не отставать!

Потом я увидел Макса, он суетливо растирал лицо ладонями, склонившись к самой конской шее. Ветер снова сменил направление, я начал тревожиться, что в такой метели просто заблудимся. Небо все темнело, видимость ухудшалась.

Сэр Растер во главе ударной группы догнал меня, прорывал сквозь рев ветра:

— Уже близко!

— Ночь впереди, — напомнил я.

— Ну и что? — удивился он. — Мимо горы не пройдем. Мы, можно сказать, о нее лбом ударимся... га-га-га!

Еще и ржет, мелькнуло у меня в голове. Нет, все-таки я неженка.

Захода солнца никто не видел, даже затянутого тучами неба не видно: пурга со всех сторон, но быстро стемнело, буря начала стихать, зато мороз усиливался. Ветер, сжалившись, дул в спину, словно подгоняя к замку, мол, самому хочется посмотреть, чем все кончится. Я покачивался в седле,

Зайчику хоть бы хны, а у меня все тело окоченело, руки отказываются гнуться.

Усталые кони едва передвигали ноги. Мы рассчитывали достичь замка к вечеру, а сейчас уже ночь, а мы не добрались даже к подножию Орлиной горы. Ветер снова зло и пугающе задул прямо в лицо, но в небе наметились просветы. В слабом лунном луче передо мной бешено неслись мелкие иголки-снежинки. Уши уже не мерзнут, я решил, что вместо них ледышки.

И еще: наступила тишина, я снова услышал хруст снега под конскими копытами, звяканье сбруи, деловитый звон доспехов. Но ветер не утих, просто перестал набрасываться то справа, то слева, а дует свирепо и упорно прямо в лицо.

Снег сыпется, как крупа из прорвавшегося гигантского мешка. Мороз пробирает до костей, я уже проклинал себя за глупейшую затею, когда ветер стих так резко, словно отрезало. И одновременно я услышал его злобный и разочарованный вой, он был совсем рядом, уже не в состоянии дотянуться. Я не верил чуду, и его не произошло, донесся голос Растера:

— Всем спешиться!..

Я наконец понял: нечто огромное заслоняет нас от снежного урагана, это значит, достигли Орлиной горы.

— Охрана! — прокричал Растер. — Позаботиться о лошадях!.. Головной отряд — ко мне! Сэр Ричард, вы готовы?

— Совсем готов, — прокаркал я простуженным горлом. — Но пару слов обращения к народу... Никаких длинных речей, просто запомните: это уже наш замок!.. Наш. Мы не кочевники, что налетели, пограбили и убежали. А раз наш, то рубить там все и убивать всех — нельзя. Кто нам жрать подаст, если перебьем челядь?.. Убивать только тех, кто с оружием. Если оружие бросил — берете в плен.

Сэр Растер пробасил недовольно:

— Да слышали все это, сэр Ричард...

— Я хочу, чтоб и запомнили!

— Да запомнили, — повторил он с тоской. — Что это вы одно и то же...

— Потому что не запоминаете, — огрызнулся я. — Как го-

рохом о стенку!.. Это мой замок, если уж хотите правду. А кто начнет устраивать поджоги, знайте — замыслил бунт и неповиновение сеньору!

В ответ прежнее молчание, но я чувствовал, что это проняло больше, чем абстрактные призывы к гуманизму.

— Все, — закончил я, — иду, иду...

Коней оставили больше потому, что какая-то коняка да ржанет, а это конец операции. Даже я слез с Зайчика, хотя в нем уверен, однако отец я нации или не отец?

— Мы за вами, — заверил Растер.

— Близо не подходите, — предупредил я.

— Но из виду не упустим, — сказал он сурово. — И не приказывайте такое.

Теперь я во главе отряда, на далеком острие. Ветер несколько раз менял направление, я закрывал глаза и вцеплялся в камень. Тропка совсем узкая, и хотя по ней в хорошую погоду проходят даже телеги, но их колеса стучат совсем рядом с бездной...

Проклятый ветер все усиливался. Дорога уже дважды обвилась вокруг горы серпантинном, я одурел и мечтал остановиться и просто умереть вот так на обледенелых камнях, но сзади точно так же пробираются, а то и ползут рыцари и простые воины. Все верят, что их лорд — ого-го, а не охо-хо, и я ломился через встречный и боковой ветер, что то прижимал к стене, то пытался спихнуть в бездну.

Наконец в разрыве белой пелены увидел смутно белеющую, словно облитую молоком, высокую стену. Местный лорд с жиру бесился, выстроив такую высокую: при умелой обороне здесь можно держаться против любого войска вообще без стен.

Стиснув челюсти, я вслушивался изо всех сил, но только завывание бури, шелканье крупной ледяной крупы по обледенелому камню, на котором лежу. Снег уже не снег, а злая ледяная крупа, ветер сечет ею щеки и подбородок, вдвухает не только в пасть, я ее старался не открывать, но и в ноздри. Войдя в личину исчезника, я снова пополз, прижимаясь к земле. Крепостная стена иногда пропадала полностью, толь-

ко крутящаяся белая метель перед глазами, а потом я почти ударился о нее.

Пурга закрывает видимость, какой дурак будет всматриваться в белую кружащуюся мглу, я чувствовал себя почти голым. Все так же в личине исчезника поднялся и побежал к стене, на ходу снимая с плеча крюк с длинной веревкой.

Сэр Растер и его группа затаились за камнями. Снег их постоянно присыпает так обильно, что я забеспокоился, как бы не похоронил вовсе. Крючок на веревке все не желал взлетать к вершине стены, застывшие пальцы слушаются плохо. Даже я за воем и свистом не слышал металлического звона и скрежета. Наконец, разозлившись, я метнул со всей силы. Крюк так и остался там наверху, а когда я подергал, веревка натянулась.

— Ну, — сказал я, — теперь надо вспомнить уроки ползания по канату...

Хрипя и задыхаясь, я карабкался, опираясь ногами на веревочные узлы, перед глазами все ползут и ползут вниз серые глыбы, размножаются они там наверху, что ли. Наконец последний ряд закончился, я увидел поверх стены массивный замок в старинно-добротном стиле. Сдерживая стон, я перевалился на промерзший камень, ветер бросает на него снег и тут же сам сдувает, а я полежал, восстанавливая дыхание и, не восстановив, пошел, как грозный лев, на четвереньках, к башенке привратной стражи.

Дверь закрыта, стража внутри греется у переносной жаровни, какой дурак сунет нос на улицу... Я поколебался, но решил рискнуть, не люблю обнажать меч без надобности, я не мальчишка, а уже гроссграф или хотя бы коннетабль, а это тоже не хвост собачий, это почти государственный.

Обледенелые каменные ступени привели вниз. Я быстро осмотрел систему запоров, предусмотрена трехуровневая система защиты, но где сто мудрецов навяжут узлов, там один Александр Македонский с ходу решит проблему. Я тоже ученый малый, милая: быстро разобрал все гордые узлы: сперва с грохотом опустил подъемный мост, затем поднялись

две металлические решетки, а засов из створок ворот я вытащил уже сам.

Ждать пришлось невыносимо долго, я страшился, что сухой стук падающего подъемного моста услышат даже в замке, но метель ревет и визжит на все голоса так яростно, что никто не высунул носа даже из караульной будки.

Ворота подались, я поспешно сбросил личину исчезника. Ворвались, засыпанные снегом, согбенные фигуры. Сэр Растер, блестя обнаженным мечом, в недоумении огляделся по сторонам.

— Вы что же... стражу порубили прямо в караулках?

Сказать, что не тронул, — признаться в гнилом интеллигентском человеколюбии, и я ответил гордо и с нужной долей напыщенности:

— Берите выше, сэр Растер!.. Я прошел так, что никто и не заметил!

— А-а-а, — сказал он озадаченно, умом понимая, что если я так говорю, то это класс выше, но не принимая еще отважным сердцем благородного рыцаря. — Тогда пусть ими займется сэр Альбрехт... А кто говорил про три ряда крейостных стен? Где они?.. Я с вами в донжон.

Говорит он твердо, что и понятно: самый свирепый и решительный должен быть в самом опасном месте. Из снежной пурги появился Митчелл, тоже блестя обнаженным мечом, очень обескураженный.

— И что? — спросил он почти глупо. — Вот так просто?

— Не спеши, — предостерег я. — Все подтянулись?

— Почти все, — доложил он. — Только Миртуса...

— Что?

— Да двое несут, несут.

— Пусть не спешат, — рассудил я. — Итак, головной отряд — в донжон.

Из белого крутящегося кошмара вынырнула закапюшенная фигура, запыхавшийся сэр Альбрехт доложил:

— Казармы, как вы и велели, сэр Ричард, блокированы!.. Я с вами.

— В казармах много народу, — предостерег я.

— Там я оставил стеречь своих людей, — возразил он. — Две двери подперты, окна закрыты. Никто не выйдет!

— Хорошо. Начали.

Почти всей группой мы пробежали через воюющий снежный ад, за несколько шагов до ворот донжона я сорвал с пояса молот и швырнул в дверь. За воем и свистом даже мы не слышали треска и грохота. Осколки двери исчезли, подхваченные бурей, а белый от ярости ветер злорадно вломился в пролом раньше рыцарей.

Из метели вынырнули двое, волоча Миртуса. Он прохрипел:

— Погодите... Вдруг там магическая защита...

— Успевай, — посоветовал я и, поспешно повесив молот на место, с обнаженным клинком прыгнул в донжон. Буря вбросила в выбитую дверь такую массу снега, что в холле сразу стало по шиколотку, а когда мы пробежали наискось и распахнули дверь в нижний зал, ветер ухитрился и туда вдуть снежное облако.

Язычки огня редких светильников заколебались и погасли. Мы оказались в кромешной тьме. Я поспешно создал шарик огня, и в его тусклом свете все начали разбегаться: группа по лестнице, остальные врывались во все двери, ведущие из зала в каморки, где не только челядь, но любят ночевать и солдаты охраны. К тому же я велел не убивать челядь, но не запрещал насиловать, это уж было бы совсем дико и не только противоречило бы кодексу войны, но и лишало бы половины прелести всех побед и завоеваний.

Запыхавшийся Миртус уже сбросил тяжелый плащ и с двумя амулетами в руках выискивал следы магии, что-то обезоруживал, что-то нейтрализовал, затем взял некий след и метнулся к неприметной двери. Я кивком головы послал за ним двух простых воинов. Те беспрекословно бросились следом, хотя, конечно, всяк мечтает взобраться наверх и пограбить. Я ведь объявил себя хозяином этого замка и подвластных ему земель, но не всякой мелочи, что в кладовках, на столах, стенах, в сундуках.

Наконец под рев врывающейся в распахнутые двери

снежной бури раздались крики, лязг оружия. Ураган резко смолк, это двое рыцарей из группы Альдера закрыли двери и остались там с обнаженными мечами, чтобы никто не ускользнул из захваченного здания. Я напомнил себе, что их надо отметить особо, это суперстойкость, когда приходится стоять на месте и видеть, как другие разносят замок, убивают, грабят, насилуют, упиваются торжеством победителей.

По всему замку уже не бой, а резня, я запоздало крикнул барону Альбрехту:

— Надеюсь, у графа Белоголового нет трех или десятка прекрасных дочерей?

Альбрехт оскалил зубы:

— Вас это волнует?

— Еще бы!

Он покачал головой:

— Не понимаю вас. Иногда выглядите таким прожженным циником, а иногда о такой ерунде беспокоитесь! Не волнуйтесь, нет у него дочерей. Вовсе.

— А жена?

Он отмахнулся.

— Жена представилась перед Богом полгода назад, а он все выбирает побогаче...

— Слава Богу, — выдохнул я с великим облегчением. — Ну не люблю вытирать слезы всяким там сироткам!.. Мне бы так, чтобы кто-то порешил их до того, как узнаю, что эту досадную проблему уже решили, пусть и негуманно. В порядке сопутствующих неизбежных потерь среди гражданского населения.

— Больно вы сентиментальный, — буркнул он с неодобрением. — Впрочем, политик не должен этим заниматься лично, вы правы. Это пятнает, если лично. Политик должен дистанцироваться, а если где что в его владениях случается вопреки кодексу, то это вассалы, а то и простолюдины пошалили, вы за всем уследить не можете, но все же выражаете сочувствие и сожаление...

Он говорил несколько рассеянно и осматривался с мечом в руке по всему залу. Мне тоже не очень верилось, что захва-

тили неприступный замок так легко. Барон встретил мой взгляд, на губах мелькнула слабая усмешка.

— Вы были правы, сэр Ричард.

— Слишком легко, — согласился я. — Даже не верится. Задницей чувую, что это еще не все...

— А что может быть еще? — спросил он с сомнением. — Впрочем, пойду посмотрю. Сэр Растер иногда увлекается...

Через заснеженный дверной проем вошли Митчелл и трое его людей, Митчелл доложил с ходу:

— Из казармы пытались вырваться.

— И как?

Он кровожадно ухмыльнулся.

— Трех положили сразу. Остальные выходить не решаются.

— Эх, — сказал я с досадой. — Двери же были подперты? Или нет?.. Ладно, пойдем.

Мы вышли в слабый рассвет, восточная часть горизонта быстро светлеет, в небе вспыхнуло красным первое облачко.

Казармой для солдат служит массивное каменное здание, длинное, угрюмое, с узкими окнами-бойницами, зарешеченными толстыми железными прутьями. Двери подперты бревнами, но с той стороны прорубили топорами широкие дыры. На этом наступательный порыв угас: арбалетчики Растера и лучники Митчелла послали в пролом столько стрел, и больше никто не пытался рубить двери.

Снег оглушающее скрипит под сапогами, я подошел к казарме ближе, но встал так, чтобы не всадили болт из арбалета.

— Эй вы там!.. — прокричал я зычно. — Сейчас с вами говорит гроссграф Армландии, великий и ужасный сэр Ричард!.. Эту свинячью постройку, которую здесь именовали замком, я захватил легко и без потерь. Владелец замка убит...

Один из воинов примчался с головой Белоголового в руках и с разбега забросил в выбитые двери. Слышно было, как там раздаются проклятия и звон металла.

Я крикнул победно:

— Убиты все, кто не бросил меч! Вы тоже будете убиты,

если не выйдете без оружия и с поднятыми кверху руками. Мы пленных не берем, понятно?.. С другой стороны, мне нужны люди, которые будут служить мне. Это доступно?.. А вам не лучше ли принести присягу могущественному лорду, который уже доказал свою силу, чем хранить верность дохлому труп убитого?..

После долгой паузы донесся угрюмый голос:

— А что насчет жалованья?

— Хороший вопрос, — одобрил я. — Жалованье останется прежним. Так что ничего не изменится, кроме хозяина. Но хоть какое-то разнообразие, верно?

Через пару минут из казармы начали выходить с поднятыми руками одетые в хорошие доспехи люди, но без оружия и даже без поясов. Я перевел дыхание, все хорошо, кивнул Альбрехту и Растеру, действуйте, а сам вернулся в донжон.

В холле, в зале и даже на лестнице ни одного убитого. Только на втором этаже перешагнул через пару трупов в ночном белье, да еще на третьем несколько убитых лежат поперек коридора, все полуголые, а один и вовсе голый, но с оружием в руках, так что все правильно: сопротивлялись — полуйте.

В дальней комнате трясутся две насмерть перепуганные молодые служанки, пышненькие, накрашенные, с глубокими вырезами платьев. Если вспомнить, что граф Белоголовый был вдовцом, то понятно, какую функцию эти выполняли в его покоях.

Обе бухнулись на колени, хотя от женщин этого не требуется, а я приказал сурово:

— Отравляйтесь вниз. Соберите челядь, уберите трупы, замойте кровь!

— Да, ваша милость, — пролепетала одна, — мы все сделаем...

— Ваша светлость, — поправил я грозным голосом и пошел с мечом наготове дальше, проверяя комнаты, гардеробные, покои для сна.

Хотя до меня здесь уже прошли, видны жадные руки, срывавшие золотые безделушки даже со стен, но все же в

жадности за добычей что-то могли и недосмотреть, а у меня глаз уже наметан.

Миртус привел двух невзрачных мужчин, оба сразу бухнулись на колени и покорно склонили головы.

— Местные маги, — объявил Миртус. — Кулан и Кеттен. Кулан — автор трактата о лесных зельях, а это его ученик. Их застали врасплох, они ничего не успели сделать...

— А могли бы? — спросил я.

Миртус нехотя кивнул.

— Урон бы нанесли.

— А защитить замок?

Он поколебался с ответом.

— Думаю, в одиночку нет, но этого и не надо. Достаточно было поднять тревогу и чуть задержать нас...

Я кивнул:

— Верно. И что ты предлагаешь с ними сделать? Миртус, ты теперь главный!

Оба пленника смотрели на него со страхом и надеждой. Миртус заговорил торопливо:

— Не хочу сказать о них плохо, ваша светлость, но от людей нашего сословия не требуют присяги и верности. И работали они не над укреплением замка, этого от них тоже не требовалось, а добывали философский камень...

— Добывали?

— Искали, — поправил он себя.

Маг, который Кулан, вставил торопливо:

— Мы уже близко подошли!.. Осталось чуть-чуть...

Миртус быстро посмотрел на меня, приказал ему внятно:

— Заткнись.

Я сказал размышляющее:

— Мне их верность не нужна, да и вообще наука должна служить истине, а не человеку. Но времена жестокие, так что, если хотят жить, пусть присягнут в верности и послушании тебе. Отныне ты — господин их жизней, а также научной деятельности. Меня задолбало повторять всем, что мне нужно, так что сам все и объяснишь. И еще... Миртус, моя казна не бездонная, но ты смелее обращайся за финансированием. Тем более теперь, когда у тебя двое, как понимаю, помощников.

Маги смотрели на Миртуса с отчаянной надеждой. Тот, вместо того чтобы надуться от осознания своей важности, напротив, съежился, будто от неловкости.

— Да-да, — произнес он торопливо, — они будут хорошими помощниками... Можно им встать?

Я кивнул и небрежным движением длани отправил магов прочь.

Глава 5

В нижнем зале загредел нелепый страшный пир. Пылают два больших камина, рыцари развешивают на металлических прутьях промокшую одежду, а украшенные ссадинами и кровоподтеками челядины поспешно таскают на стол все съестное, что отыскалось на кухне, а также, конечно, вино и еще вино.

Дрожащий от ужаса повар с помощниками спешно готовил для захватчиков, Митчелл отыскал музыкантов и заставил их под угрозой немедленного повешенья играть хорошо и весело, а служанки в разорванных платьях и с заплаканными мордочками, поджимали покусанные губки и робко заносили в зал новым хозяевам кувшины и глиняные бутылки с вином.

Я видел, что каждую из них уже не раз изнасиловали, мужчин в замок ворвалось все же побольше, чем здесь женщин, но помалкивал. Сейчас все еще в упоении короткого и яростного боя, ослепительной победы, которой надо насладиться по самой полной. Насколько я помню, захваченные города всегда отдавали на разграбление победителям, разница была только в сроках: иногда на сутки, чаще на неделю, но обычно устанавливали для этого три дня, а потом в силу вступал закон, защищающий горожан. И это касается не только Средневековья, так поступали египтяне, римляне, поляки, украинцы, русские, и только в двадцатом веке это кончилось... как официальное, а грабили только как бы сами с молчаливого попустительства властей. Немцы грабили русские города, русские грабили немецкие, хотя и те и другие являлись как «освободители».

А кто я, чтобы отменять самую высокую и могуществен-

ную страсть, рожденную войной, когда любой, врываясь в захваченный город, — полный властелин над честью, имуществом и жизнями побежденных? Как еще лучше продемонстрировать преимущество себя, своего сеньора, своего народа и своей веры, как не изнасиловать женщину на глазах ее умирающего мужа?

Я вошел в зал, все встали и прокричали здравицу. Я видел искренний чистый восторг в ясных глазах рыцарей, теперь они за мной хоть в ад. Сэр Растер полез обниматься, меня тискали, хлопали по плечам, целовали все рыцари, наконец Альбрехт выдрал меня из рук рыцарской общественности, я дал себя оттащить по направлению к лестнице.

— Сэр Ричард, — заговорил он восторженно, — это было великолепно! Я все жду какой-то каверзы, слишком все получилось хорошо, но умом понимаю, что ее не будет. Вы сделали все великолепно!

— Мы сделали вместе, — возразил я.

Рыцари возвращались за накрытый стол, я начал подниматься по лестнице, барон шел рядом, с удивленным видом тряс головой.

— Нет. Все мы понимаем, что замок захвачен благодаря вам. Мы как привыкли?.. Дождаться лета, а затем с развернутыми знаменами ехать захватывать замок. Да еще и предупредив тамошних хозяев, чтобы все по-рыцарски честно!.. Понятно, такой замок, как Орлиный, подобным образом не захватить. Потому и жили так беспечно. Думаю, даже в хорошую погоду охраняли замок так же паршиво.

Я сказал весело:

— Нет, барон, и не уговаривайте!.. Если надо, снова пройдем через такую жуть, но рисковать не будем.

— Пройдем, — подтвердил он. — У нас совсем нет потерь!.. Да ради такого результата можно хоть неделю ломиться через выюгу...

Я взял его за плечи и развернул обратно.

— Идите пируйте, барон. Вы в какой-то мере являетесь там стабилизирующим фактором.

По коридору бодро прохаживаются двое с короткими копьями в руках, лихо отсалютовали, обдав меня винными парами. Я кивком зазвал их в апартаменты бывшего лорда, вдвоем растянули карту на самый большой стол. Здоровенные мужики испуганно крестились и шептали молитвы, глядя, как появляются на карте новые реки, болота, леса, города и даже деревни.

— Во славу Господа, — сказал я внушительно. — Кликните в мои покои... отныне и это мои, сэра Растера!

— Во славу, — ответили они и поспешно отбыли за дверь.

Я медленно обошел стол, как планету звезду, постаравшись посмотреть на Армландию и со стороны Турнедо, и Фоссано, и даже Шателлена. Опасен только Гиллеберд. С королем Шателлена Роджером Найтингейлом — прочный и взаимовыгодный союз, да только между нами зловещий Орочий лес...

Союз останется на бумаге, пока не сумею обезопасить дорогу из Армландии в Шателлен и обратно. А для моих далеко идущих планов обезопасить надо. Хотя, конечно, рудники и в Армландии есть, даже немало, но у меня планы не только далеко идущие, но и грандиозные. Металла потребуется много.

Я нависал, растопырившись, над картой, когда ввалился в комнату сэр Растер: огромный, как тролль, громыхающий, распространяя ароматы вина, жареного мяса, крепкого мужского пота и сурового обаяния.

— Сэр Ричард, — сказал он с порога прочувственно, — дайте вас обнять!.. Нам за столом вас так не хватает, ну так не хватает!

— Душой я всегда, — заверил я. — И всем рыцарским сердцем, полным безумной отваги и благородного огня!

Он обнял меня, сказал растроганно:

— Как вы хорошо сказали! Насчет огня и этой... отваги. Я вот все чувствую, как ваш Бобик, а сказать складно могу не больше, чем мой конь. Сэр Ричард, чую в воздухе запах кровавой брани!

Я спросил настороженно:

— Почему? Где? Что случилось?

— Не знаю, — ответил он простодушно. — Но вы изволили послать за мной, а не, скажем, за бароном Альбрехтом...

— А-а-а, — ответил я, — всякий раз дивлюсь вашей проницательности, сэр Растер! Вы, хитрец, работаете под простого такого рубаку, а на самом деле дипломат, мудрец, хитрюга, умелый мыслитель!

Я погрозил ему пальцем, он довольно заулыбался, выпятил грудь и сказал довольно:

— Вообще-то да, вы меня раскусили, сэр Ричард... А в чем понадобилась моя врожденная мудрость?

— В сложном, — ответил я со вздохом. — А еще больше мне нужна ваша приобретенная мудрость, что тоже весьма и весьма... Я почему-то уверен, что вы знаете не только таверны, но и дороги к ним...

— Эт точно, — заверил он. — Какие вас интересуют?

— Меня интересует вот этот лес, — сказал и указал пальцем на карте.

Сэр Растер воскликнул незамедлительно:

— Но это же владения Гиллеберда!

— Знаю, — ответил я. — Вы хорошо разбираетесь в карте. Насколько помню, вы все королевство прошли вдоль и поперек...

Он воскликнул, подкручивая ус:

— Не только, сэр Ричард, не только. Я поскитался всюду, и если где-то слышу, как ребенок зовет папу, на всякий случай оглядываюсь.

— Через этот лес ездили?

Он внимательно всмотрелся в гигантский массив леса, кивнул:

— Да. Пару раз приходилось сокращать путь. Этот лес пользуется недоброй славой. Туда стараются не соваться... Я не побоялся, я ж всегда полон безумной отваги! Да и гнались за мной уже с веревкой наготове. В том лесу еще крепость есть заброшенная... Огромная, но что-то в ней случилось, люди не то вымерли, не то убежали, с тех пор там пусто.

— Точно никого?

— Никого, — заверил он. — Второй раз я там был совсем недавно.

— Тоже от каких-то неблагородных людей?

— Нет, просто так упился, что не соображал, что мне говорят, а поперся напрямик.

— И?..

— И ничего, — ответил он хладнокровно. — Ни души не встретил. Мимо крепости проехал, когда уже чуть протрезвел. В замке темно и тихо, подъемный мост опущен, так я еще на него плюнул. А просто так. Нечего!.. А что? Я такой.

— Лес большой, — сказал я задумчиво. — Даже огромный. Почти вдвое больше, чем наш Орочий... И речка через него течет...

— Сэр Ричард, — сказал он обеспокоенно, — вы что-то задумали?..

— Да есть мыслишка...

Он спросил жадным шепотом:

— Что, лес тот захватим?.. Хотя что я говорю, как можно захватить тот лес?.. Да и зачем он нам...

— Все верно, — сказал я. — Нам он не нужен. Но что лес большой — хорошо.

В Орлином замке обыденная жизнь уже вошла в прежнее русло. Я даже ощутил разочарование, челядь и охрана с равнодушием животных приняли известие о смене владельца. С другой стороны, если все правила те же, то какая разница, как зовут нового лорда?

На другой день я все же пообещал повышение платы, а также снижение налогов. Объяснил тем, что я намного богаче, это чтоб не думали, свиньи поганые, что стараюсь поправиться. Нет, ребята, если что не так, виселица на заднем дворе пустовать не будет...

Сэр Растер и Митчелл с утра налаживают систему наблюдения за подходами к замку и даже к самой горе. Если мы захватили замок неожиданно для хозяев, то пусть не захватят так же нас.

Я сообщил всем, что выведу размять коня, Зайчик в самом

деле довольно ржал и потряхивал роскошной гривой. Спустившись с горы, я наклонился к его уху и шепнул:

— Давай к Орочьему лесу... Мы там уже бывали, ты помнишь.

Он ржанул весело, подо мной дернулось вперед, я не слетел только потому, что рыцарское седло не совсем седло, а нечто вроде кресла, что поддерживает и поясницу, это чтоб не вылетать, как перышко, после первого же удара копьем.

В лицо бьет тугой морозный ветер, снежный вихрь крутит хвостом, как огромный ликующий пес, далеко за спиной. Заснеженный лес только начал вырастать вдаль, как через пару минут мы нырнули под низкие ветви.

Зайчик умерил бег, деревья набегают и проскакивают мимо уже не так быстро, внезапно фыркнул, уши встали торчком. Корова растопыривает уши по сторонам, когда надо прислушаться, а у коней сразу на макушке. Корова не носится вскачь, ей важнее оттенки звуков на своем лугу, потому уши у нее, как локаторы, среди ближних шумов вылавливают опасные, а коням и волкам важнее слышать дальние...

— Еще не скоро, — объяснил я. — Дорогу помню, до крепости с полмили...

Зайчик снова фыркнул, презрительно, но послушно сделал два коротких прыжка. Между деревьями взметнулся снег, с грозным ревом поднялись массивные фигуры, закутанные в меха. Я быстро оглянулся, со спины шагах в десяти из-под разлапистых веток старой ели тоже встают крепкие звероватые мужики с огромными топорами в зеленых лапах. Широкие зеленые морды с мощными челюстями выглядят жутко.

Я поспешно вскинул руку.

— Стойте!.. Я — сэр Ричард, гроссграф Армландии, еду в вашу крепость по важному делу.

Зеленомордые, не слушая, придвигались ближе, на рожах злобные ухмылки, в руках топоры с широкими лезвиями. Широколезвийность функциональности не добавляет, но пугает, да и красивше.

— Кстати, — спросил я строго, — а почему тролли, если лес Орочий?

Один из троллей, в железном шлеме грубой работы и в широких ремнях, перепоясывающих грудь крест-накрест, за-
хохотал громко и раскатисто:

— Орки там, где и ты сейчас будешь! Га-га-га!

— Ага, — сказал я понимающе, — передел собственности, сфер влияния, рейдерство... Кто здесь старший?

— А тебе что?

Трое уже зашли ко мне со спины, а тролль в ремнях любовно поигрывал топором, тролли вообще обожают топоры, смотрел на меня оценивающе.

— Нужен, — отрубил я, — для важного разговора! Дело о благополучии... троллей. Не проводишь к вождю, он сорвет с тебя твою дурную башку.

Тролль зашел сбоку, в маленьких свинячьих глазках животная хитрость и мгновенный расчет, как ударить, разрубить, рассечь...

— А ты это видел? — спросил он и начал неторопливо поднимать топор, наслаждаясь мгновением.

Я вытащил из ножен меч.

— Умный не бахвалится оружием, как дурак. Но взял в руки — действуй!

Он широко замахнулся, готовый разрубить меня вместе с лошадью. Я коротко и сильно ударил. Послышался короткий шелкающий удар, в руке тролля осталась половинка рукояти. Железо рухнуло в снег обухом, выставив острие.

— Ну что? — спросил я, торопливо используя секунду замешательства. — Пропускаете меня в свою столицу? Или лишите своего вождя возможности... э-э... возможностей?

По его морде видел, что с удовольствием лишил бы меня всех возможностей, однако должность начальника отряда накладывает обязательства: он посверкал глазами, порычал и пообещал разорвать меня хоть голыми руками, а потом рыкнул:

— Чак и Гак, идите с ним. Если что — убейте!

— Вот-вот, — одобрил я, — это слова будущего вождя. Коротко и ясно.

Тролль рычать перестал, морда потеряла часть свирепо-

сти, лесть обожает не только Растер. Двое троллей подошли ко мне с боков, морды лютые, за ними встали еще по двое, так что Чак и Гак не рядовые, а старшие в тройках. Что-то вроде ефрейторов.

— Поехали, ребята, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал властно и солидно. — В нашем лесу всегда есть место подвигу, не так ли?

Троль, который Чак, проворчал:

— Это так... У нас пройдешь пару деревьев, свернешь за третье и...

— Хорошая драка, — сказал я со знанием дела, — всегда прекрасно и возвышенно. Если жить без драки — разве это жизнь? Говорят же, если свадьба без драки — не к добру...

Он покосился на меня с великим недоверием:

— И у вас так говорят?

— Ну да!

— Чудно, — проворчал он. — Я думал, только у нас...

Я гордо подбоченился, захохотал гулко и нагло, словно наша команда победила спартаковцев, а потом мы их болельщикам еще и надрали задницы в мощной и красивой месинке на выходе из стадиона и на окрестных улицах.

— Размечтались!.. Крутые ребята есть везде!.. Мы, к слову сказать, тоже тролли... Когда выходим праздновать наш день Тролля, из парка Горького как ветром выдувает всяких там эльфов, гномов, геев и даже рыцарей! Вэдэвэ везде пройдет, с любых высот — в любое место, га-га-га!..

Уже все шестеро держались ко мне поближе, слушали сперва недоверчиво, потом жадно и зачарованно. А я, войдя в раж, рассказывал, как мочим всяких там азеров, геев и прочих черножопых, даже король нашей страны из троллей и не скрывает, даже гордится: время от времени выходит на бойцовский ковер и врукопашную доказывает всяким так слабым эльфам и гномам, что он наш, тролль, никакая эльфячья зараза к нему не прилипла, гномовская экономность и рачительность противна, в любой момент может взять и отобрать все их богатства, га-га-га!

Я оглянулся, удивленный странным молчанием, но оба с

раскрытыми ртами на грубых жестоких мордах смотрят на меня, как дети на волшебника, который достает из пустой шляпы сладкие конфеты.

— Круто, да? — спросил я.

Чак спросил совсем не троллим голосом:

— А как это... король из троллей?

Я отмахнулся.

— А мы, тролли, давно решили жить среди людей. Так удобнее. Люди строят хорошие жилища, они грамотные, а нас, троллей, от грамоты в сон клонит, а то и блевать хочется. Нам бы с пивком посидеть, тролльчиху помять... а лучше — эльфийку заловить. Они такие нежные, пугливые, га-га-га!.. Люди и пиво варят лучше, чем мы. Надо им только объяснить, что нам надо, а то люди бывают таки-и-ими тупыми!

Они охотно заржали, а Чак пробурчал, глядя на меня с некоторым сомнением:

— А все-таки вы...

— Сэр Ричард, — подсказал я гордо. — Да, я хоть и тролль, но уже гроссграф! Это значит — Большой Граф.

— Сэр Ричард, — договорил Чак угрюмо, — вы совсем не похожи на нас...

— Разве что ростом, — уточнил Гак.

— И рассказами, — добавил Чак.

Я захохотал громче, подпустив в свой рев больше грубости, словно сижу в пивной или на трибуне во время футбольного матча:

— Га-га, это вы все сидите в своем лесу, других троллей не видели!.. Да вы знаете, какая мы великая раса? И как нас много?... И какие мы все разные?

Оба слушали жадно, Чак спросил торопливо:

— Да, нам шаман говорил, что еще есть где-то тролли...

Я спросил саркастически:

— Так и сказал?

— Так...

— Еще, — сказал я насмешливо, — что значит еще? Тролли повсюду!.. Есть целые королевства троллей, но больше, конечно, смешанных, где тролли и люди вместе. Они так и

зовутся «Идущие вместе»! И везде с троллями еще как считаются!.. Вы ж понимаете, почему?

Как обалдело промолчал, а Чак сказал мрачно:

— Мы — сильнее...

— И умнее, — уточнил я. — Только не любим это выказывать! Чаще всего тролли вообще правят королевствами. Если в какой стране и выберут королем человека, то он, попадая в окружение троллей — а правительство и олигархи сплошь тролли, — сам быстро отролливается. Так что, ребята, мы рулим!

Тролли повеселели, расправили плечи и на ходу помахивали топорами, срубая ветки. Снег падал с потревоженных деревьев им на головы и голые плечи, но тролли только довольно гоготали и пихали друг друга в сугробы.

Заснеженные стволы наползали навстречу и уходили в стороны. Мы месили снег довольно долго, наконец я услышал слабый запах гари, аромат жареного мяса. Деревья раздвинулись, показалась деревянная стена, ворота со сторожевыми башенками.

Чак выбежал вперед и переговорил с часовыми. Ворота распахнулись, за ними огромная поляна, свободная от деревьев, массивные приземистые дома по кругу, а в центре огромный костер.

Лагерь троллей, на мой взгляд, не слишком отличается от типичного лагеря обычных воинов-наемников. Те же злые вопли, короткие драки, пляски вокруг костров с отрубленными головами противников, отчаянные крики насилуемых женщин, запах жареного мяса, нечистот, крепкого мужского и конского пота...

А здесь даже женщин пока не насилуют, не наловили еще, да и коней нет: поели, тролли предпочитают передвигаться пешими.

Тролли, напомнил я себе успокаивающе, — это всего лишь манеры. Грубая внешность может быть и простой мимикрией. Сколько подростков ходят, угрожающе растопырив руки, словно им горы мускулов не дают прижаться к бокам, смотрят злобно на прохожих, гогочут и плюют им под ноги, чтобы

доказать свою крутость, сколько надевают вязанные черные шапочки, чтобы походить на бандитов!

Если троллей надо обязательно считать какими-то вырожденками, то что тогда, профессиональные спортсмены, рестлеры, боксеры, борцы — интеллигенты, что ли? Да и все футбольные фанаты — это еще те тролли, а то и дотролли...

Но ведь не выбрасываем же из общества. Живут в нашем, совсем как люди. И что-то вроде бы даже делают. По крайней мере, не вредят так уж сильно.

Зайчик настороженно шевелил ушами, глаза стали багровыми, время от времени скалил зубы, и тролли отшатывались, бормоча угрозы под нос. Могучие, как я отметил еще раз, все моего роста, но куда мускулистее, шире в плечах, да и вообще... вдвое массивнее, с низкими лбами и невероятно мощными челюстями. Верхняя и нижняя у тролля занимают половину лица, губы там лишние, только широкая щель для пасти, этого хватает, зато всегда видны огромные, как у коней, желтые зубы. Клыки так и вовсе высовываются, как у кабанов.

Из самого большого дома неторопливо вышел вождь. Громадный и поперек себя шире, шлем на голове похож на перевернутый чугунный котел, но два коротких рога указывают, что да, шлем. Морда из-под шлема смотрится кошмаром: верхняя и нижняя челюсти выдвинуты, словно стремятся вонзить зубы как можно раньше. Левую щеку пересекает глубокий крестообразный шрам, на правой косой рубец идет от скулы и до нижней челюсти.

Голова без всякого дурацкого перехода в шею сидит сразу на широчайших бугристых плечах, маленькие кабанышки глазки смотрят злобно и недоверчиво. В отличие от простых воинов, он в роскошном меховом жилете, распахнутом на могучей и волосатой груди, блестящие плечи блестят, как должен бы блестеть его закопченный шлем, а на перевитые толстыми жилами руки нельзя смотреть без трепета.

— Приветствую, вождь! — сказал я с коня, тут же спешил-ся и повторил: — Привет великому вождю славных героических троллей!

Вождь оглядел меня с сомнением, словно еще не понял: так сожрать или сперва зажарить. Выше меня на два-три пальца, что льстит его самолюбию, грудь по ширине такая же, как у меня вместе с панцирем. Взгляд тут же зацепился за молот на моем поясе, а хриплый и такой густой голос, будто шел из его сапог, проревел:

— Ты им пользуешься?

— Еще как, — заверил я.

— Покажи, — предложил он.

Тролли ехидно заржали, молоты — оружие троллей, а не хилых людей. Я снял молот, взглядом поймал дерево в пяти шагах.

— Смотри...

Стальная болванка понеслась, лопоча по воздуху короткой рукоятью. Тролли не успели повернуть головы, как страшный треск оглушил, словно над головами грянул гром. Дерево содрогнулось от вершины до корней. Середина ствола вылетела, превратившись в щепу, а крона, стряхнув снежную шапку, замедленно опустилась, накрыв многих мерзлыми ветвями.

Молот шлепнул мне в ладонь рукоятью, я задержал его в позиции для нового броска.

— Ну что? Еще что-нить раздрызнуть? Я это дело люблю!

Вождь неожиданно захохотал, глядя, как из-под дерева выкарабкиваются тролли. И другие начали хохотать и указывать на них пальцами.

— Довольно, — ответил вождь между приступами гогота. — Я б такой молот тоже весь день бросал! Га-га-га!

Тролли хохотали и тыкали пальцами в выползающих. Один сильно хромал, над ним ржали, как веселые кони, только одна из самок, в медвежьей шкуре, похожая на медведицу гризли, помогла ему ушкандыбать в сторону домов.

— Да, — сказал вождь довольно, — ты тролль... га-га-га!.. Доказал, га-га-га!

Я поинтересовался:

— И что, здесь не найдется, чем промочить горло?

Вождь посмотрел было на свой дом, но передумал и указал на костер:

— У меня тайн нет. Сейчас принесут эль.

Я сел на поваленное бревно, тролли тут же заняли места на остальных бревнах. Вождь сел рядом со мной. Я еще раз напомнил себе, что троллей надо воспринимать как своих ребят, ну как, примерно, спецназ в боевой экипировке, это когда в кевларовой броне и с сумками, или как омовцев с щитами и дубинками.

В сопровождении гнусно размазанных рыл в нашу сторону шел, загребая кривыми ногами снег, согбенный, но тоже огромный тролль с железной маской на морде, изображающей что-то омерзительное. Голая грудь испещрена жуткими шрамами, один, похоже, рассек жилы, соединяющие с левой рукой, та бессильно висит вдоль тела. Я внутренне подобрался: идет шаман, а это не просто пещерный интеллектual, у него рука повреждена, а у калек мощь из неработающих частей тела перебирается в головы.

Когда он подошел и сел у костра напротив, мне показалось, что уже видел его на экране, то ли как директора Внешнеоборонэкспорта, то ли как председателя подкомитета по вооружениям в Госдуме.

— Что хочет этот шпион? — спросил шаман вождя, игнорируя мою заискивающую улыбку.

Я сказал первым:

— Мое сердце обливается кровью, когда вижу, что не все еще тролли знают о своем великом предназначении! Я потому и пришел, чтобы раскрыть вам глаза и сказать всю правду...

Шаман перебил:

— Какой ты тролль? Ты человек! От тебя и пахнет человеком.

Я заговорил с весомостью египетской пирамиды:

— При всем почтении скажу, что вы тут в лесу знаете... маловато. Мир полон троллей! Тролли везде. А вы думали, только вы и есть тролли? Как бы не так. Я знал троллей, что мелкие, как... как вон ваши дети, но хитрее и ловкие, а еще слышал о троллях, что огромные, как горы!.. Есть тролли северные, есть южные, есть с жадными раскосыми глазами, а есть сплошь берсерки и даже берсеркеры. Потому что мы —

основа! Нас много. И нужно заставить мир с нами считаться. Пора нам выйти из леса, и пусть мир содрогнется от нашего нового порядка!

Тролли тарашились обалдело, потом то один, то другой вскакивали и, потрясая топорами и молотами, орали, что они — великий народ и всем покажут. Наконец уже все орали и бесновались, маска шамана морщилась, повторяя мимику хозяина, а вождь сперва терпел, но поддался патриотическому энтузиазму и тоже вскочил, орал, показывал небу сжатый кулак.

Я вскинул руки, призывая замолчать, тролли затихли, начали рассаживаться, я продолжил грустно и торжественно:

— К сожалению, часть троллей слишком уж часто вступала в связь с животными. Это нормально, мы развлекаемся на всю катушку, но так на свет появились люди и обезьяны. Впрочем, нет худа без добра: люди из-за своей слабости и неспособности первыми научились сдирать шкуры со зверей и укрываться ими от холода. Они же научились вставлять в дубины шипы, а потом и вовсе вышли из пещер и начали строить дома. Так началось расселение троллей по земле, ибо сами люди без троллей не решились бы высунуть из пещер и кончик носа.

— Правильна! — крикнул Чак. — Отвага — это наше все!

Я кивнул.

— И понятно, что пока люди пытались осваивать новые земли, мы, тролли, попросту отнимали уже освоенные, что законно и справедливо!

— Правильна!

— И пока люди, — добавил я, — ковали орала, мы ковали топоры! Вернее, люди для нас ковали, а мы их за это крышевали. В смысле, защищали.

— Правильна!

— Благородные и могучие тролли, — продолжал я хитрым голосом, — вы не догадываетесь еще, что жизнь с людьми дает известные преимущества. К примеру, мы бы так тоже жили в лесах, если бы люди не начали нас привлекать к работам, где сами они не справляются. Сказано, слабый народец... Вот от них мы узнали, что, оказывается, сперва на свете вообще

были только тролли!.. Мы — самый древний народ на свете. Это мы первыми взяли в руки дубины и не выпускаем до сих пор, мы охотились на мамонтов и жгли на кострах всяких грамотеев...

Вождь спросил настороженно:

— Но как же... откуда... другие?

Я отмахнулся.

— Я уже сказал народу, что люди и прочие обезьяны взялись от тех троллей, что оторвались от корней нашего славного прошлого, ушли в искания, выродились, измельчали, а потом вообще превратились в людей и обезьян. Правда, некоторые ушли в горы и там превратились в горных великанов. А мы, основа троллизма, жили прежним укладом, что самый лучший и самый правильный, потому что наш! Эх, как-нибудь, когда будет больше времени, расскажу я вам про наше великое прошлое, которое нужно знать и гордиться, ибо без знания прошлого нет будущего, расскажу про величайших троллей: Аттилу, Чингисхана, Навуходоносора, Тимурленга...

Меня окружали десятки морд с отвисшими челюстями и жадно горящими глазами. Даже шаман заинтересовался, а вождь слушал и в восторге хлопал себя ладонями по ляжкам.

— Разве не лучшее доказательство, — сказал я громко и с пафосом, — нашего величия и могущества — Великие войны Магов?.. Разве кто-то помимо троллей мог затеять такие истребительные войны, когда уничтожается все и вся, когда горит сама земля, испаряются города, леса сгорают, как сухая трава?

В наступившей благоговейной тишине совсем не потроллиному тихо-тихо пискнул Чак:

— И Великие Маги...

— Да, — ответил я твердо и выпятил подбородок.

— ...тоже тролли?

— Я ж говорю, — ответил я, — разве люди так решились бы? Нет, люди только ругаются и обзываются. Это у них называется диспутами, дискуссиями, поисками консенсуса. Люди сами по себе не способны на войны! Тем более кровопролитные. А война, после которой камня на камне, — это наших рук дело! Это лучшее свидетельство нашего величия!

Глава 6

Шаман смотрел на меня с прищуром, я чувствовал, что интеллектуала пробить труднее, надо пробовать что-то еще, я продолжил значительно:

— Наш язык прост, потому что он — самый древний. Еще в пещерах мы говорили на нем, все наскальные надписи Ашурбанипала или Саргона — на языке древних троллей! Отдельные людишки стараются замалчивать или перевернуть это сокровенное знание, но, к счастью, и среди ученых есть тролли! Неопровержимо доказано, что слова за каждую тысячу лет чуть-чуть меняются, но сходства не теряют, и если в самом древнем слове «хлеб» заменить всего четыре буквы, то получится наше нынешнее слово «пиво»! Это неопровержимое доказательство, что все древние великие народы говорили на языке троллей и, значит, были троллями!

Тролли на бревнах вокруг костра хлопали друг друга по плечам и спинам, довольно взрывали. Из домов выходили новые страшные рожи, перли, как кабаны в дубовую рощу, в нашу сторону и останавливались за спинами сидящих. Все как один смотрели на меня враждебно, я торопливо перебирал веские доводы, вождь проревел мне одобрительно:

— Ты много знаешь, браток!

— Ага, — ответил я и прогремел, повышая голос: — А кто нам равен?.. Кто?.. Уж не эльфы ли?.. Да вы знаете, кто такие эльфы?.. Когда я слышу слово «эльф», у меня рука тянется к... рукояти молота! Посмотрите на своих свиней, у вас их полные загоны!.. Присмотритесь, присмотритесь!.. какая главная примета эльфов? Так сказать, их отличительная особенность?..

В озадаченной тишине кто-то неуверенно крикнул:

— Ухи...

— Пральна! — заорал я. — Дайте ему пряник!.. Главное, что есть у эльфов, — остроконечные уши! А теперь сравните с ушами ваших свиней, и вы убедитесь, что эльфы и свиньи не просто в родстве, не просто в родстве...

Масса троллей качнулась и внезапно отхлынула от помоста. Я в недоумении смотрел в зеленые спины, что удалялись

со скоростью миль пять в час, не ждал такого быстрого отклика.

— Куда это они?

— Побежали сравнивать уши, — пояснил вождь. Он переминался на бревне, словно тоже очень хотел ринуться со всеми, а то и впереди, он же вождь, но долг гостеприимства удерживал. — Свиньи в каждой семье... Вообще-то я и так теперь вижу, что да... эльфы, как бы сказать...

— Не просто родня, — сказал я веско, — а свинячье потомство! Люди от обезьян, эльфы — от свиней, гномы — от кротов, а мы, тролли, — от богов, что и правильно!.. Так что мы, как высшая раса, должны вспомнить о своем высоком предназначении и осуществить наконец Великое Пророчество, в том смысле, что собрать части Амулета, остановить Темные Силы людей, не дать проснуться древнему Злу, закрыть разлом между мирами... а также поспасать мир разными способами.

Он слушал обалдело, наконец прорычал потрясенно:

— И все это... нам?

— А как же? — удивился я. — Вы же Избранные!.. Это ваш долг и прямая обязанность перед всем прогрессивным тролльством. Как самые сильные на земле, вы должны установить свое демократическое правление на всей планете и в первую очередь начать с тех земель, где много нефти и газа... в смысле, добычи и баб! Эх, какая у вас впереди славная дорога...

Он потряс головой, стараясь прийти в себя.

— Дорога? Какая дорога? Куда?

— В лес, что помасштабнее, — сообщил я. — В этом вам уже тесно. Мы обнаружили совсем близко лес, который вдвое больше, добычи там немерено, а самое главное...

— Что?

— Там уже готовый замок, — сообщил я с гордостью. — Прямо посредине. Древними Богами все предусмотрено! Для вас старались. В том замке можно и оборону держать, и хранилище устраивать. Вы же героические тролли, вы строить не любите и не умеете, для этого существуют всякие там неполноценные расы людей и гномов! Так вот тот замок как будто создан для вас...

Шаман спросил с подозрением:

— Мне непонятно, к чему ты все это говоришь.

Я перевел дыхание и заговорил уже другим, деловым голосом:

— Мне, как троллю, хоть и другого вида, обидно, что мои сородичи живут в лесу, малом и тесном.

Шаман возразил резко:

— Мы — лесные тролли!.. Мы не любим степей.

Я сказал примирительно:

— Знаю-знаю. Мы, тролли, перемен очень не любим. Очень редко решаемся на них, хотя всякий раз выигрываем. Вон тролли Чингисхана завоевали сто королевств, сожгли их, людей истребили или увели в полон, прошли с победами до самого дальнего моря, до края земли, и теперь везде в тех королевствах с трепетом вспоминают Чингисхана! Те королевства заново заселяли очень долго, га-га-га!.. Впрочем, я уважаю ваши традиции, сам такой традиционалист, потому даже не пытаюсь звать в степи. Не зову даже жить в одних городах с людьми. Но все-таки одну возможность стоило бы использовать.

— Какую?

— Я ж говорю, — напомнил я, — совсем близко есть еще лес. Намного больше, богаче, а со всех сторон богатые города и деревни. Это значит, добычи много с любой стороны.

Слушали внимательно, с жадным блеском в глазах. Шаман недоверчиво качал головой, а вождь произнес задумчиво:

— Да, конечно... Но как туда пройти?..

— Мудрый вопрос, — похвалил я. — Да, все верно, между этими лесами — поля и города. Но я родня или не родня? Я — гроссграф всех окрестных сел, городов и замков! Выставляю могучую охрану, что не позволит не только приближаться к вам всяким там людишкам, но даже смотреть не дадут на ваше переселение!.. Разве вы не достойны великой доли? Почему ваша доблесть и отвага должны гнить в этом лесу?.. Здесь просто тесно! А как же историческое предназначение? А великое наследие предков? В том лесу есть где развернуться, набраться сил, расплодиться, а потом ка-а-а-ак двинуть на этих жалких людишек...

Из домов торопливо выкатывали бочонки с элем. От костров поменьше бегом несли на толстых прутьях куски жареного мяса, еще шипящие и роняющие капли ароматного сока на снег.

Из дома вождя принесли кубки и чаши, к моему удивлению — серебряные и золотые. Медные достались тем, кто расположился у других костров, а здесь гуляет знать: нет в мире равноправия.

— За победу! — сказал я, перехватывая инициативу. — За наше великое будущее! Разве мы его не достойны? Разве не мы слезли с деревьев, вышли из пещер и переплыли океан? Разве не мы создали самую могучую державу в мире?.. Не пора ли вернуть прошлую славу?

Тролли ревели и потрясали топорами, расплескивая эль. Мы выпили с вождем и даже с шаманом. Вождь быстро пьянел, громко и нескладно ревел боевую песню, где часто повторялся припев «Мы всех порвем!», шаман же как будто трезвел с каждой осушенной чашей, глаза из-под маски поглядывают остро и со все возрастающей подозрительностью.

— А как мы отыщем тот лес?

— Он уже отыщен, — ответил я бодро.

— А переберемся?

— Я же не только тролль, хоть и частично иноземный, — заверил я, — но и властелин над людьми! Я прибуду с большим обозом. Сколько нужно саней? Двадцать? Сорок?.. Сто?

Вождь прорычал в героическом порыве:

— Пятьдесят хватит!..

Я обвел взглядом троллей, что высыпали из домов и сидели у множества костров.

— Не мало?

— Воины пойдут пешком, — сообщил вождь. — На санях только вещи и дети. У нас даже женщины идут рядом с мужчинами!

— Равноправие, — сказал я с восторгом. — Как этого не достаёт примитивным людишкам! Когда же наконец мы распространим этот благородный принцип на все человечество?

...Зайчик, нажавшись у троллей железа, неся подобно стрижу над стоячим озером. Тролли, как дети, узнав, что он ест камни, таскали камни, а когда услышали про железо, то выдергивали даже гвозди из своих домов, только бы посмотреть, как дивный конь хрумкает их, как морковку.

Конечно же, после этого ни у кого не осталось никаких сомнений, что я тролль, самый настоящий тролль. И когда я вскочил в седло, меня бежала провожать не только радостно вопящая детвора, но и ликующие родители.

Снежный вихрь завивался спиралью далеко за нами, а борода в снегу оставалась не глубже, чем если бы пробежал толстый заяц. Разгоряченный элем, обилием сожранного мяса, я не успел промерзнуть на встречном ветре, как показался Орлиный замок.

Стражники приветствовали меня довольным ревом, я отчески улыбнулся и проскакал во внутренний двор. Зайчика перехватили, из донжона высыпали рыцари, некоторые с кубками в руках, морды красные от выпитого, глаза вообще как у вампиров. Сэр Растер вышел, как закованная в железо скала, под ним прогибается не только крыльцо, но и сама земная твердь.

— Сэр Ричард!.. Сердце мое стучит в предвкушении...

— Чего? — спросил я. — Да уберите этого противного коня, что прикидывается собакой! Он меня затопчет.

Сэр Растер проревел:

— Вы куда-то ездили!

— И чё? — спросил я.

— Вы зря никуда не ездите, — уличил Растер под одобрителный рев. — Вы настоящий лорд, сэр Ричард! Все о нас думаете, все о нас... Это на Митчелла я мог бы подумать, что поехал свежих баб искать, еще на Макса... тот за прекрасной дамой мог бы...

— А я? — спросил я.

— Вы что-то придумали для нас, — заявил Растер под новый одобрителный рев. — Вы — настоящий лорд!

— Гм, — ответил я, — ну... не стану вас разочаровывать. Возвращайтесь за стол.

Сэр Растер захохотал так, что с неба донеслось грохочущее эхо:

— Слышали? Все слышали?.. Быстрее за стол, я чую, что не успеем допить наше вино, как зазвучит труба!

Они расступились, я прошел в холл, крикнув на ходу:

— Сэр Растер, пир не прерывать!.. Я к себе мыслить о судьбах Отечества! За вами пошлю чуть позже.

Сэр Макс уточнил почтительно вдогонку:

— А вы придете на пир?

— Пир придет ко мне, — ответил я веско. — Индивидуально. Не беспокойтесь, за нами всё горит!

Через полчаса сэр Растер, широкий и красномордый, втиснулся через узкую для него дверь, в комнате запахло вином, пляжами Италии и шашлыками из баранины.

— Да, сэр Ричард?

— Простите, сэр Растер, — повинился я, — что отрываю вас от благородного пира, истинной забавы мужественных мужчин и благородных рыцарей, но мне снова нужна ваша мудрость... А теперь еще и ваша воинская доблесть, организаторские способности и широкий кругозор!

Сэр Растер кивал, бронзовел на глазах, в лице проступила государственность, а в глазах заблестали звезды.

— Сэр Ричард, — ответил он церемонно, — я к вашим услугам. Что могу сделать для блага Армландии?.. Куда едем теперь?

Я сказал с восторгом:

— Как вы быстро все схватываете!.. И сразу поняли, что я уже приготовил вам сложное и ответственное задание. Очень серьезное. По укреплению мощи великой Армландии и снижению потенциала нашего стратегического противника Турнедо. Предстоит очень важная операция! Поручаю вам, как опытному воину, а еще как великому знатоку окрестный мест, включая и территорию королевства Турнедо.

Он покраснел от удовольствия, мясистый рот раздвинулся до ушей.

— Располагайте мною, сэр Ричард!

Я сказал значительно:

— Операция... снова зимняя.

Он охнул:

— Зимняя? Опять?... Хотя да, конечно... Кто воюет зимой, тот выигрывает, да? Ну, сэр Ричард, вы переписываете всю военную стратегию!

— Наполеон был первым, — заметил я, — потом подтянулись и остальные орлы вроде нас. Но задача как раз в том, как провести могучее войско по горам и долам на протяжении ста миль, стараясь остаться не замеченными не только войсками, но и, по возможности, местным населением.

Он вытарашил глаза:

— Как это возможно?

— Надо постараться, — заметил я мягко, как истинный отец народов, дальновидный и мудрый. — Придумать что-то отвлекающее. Пожалуй, стоит привлечь Митчелла...

Он спросил с некоторым удивлением:

— А барона Альбрехта? Я не очень его долюбиваю, но это хитрый лис...

— И барона привлечем, — пообещал я, — но верховное руководство сложной и важной операцией по повышению обороноспособности страны и ослаблению потенциальных противников... за вами, сэр Растер!

Глава 7

Суворов говорил, что если бы рубашка проведала о его планах, он бы ее сжег. Я помалкивал о самой сути операции, даже когда к подножию горы подогнали множество саней с широкими полозьями, чтобы шли с грузом по целинному снегу.

Кони ржали и потряхивали гривами, на санях мешки с пшеницей, тюки сена. Рыцарям выводили коней, я смотрел из окна на двор, где мое шлемоблещущее воинство взбирается в седла, красивое зрелище: на фоне белого снега все особенно цветное и яркое.

Конюхи вывели Зайчика, а пока его укрывали красивыми попонами и седлали, я вышел на крыльцо, встреченный

мощным довольным ревом, улыбнулся отечески и прошел в центр.

Рыцарство смотрит с ожиданием, я взобрался на Зайчика и вскинул руку так, чтобы выглядела не рукой, а дланью.

Все умолкли, я сказал властно:

— Выступаем!.. Сэр Макс, распорядитесь оставить в замке надежную охрану. Мы не надолго, но все же...

— Куда едем, сэр Ричард?

— Дорогу укажу, — ответил я значительно.

Когда впереди показался темный Орочий лес, мрачный и грозный, рыцари начали переглядываться, по рядам пополз шепот.

Ко мне подъехал, взбивая пышный снег, барон Альбрехт.

— Сэр Ричард, — сказал он тихо, — простите, что отрываю от благочестивых размышлений, но среди вашего отряда зреет некоторое замешательство...

— Да? — удивился я. — Только зреет? Какие тугодумы, однако.

— Не будь к вам такое доверие, — заметил он, — созрело бы раньше.

— А что случилось?

— Есть мнение, что у нас недостаточно сил для вторжения в Орочий лес, — проговорил он все так же тихо. — Да еще зимой.

Я отмахнулся.

— Зимой плохо воевать не только нам, но и противнику. Но кто сказал, барон, что едем воевать? Все наоборот!..

— Это как, сэр Ричард?

— Все просто, сэр Альбрехт. Мы едем к троллям...

— Простите, к оркам?

Я отмахнулся.

— Этим лесом владеют тролли. То ли истребили туземцев, то ли цивилизовали так, что коренного населения не осталось даже для праздников, для нашей современной политики неважно. Жалко нам, что ли? Это их внутренние суверенные дела. Зато у меня с этими троллями договоренность... Что вы поднимаете брови? Да, как рыцарь, я обязан опустить забра-

ло и, выставив копье, ринуться колоть, рубить и повергать этих зеленомордых. Уже только за то, что зеленомордые. Зеленомордость — зло, знаю. Но если с другой стороны, общечеловечьей, — это какой-то шовинизм! Дорогой барон, когда надо, мы такие общечеловеки, что настоящие нам и в подметки... У троллей просто другие нравственные ценности, иная религия и философские взгляды. За это в цивилизованном обществе не убивают!

Он покачал головой:

— То в цивилизованном. А в нашем?

Я вздохнул:

— Ну, цивилизованного я вообще-то еще не видел. Нигде. Однако даже в нашем нецивильном не хочу быть идиотом. Так что в данном случае вы зрите рядом с собой не простого рыцаря или даже паладина, а гроссграфа, которого упорно отказываетесь по каким-то причинам... я вам это еще припомню, признавать гроссграфом.

Он кисло скривился.

— Уточним, что лично я признал, иначе не был бы с вами рядом.

— Простите, — повинился я, — но подвернулся случай врезать, как удержаться?

— Понимаю, хотя я как-то удерживаюсь, — заметил он холодно. — И вам, если хотите быть гроссграфом, придется смирять свои естественные желания и улыбаться, улыбаться, улыбаться...

— Знаю, — ответил я со вздохом. — К вечеру уже рот болит. Словом, как-то я заехал к этим ребятам на огонек... довольно дружелюбные, кстати, хоть и своеобразные, даже своеобразные местами. Поговорил с ними за жисть, за баб и международную политику. Вы не представляете, как после шестой чаши с пивом начинают совпадать взгляды и ценности!

Он пробормотал настороженно:

— Ну, это я в принципе представить могу. Такое возможно даже после пятой чаши.

— Вот видите! И мы сообща пришли к выводу, что им уже

пора в связи с перенаселением занимать новые анклав типа Косово. Вы сами мне однажды показывали на карте некий любопытный лес, забыли? А я вот помню. Это в ста милях от Орочьего.

Он вздрогнул, глаза расширились.

— Но тот лес в королевстве Турнедо! И вообще...

— Тролли не понимают в географии, — заверил я. — К тому же для них все люди одинаковые. Инфидели.

— Сэр Ричард, — вскричал он с упреком, — я слушаю вас, но все равно не верю!

— Чему? — удивился я. — Что прем к троллям?.. Сэр Альбрехт, разве не удалась нам не менее безумная акция? Это я бессовестно напоминаю о красивом и даже в некотором роде изящнейшем захвате Орлиного замка. Только в данном случае обойдемся без крови. Но победа нам нужна.

Он смотрел на меня, широко распахнув глаза. На его лице сменялись недоверие, изумление, отвращение, снова неверие в мои слова.

— Сэр Ричард... это безумие!

— Я уже общался с ними, — повторил я. — В самом деле. Не такие уж они и звери. Да и не жениться мы едем, в конце концов! Ну, подумаешь, зеленомордые каннибалы! А если это у них своеобразная культура такая? Нужно быть терпимее, барон. Даже слово «троль», возможно, заменим из политкорректности на что-нить более обтекаемое... ну, типа «афроамериканоармландец» или что-нить еще... Ладно, мы отвлеклись. И вообще, сэр Альбрехт! Уж не боитесь ли вы?

Он выпрямился, фыркнул.

— Сэр Ричард, теперь я вас не понимаю. Вы знаете, я не избегаю схваток. Но лезть прямо в логово к троллям... Их всегда столько, что в лесу сомнут даже королевское войско. Мы не сможем организовать оборону по всем правилам.

Я сказал как можно доброжелательнее:

— Я поеду впереди. Ну... сэр Растер тоже не захочет меня оставить одного, он такой. А вам поручаю провести в их крепость сани... только позже, когда убедитесь, что драки нет.

Не дожидаясь ответа, я сжал бока Зайчика ногами, и хотя

его бока фиг сожмешь, он понял и галопом пошел вперед, взрывая снег, словно стремительно летящий на бредущем полете носорог.

— Стойте! — донесся далеко со спины далекий крик.

Я оглянулся, Альбрехт отчаянно махал руками.

— Что еще? — спросил я нетерпеливо.

Он с трудом догнал меня, хотя мы с Зайчиком стоим как вкопанные, прокричал зло:

— Сэр Ричард, у вас головокружение от внезапной и даже, можно сказать, не совсем заслуженной!.. Вернитесь и скажите рыцарям сами, куда едем! Я — не решусь.

Я посмотрел в его злое решительное лицо со сверкающими гневом глазами.

— Простите, барон, — сказал я смиренно, — вы правы, а я — дурак. Что мне кажется очевидным, для других — как обухом по голове. То же самое и в наобороте... Вы правы. Спасибо, что остановили и... напомнили.

Он все еще зло раздувал ноздри и сверкал глазами, а я, смиренно поклонившись, повернул коня и ринулся навстречу обозу. Кони идут бодро, пустые сани сами летят следом. Рыцари едут сосредоточенные и обеспокоенные, а когда я остановил Зайчика, сразу подъехали и собрались тесной группой.

Я вскинул руку, призывая к тишине, и даже кони перестали всхрапывать, настобурчив острые, как у эльфов, уши.

— Дорогие друзья, — сказал я торжественно. — Собратья!.. Мы на пороге превращения нашей Армландии в великую державу, где все вы будете вознаграждены более чем. Рядовые рыцари обаронятся, овиконтятся и ографятся, бароны — огерцогятся. Кроме того, у всех будут несметные владения с множеством земель, городов, замков, скота, пернатой птицы и лесов для благородных забав!..

Все слушали с горящими глазами. Красные от мороза лица вообще запылали, в глазах зажегся неистовый пламень христианской веры.

Из задних рядов крикнули срывающимся голосом:

— Сеньор Ричард! С вами — хоть в ад! Только прикажите!

Мощный рев был ему ответом. Над головами заблистали обнаженные клинки мечей, топоры. Все орали очень воинственное и героическое, ставши похожими на троллей. На деревьях проснулись и разлетелись птицы, стряхивая нам на головы снег, в берлогах пробудились медведи и всякие там суслики, а ближайшие деревья треснули с пушечным грохотом, раскалываясь от кроны и до корней.

Я улыбался, кланялся, снова улыбался и кланялся, наконец воздел руки и, дождавшись тишины, заговорил:

— Захват Орлиного замка — ерунда. Вот сейчас только делаем первый шаг к нашему настоящему, даже истинному величию! Кто у нас главный враг?.. Понятно же, что не какие-то там драконы, орки, тролли или гномы, а кто?.. Правильно — соседи! Они спят и видят, как захватят наши земли, нас обратят в нищих, изнасилуют наших жен и дочерей, а потом заставят их выносить ночные горшки господам. Единственный путь избежать такого гнуснейшего поругания нашей чести и достоинства — стать самым сильнее и дать несправедливости отпор заранее! К счастью, мне удалось найти естественных, пусть и временных, союзников. Очень могучих, свирепых и обожающих воевать!

Сэр Макс вскрикнул восторженно:

— Кто эти люди?

Я сделал паузу, на меня смотрят, застыв, с полными страсти и ожидания лицами.

— Это не люди, — ответил я, чуть помедлив. — Это... тролли. Они истребили орков и уже давно захватили их лес. Теперь этот лес Орочий только по названию.

Все оцепенели, лица медленно бледнели. К нашей группе подъехал барон Альбрехт, мрачный и суровый, испытующе посмотрел на меня. Я ощутил злость, но пока молчал, только стискивал челюсти, играя желваками. Я их достаточно воспламенил возможностью стать баронами и графами, владеть огромными землями, теперь должны сообразить, что такое даром не дается.

Сэр Растер кашлянул гулко, будто выстрелил из пушки, заговорил хриплым простуженным голосом:

— Сэр Ричард, мой мозг не столь быстр, чтобы успевать мыслью за вашими решениями. С троллями надо воевать! А вы намерены с ними.... даже общаться?

Я сказал учтиво:

— Сэр Растер, вы абсолютно правы! Воевать мы должны как с Гиллебердом или любым, кто вторгнется в наши земли, так и с троллями!.. Но воевать мы должны, когда выгодно нам, а не противнику.

— Это не по-рыцарски! — запротестовал Макс.

Я воскликнул:

— И вы абсолютно правы, сэр Макс, что просто удивительно! Мы рыцари, благородные рыцари, потому будем всегда и везде воевать по-рыцарски... с другими рыцарями, конечно. С диким кабаном на охоте вы сражаетесь несколько иначе, верно? Мы просто без всякого сражения освободим Орочий лес от засевших там омерзительных троллей. К тому же я планирую использовать этих зеленомордых для вящей славы Господней, нашего и вашего растущего богатства и даже...

Макс спросил почти жалобно:

— Как? Сэр Ричард, как мы можем?.. Это же нечестивые существа!

— От этих нечестивых пока что меньше вреда, — огрызнулся я, — чем от благочестивого Гиллеберда. Пока что. Весной начнут выходить из леса... и тогда начнется разграбление деревень, пожары, убытки! Я задумал этих троллей перевести из Орочьего леса в тот, что в Турнедо! Да, это во владениях Гиллеберда. Но никто не заметит, мы пройдем, избегая сел и деревень. А там уже пусть сам Гиллеберд и разбирается с ними. Таким образом избавимся сразу от двух зол! Вы меня поняли?

Все молчали, переваривая, я видел, как на лицах благородных рыцарей борются одни взгляды с другими, страсти с устоями, чистота помыслов с выгодой. Я помалкивал, знаю, что в конце концов в мире победило.

Неожиданно заговорил дотоле молчавший сэр Альбрехт:

— Решение сэра Ричарда говорит о его мудрости и ответ-

ственности. Он берет на свои плечи как грех общения с нечестивыми существами, так и все последствия. Полагаю, мы должны следовать за ним и дальше. Мы лишь выполняем его приказы... Вся вина перед Господом, если она есть, на сэре Ричарде. Наши руки и помыслы остаются чистыми. А пожалования землями — да, это будет, я вижу.

Я с облегчением перевел дух, стараясь не показывать, что уже струсил, пахло откровенным неповиновением, выдавил улыбку и орлиным взором не знающего сомнений военачальника обвел железоблещущее войско.

Все опустили головы и перекрестились, сэра Растер в некотором сомнении все же проговорил:

— Ладно, мы поняли. Вы решаете, вам и отвечать. Идем дальше?

— Вы правы, сэра Растер, — ответил я. — Могу добавить только, что лично мы прем с самой что ни есть миротворческой миссией! Постараемся провести троллей так, чтобы не грабили и не уничтожали на пути людские селения. Сделаем все, чтобы оградить от встречи с ними случайных путников, иначе их гибель будет на нашей совести. Наша миссия угодна Господу, мы предотвращаем пролитие христианской крови. Продолжайте путь, а вы, сэра Растер, и вы, барон, следуйте со мной.

Растер оглянулся на молчаливого Митчелла.

— А он?

— Митчелл, — сказал я, — ты сможешь не бросаться с мечом на троллей? Сейчас они наши союзники, а не враги!

Митчелл хмуро кивнул, но ответил с тяжеловесной рыцарской учтивостью:

— Сэр Ричард, я приучен повиноваться сюзерену. Мне дан приказ, так что я не подведу вас.

— Тогда с нами.

Мы выехали вперед, я старался оторваться от обоза, мне на Зайчике легко пробиваться через толщу снега, кони сэра Растера, барона Альбрехта и сэра Митчелла выбивались из сил. Снег кое-где поднимается до конской груди, наконец я уже увидел первый завал из деревьев, крикнул громко:

— Я вернулся!.. Чак здесь?

Ветки справа и слева зашевелились, высунулись укрытые грубыми металлическими шлемами головы. Широкие злобные морды уставились враждебно, клыки наружу. Рыцари тут же настороженно метнули ладони к рукоятям мечей.

Одна из морд прорычала:

— Чак в селении... Здесь я старший.

— Как зовут? — спросил я.

— Гайдак...

— Гайдак, — сказал я повелительно больше для своих, чем для тролля, — веди нас в стойбище. Там за мной большой отряд, а еще везут сани для женщин, детей и скарба. А вы, доблестные сэры, останьтесь здесь, надо совместно с этими зелеными ребятами встретить наших, чтобы не... удивились.

Троль высунулся до пояса, закутанный в толстую шкуру, через плечо широкая перевязь, в руках огромный топор. Маленькие злобные глазки с подозрением перебегали с сэра Альбрехта на сэра Митчелла.

— Ладно, — прорычал он, — эти двое пусть остаются. Если что, их убьют. И сожрут.

— Договорились, — согласился я. — Веди!

Он уставился на сэра Растера.

— А этот... где-то я его уже видел...

— Я тоже, — согласился я, — где я его только не видел!

Растер насупился, пробурчал:

— Вы там без намекиваний, без намекиваний...

Гайдак вздрогнул и сказал пораженно:

— И голос!..

— Так ты и в аду бывал? — спросил я тролля. — Ладно, веди. Сэр Митчелл, постарайтесь быть дипломатом. Это важно для процветания Армландии и распространения просвещенного армландизма среди слаборазвитых и недоразвитых стран с рыночной экономикой.

Гайдак пошел впереди, массивный, на голове и плечах снег, огромный топор в руке. Иногда легко и как бы играючи перерубывал толстые ветви промерзших деревьев, сэр Растер

уважительно покачивал головой — тролль орудует тяжелым топором, словно ножичком.

Толстые ноги в грубо сшитых сапогах несут тролля по засыпанной снегом дороге без усилий. Наши кони пробираются с трудом, но в лесу тихо, ветер остался на опушке. Знакомый бодрящий запах гари мы ощутили задолго до того, как увидели крыши огромных домов, где тролли живут сообща огромными семьями, не делая различия в кровном родстве. Заснеженные деревья расступились, показалась высокая стена частокола, массивные ворота, башенка для часового.

Из широкого окна высунулась широкая зеленая морда.

— Кто идет? — прокричала морда.

Гайдак рыкнул зло:

— Не видишь? Я иду. И эти... к вождю.

Похоже, он так и не решился признать меня троллем, хоть и другого подвида. Сэр Растер слегка побледнел и держался ко мне поближе, а на лице застыла напряженная улыбка, больше похожая на гримасу.

Ворота заскрипели, отворяясь. Сверху нам на головы свалилась шапка снега, тролли гулко захохотали. Проезжая мимо часового, крикнувшего бодро «Кто идет?», я сказал мило-ство:

— Благодарю за службу, воин.

Он выпятил грудь и проорал зычно:

— Служу племени!!!

— Молодец, — сказал я отечески. — Родина вас не забудет.

Глава 8

Деревья расступились, мы услышали громкую и нестройную музыку. На огромной очищенной и утоптанной поляне масса троллей, обнявшись за плечи, дружно топают в танце, двигаясь по кругу то в одну сторону, то в другую. Остальные режут в лад, притопывают и стучат в деревянные щиты рукоятками топоров. Получается слаженно и грозно. Вообще-то такое искусство самое то для пипла, это не какие-то непонятные бетховены, народу нужны марши. Тролли прям созданы

для грохота литавр и рева геликонов, пира, схватки и победы над идиотами, что болеют за другую команду.

Повсюду костры, многие тролли без всякой нужды ходят и бегают с пылающими факелами в руках. Ну и что если и без них светло, зато грозно и красиво. Факельное шествие всегда будоражит кровь.

Молодцы, мелькнуло у меня. Всегда бодры, жизнерадостны, веселы, никаких мерехлюндий. Не могу себе представить, чтобы хоть один тролль покончил с собой. Из-за любви, разочарования в жизни или потому, что на выборах победила другая партия. Вот эльфы — да, эти могут. Эти вообще пачками могут... Да и хрен с ними, их не жалко.

Настроенный на этот лад, я уже издали улыбался не просто благожелательно, а весело и дружелюбно. Тролли, народ грубый, но чуткий, это улавливали, заорали ликующе, мол, еще один повод выпить.

Я вскинул ладони.

— Наступают великие времена! — провозгласил я громко и приподнято. — Сегодня впервые выйдем из этого леса! Встречайте моего друга, сэра Растера. А еще скоро подъедет весь обоз!

Танцы прекратились, музыка умолкла. Из домов выскакивали новые тролли, многие с оружием, хотя и без него эти твари жутковатые. Нас моментально окружили, гвалт поднялся дикий, многие потрясали топорами и требовали нас съесть немедленно. Затем вопли отрезало, как ножом. Из самого большого здания вышел в короткой медвежьей шубе до колен вождь.

Он повел дланью, все притихли еще больше. Слышно стало, как постукивают зубы сэра Растера.

Я сказал громко:

— Великий вождь, я привез с собой полсотни саней. Надеюсь, вы, как настоящие герои, готовы отправиться в путь немедленно?

Толпа молчала, вождь морщился, мялся, наконец ответил с неохотой:

— Вообще-то нужно сперва послать в тот лес разведчиков... А то вдруг там и леса нет? А наше племя ждет погибель?

Я сказал быстро:

— Мудрое решение, вождь. Но если имеешь дело с чужаком! А мы — свои. Мы пойдем рядом с твоими людьми. Если вдруг что не так — убейте нас первыми! Как не оправдавших доверие.

Толпа опять заорала, вождь спросил:

— А почему зимой, а не летом? Летом легче...

— Летом пришлось бы идти через болота, — ответил я быстро. — Либо обходить по большому кругу. А болот там много! Дорога растянется на месяц. И еще летом людей везде как муравьев. Если драться со всеми, никаких троллей не хватит. Нет, надо зимой, пока все спят, запершись в своих домах.

Растер неожиданно подал голос:

— Летом рыцари воюют. Но если увидят вас, то не станут друг с другом, а ударят с двух сторон.

Вождь посмотрел на него с подозрением. Вместе с тремя могучими телохранителями приблизился и уставился на сэра Растера.

— Чандлер? — спросил он неуверенно. — Но почему морда такая... красная?.. Нет, это не Чандлер... Но, Великий Троль, до чего же похож...

Гайдак, что не отходил от нас, проворчал:

— А я вообще подумал, что это ты, Кандлер. Вы с братом близнецы, да?

— Близнецы, — буркнул вождь.

— Вот и я то говорю!

— Неужто так похожи?

— А ты посмотри, — предложил Гайдак. — Не только морда, даже шрамы!..

— Это человек? Или троль? — поинтересовался вождь у меня.

— Троль, — заверил я. — Правда, набравшийся от людей всякого непотребства. Но в душе он простой и честный троль.

К счастью, Растер не услышал этого из-за поднявшегося рева, когда в распахнутые ворота ввалилась несметная толпа

троллей, а за ними, храпя и делая большие глаза, лошади тащили пустые сани. Бледные рыцари держались тесной кучкой по бокам и сзади, мне показалось, что некоторые на грани обморока.

Похоже, часть троллей решили, что коней надо съесть, начались крики, рев, суматоха. Растер размахивал руками и указывал возницам, где остановиться, рыцарям велел спешиться, быстро входя в роль вожака отряда.

Уже и телохранители смотрели с жадным интересом, как Растер грозным ревом и бранью наводит порядок, выстраивая как коней, так и рыцарей, торопит с началом погрузки.

— Да, — признал вождь, — теперь вижу! Выходит, мы, тролли, бываем даже красномордыми?

— То настоящий тролль, — определил один из телохранителей. — Ты, Кандлер, не теряйся где-нить, а то перепутаем.

Тролли, наглядевшись на коней и рыцарей, начали наконец вытаскивать из домов скарб и забрасывать на сани. Детишки разбегались в стороны, их ловили матери, старшие братья и сестры, забрасывали в сани, а те весело выпрыгивали снова, придумав новую игру.

Наконец все, кроме воинов, разместились в санях. Я видел, как бледнеет барон Альбрехт: троллей оказалось больше, чем мы прикидывали. Они сейчас способны не только прихлопнуть нас всех, как комаров: вряд ли против их натиска устоит даже войско любого из феодалов. Против такой силы пришлось бы собирать рыцарей по всей Армландии.

Я забеспокоился, не видно Митчелла, барон Альбрехт тут же начал шарить взглядом по сторонам, вскрикнул с изумлением:

— Господи, только не это!

Митчелл и один троллей в сторонке азартно метали топоры в дерево. Митчелл, как я знал, всегда бахвалился умением бросать метко топор, а теперь вдруг обнаружил равного по силе соперника. Они швыряли смертоносное оружие, тут же бросались выдергивать топоры из дерева, несмотря на то что вдогонку уже летит топор противника.

Оба орали, спорили, обвиняли друг друга в жульничестве, барон Альбрехт пожаловался, что все работают, а эти развлекаются, я и сам так думал и уже хотел прекратить безобразие, но Альбрехту сказал, что так они крепят взаимопонимание и дружбу народов.

— Какое взаимопонимание, — ответил Альбрехт безнадежно. — Как только вы с сэром Растером отбыли, Митчелл поинтересовался у одного из зеленомордых, что у него во фляжке...

— И?..

— А дальше сами знаете!

Я торопливо оглянулся на сани.

— Только Растеру не говорите.

— Да уж скрываю, — ответил Альбрехт. — Ладно, пойду помогу...

Вождь вознамерился разделить племя пополам, одну часть оставить на старом месте, но я возразил, что второй раз провести будет труднее: шансы проклятых людишек обнаружить нас увеличиваются вдвое. Да и дать отпор проще, когда все племя вместе, а не расчленено.

Сэр Растер подошел доложить, что можно трогаться, послушал и сказал, что да, вместе — сила, а потом вообще будет лето, людишки кишмя кишат везде, от них ничто не скроется, а на новом месте сперва надо обустроиться. Вождь наконец махнул лапищей, прокричал, чтобы грузили все, ничего не оставляли.

Впрочем, я лишь дивился, как мало у троллей имущества. Сперва страшился, что саней не хватит, но хотя троллей оказалось намного больше, чем предполагал, на санях удобно разместились, кроме вещей, еще и детишки с матерями.

Вперед я послал на легких конях разведчиков, чтобы заранее высматривали народ и предупреждали нас, затем головной отряд рыцарей, следом — обоз, а завершающими еще с десятка наших конников, дабы поглядывали еще и по стопам.

Сэр Растер сновал вдоль обоза, следил за порядком, с

другой стороны точно так же бдил вождь троллей. Если бы не красно- и зеленомордость, их бы, пожалуй, все-таки путали.

Когда мы выехали из леса, сэр Альбрехт сказал с облегчением:

— А ведь и эта ваша нелепая затея... тьфу-тьфу, вроде бы не совсем провалилась. Возможно, даже и не провалится.

— Спасибо, что подбодрили, — сказал я язвительно.

— Да нужно ли это вам?

— Нужно, — ответил я сердито. — Это я сверху такой толстокожий, а внутри нежный, пушистый и ранимый. На самом деле я нечто вроде эльфа с лирой, но не признаваться же в таком уродстве настоящим мужчинам?

Он посмотрел на меня с сомнением, явно стараясь увидеть эльфа, да еще с лирой, но я столько нацепил масок одна поверх другой, что уже и сам не отдеру нужную. Да и человек без маски — тупое убожество, быдло, скот, потому что вся культура, вся цивилизация — это нечто нарисованное поверх нашего скотского рыла, а то и звериной морды. Мы только тогда люди, когда в маске.

Шумно подъехал сэр Растер, доложил, что все продвигается по плану, тут же пожаловался:

— Одного не пойму, что это меня все троллем называют?

Мы с бароном переглянулись, барон поинтересовался:

— Даже наши рыцари?

— Ну да!

— Гм, — сказал барон, — это они у троллей переняли.

— А те чего?

Барон сделал очень серьезное лицо и сказал торжественно:

— Уважают! Вот меня никто троллем так ни разу и не называл...

Он вздохнул горестно, Растер сразу же окинул его пренебрежительным взглядом.

— Больно хлиповаты, барон, какой из вас тролль? Разве что эльф какой-нибудь заморенный...

Загоготал и послал коня вперед, шумный и очень довольный. Барон кивнул ему вслед.

— Теперь понимаю, почему вы назначили его вожаком

похода. Кстати, Митчелла тоже удачно взяли. Он первым сошелся с этими зеленомордыми.

Я сказал осторожно:

— В политике, сэр Альбрехт, ради важного дела можно заключить союз даже с самым дьяволом. Нужно только быть уверенным, что проведешь дьявола, а не он тебя.

Лицо барона слегка потвердело. После выдержанной паузы он спросил холодно:

— Не слишком ли недостойно?

— Слишком или нет, — сказал я честно, — не знаю. Что недостойно, согласен. Знаете, барон, я сам себе противен! Но я вижу, что если буду щепетильничать, все останется на своих местах. А нещепетильных людей хватает, хватает... Они все равно выгоду не упустят. Так что пусть лучше я все-таки запачкаюсь где дерьмом, где кровью, но выведу наш корабль на большую и чистую воду.

Некоторое время ехали молча. Прискакал разведчик и доложил, что если вот так прямо, то через две-три мили увидим село. И оттуда нас увидят тоже. Пришлось свернуть, постояли на обочине, разом охватывая взглядом все племя. Все двигаются неудержимо, целеустремленно, в их до предела узких лбах живет только одна мысль: убивать, грабить, насиловать.

Барон Альбрехт с содроганием смотрел на тупые лица, где челюсти занимают две трети всего лица, пасти крупные, как у зверей, а зубы у всех лошадиные, только клыки настоящие волчьи, даже хуже — человечески. Идут по колено в снегу, а где и по пояс, никто не ропшет, невзгоды переносят с равнодушием и терпением животных, и так же как животные, что ждут в конце пути отдых и сытную кормежку, так и эти ждут возможность убивать, пытаться, насиловать, жечь...

— А что, — прервал молчание я, — настоящие воины.

Барон Альбрехт вскинулся.

— Настоящие?

— Ну да. Мятеж не устроят, даже не додумаются. Идут, куда велено. Не ропшут.

— У настоящих верность господину, — возразил он. — Омаж, присяга. А эти идут не из-за верности, а ради убийств

и грабежа. Я понимаю, так было в гнусные времена язычества, так что, сэр Ричард, я вас просто не понимаю.

Я вздохнул.

— Я себя тоже часто не понимаю, зато... начинаю понимать политиков, что во все времена и при всех режимах шли на сотрудничество с троллями. Вон король Буш всячески снабжал деньгами и оружием одного опасного зверя, пока тот не обрушился на него самого, потом помогал другому вождю троллей, а потом сам же на него напал. Да и вообще, как по себе вижу, политика — грязное дело... как и всякое строительство. Зато потом будем жить в чистом светлом мире.

Барон пропустил мимо ушей, как всегда делал, упоминание про неизвестных ему королей, я же больше путешествовал и больше знаю, спросил очень осторожно:

— Не значит ли это, сэр Ричард...

Он умолк, не решаясь сказать то, что вертится на языке. Я сказал спокойно:

— Договаривайте, барон.

— Да просто язык не поворачивается, сэр Ричард.

— Мы не рыцари в данный миг, — напомнил я.

— А кто?

— Политики.

Он тяжело вздохнул.

— Не значит ли, что вы замыслили не просто избавить Орочий лес от троллей?

— Сперва была только эта идея, — признался я. — Но, как всякий политик, я стараюсь выжать максимум возможностей. Уже простым переселением убиваем двух зайцев: тролли перестают вредить нам и будут вредить Гиллеберду. Это в духе нормальной разумной политики добрососедства, так везде, с этим все как у людей. Второе, я буду поддерживать с ними связь. Они хорошие воины, размножаются быстро, стоят очень дешево. Почему не снабжать их всем необходимым для жизни, я имею в виду — современным оружием, не указывая страну происхождения? Пусть тревожат набегами Гиллеберда! Ему будет не до нас. Кстати, вообще можно создать удар-

ные отряды из троллей, а затем попытаться перевести нашу армию на контрактную основу! Хотя бы частично.

— Гм, вот почему к ним с таким вниманием...

— Знаете, барон, — прервал я, — как вы сами знаете, некоторые многообещающие идеи оказываются куценькими, а некоторое — ого-го! И не подумал бы сперва, что их можно доить и доить.

— Это как?

— Вы обратили внимание, насколько тролли неприхотливы?

Он смолчал, только посмотрел вдоль растянувшегося обоза. Тролли идут пешком, никто не ропщет во время перехода, даже женщины вылезли из саней и топают рядом, а то и помогают коням тащить сани.

Труднее всего передним ездокам, рыхлят снег, вторая половина обоза скользит по накатанной колее, потому часто меняются. Передние тролли ломятся через глубокий снег, все обвешаны сосульками, снег на плечах и головах, дыхание из пастей вырывается плотными клубами тумана.

Рыцари тоже иногда слезают с уставших коней, идут рядом. У всех белые брови, а кто обзавелся усами или бородой, эти еще и в сосульках,

— Могут спать на снегу, — сказал я. — Жрут все, что движется, а когда его нет, могут и кору деревьев... Про их отвагу и стойкость в бою уже молчу, наслышаны. Ну, вы поняли, на что я намекиваю...

Некоторое время ехали молча. Снег иногда так начинает искриться под ярким солнцем, что глаза режет, будто в каждой снежинке крохотное солнце. Альбрехт морщился, закрывал глаза ладонью, наконец пробормотал в нерешительности:

— Да, понимаю, понимаю. Есть желание как-то приспособить их в обществе. Особенно — в военном деле. Убьют — не жалко. Но все-таки... гм...

— Что смущает?

— Это все-таки не люди.

Я пожал плечами:

— А много ли среди людей в самом деле людей?

Он подумал, приподнял в усмешке угол рта.

— Да, собственно, для функционирования общества, вы правы, нет необходимости, чтобы все были людьми. У нас ряд работ выполняют люди, что почти и не люди... Конечно, тролли тоже могут. Например, всех тюремщиков можно заменить троллями. Да и вешать или рубить головы будут охотно. За это их только кормить.

— Ну вот, — сказал я, — барон, я вам удивляюсь! Вы так быстро все схватываете! Меня просто оторопь берет. Вы везде дальше меня идете!.. Меня, увы, всегда что-то останавливает. А вы вот твердо знаете, что Бога нет...

Он взглянул на меня искоса, слабая улыбка пробежала по губам, он посмотрел на меня, как на состоящего в том же тайном обществе.

— Ну, почему же, — проронил он негромко, — я никогда не отрицал существование Творца... вслух.

Я тоже помолчал и посмотрел на него тем понимающим взглядом, что можно истолковать как угодно. Барон, похоже, истолковал так, как хотел, а я улыбаюсь дружески и общинчески, но в груди медленно разрастается холодная и беззвездная пустота. Значит, барон если и не принадлежит напрямую к группе противников Творца, то сам по своим взглядам к ним очень близок.

А жаль, очень жаль... Постой, сказал внутренний голос в сильнейшем удивлении, чего тебе жаль? Ты сам такой! Должен радоваться, что нашелся человек, с которым совпадают даже взгляды на столь сокровенное!

Да пошел ты, ответил я внутреннему голосу раздраженно. Я вот та свинья, что не хочу быть среди других свиней. Мне бы среди оленей... или лебедей... хоть жопа и всегда в воде, но все-таки не свинья с эльфячьими ушами...

Я пересилил себя, я же не эльф, чтобы интеллигентничать, когда нужно быть государственным, заговорил рассудительно:

— У нас, благодаря такому сотрудничеству, может быть не только лучшая в мире профессиональная армия! А спорт? Умные в спортсмены не очень рвутся, им интереснее в мона-

стырях книжки читать и опыты с горохом проводить в интересах лженауки, зато в боксе у них кишка тонка. А тролли в свертяжелом весе всех замесят! А еще баскетбол или футбол заведем...

Он вежливо помалкивал, не понимая ни слова, но сюзерен мыслит вслух, ненавязчиво показывая вассалам, что он везде побывал и все видел.

— Есть много областей человеческой деятельности, — рассуждал я дальше, — где ума не требуется. Например, индустрия развлечений. Тролли на эстраде — это самое то, все будет в восторге. В конце концов, и наркотики, как и спорт, лучше всего распространять среди троллей. А без них все равно не обойтись: наркотики — неотъемлемая часть высокой культуры и продвинутой цивилизации. Чем общество демократичнее, тем наркотиков больше.

Он вздохнул:

— Как все сложно и непонятно!

— А вы будьте проще, — посоветовал я отечески. — Будьте проще, барон. И тролли к вам потянутся!

Глава 9

Первый привал сделали, когда изнемогли кони, но сами тролли, что двигались пешком, вроде бы и не устали. Уже и барон Альбрехт начал посматривать на них с деловым интересом. Тролли отказались положить в сани тяжелые топоры, идут хоть и полуголые, но в шлемах, сапогах, звериные шкуры укрывают от холода и повреждений только от пояса и колен, каждый держит тяжелый щит из дубовых досок, налитые злобой глазки зыркают подозрительно по сторонам в поисках врага.

— Крепкие звери, — произнес он наконец. — В конце концов, если их в самом деле реально как-то использовать...

— Придумаем, — заверил я. — Отдельные прецеденты уже были...

— Где?

Я сказал неохотно:

— Император Карл привлек в свое войско всех, кто может нанести урон противнику. Правда, сам он не соприкасался с троллями. В смысле, они как бы шли сами по себе рядом с его войсками, но нападали на одного и того же.

— Подлый прием!

— Согласен. Кроме того, там на самом побережье, что по ту сторону Хребта, особо богатые люди иногда для шика заводят в качестве привратников троллей.

Он воскликнул шокированно:

— Господи, а что ж остальные горожане?

— Там почти Юг, — ответил я с тоской. — Собственно, я не знаю, что на Юге, но о моральном климате догадываюсь.

— И у нас будет, — спросил он, глядя мне прямо в глаза, — как на... Юге? Сэр Ричард, я хоть и не всегда ревностный христианин, но все же... временами... я не совсем...

Я поспешно выставил вперед ладони:

— Сэр Альбрехт, остановитесь. Я сам верный воин церкви! И ни в чем не поступлюсь ее интересами. Однако интересы церкви определяет не далекий папа римский, а мы все определяем. И все способствуем росту ее мощи и влияния. Или не способствуем. Если для торжества наших идеалов поставлю охранять священные рубежи Армландии троллей, а детей рыцарей посажу за учебу, то Господь скажет: молодец, сэр Ричард!

Он сказал с сомнением:

— Скажет ли?

— Еще и по плечу похлопает, — заверил я. — У нас не деспотия, чтобы о каждом шаге спрашивать вышестоящего. Можно и напрямую. А там, где неграмотный деревенский священник возмутится, просвещенный кардинал поймет и тоже скажет, что мы правы.

С неба смотрит то самое солнце, что «светит, но не греет», однако я чувствовал его тепло и заботу: мороза нет, снег вот-вот начнет таять, ветерок совсем легкий, да и то в спину.

Конные разведчики рыскали, как муравьи в поисках добычи, а когда сэр Растер властно распорядился о скором при-

вале, быстро отыскивали удобное место в небольшой роще впереди. Обоз оставили под охраной с той стороны, племя оккупировало рощу, а рыцари расположились по краям. Если нас и увидят, то мало ли чего благородные едут из одного замка в другой...

Когда мы с бароном въехали в рощу, тролли уже вокруг костров, женщины быстро варят в котлах похлебку со свининой, но тролли, как я заметил, вполне могли бы удовольствоваться и сухим пайком. Большинство рыцарей почти свалилось от усталости, сидят рядом с троллями измученные и поникшие. Порой бурдюк с вином, обходя троллей по кругу, попадает и к рыцарям, и я не видел еще, чтобы они тут же передали дальше, предварительно не присосавшись к горловине.

Разведчики, сменив коней, снова умчались, взметывая тяжелый снег. Я сотворил чашу горячего кофе, медленно отхлебывал большими глотками.

— Думая о будущем, — сказал я задумчиво, — мы должны планировать нашу столицу... кстати, а где у нас столица?.. как мировой центр культуры и прочего искусства. А где культура, там и контркультура, а также всяческий андрегаунд. Вот искусство троллей как нельзя лучше...

Барон Альбрехт, у которого и так голова шла кругом, воскликнул ошалело:

— Сэр Ричард! Искусство? У троллей?

Я укоризненно покачал головой.

— Если общество будет толерантным и политкорректным, то... гм... многое будет признано искусством. Заговорят о внесении национальных мотивов, именно национальных, так как слово «расовых» мы гуманно и толерантно запретим во избежание санкций мирового сообщества. Скажут даже про обогащение культуры восточными или там троллячими мотивами... Словом, на всех евровиденьях все первые места будут нашими.

Он спросил с некоторой настороженностью:

— Евровидения? Это что, тоже культура?

Я отмахнулся.

— Шутите? Это для троллей. Сама культура кому нужна?

Никто сейчас при слове «культура» не хватается за пистолет, ишь, легкой смерти захотела! На культуру просто не дают денег, чтоб умерла не сразу, а долго и в красивых муках, оглашая воздух жалобными стонами, что вообще-то тоже искусство... Эстетика смерти называется, основная составляющая андеграунда. Нет, умирать андерграундники не любят, но поговорить...

За спиной послышались энергичные возгласы. Вождь и его помощники поднимали племя, нечего расслаиваться, впереди — великие дела и освоение дикого леса. Послышалось шипение костров, их засыпали снегом, из леса высыпало ведомое сэром Растером зеленокожее племя.

Караван на ходу выстроился в линию и двинулся по дороге, оставленной разведчиками.

Жизнь зимой в самом деле замирает, я убедился в этой истине, когда за целый день, двигаясь по проторенной дороге, не встретили ни одного человека. Правда, переселение пришлось на день какого-то святого, нужно сидеть дома и жрать особым образом приготовленный пирог с мясом и рыбой, но не все же религиозные, а как насчет еретиков?

Лишь однажды я, находясь в группе разведки, увидел ползущую из леса телегу, полную хвороста. Я проскакал вперед и велел гнать побыстрее, а то сзади лорд, вдруг да велит вздернуть наглеца, ворующего ценную древесину. Бедный селянин так перетрусил, что даже не стал оправдываться насчет «нам разрешено». Сегодня разрешено, а завтра сеньор решит запретить на том веском основании, что ему вожжа под хвост попала.

Я проследил, как он безжалостно настегивает конячку, даже сам бежит по колено в снегу рядом и помогает тащить нагруженные сани, в остальном везде белое безмолвие под ясным чистым небом. Зайчик вопросительно ржанул, я повернул назад.

Теперь небо то застилают тучи, то проясняется, затем снова весь низкий и неопрятный небосвод затягивает плотным покровом. Впервые прояснилось только к вечеру, однако сквозь тучи я рассмотрел низко на западе смутно красно-

ватое пятно над самым горизонтом. Солнце садится, вот-вот наступит черная, как смола в преисподней, ночь.

Тролли шли мимо, бодро вздымая снег. На плечах топоры, кто-то заревел походную песнь, вождь открыл пасть для грозного окрика, но Растер помахал ему успокаивающе, мол, никого нет близко, не услышат, разведчики рассыпались также справа и слева.

Короткий зимний день сменился закатом, затем пала лунная ночь. Свет красиво и таинственно растекался по бело-снежной поверхности. Возницы продолжали настегивать усталых коней, сани хорошо скользят по накатанной дороге. У самой околицы спящего села мы свернули, чтобы не топтать через все людское скопище, а затем снова вышли на твердую дорогу.

Растер то и дело выезжал вперед, наконец примчались разведчики, нашли хорошее место для ночной стоянки. Я вздохнул с облегчением, но подошел вождь, собранный и накачанный звериной силой, словно только что проснулся, заявил, что зимой ночи слишком длинные, а дни короткие, так что будут идти еще полночи, не меньше. Позорно отдыхать, когда можно идти!

— Золотые слова, — сказал я с чувством, — и, конечно же, я слышу их от тролля!

Он прорычал с подозрением:

— А что, люди так не говорят?

Я отмахнулся:

— Люди говорят: самый плохой день отдыха все же лучше, чем самый хороший рабочий день... если видишь, что кто-то отдыхает — помоги... А еще насчет того, что лучше стоять, чем идти, лучше сидеть, чем стоять, лучше лежать, чем сидеть...

Он прорычал гневно:

— Что за подлое племя?

— Люди, — вздохнул я. — Мало они от нас, троллей, научились... Ничего, вот захватим власть, попляшут они со своей демократией!

Я прикинул, что за первые сутки прошли сорок миль, че-

му несказанно порадовался больше всего барон Альбрехт, он все время ожидает какого-нибудь срыва. Тролли подустали, но готовы двигаться дальше так же мощно и целеустремленно, однако отказались наши измученные кони. Привал организовали в попавшейся кстати небольшой роще, костры жгли в ямах.

Я помалкивал, видя, как усталые люди сидят рядом с троллями и греют руки у костра, как жарят мясо и передают по кругу большие фляги с вином. Когда придет беда, то и медведя папой назовешь, а в трудностях не до соблюдения чинов и расовой чистоты.

Сэр Растер так вообще среди троллей, его только по рыцарским доспехам и отличаешь от этих простых и даже очень простых ребят. У их костра хохочут громче всех, там по кругу ходит не фляга, а огромный бурдюк, а шутки такие соленые, что у коней белеют уши.

Тролли с оружием в руках расположились вокруг обоза, охраняя жен и детей. Мы в свою очередь рассредоточились еще шире, чтобы вовремя перехватить всякого, кто выйдет на дорогу и приблизится к роще.

За второй день одолели тридцать миль, я прикинул, что еще сутки — и войдем в намеченный лес. А там уже никто нас не обнаружит, лес пользуется дурной славой. Даже хворост берут с самого края, а вглубь не решаются ни охотники, ни грибники.

Повеселел и вождь. Теперь его больше всего волновало, хватит ли захваченных припасов. Я сообщил, что так же тайно к этому лесу везут свиней и поросят, гусей, плюс корм. Мы рассматриваем их как союзников, а если на них будут нападать люди — поддержим, как родню. В смысле, гуманитарной помощью, что включает в себя полезную информацию, продовольствие, некоторое кредитование... А если сами начнут совершать набеги, то будем поставлять оружие.

На третий день тролли вроде бы подустали, однако не только сами двигались неустойчиво, но помогали коням тащить сани. Я все прикидывал, как будем управляться, если

встретим группу купцов, отряд воинов или просто крестьян, на все должен быть свой гитик, когда вдали среди белого безмолвия протянулась черная полоса. Сэр Альбрехт тоже заметил, благочестиво перекрестился.

— Слава Господу!.. Ваша безумная затея, кажется, не провалилась.

— Ну, спасибо, — ответил я несколько уязвлено. — Присоединяйтесь к сэру Растеру. Он сейчас напрямик через лес прямо к заброшенному замку... Люди устали, зато там отдыхают.

Он покрутил головой.

— Я предпочел бы хоть ползком обратно, чем отдыхать с троллями.

— Нельзя, — сказал я сожалеюще. — Надо помочь им обустроиться. А то скажут, что бросили их на произвол судьбы.

— А вам не все равно, что скажут?

Я сказал тихо:

— Я же говорил, у меня на них виды.

— Господи, — произнес он несчастным голосом, — я думал, вы все шутите!

И, повернув коня, поехал к сэру Растеру. Вскоре я наблюдал, как они вдвоем обогнали головные сани и пошли тяжелой рысью в сторону леса. Раздался крик, их догнал вождь с одним из телохранителей. Я с тревогой наблюдал за жаркой перепалкой, не слыша слов, затем все четверо, двое на конях, двое пешком, направились к лесу.

Усталые кони с трудом двигались даже по накатанной колее. Я представил с тревогой, что, когда сойдут с нее, совсем завязнут. Стало жалко животных, но я же политик и должен мыслить большими категориями. Даже на потери не должен обращать внимания, если те в пределах допустимого.

Когда лес начал приближаться, мое сердце почему-то сжалось. Как иногда бывает: все идет хорошо, гладко, даже слишком хорошо, а потом р-р-раз, и все кувырком. Нам повезло пройти сотню миль и суметь избежать контактов с местным населением. Но на самом последнем шаге может все рухнуть...

Ветви заколыхались, стряхивая снег, показалась массивная фигура, похожая на снеговика. Человек разогнулся на коне, я узнал сэра Растера. Сердце екнуло, от сэра Растера можно всего ожидать.

— Случилось что?

Он хмуро покачал головой:

— Не...

— А где остальные?

Он понял по моему лицу, что я думаю, небрежно отмахнулся.

— Вождь смотрит замок. Это ж теперь его хозяйство. Сэр Альбрехт оценивает, во что обойдется ремонт.

— Не опасно? — спросил я.

— Разве что с лестницы упадут, — Растер пожал плечами. — Там поручни сгнили.

— Как вождь?

— Доволен, — заверил Растер.

— Слава Богу, — выдохнул я. — Видите, сэр Растер, как я вам доверяю? Не видел того замка, все решал только по вашему слову!

— Мое слово — адамант, — сказал Растер гордо. — Хоть и пьян был, но такое забыть?

— Очень страшно?

— Увидите.

Я кивнул и заставил себя остаться, пропуская мимо обоз. Сани скрипели, взмыленные кони почти падали, наваливаясь на постромки. Один тролль грубо расхохотался, мол, коням сейчас и собственные уши в тягость, ухватился за оглоблю и пошел рядом с конем, помогая тащить тяжелые сани.

В арьергарде два десятка рыцарей, еще больше при них легких всадников. Я взмахом руки послал их на обгон обоза, теперь уже можно. На последних санях куча детей под меховыми шкурами, визг и драки, растут настоящие мужчины, защитники племени и свободы, истинных ценностей и собственного пути к цивилизации.

Я въехал в лес последним, держась широкой колеи. Могучие стволы расступились нехотя, сразу грозно и предостере-

гающе потемнело. Я настороженно посматривал по сторонам, лес слишком мрачен, суров и не по-хорошему тих. За все время ни одна птица не спорхнула с ветки, ни один зверь не перебежал дорогу.

Глупости, сказал я себе тревожно. Только что прошел таковой обоз, да такая толпа орущих троллей, это ж распугало все зверье на милю вокруг.

И все равно тревожное ощущение не отпускало до тех пор, пока не увидел за деревьями костры, не услышал барабанный бой и победную песню троллей. А потом деревья раступились, я увидел черные, как ночь, стены.

Замок невысок, зато вширь это не замок, а настоящая крепость. Стены кое-где обвалились, ров тоже сровнялся с землей, от подъемного моста полурассыпавшиеся бревна, на месте ворот зияет пустой провал, от железной решетки на земле только рыжие полосы ржавчины, но сам приземистый донжон вроде бы цел.

Когда я подъехал, часть троллей уже выгребала снег из помещений, куда он набился через прохуdivшиеся крыши, другая часть спешно пилила и рубила деревья, а поленья таскают в два центральных зала, куда не проникли даже сквозняки. Полыхают не только камины, тролли разожгли костры везде, откуда удалось убрать снег.

Женщины торопливо осваивают исполинскую кухню, вся металлическая посуда уцелела, даже часть глиняных горшков и кувшинов. Когда я обошел замок и снова ввалился вовнутрь, там уже пахло бараньей похлебкой. Готовят не только на кухне, но и в центральном зале на жарком костре, расположенном в самой середине. Впрочем, каменные плиты пола вряд ли загорятся.

Вождь, разгоряченный и покрикивающий на воинов, догнал меня и звучно хлопнул по плечу.

— Спасибо, брат!.. — проревел он, широко разевая зубатую пасть с торчащими наружу клыками. — Мое племя этого не забудет!

Я отмахнулся:

— Брось. Мы должны помогать друг другу, иначе люди нас затопчут. Среди них есть и хорошие, но плохих больше.

— Ты прав, — прорычал он. — Но ты помог просто не знаю как! Мы у тебя в долгу.

— Сочтемся, — сказал я легко. — Отсиживайтесь пока, обустройвайтесь, укрепляйтесь. Не делайте вылазок из леса, пока замок не укрепите как следует. Он может стать вообще несокрушимым! В этом лесу, кстати, много дичи.

— Да, мы видели следы.

— Я тоже видел, — соврал я. — Ладно, пойду посмотрю, где еще понадобится помощь.

Самые большие костры полыхают не в замке, а у входа. В огонь валят целые деревья, а подстреленных по дороге разведчиками оленей жарят целиком, разве что содрали шкуры и отрезали головы.

Да, я уже вижу ядро будущего спецназа Армландии.

Глава 10

Утром собрались в обратный путь, сэр Растер шумно обнимался с вождем, оба ревели и бряцали доспехами. Митчелла тролли хлопали по плечам и приглашали приезжать почаще. Он, уже пьяный с утра, блаженно улыбался во весь рот и в свою очередь звал к себе в гости, обещая устроить такой пир, такой пир...

Мы с вождем тоже обнялись на прощание, я сказал значительно:

— Как сказал один великий тролль: «Есть упоение в бою у бездны сладкой на краю!» Людям нельзя верить, а недоверие всегда ведет к войне!.. Справедливой и священной. Войны все справедливые и священные. И всегда.

Барон Альбрехт, что уже усвоил мою генеральную линию, поддакнул:

— Война слишком важное дело, чтобы доверять ее людям!

— Да великий вождь Кандлер уже понял, что мы скоро дадим ему возможность показать доблесть троллей во всей красе!

— Ага, — ответил вождь хищно, — здесь мы развернемся!.. Крепость хороша, это не прежняя наша деревяненькая...

Наконец рыцари взгромозились на коней, тролли проводжали нас до самой опушки. Дальше поехали все так же под руководством Растера, но теперь больше всех беспокоился барон Альбрехт: следил, чтобы ни у кого не мелькнуло баннера, а сам развернул странный штандарт с изображением дракона и двух скрещенных мечей.

— Это знамя графа Баттерли, — объяснил он. — Подданного короля Гиллеберда. Если нас кто узрит, пусть думают, что это граф со своими людьми сюда являлся.

— А сам граф далековато? — спросил я.

Барон ухмыльнулся.

— Он на другом конце королевства. Но здесь у него некоторые интересы. Так что повод ему здесь бывать тоже есть...

Сэр Растер подъехал, послушал, неодобрительно pokrutil головой.

— Все-то вы, барон, знаете. Вашу энергию да знания на доброе бы дело... ну там посидеть, выпить, баб позвать, а вы такую ерунду запоминаете!

— Но пригодилось же, — вступился я за барона. — Знаний лишним не бывает.

— Ну, — пробурчал Растер, — если приобретаются сами. Р-р-раз, и залетело в ухо! И застряло. Или в славном бою запомнилось. А то барона совсем редко за столом узришь... Пряма даже не знаю, что у него за болезнь — книжки читать!.. Га-га-га!

Альбрехт покосился на него с таким интересом, словно ожидал увидеть зеленую кожу, но Растер сегодня еще красномордее, чем обычно, гогочет, раздувает грудь и гордо поводит плечами. Операция прошла успешно, мы заполучили нехилого союзника. Конечно, в приличном обществе за свой стол тролля не посадишь, это все равно что простолюдина, но в полевых условиях можно даже не креститься, как объясняют священники, и не читать молитв, если для этого нет времени. Значит, и с троллями можно общаться.

Я покачивался в седле, на морде блаженная улыбка от вы-

полненного важного дела, в черепе неспешно проползают мысли, что вообще-то целые области человеческой деятельности уже практически целиком отданы троллям. Спорт, эстрада, байкерство, альпинизм... да мало ли что еще. Даже часть литературы: падонковская, митковская и прочая андеграундная, а еще область фантастики, где такие же тупые тролли, как и сейчас, делят галактику, защищаются от вторжения внегалактических троллей... Еще они же всегда строили дороги, служили телохранителями...

Великий и ужасный тролль Тайсон всегда был грозой как для троллей, так и всяких прочих существ, а до него гремели жуткой славой Мохаммед Али, Сони Листон... Правда, сейчас наши тролли поменяли цвет, но все равно — тролли...

Да мало ли еще где тролли, все сразу и не вспомнить!

Разведчики спугнули стадо диких свиней, что вышли на крестьянское поле и роются в снегу, вытаскивая промерзлую ботву. Пару кабанов все-таки догнали и утыкали копытами, от этого операция по переселению троллей стала еще успешнее.

На привале кабанов освежевали, костров развели с десятков, мяса хватило на всех, хотя вина уже не осталось. Зато прибавилось разговоров, как и кто общался с троллями. Все бахвалились безумной отвагой, дружбой с этими чудовищами, все преувеличивали их силу и свирепость, и вскоре мне показалось, что вина вовсе и не требуется, чтобы вот так распускать языки и животы.

Барон Альбрехт, оставив своих людей у костра, приблизился и, вежливо испросив разрешения, сел рядом. Его серые глаза следили, как бегают огоньки в крупных багровых углях, наконец поинтересовался тихо и осторожно, не отрывая взгляда от костра:

— Каковы дальнейшие планы?

— Дальнейшие, — переспросил я, — это что?

Он повернул голову, серые глаза строго и ясно посмотрели теперь в мои глаза.

— После того, как упрочите власть над Армландией.

Я ухмыльнулся.

— Теперь уже не сомневаетесь?

— Я и раньше не сомневался, — напомнил он кротко. — Просто напоминал, чтоб не зарывались.

Я подумал, широко улыбнулся.

— Ну как же, это же ясно! Устроим грандиозный пир, соберем всех красивых женщин, свезем все лучшее вино... Ага, лучших музыкантов, ясно. И запируем на несколько лет! А то и на всю оставшуюся жизнь.

Он поморщился:

— Сэр Ричард, я серьезно.

— А что, такой вариант маловероятен?

— Для вас — да.

Я сказал серьезно:

— Когда вся Армландия будет под твердой рукой, надо добиться мира и процветания на отныне наших землях. И когда обеспечим сытость и благополучие, начнем просвещать народ, обучать грамоте...

Мне показалось, что повторяю чьи-то слова, вспомнил светлого ангела, который темный, скривился, все-таки мною рулят, я же планирую делать все так, как он и велел, с другой стороны, я же не полный придурок, что назло маме отморозит уши.

— Начнем просвещать народ, — повторил я с нажимом. — Потому что этого я хочу!

Сэр Альбрехт смотрел встревоженно, но промолчал, догадываясь, что я веду спор и с кем-то еще незримым.

— Всё, что мне нужно, барон, — объяснил я терпеливо, — это теплая постель, доброе слово и неограниченная власть. Потому сразу же по весне возьмемся за насаждение демократии по всей Армландии. Как вы знаете, люди рождаются свободными и неравными. Не секрет, что одни люди по природе свободны, другие — рабы, и этим последним быть рабами и полезно, и оправданно. За них будем думать мы, в смысле я, как отец нации.

Он спросил с интересом:

— А за свободных?

— Свободные пусть сами думают, — пояснил я, — чем

быть полезными Отечеству. Нам нужна великая национальная идея, чтобы объединила всех, свободных и несвободных! И тогда Армландию ожидает невиданный взлет. Мы поднимем экономику, проведем дорогу, найдем применение дуракам, оживим торговлю, выстроим новые поселки для обслуживания новых рудников...

— А потом?

Я двинул плечами.

— Странные вопросы, барон! Когда укрепим экономику и обороноспособность, конечно же — понесем свободу в угнетенные страны, равенство и братство — словом, победоносную войну. В которой победитель заберет все, кроме жалких оправданий побежденного, потому что чужого нам не надо, но свое возьмем, чье бы оно ни было. Нам нужны будут жизненные пространства и доступ к промышленным ресурсам. Пока только к железу и углю, но нефть тоже подгреем для будущего большого скачка.

Он ухмыльнулся.

— А я слышал, что лучшее правило управления — не слишком управлять.

— Свобода рынка, — сказал я понимающе. — Барон, мне, по большому счету, по фигу вопли ущемленных. Рынок всегда двигали беспринципные пираты и олигархи, и я целиком «за», если эти олигархи будут укреплять мощь Армландии. Большая политика — это всего лишь здравый смысл, примененный к большим делам, а здравый смысл говорит о том, что социальные проблемы надо решать не раньше, чем с ножом к горлу полезут. Если не лезут, значит — сидите там.

Он покачал головой:

— Не слишком ли хотите многого?

Я воскликнул:

— Что вы, барон! У меня вообще только одно-единственное желание! Чтобы исполнялось всё, что я хочу.

Обратный путь занял почти столько же времени: хоть и без груза, но кони едва дотащили нас до замка Эстергазе, а в Орлиный замок послали гонца, что все благополучно, скоро пришем людей для укрепления обороноспособности.

На лестнице я перехватил слугу и велел подать лучшего вина в свои покои. Воздух в замке сухой и теплый, после ночевки в лесу даже на прогретый пол упасть и заснуть — рай. Я с отвращением стягивал тяжелые доспехи и швырял в угол. Слуги торопливо расставляли на дорогом инкрустированном столе посуду и золотые кубки.

— Веселитесь, — сказал я милостиво. — Объявляю выходной до самого утра.

Они ушли, суетливо кланяясь, я рухнул за стол. Две бутылки с дорогими винами, три золотых кубка разной емкости, вдруг да в процессе питья изволю сменить ритм, на отдельном блюде истекают жидким золотом медовые соты: уже все знают, что люблю сладкое.

Я со вздохом протянул тяжелую длань к бутылки, пальцы вздрогнули, не успев коснуться бутылки: из каминного огня вышел скромно одетый человек в потертом сером камзоле, таких же серых брюках, только сапоги переливаются недоброй багровостью.

Он издали светски улыбнулся и отвесил изящный поклон.

— После дел праведных, сэр Ричард?

Я проворчал:

— А вам хотелось бы, чтобы неправедных?.. Присаживайтесь, сэр Сатана. Какое вино предпочитаете? Правда, выбор невелик...

Он опустился за стол напротив, приятная улыбка не покидала его умное удлинненное лицо. Серые глаза смеялись, я вообще редко видел, чтобы он хмурился или гневался.

— Праведные, неправедные, — возразил он с лучезарной улыбкой, — всего лишь слова... Нет ни тех, ни других, а только эффективные и неэффективные. У вас вот всегда крайне эффективные, просто удивительно!.. Вино? Да у вас и вино хорошее, сэр Ричард. Любое. Разница между ними невелика, вы знаете.

— Ну тогда начнем с той, — сказал я, — что ближе. Вам в какой?

Он указал на самый маленький кубок.

— Этот, если вы не против.

— Не против, — ответил я, — вы же гость. Хотя сам бы начал с него.

— И на нем бы закончили, — обронил он серьезно. — Уже на втором. Максимум — на третьем. Вы никогда не напиваетесь, сэр Ричард! Еще один важный плюси́к вам.

Я наполнил его кубок до краев, как говорится, с горбиком, но Сатана поднял его, не пролив. Мы не стали чока́ться, только кивнули друг другу. Я отпил половину, Сатана тоже не стал осушать целиком, разом опустили на стол, я тут же, как примерный официант, которому вид опустевшего бокала служит сигналом, наполнил снова.

— Я заскочил к вам, — сказал он, — выразить свое искреннее восхищение. Даже взятие Орлиного гнезда было шедевром, но это всего лишь блестящая победа, так что я порадовался за вас, но занимался своими делами. Но когда вы отправились к троллям... это было нечто! А когда я послушал, что вы говорите своим меднолобым...

Я поморщился.

— Со времен Троянской войны медные шлемы уже не носят. Как и медные доспехи.

— Словосочетание осталось, — ответил он с улыбкой. — Словом, я был просто потрясен. Я никак, ну никак не мог ожидать такого поворота! Вы не перестаете меня удивлять и восхищать, сэр Ричард!

Я спросил настороженно:

— Вы о чем, сэр Люцифер?.. Простите, сэр Сатана?.. Или Везельвул, как вам удобнее?.. Вы только скажите.

Он отмахнулся.

— Да какая разница? Вы тоже успели совсем недавно побывать и Светлым, и Диплодоком, и еще чем-то... «Сатана» меня вполне устраивает. «Шайтан» хоть и похоже, но в данном случае несколько неуместно... Я хочу сказать, что я ну никак не предполагал, что так быстро сумеете установить контакт с троллями! И даже поставить себе их на службу!

— Еще не поставил, — напомнил я осторожно.

— Но поставите же? Вы идете даже быстрее, намного быстрее по той дороге, которую я считаю для вас самой пер-

спективной! Ведь в самом деле, какие открываются возможности, если использовать троллей!.. Грубая нерассуждающая мощь, минимальные запросы, крохотные потребности, полное подчинение военному лидеру, преклонение перед силой и жестокостью... это же мечта любого правителя!.. Вы не подумывали вообще-то объединить троллей, возглавить и повести на завоевание мира?

— Уже водили, — ответил я. — Как насчет здесь, не знаю, а у нас эти аттилы недолго завоевывали... Если и планирую использовать троллей, то на весьма определенных участках. На строго отведенных только для них работах. В первую очередь — охрана государственных границ, работа пропускных пунктов, таможня, борьба с наркотрафиком... Насчет использования внутри страны, гм, еще не думал. Возможно, и не стану их привлекать для слишком деликатных работ.

— Деликатных... это какие?

— Да вот определяюсь, — объяснил я сумрачно. — Разве что для разгона демонстраций? Особенно если сексменьшинства с требованиями...

— Для разгона?

— Ну да, — подтвердил я. — Дубинки лучше всего смотрятся в лапах троллей. Еще знаю, что спорт — единственный способ сохранить качества первобытного человека, потому тролли в нем как рулили, так и будут рулить даже в Армландии. И никогда эльф не побьет Тайсона, в смысле тролля, он даже не выйдет к нему на ринг. А тролль побьет другого тролля, получит сундук золота, а на золото к нему слетятся самые красивые и трепетные эльфийки. Если, конечно, позволить троллям войти в наше общество.

Он перестал улыбаться, глаза стали серьезнее.

— Думаю, вы позволите. В тех или иных границах. Вы уже продемонстрировали потрясающую толерантность! Узкобая церковь непримирима к любому инакомыслию. Тролли для нее в списке уничтожения на втором месте после еретиков, ведьм и раскольников. Вы же вовлекаете троллей в цивилизованную жизнь, это великое дело и великое достижение прогресса и цивилизации.

Я спросил угрюмо:

— Похоже, вы просчитали; что будет дальше?

Он покачал головой, на губах снова заиграла улыбка:

— Нет, это пока слишком сложно. Данных мало, они уникальны, а векторов развития чуть ли не бесконечное множество. Но понятно, на троллей подействует облагораживающее влияние культуры людей... но еще больше и сильнее люди начнут перенимать обычаи троллей. Они проще, понятнее, а человек всегда стремится к простоте.

По моей спине пробежала струя холодного воздуха. Я смотрел в смеющиеся глаза, и чем больше вглядывался, тем страшнее становилось. Да, любой гуляка праздный настолько привлекательнее усердного труженика, что даже труженики стараются походить на беспечных героев, которые не хотят ни работать, ни учиться, а им как бы все с неба падает. Кто подворовывает или внаглую грабит, кому предки отстегивают, а кто-то крышует богатеньких слабаков. Так что да, многие захотят подражать троллям.

— Хорошо, — проворчал я, — хоть сказали «обычаи», а не «культура троллей».

— Да просто не люблю этого слова, — ответил он, слегка сморщив нос. — А так все верно, культура троллей. А что?

— Я тоже не люблю это слово, — согласился я. — Так и тянется рука к... мечу. Затаскали! Это называется благородным термином «расширение понятия». Уже и зверства инков, ацтеков и майя начали называть культурой, а потом и вовсе — плесень в пробирке тоже культура! Я, знаете ли, неполиткорректен. И тролли будут там, где им надлежит быть. Не дальше.

Он смотрел с интересом, улыбнулся.

— А как сумеете удержать?

Я огрызнулся:

— Уж постараюсь! Сам не смогу, так партию власти создам себе в поддержку. А то и гайки закручу, в смысле, узел на мешке завяжу потуже. Я особенный демократ, с уклоном в просвещенную автократию и даже тоталикратию. Для сохранения базовых ценностей могу и на непопулярные меры, я же личность, а не угадыватель желаний толпы электрорателей...

Он кивнул, глаза стали серьезными.

— Я понимаю вашу тревогу. Даже разделяю в чем-то. Просто бывают ситуации, когда любого политика несет мощное течение, а противиться не может. Не думаю, что интеграцию троллей в общество людей сумеете удержать под контролем. А раз так, то влияние троллей будет все расти.

Он умолк, я ощутил недосказанное, спросил с нажимом:

— До каких пор?

Он смотрел на меня прямо и не отвечал. Мне стало страшнее, я повторил:

— До каких пор?.. Получат право голоса? Из спорта придут и в политику?

— А как вы думаете?

Я подумал, меня от макушки и до пят осыпало морозом.

— Да что тут думать... Уже приходили... И спортсмены, и клоуны, и убийцы... Многие уже в Госдуме... Ну, убийцы — ладно, кто из нас не убийца, здесь претензий нет, все люди и все человеки, но спортсмены... гм... в смысле, тролли... Я сам чуточку тролль, но стараюсь из себя тролля выдавливать. Седалищным нервом чую, чем грозит отролливание.

Он поморщился.

— Да ничем не грозит! Люди делают свою часть работы, тролли — свою, как вы все верно распределили с самого начала... Где-то происходит взаимопроникновение, это же нормальный процесс! Не понимаю, что за сомнения теперь?.. Вы уже стронули камешек, что вызовет лавину. Ладно, какие у вас планы насчет подталкивания прогресса?

Я посмотрел на него исподлобья.

— Честно говоря, мне не нравится, что подталкиваете на подталкивание... Охота пропадает подталкивать. Начиная думать, куда это подтолкну... Ну а в общих чертах, все стандартно. Повысить уровень благосостояния, внедрить в массы грамотность... Для этого, понятно, надо открывать новые рудники, плавильни, мастерские, способствовать разведению тонкорунных овец и крупнорогатого... Словом, стандартный набор. Главная проблема любого государства — коррупция, но я наставлю виселиц для наглядной агитации и не постесняюсь ими пользоваться.

Он усмехнулся с недоверием в глубоко посаженных черных глазах.

— Станете ли?

— Стану, — заверил я. — Крестьянина, укравшего яблоко в господском саду, вешать не стану, как делают другие лорды, а вот бургомистра, который берет взятки, сразу в петлю! Я прошел гнилую эпоху гуманизма, будь она неладна, теперь я свободен, свободен!

Он проговорил задумчиво:

— Свободен... Могушественен и свободен... Именно то состояние человека, которого добивалась Та Сторона, и к чему умело подталкиваем человека мы. Теперь вот напряженное ожидание: как человек поступит?

Я криво усмехнулся:

— Ну-ну, ждите. Я, к примеру, пока не знаю. Точнее, уже знаю, как поступлю и что сделаю, но еще не знаю, на чью чашу весов это уронит песчинку. А так вы правы, сэр Сатана. Только свободный и могущественный человек может позволить себе быть порядочным человеком. И только свободный и могущественный может позволить себе начхать на порядочность. Какая из двух этих истин истиннее?

Он чуть-чуть искривил губы.

— Счастье человека — где-то между свободой и дисциплиной.

— Посредине? — спросил я.

Он поднялся, отвесил шутливо-церемонный поклон.

— Не знаю, каждый определяет для себя сам. Рад был заставить вас в добром здравии и бодром расположении духа. Вы не представляете, какое удовольствие я получаю от общения с вами!.. До встреч, сэр Ричард!

Исчезая, он подмигнул мне, и я сразу ощутил запах серы, пахло гарью, даже воздух потеплел, словно прогретый тысячами раскаленных сковород, которые лижут грешники.

— Ну и шуточки, — буркнул я. — Я создам крепкое государство не для того, чтобы превращать земную жизнь в рай, а для того, чтобы не дать ей превратиться в ад.

Глава 11

И все-таки после его визита кусок не лезет в горло, хотя проголодался, как сто крокодилов, а в сухой глотке скрежещет, будто ветер треплет оторванный кусок жести. Противное чувство беспомощности, когда все мои сверхоригинальные планы, оказывается, уже как бы предопределены! В другом бы месте сказали «историческим процессом», но я влез вне исторического процесса, так почему же все, что я придумываю для благополучия армландцев и усиления власти церкви, находит поддержку Сатаны?

Чертовы тролли, чтоб вы все передохли! Это из-за вас Сатана так горячо одобряет мою деятельность. Звери зеленомордые, надо от вас держаться подальше... И вообще больше в тот лес не соваться, пусть теперь у Гиллеберда голова болит.

Чуть остыв, подумал, что вообще-то зря свои проблемы спихиваю на троллей. Тролли всего лишь тролли, как будто я не жил среди них! Работал среди троллей, натужно веселился, болел за команду троллей, что на футбольном поле сражалась с другой командой троллей. Вообще жил в обществе, где тролли занимались не только грабежами и рэккетом, но и политикой, бизнесом...

Да в литературе иной раз встречал такое, что мелькала мысль, а не тролль ли сумел пролезть? С чего бы эти странные воспевания темных эльфов, вампиров, киллеров и прочей дряни? Так что все путем, я не должен себя настраивать враждебно вот так заранее. Толерантное общество даже геев, кошатников и демократов воспринимает как людей, так что тролли тем более почти свои...

Но из-за того, что Сатана так приветствует их вхождение в человеческое общество, я это вхождение задержу. И вообще отложу в долгий ящик.

Я вызвал слуг и велел убрать посуду, вообще в комнате почистить, а то запах какой-то запустелый, а сам отправился вниз.

К моему удивлению, впервые за накрытым столом нет рыцарей, только несколько человек из простых ратников то-ропливо насыщаются господскими блюдами. При моем по-

явлении вскочили, я милостиво усадил обратно мановением длани.

— Обедайте не спеша, — сказал я значительно. — Вы все — герои! За проявленную стойкость и мужество все участники похода получают в награду по золотому экю. Я ценю вас, ребята!

Они прокричали ликующее «ура», я пошел к выходу во двор, с неудовольствием подумал, что даже Ксенофонт знал всех своих солдат по имени, как и Наполеон, а Сократ вообще знал в лицо всех жителей Афин, а я собственных рядовых никак не запомню. То ли забурел, то ли в самом деле становлюсь матерым государственнымником...

Во дворе все окрашено багровым светом заката. Крохотное маленькое солнце, ярко-красное, словно крупный уголек из костра, уже сползает к темной вершине зубчатой стены. Длинные тени на моих глазах слились в одну, закрыв полутьмой двор.

В середине двора блестит ледяная горка вокруг колодца, не успевают скалывать. Низкорослая женщина в не по размеру широкой шубе несет деревянное ведро, вода плещется, стараясь добавить под ноги льда. Наткнувшись на меня, испуганно вскинула голову. На меня взглянули огромные карие глаза Фриды.

Я перехватил ведро из ее руки:

— Дай-ка сюда.

Она взмолилась:

— Ваша милость, как можно!

— Можно-можно, — заверил я. — Ты еще слабенькая.

— Ваша милость, — сказала она умоляюще, — мне ужасно стыдно, что живу здесь, ем ваш хлеб, но не работаю!.. А люди здесь добрые, сразу приняли, жалеют, помогают...

Я взвесил ведро на руке, даже мужчине тяжело, вздохнул, понес к кухне.

— Фрида... Не спеши так уж отрабатывать! Ты тем самым меня оскорбляешь.

— Вас?

Она смотрела в ужасе, я снова вздохнул, сказал вдалбливающе:

— Я чего-то стою, так? Ну вот. Ты однажды спасла мою шкуру. А сейчас говоришь, что уже расплатился, это значит, что стою очень дешево. Нет уж, я стою дорого, и потому мой должок тебе еще велик. Так что не спеши отрабатывать. Вот придет весна, пригреет солнышко, оживешь, сможешь и на метле...

Ее плечи зябко передернулись.

— Ваша милость! Теперь о таком даже боюсь подумать. Да и не получится.

— Обломали крылышки? — спросил я невесело. — Да, инквизиция это умеет. Но, может быть, еще отрастут? При надлежащем уходе и лечении?.. Ладно, не загадывай. Дождемся тепла. Может быть, все наоборот...

— Это как?

Я вздохнул.

— Станешь сильнее. Сильных духом страдания закаляют и дают добавочную мощь. А ты крепкий орешек, мой воробышек!

Я толкнул дверь, в ответ пахнуло влажным теплом, в ноздри ударили запахи наваристого супа с бараниной. Повар и двестряпухи уставились на меня с ужасом. Я поставил ведро с водой на стол и, взяв Фриду под локоть, вывел на чистый воздух.

— Иди отдыхай, — велел я. — Не твое это дело, поняла?

— Ваша милость!

— Иди-иди, — сказал я грозно, — а то нашлапаю.

Она исчезла, я вздохнул и, повернувшись, чуть не наткнулся на Макса. На его лице сострадание боролось с изумлением.

— Сэр Ричард!.. Я тоже пытался сказать леди Фриде...

— Что пытался? — спросил я устало.

Он вздохнул, на меня смотрел с мольбой и надеждой.

— Когда я увидел, как она... на кухне...

Он мялся, подбирая слова, я спросил нетерпеливо:

— Что? Что на кухне?

Он покраснел так, что даже уши запылали, и проговорил трагическим шепотом:

— Чистит овощи... Вместе с челядью! А ведь она же знатного происхождения! Если бы вы даже не сказали, это ж видно... У нее и манеры, и взгляд, и поворот головы... Да и не стали бы вы нести ведро воды даме, недостаточно знатной!

Я вздохнул.

— Да, это аргумент. Тут уж не отвертеться. Но, Макс, как я уже сказал по прибытии, она под злыми чарами. Ее выкрали из замка еще во младенчестве, все годы жила и воспитывалась на чужой кухне! Что удивительного, если, кроме кухневодства, ничего не знает и не умеет?.. Происхождение ее высокое, но это все, что о ней знаю.

Он задержал дыхание, в чистых глазах сверкала решимость, лицо окаменело, скулы заострились.

— Вы заняты великими делами, сэр Ричард, — проговорил он сдавленным голосом. — Вам объединять Армлиндию, а я, простой рыцарь, могу посвятить свою жизнь восстановлению справедливости в отношении этой леди! Это долг рыцаря — защищать женщин.

Я смешался, не зная, что ответить, но Макс смотрит ясными чистыми глазами праведника, ждет ответа сюзерена, который мудр и справедлив.

Я развел руками и сказал с фальшивой бодростью, пряча глаза:

— Благородное решение, сэр Максимилиан!.. Очень благородное. Весной станет яснее, как надо защищать, а летом... гм... наверное, уже сможете это сделать. Если за это время ничего не изменится.

Он выпрямился и отчеканил:

— Только не с моей стороны! Я преисполнен рвения, сэр Ричард. И пламенной отваги. Церковь велит нам защищать женщин, не щадя ни жизни, ни злата, ни земель. И сейчас Господь осчастливил меня возможностью встать на защиту женщины!

Я перекрестил его и сказал кротко:

— Я тоже благословляю. Рыцарские идеалы... нет их прекраснее.

Он отсалютовал, ушел в зал, все время оглядываясь, не покажется ли Фрида. Я подумал, рыцарские идеалы прекрасны уже тем, что для рыцаря дороже всего, даже дороже жизни. И рыцарь, будучи человеком самоотверженным, охотно и с радостью отдает за них жизнь. Через много веков, когда рыцарь трансформируется в мушкетера, он все еще останется таким же пылким и самоотверженным, но когда наступит час испытаний, с такой же легкостью будет отдавать свои убеждения за свою жизнь.

Про джентльмена, следующую после мушкетера инкарнацию рыцаря, умолчу, у него уже нет идеалов, а есть только утонченные манеры. Про современного же человека, которого уже и мужчиной не называют, а только мужиком, — вообще вспоминать противно.

Макс — истинный рыцарь, церковь зажгла в нем огонь веры, стремление к высшим идеалам справедливости и чести. Вера христианина... прежде всего прекрасна. Вообще вера должна быть... красивой! Я пальцем не шелохну для той ветви христианства, которую проповедуют пьяные разжиревшие попы в бабьих рясах, очень удобных для того, чтобы скрыть свивающие до колен пуза, больше всего озабоченные как бы еще чего урвать от дойной коровы церкви.

Нет, рыцари бы такую веру не приняли, это понятно и на секоному. И мне такое противно. А здесь вера чистая, с горящими глазами и чистым праведным сердцем. Рыцари охотно присягают ей и несут ее в своих душах и распространяют где словом, а где огнем и мечом, что тоже истинно и правильно.

Страусы не любят кошек за то, что те закапывают свое говно в песок, а я не люблю барона Альбрехта, что разгребает песок и ехидно показывает, куда собираюсь вступить.

Барон оппозиционер настолько, что даже кубок на пиру поднимает в стиснутом кулаке, однако когда принимаю решение, уже не спорит, а выполняет умело и достаточно творчески.

Да и вообще, это я, как правитель, всегда должен быть готов ответить на вопрос: «А что будешь делать, если?...» Оппозиция брать на себя ответственность и принимать решения не обязана. Потому барон с удовольствием оппонирует, критикует, высмеивает, даже язвит, но понимает, что на такие риски не пойдет, на какие решаюсь я.

Сейчас за окном холодные зимние звезды, промерзлая луна робко ползет по обледенелому небосводу. Пес бесстыдно дрыхнет у камина, разогрелся так, что уже лежит на спине, изогнувшись и раскинув лапы. Из раскрытой пасти высывается язык.

В дверь постучали, я сказал «войдите», через порог переступил барон Альбрехт, крайне учтивый, трезвый и с мокрыми приглаженными волосами.

— Счастлив видеть вас на ногах, — сказал он серьезно.

— А почему нет?

— Остальные свалились, — объяснил он. — Зимний поход измотал всех. Кто-то отморозил уши, кто-то пальцы... Сейчас все отсыпаются. Суток двое еще не увидим за столом героев!

Я сотворил чашку кофе и придвинул ему на другой край стола. Он сел, принялся.

— Пахнет обворожительно... Вы этим и спасаетесь?

— И вам поможет.

— Знаю, — ответил он, — уже пробовал...

Я наблюдал, как он осторожно отхлебывает черную густую жидкость, горячую и сладкую, губы барона вытягивались трубочкой, но глаза неотрывно следили за моим лицом.

— Сэр Ричард, — произнес он легко, — вижу скорбь на челе!.. Великие замыслы?

— Нет, — признался я. — Самые что ни есть мелкие.

— Можно поинтересоваться?

— Если не опасаетесь запачкаться, — предупредил я. — Размышляю уже в который раз, достаточная ли я сволочь, чтобы стать хорошим правителем больших территорий, где много лордов, сотни городов, тысячи сел и масса самого разного народа.

Он вскинул брови.

— А в чем затруднение?

— Я всем хотел бы быть хорошим, — ответил я честно. — И пока я был простым рыцарем, это удавалось. Даже палadini удавалось, хотя меня мало кто понимал. Но хотя бы никто не проклинал! А вот гроссграфу достанется...

Он подумал, развел руками:

— Сэр Ричард, я рос в неплохом окружении и приличном замке, но я с детства видел, что мои родители — полнейшие идиоты и все делают не так, как надо. И говорят не то, и поступают не так! Ну просто кретины, мне за них бывало жутко стыдно. За все стыдно: как говорят, одеваются, общаются с соседями... А уж как ведут себя с моими ровесниками, я вообще сгорал со стыда... Так вот, сейчас у меня трое детей. Я вижу, что я для них полнейший идиот, все делаю не так, как, по их мнению, надо. Ну просто кретин, как им за меня жутко стыдно... И говорю не то, и одеваюсь не так, и соседям брякаю по своей непроходимой дурачности не то, что, по их мнению, должен бы изречь...

Я промолчал, горечь в словах барона понятна, хотя я пока в первой стадии развития: для меня родители — дураки, все делают не так, а я вот знаю лучше.

Барон смотрел на меня с ожиданием, я пробормотал:

— Ну, эта... сочувствую.

Он кивнул.

— Я подумываю махнуть рукой. В смысле, перестать их воспитывать. Они каждый мой жест, каждое слово понимают только как тиранию. Пусть еще чуть подрастут, а там выпихну в жизнь. Пусть она их обтесывает, а я уже устал!.. А вот вам так не поступить, сочувствую. Вам придется привыкнуть, что вы в глазах почти всего населения — мерзавец, сволочь. К счастью, это случится не сегодня. Вам надо сперва завоевать трон гроссграфы, укрепиться. Это время вам обеспечено сочувствие. А вот как только взгромоздитесь на трон...

Я вздохнул.

— Ну да, а вы будете во главе оппозиции.

— Люблю критиковать, — признался барон. — Чувству-

ешь себя таки-и-и-им умным! И, главное, ни за что не отвечаешь.

— Я тоже, — признался я, — особенно чувствую себя волевым и сильным тогда, когда этих качеств от меня не требуется.

— Политики не питают ни любви, ни ненависти, — заметил барон. — Они руководствуются не чувствами, а интересом. Поэтому я полагаю, что у вас есть все шансы...

— Ага, — согласился я саркастически. — Потому что я вот такая бесчувственная свинья?

— Ну почему сразу свинья, — возразил он. — Но надо признать, что вы обычно весьма трезво смотрите на мир.

— Понимаю, — ответил я тоскливо, — понимаю, что такое смотреть трезво. Дипломат вы, барон. Умеете так обгадить, чтобы запах оставался приятный.

Он улыбнулся одним уголком рта.

— Вам придется тоже этим овладеть.

— Я говорю грубо?

— Очень, — подтвердил барон. — Очень, сэр Ричард. Создается впечатление, что вы никого не уважаете. А этого никто не любит. Даже всеми не уважаемые люди и людишки.

А в самом деле, мелькнула раздраженная мысль, дамы и даже рыцари посматривают когда с недоумением, когда с осторожностью. Не понимают, что я тонко чувствую, но грубо выражаюсь. Я такое вот, на лицо ужасное — доброе внутри. Или «слова их порою грубы, но лучшие в мире песни они в рюкзаках хранят». Это вообще свойственно тому миру, из которого меня занесло: там без этого не выжить как личности, давление со всех сторон жутчайшее, как на дне Тихого океана.

А здесь, если говорить чисто и возвышенно, никто не станет гыгыкать и, приставив большой палец к виску, махать остальными. Но я все никак не могу в это поверить и привыкнуть. Вернее, только начинаю вживаться, и даже появляется зуд в спине там, где режутся белые крылья, как спешу над собой похихикать, пока другие не обхихикали.

Пес проснулся, покачался на спине, подошел к барону и

подставил ему шею. Барон опасливо поскреб ногтями, я сказал с неудовольствием:

— Мне придется написать табличку и повесить у входа в замок: «Во дворе добрая собака. Не обижайте ее».

— Не думаю, — сказал барон, — что всегда добрая. Я слышал, вы даже монастырь планируете на земле Армландии?

— Даже такой слух пошел?

— Представьте себе.

— Вроде бы никому не говорил...

— Но слушок есть, есть.

Я пробормотал:

— А может быть, кто-то проверяет реакцию? Подтвердю или опровергну?

Он удивился:

— А зачем это надо?

Я сказал с тоской:

— Ох, барон, не знаете вы еще эти политтехнологии... Иногда не сразу и поймешь иную трехходовку, а то и многоходовку. Ладно, сильному скрывать нечего, а если кто на этом наживется — фиг с ними. Да, в такой огромной области, как Армландия, должен быть свой монастырь. У него будут определенные функции...

Барон посматривал с нескрываемым интересом.

— Не думал, — обронил он, — что вы и в церковных делах сюзерен...

Я отмахнулся:

— Нет, я в религии мало что понимаю, да и не хочу, честно говоря, вникать. Как-то не мужественно это, не находите? Но при монастырях обычно строят школы. Пока только при монастырях, увы. Вот меня эта самая пристройка и весьма интересует. А чем будет заниматься сам монастырь — это их дело.

— А школа?

Я сказал твердо:

— Программу задам сам. И типографию велю создать. Первое, что начну печатать, конечно же, Библия. Таким образом убью сразу двух жирных зайцев: и книгопечатание вой-

дет в жизнь, и церковникам трудно будет возразить против такого богоугодного дела. Главное, барон, даже не то, что читают, а что читают вообще! Понимаете? А за Библией пойдет и другая литература.

— Какая?

— Другая, — ответил я сердито. — Барон, вы меня в самом деле считаете гением? Или как? Я две мысли в одной голове не могу удержать, а вы такое спрашиваете! Я вообще сейчас, можно сказать, в депрессии!

Он сказал участливо:

— Еще вина? Позвать девок?

Я отмахнулся.

— Сами знаете... Зима нагоняет тоску. И черную меланхолию. Мы рождены и созданы для лета. Хорошо бы на зиму впадать в зимнюю спячку, как медведи... Но чтоб все впадали. А то впадешь, а тебя разденут, разуют да еще и... гм... обидят. Мне надо, чтоб птички чирикали! Я мечусь по замку, как зверюка в клетке. Ищу, чем заняться. Прошлую зиму хоть в большом городе, а здесь одни ваши рылы, все примелькалось до тошноты...

Глава 12

На карту Армландии, как понимаю, никто еще не смотрел державными очами. Я вот такой первый, замечательный. Как и карту Фоссано не разглядывали. Думаю, такая же ситуация и в других королевствах, разве что в Турнедо король Гиллеберд крут, держит феодалов в кулаке...

Армландия вся из клочков земли с рыцарскими замками посреди. Подобное унылое однообразие тянется и тянется, переходя в Турнедо, Фоссано и Шателлен, а потом дальше и дальше.

Королевства отличаются только территориями, что удерживает самый сильный из лордов, заставивший себя признать королем. Или которого признали королем, чтобы избежать непрестанной войны за верховную власть.

Никто, как я понимаю, не занимается укреплением госу-

дарственных границ и вообще стратегией в масштабах королевства. Всяк король озабочен, как удержаться, потому что ни у одного короля нет абсолютной власти, и всяк король больше занят тем, чтобы привести к повиновению очередного лорда, что перестал платить налоги, чем думать о королевстве в целом.

Как сказано в Писании: «птицы имеют гнезда, звери имеют норы, только сын человеческий не имеет логова, и негде ему преклонить голову...» Ну, Экклезиаст забыл, что не фиг было этому сыну человеческому так уж просто поддаваться на провокацию в раю, но раз выгнали — то выгнали, вот и скитайся, населяй землю, плодись и размножайся по всем ареалам. И вообще скитания — залог здоровья, развития, прогресса, начало географии и философского отношения к жизни.

Но я, похоже, обоснуюсь в Армландии. До этого как-то даже не думал о таком варианте. Просто шел по жизни неким... ну, чтоб не сказать кем, прибегну к эвфемизму: странствующим рыцарем, искателем приключений, гулякой праздным... стоп-стоп, а то так и в самом деле брякну, кем я шел, избегая нагрузок, обязанностей, привязанностей, красивых и верных женщин, потому что верность обязывает, а я из мира, где мне подай только права и еще раз права, да побольше.

Сейчас, когда томлюсь от безделья, можно подумать, где устроить резиденцию. На самом деле у всех правителей нет единого места проживания, но у меня вообще пока ни одного. Но мне нужно как раз одну надежную, чтобы туда стащить все нахапанное по дороге, а то, подозреваю, что в моем роду был хомяк: ценные вещи хапать — хапал, но растыкал по дороге в тайных норах, ибо обуревала этого хомяка странная страсть к продвижению на Юг.

Поводом для постройки замка всегда называется необходимость защиты, хотя на самом деле, чего уж скрывать, замки нужны для закрепления контроля над землями и торговыми путями. Когда есть сильная центральная власть, замки вроде бы не так уж и нужны, и потому в французской провинции Пойто было три замка до начала грабительских набегов ви-

кингов, но было выстроено еще тридцать шесть для защиты от них.

Только во Франции, как я помню из истории, их было под пятьдесят тысяч, так что не думаю, что в Армландии окажется меньше, чем тысяча. Думаю, намного больше.

Замки строились быстро только в начале эпохи замков, достаточно было холма и леса поблизости. Но когда пришла эпоха камня, редко кому удавалось построить замок за год. А вот десять-пятнадцать лет строительства никого не удивляли. Строители замков нарасхват, как дизайнеры, так и группы умелых рабочих-профессионалов.

К тому же в городах желали строить величественные соборы, народ надо впечатлять, а их возводили те же бригады. Желаящие построить замок должны были платить больше. На замок среднего размера требовалось около тридцати кузнецов, четыреста каменщиков и не меньше двух тысяч рабочих. Если учесть, что камень нужно сперва ломать в каменоломнях, поднимать на поверхность и тащить к месту строительства, то такие замки строили лет по пять-десять. Если же разбирали старый и строили на его месте или рядом новый, то можно уложиться и в год.

Но там, где я присмотрел местечко, камня нет и близко. А если и есть, то весьма глубоко. Значит, тоже несколько лет, а мне не дадут и месяца, как только станет известно, что кто-то пытается поставить сторожевую крепость на перекрестке всех дорог.

Потом, насколько помню, замки со временем стали строиться больше похожими на дворцы, что приспособлены для жизни в комфорте, но я в библиотеке Бражеллена рассмотрел чертежи всех возможных замков, подивился наиболее причудливым и все-таки выбрал замок, а не дворец.

Для оценки своего выбора я созвал, втайне гордясь собой, цвет своего рыцарства: Растера, Альбрехта, Митчелла, Макса, а также некоторых из недавно примкнувших, что оставили свои замки и тусуются в нашей группе.

Сэр Растер охнул, бросив на чертеж лишь беглый взгляд.

— Сэр Ричард! Это невозможно!

— Почему?

Он покачал головой:

— Слишком... размашисто. Вы представляете, сколько такой замок строить?

Я кивнул:

— Ладно, я понял. Предположим, я эту проблему решу. Какие трудности еще?

— Если вы сумеете набрать нужное число людей, — ответил он не по-растеровски рассудительно, — для строительства, то... вам не дадут столько времени. Все понимают, что если поставить крепость именно на этом месте, она будет контролировать все торговые пути! Здесь и единственная переправа через реку, и дорога, что проскальзывает между Лесом и пропастью, и перекресток всего-всего, чем сообщаются между собой королевства со стороны севера, с Югом. Я имею в виду, через Перевал...

Я промолчал, есть планы насчет Туннеля. Если удастся дефов заинтересовать или как-то еще принудить к сотрудничеству, то Туннель я открою. Нужно будет только удержать его в руках. Слишком многие захотят захватить его, это же будет дорога, каждый шаг по которой будет приносить золото в мою казну.

Остальные рыцари посматривали на меня нерешительно, но почти все высказались, что такой замок выстроить невозможно. Причина: не дадут. Даже лояльные мне лорды настаивают, что я буду единолично контролировать все дороги: как торговые, так и военные. Даже король, по мнению лордов, не должен обладать единоличной властью.

— Замечания справедливые, — согласился я. — А как насчет самого замка?

Барон Альбрехт заметил негромко:

— Сэр Ричард, вы вот здесь и здесь нарисовали что-то непонятное... Это для защиты?

— Да, — ответил я небрежно, — дополнительная защита. Но, как вы видите, замок нам построить не дадут, а жаль, жаль...

Я скатал план замка, барон посматривал на меня испы-

тующе. Вряд ли поверил моему горестному вздоху, слишком уж он напоказ, но остальные поверили, на это и рассчитано, я велел подать вина, мы выпили за скорейший приход весны и будущие победы во славу Пресвятой Девы, после чего рыцари ушли продолжать пир.

У политики нет сердца, а есть только голова, это одна из истин, но только после того, как за последним закрылась дверь, я с острой тоской сообразил, как много я набрался, как собака блох, этого самого рыцарства. Как ни изгалялся над ним, как ни топорщил перья, что вот я какой крутой, и все моральные истины мне по фигу, я стою их выше, но как подумаю, что политик должен полностью отбросить понятия верности и чести, мол, устаревшие — становится погано.

Хуже того, вдруг понимаю, что не готов. Одно дело посмеиваться над высокими словами и высокими истинами, это у нас уже в крови, другое дело... гм... Сколько бы ни ржал над тупыми толстыми попами, сколько бы ни говорил, что не признаю всего этого язычества с иконами, хоругвями и прошивками, но как мне было хреново, когда пришлось идти через Перевал и наступать на изображение Девы Марии!

Тогда я сумел это сделать, потому что видел близкий конец Перевала, нужно перетерпеть совсем немного, но здесь не Перевал, должен постоянно наступать на честь, совесть, достоинство, верность слову! А смогу ли? А если смогу — во что превращусь?

С другой стороны — могу увильнуть и не брать на себя бремя власти. Пусть, мол, другой... Но вся фишка в том, что другого нет! А если кто и возьмет власть в Армландии, то это будет море крови. Да и потом, как он будет править? Какие реформы? Не смешите...

Пустая чаша на столе заполнилась черной жидкостью. Я жадно втянул аромат кофе, в голове прояснилось от одного запаха, а после первого глотка я сразу ощутил себя готовым на всякие подвиги.

— А подать сюда Тяпкина... — сказал я громко, — с чертежами вместе...

С первых же дней моего волордвения в замке Эстергазе,

Миртус, счастливо роясь в награбленной библиотеке барона Эстергазе, перетаскивал мне, как лорду-воителю, всякую хрень насчет воинского умения, стратегии и тактики, вооружения войск, взаимодействия между различными частями.

Поддавшись его натиску, я даже просмотрел старый трактат знаменитого аль-Кинди «О различных видах мечей и железе хороших клинков и о местностях, по которым они называются», посвященный великому воителю Мутасиму. Аль-Кинди пишет о разнообразных мечах, изготавливаемых на землях от Крайнего Севера до Хребта, дает разъяснение о способах их изготовления, о сортах железа и стали, о способах закалки клинков. Лучшие мечи, по его словам, выкованы из материала, составленного из мягкого железа и стали. Они широкие у рукояти и узкие у острия, имеют широкий дол, «который выглядит как чистый речной поток». Дамаск по рисунку похож «на редкий узор табаристанской ткани». В верхней части этих мечей находятся полумесяцы или кресты, иногда кольца или круги, выложенные латунью или золотом. Кинди сообщает, что лучшие мечи издавна готовились из сварочного дамаска и обладали особыми свойствами, которые так и не разгадали лучшие мастера-оружейники всех известных ему королевств.

Таких мечей сохранилось в мире всего двенадцать, если верить слухам, но отыскать удалось всего три. Два находятся в личной оружейной императора Карла, один у варварского короля Корнуэлла, который ни за какие деньги не отдает императору, тот пытался купить для себя. Конечно, будь король Корнуэлл послабее, или будь его королевство поближе, император Карл обрушился бы на него со всей мощью, дивный меч того стоит: его невозможно ничем разрубить или сломать, а сам он, однажды заточенный неведомым способом, с тех пор рассекает любую сталь...

Я зевнул, захлопнул трактат.

— Миртус, только мне такое не носи. И вообще... я не верю, что в древности может оказаться что-то ценное. Лучше ищи сам. Нет, не в трактатах, а ищи пути... Что там есть насчет катапульта? Тут возникла умная идея за зиму настроить

катапульта, хранить в разобранном виде, а по весне на телегах перевезти к осаждаемым замкам! Если установить хотя бы десяток, то это вроде бы может решить исход войны, как думаешь?

— Наверное, — ответил он настороженно, — катапульты... да, это мощное оружие!

— А ты сам с ними дело имел?

— Н-нет, ваша светлость...

— То-то и оно, — сказал я раздраженно.

— А в чем сложность? — спросил он. — Конструкция ясна...

— Это все верно, — согласился я, — да есть один момент... очень неясный.

— Какой, ваша милость?

— Как они стреляли? — спросил я. — Как бросали так далеко тяжелые камни?

Он уставился на меня непонимающими глазами. Потом пробормотал:

— Ну, вроде бы все понятно... Хотя я сам катапульты не обслуживал...

— А видел?

— И не видел...

— То-то и оно, — ответил я, вздохнув, — никто не видел нормальные катапульты... чтоб без магии! Невидимки какие-то! Как женские добродетели. Но все видели людей, которые их видели и чьим словам можно доверять. Или даже видели тех людей, которые видели тех, кто видел катапульты...

Он молчал, стараясь понять, что меня не устраивает, но меня как раз все устраивает, особенно та ужасающая мощь катапульты, которая им приписывается. Настораживает самый что ни есть пустячок: настоящая история катапульт не помнит. И не знает. Конечно, все учебники истории не только обстреливают замки из катапульт, там катапульты даже принимают участие в полевых битвах, забрасывая наступающие ряды врага градом камней или горшками с горючей смесью. И вообще, катапульты — аналог пушек будущих веков, использовались вроде бы так же широко и часто, как потом пушки Наполеоном.

Да и в трудах историков средней руки, особенно для народа, катапульты — основное ударное оружие древности. Они использовались абсолютно во всех крупномасштабных сражениях, как на суше, так и на море. Именно катапульты наносили основной урон, а уж пехота или кавалерия довершали разгром.

Ну, а с легкой руки Голливуда катапульты вообще рулят всегда и везде: всех размеров, видов и разного назначения. И обслуживают их лучшие воины под руководством умелых инженеров. Еще в стратегических играх я старался пораньше настроить катапульт, они успевали горшками с горящей нефтью и камнями истребить половину вражеских рядов, прежде чем начиналась рукопашная.

Но в реале я человек подозрительный, меня смущает то, что ни одной катапульты так никто и не видел даже в древности. Уж Геродот или Ксенофонт в своих трудах обязательно бы написали о них, не говоря уже о римлянах, которые оставили массу томов с пространным описанием всех своих войн, сражений и даже подробнейшим описанием экипировки всех видов войск и даже коней.

Вообще-то решающее слово в истории остается за археологами. У них накопились горы скребков из кремня, костяные иглы, с помощью которых неандертальцы сшивали шкуры мамонтов, залы ломаются от дубин и гарпунов неолита, есть масса мечей из бронзы, но вот ни одной катапульты или хотя ее кусочка!

Насколько помню, когда создавали суперблокбастеры «Бен Гур» и «Клеопатра», то пытались на выделенные миллионы долларов построить настоящие античные корабли и катапульты. Конечно, ничего не получилось, хотя использовали современную сверхлегкую и сверхпрочную сталь, синтетику и прочие навороты. Потом, когда лепили «Трою» и прочие хитовые вещи, вообще ограничились компьютерной графикой, а пипл все схавает, да еще и поверит...

Конечно, те, кто проталкивает эту хрень, мямлят о каких-то секретах, которые знали древние, а мы вот, тупые, никогда не узнаем, но это басня для бедных. Наивным идиотам ка-

жется, что неграмотный кузнец может знать больше коллектива современного научно-исследовательского института металлургии или чего там надо.

Короче говоря, камень из катапульты в лучшем случае шмякнется прямо перед катапультой. А о том, чтобы забрасывать города через стены умирающими коровами — это вообще из сказок. Так что катапульты, несмотря на все их нарисованные прелести, отпадают. Мне нужно только то, что бы работало. И чтоб работало на понятных любому принципу, без всякой магии. Я магией пользуюсь, но не доверяю.

Миртус замер, даже не дышал, чтобы не мешать сеньору мыслить, а я, ничего не намыслив, раздраженно махнул рукой:

— Лады, топай.

Он исчез, я подумал с тоской, что «сокровища Древних Знаний» у многих отбивают жажду доискиваться самим. Зачем изобретать велосипед, когда можно в руинах найти готовый? А то и джинна, который тебе все отыщет сам, только прикажи!

Глава 13

Два дня я неумело рисовал чертеж осадной башни. В библиотеке барона Эстергазе ничего похожего не нашел. Хочется, чтоб не только стрелять сверху, но и разом пересадить часть воинов на стену или даже башню.

Барон Альбрехт отнесся к этой идее скептически, Растер тоже заявил, что все дело в мощном рыцарском ударе, только Митчелл, к моему удивлению, рассматривал долго и сказал наконец, что если обвешать шкурами и поливать их водой, то эту штуку не сожгут, можно успеть перебраться на чужую стену, а там уже как получится...

С погодой повезло: чередой идут на редкость ясные солнечные дни, только больно короткие. День начинает клониться к вечеру, не успев разгореться, солнце совсем крохотное, проходит крадучись вдоль горизонта и торопливо погружается в лиловую тучу на западе, а там опускается за край земли.

Снег в лунном свете выглядит особенно мертвым, злое-
шим, и вся планета кажется каким-то Плутонем. Синеватые
тени залегают в любой выемке, уже на расстоянии сотни ша-
гов кажутся почти черными, а мертвое небо сливается с теня-
ми на земле.

Позлившись, что и мне приходится, как простолюдину,
ждать весны, я пил на ночь кофе и лез под одеяло. Кофе сну
не помеха, а с ясной головой сны лучше смотрятся. Тут же,
как бы крепко ни спал у камина этот черный бегемот, он тут
же вскакивает и бежит ко мне.

А затем начинается пыхтение, сопение, вздохи — это вы-
спавшийся бездельник устраивается на коврик у ложа. Сего-
дня, чувствуя, как слабеет моя стальная и несокрушимая во-
ля, я с особой нежностью прислушивался к пыхтению.

Мелькнула мысль разрешить взобраться ко мне, но ведь
этот свиненок только ложится тихонько-тихонько, а во сне
начинает потягиваться, упирается в твою спину шершавыми
лапами и все подталкивает, подталкивает к краю кровати...

Практически все собачники ловятся на жалость: берут
жалобно повизгивающего щеночка к себе на кровать, он при-
выкает спать там, а когда вырастает в кабана, вроде бы и не-
удобно согнать. Не поймет за что, будет обижаться за неспра-
ведливость.

Но собачий век недолог, поплакав и нарыдавшись, берут
нового щеночка, но на постель уже не пускают. Думаю, быв-
шим хозяевам Бобика удалось осуществить заветную мечту
всех собачников: чтобы их милая собачка не умирала! Над че-
ловеком так не рыдают, как над умершей собакой. Человек
успевает прожить долгую жизнь, а собака вот только что была
веселым игривым щеночком, а теперь вот старая и седая, бы-
стро дряхлеет и смотрит на тебя с немим укором: ну как же
так, почему меня не спасешь? Бобика кто-то спас, то ли с по-
мощью высоких технологий, то ли с помощью продвинутой
магии. Гены перекомбинировали или еще как, но теперь Бо-
бик есть то, что есть: нестареющий сильный и веселый пес,
быстрый, ловкий, с повышенной выносливостью и прочими
характеристиками, которые хотел бы любой собачник видеть
в своем пэте.

Я начал погружаться в сон, как скрипнула дверь, в покои тихохонько проскользнула легкая фигурка Фриды. Она приблизилась на цыпочках, пугливо обходя огромного Пса. Я приподнял край одеяла, и Фрида, быстро сбросив платье, торопливо юркнула на указанное ей место.

— Как обживаешься? — спросил я.

— Спасибо, ваша милость, — прошелестела она. — Люди здесь очень добрые...

— Еще бы, — проворчал я. — Им оставлена жизнь!.. Но ты не усердствуй на кухне. Лучше Миртусу помоги. Это наш дворцовый маг. У него там и книг уйма...

— Ваша милость, я грамоте не обучена!

— Обучись...

Она лежит рядом тихая, как мышка, все еще худая, миниатюрная, как и положено ведьме-метлолетательнице. Огромные карие глаза смотрят на меня с вопросом.

— Постараюсь, — ответила она с запинкой. — Если вы так велите...

Я вздохнул.

— Я не велю, я просто советую. Сам я грамоте обучен, и от этого у меня больше силы.

Она спросила тихонько:

— Какой?

— Всякой, — ответил я сердито. — Не знаю, на что ты намекаешь, свиненок, но ты лучше спи. Пригрейся и спи. Ты хорошо лопаешь? Надо набираться сил.

Она повернулась ко мне, мягкая горячая грудь коснулась моего бока.

— Я набираюсь, ваша милость.

— Эй-эй, — сказал я предостерегающе, — не начинай доказывать, что полна сил. Я тверд, аки скала библейская.

Она хихикнула:

— Да, я это уже чувствую.

— Ты яблоко и змея, — обвинил я, — в одной коробочке... Ладно, иди сюда. Только не увлекайся, не увлекайся! У меня здоровье хрупкое. И вообще, будь со мной понежнее.

...Да что я ее пытаюсь вразумить, мелькнула мысль утром. У женщин — все сердце, даже голова. Она и думает сердцем, а я, как дурак, всех стараюсь стричь под одну гребенку: учиться, учиться и учиться! Как же, шас ломанется в академики...

Она сладко спала, свернувшись в комок и подогнув колени. Под щекой детская ладошка, губы сложились сердечком, брови нахмурены.

Хорошо, подумал я, хоть сегодня не снилась инквизиция. Я поднялся на цыпочках, быстро оделся и вышел. Стражи в коридоре готовились грохнуть древками копий в пол, но я показал кулак, они понимающе закивали и притихли.

Внизу разноголосый гомон, за столом все выглядит так, словно никто и не ложился. Сэр Растер вскочил и ринулся навстречу, распахивая объятия.

— Сэр Ричард! Такое счастье!.. Великая пророчица Ягуанда по дороге к святым местам изволила заехать в наш замок!.. Она нам тут такого напророчила!

— Так вам и надо, — буркнул я.

— Ах, сэр Ричард, — воскликнул сэр Растер с укором, — она хорошее напророчила! И великие дела и даже подвиги во славу... забыл чего, но во славу. А еще богатств наобещала всяких и разных!

— Попробовала бы не наобещать, — сказал я зловеще, — чей хлеб жрешь, тому и песни пой.

В малом зале рыцари сгрудились, теряя достоинство, благородные люди не должны стоять так тесно. Я сразу ощутил враждебность по отношению к тому или чему, что заставило хоть на миг забыть, что они лучше и чище тех, кто не держит себя в руках.

Поверх голов увидел сидящую за низким столиком женщину в длинном платье. На столике традиционный шар из стекла или чего-то подобного, внутри что-то трепещет не то крылышками, не то разрядами крохотных молний.

Ощувив мое присутствие, рыцари раздвинулись, но я остался на месте, рассматривая ее с дистанции, это выглядит эффектнее.

Женщина прервала негромкую речь, подняла голову.

Я ощутил некоторую оторопь, лицо резкое, даже гротескное, словно помесь тролля с одухотворенным эльфом: крупные, глубоко посаженные глаза, поднимающиеся уголками к вискам, широкие скулы и резко запавшие щеки, однако подбородок выступает вперед, выказывая, как говорят, силу характера.

Я тоже выдвинул нижнюю челюсть и смотрел на нее ба-раньим взглядом владельца замка, которому зимой скучно и он жаждет шутов и клоунов.

Она встала и поклонилась.

— Я счастлива наткнуться на ваш замок, сэр Ричард, — произнесла она низким, но все же женским голосом. — У меня за время странствий остался только один слуга, его сейчас отогревают у вас на кухне...

— В моем замке вы найдете все, — заверил я свысока, — что вам понадобится. Отдыхайте, на кухне снабдят едой в дорогу. Если понадобится одежда потеплее, поговорите с управителем. Он может что-то подобрать, здесь много осталось... после смены владельца. Вы смелая женщина, раз путешествуете зимой, когда волки ходят стаями. Зима, знаете ли...

Рыцари заулыбались, услышав намек на доблестный захват замка, где почти все отличились, а пророчица поклонилась и ответила тем же звучным резонирующим голосом:

— Спасибо, мой лорд. Мне уже оказан теплый прием, а я стараюсь отблагодарить благородных господ видением их судеб... Не желаете ли, чтобы посмотрела линию вашей руки? Взглянула, как выпадут карты? Или мой магический шар покажет вашу дальнейшую жизнь?

Рыцари перестали переглядываться, на лицах жадный интерес.

— А он магический? — поинтересовался я.

— Магический, — подтвердила она. — Правда, свои тайны он раскрывает только мне...

— Ну, это и понятно...

— Я вот сразу могу сказать, — продолжала она, не отрывая от меня жуткого пронизывающего взгляда, — что вы совсем не тот, кем вас считают. Душа ваша подобна бездне, в

ней ежечасно сражаются легионы и легионы дивных крылатых людей... или нелюдей... Вас скоро ждет всеиспепеляющая любовь, что подвигнет вас на... свершения!.. Вас ждет слава и разочарование в славе, богатство и чудесные открытия, дивная женщина и коварные противники...

Передо мной в самом деле распахнулась бездна, сердце замерло. Я слушал гипнотизирующий голос и чувствовал, что теряю себя, озлился, холодок ужаса сменился изморозью страха, затем и тот растаял, я вздохнул глубже, сердце стучит мощно, гоняя горячую кровь по большому, среднему и малому кольцу.

— Леди, — прервал я почтительно, когда она остановилась набрать воздуха в тощую грудь, — вы малость перепутали...

Ее глаза расширились в безмерном удивлении, а брови поднялись.

— Что-о-о?

— Простите, что прерываю, — сказал я с изысканным поклоном, — прервать женщину вообще свинство, а красивую — тем более, а вы красивая, леди, и не надо про возраст, ибо троянда даже увядшая все равно красивше молодой крапивы... Гм, куда это я съехал? Ага, вспомнил: леди, я — христианин.

Она пребывала в некоторой растерянности, возможно, впервые за последнюю тысячу лет. Никто не прерывает Великую Пророчицу, никто не осмеливается говорить ей комплименты, и сейчас вперила в меня жуткий взгляд, во всяком случае старалась сделать его жутким и обрекающим, но комплимент сделал свое дело, взгляд не получался... этим самым.

— И что? — спросила она ледяным голосом. — Что это меняет?

Я развел руками и на всякий случай в полупоклоне шаркнул ножкой.

— Все меняет, уж простите за выражение. Предсказания срабатывают только для язычников, они все рабы по сути своей... Ментальные, так сказать, простите еще раз за грубое слово, эти самые. Ну, рабы, в общем.

Она переспросила грозно:

— Рабы?

Я еще раз поклонился, голова не отвалится, к тому же — женщина, это перед мужчинами всегда смотришь, чтобы не перепоклониться.

— Для нас, христиан, фатум отменен, — объяснил я скромно. — Судьбу мы... отстранили от занимаемой должности. Теперь все в наших руках, ибо нам дадена свобода выбора! А вот у язычников его не было. Увы, и не осталось. Вон как расписан будущий конец мира: кто кого убьет и кто-то кого укусит, Тор убьет Мирового Змея и, отойдя на два шага, упадет и помрет от яда... Ишь, даже шаги просчитаны!.. Не-е-ет, мы такого не хотим, и мы такое непотребство отменили!

Она прервала меня громовым для такой хрупкой леди голосом:

— Но... Книга Судеб!.. Она существует!

— Раньше она шла впереди событий, — согласился я, — но теперь, когда бразды взяло в руки христианство, в нее записываются уже случившиеся события. Круг бытия разорван, циклы больше не повторяются... Это раньше было: веют ветры и возвращаются на круги своя, ничто не ново под луной... и еще что-то, а щас вон и глобальное потепление, и дуст в пингвинах... гм...

Она спросила с ужасом:

— Ты, дерзкий, отказываешься принимать предначертанное?

— Ага, — ответил я.

— Да как ты, дерзкий...

Она поперхнулась от великого возмущения.

— Посмел? — догадался я. — Леди, я — христианин! Дело не в дерзости, хотя, конечно, каждый из нас с большим удовольствием признается в дерзости и даже хамстве — это так круто и по-мужски! — чем, скажем, в грамотности, но, как сказал Константин рыбачке Соне как-то в мае, дело, кажется, не в том. Христианское мировоззрение, леди, изначально рыцарское! Конечно, уютно жить в языческом абсолютно предсказуемом мире, когда все впереди известно, просчитано, ко-

гда тебя ведут за ручку... Даже когда ведут на плаху, все равно человек не трепыхается, все, мол, заранее было записано в Книгу Судеб!.. Но, леди, христиане — гордый народ. Мы не хотим ходить по кругу, как ослы на мельнице. Не желаем, чтобы все впереди было кем-то предreshено... это... это оскорбительно, наконец! И, самое главное, несовместимо с рыцарским достоинством!

Я гордо выпрямился и всем своим видом показал, что как можно меня, вот такого, вести, как осла, по заранее расписанной кем-то жизни? Да пусть и богами даже. Боги — они тоже, так сказать, избираемые демократическим путем. Если не соответствуют чаяниям, переизбираем других. Так потеряли голоса не только якобы мудрый Один, сверхмогучий Тор, прекрасный Браги и прочие скандинавы, так отодвинута от власти правящая партия олимпийцев, а уж на что были красивые и пластичные, потеряли влияние даже куда более многочисленные боги Индии, Китая...

— Отстранив старых богов от власти, — пояснил я, как школьнице, — мы сказали твердо, что пойдем другим путем! И сошли с предначертанного и освященного пути, по которому нас вели! К рагнареку или не рагнареку — неважно, но по кругу. А так мы разорвали круг и зигзагами по прямой, по прямой... хоть и зигзагами... Свобода выбора — страшновато. Теплее и уютнее было в предсказанном и предначертанном мире, согласен, леди. Мы хоть и не женщины, но тоже хотели бы определенности, и чтоб другой был виноват в нашей дури, мол, так в Книге Судеб записано, я ни при чем!

Рыцари затихли, как дети, слушали меня, а когда я бросил взгляд в их сторону, увидел вместо них один сплошной широко раскрытый рот.

Пророчица поднялась во весь рост, выпрямилась, гневно сверкая очами. Впервые вижу женщину, что почти равна мне ростом, хотя тощая, как ветка без листьев.

— Дерзкий, — произнесла она обрекающим голосом, — ты отвергаешь власть судьбы? Хорошо же, ты убедишься, что все в ее власти!

Она быстро убрала в потрепанную сумку из кожи теленка шар, рыцари расступились, и она быстро пошла прочь.

— Э-э, леди, — крикнул я вдогонку, — а что мне было там предназначено?

Она обернулась, лицо полыхает гневом, в глазах яростное пламя.

— Но ты это отверг!

— Эт да, — согласился я. — Но так, из любопытства... Да и вдруг окажусь поблизости. Или кого пошлю вместо себя... У меня много слуг, бездельничают, сволочи... Надо бы какие-то экономические рычаги придумать, но когда?

Она выкрикнула с гневом и оттенком злорадства:

— Нет! Ты служишь другим богам!

Я перекрестился и сказал благочестиво:

— Одному.

— Ну вот и служи, — отрезала она еще злораднее. — Пророчества — не для тебя!

Я вздохнул. Она права, пророчества — для слабаков. А я не слабак... в глазах всех моих рыцарей. В их глазах я несокрушимый орел и лев рыкающий, а что на самом деле я вообще-то трусоватый и вечно неуверенный кролик — это секрет, это мое личное. Человек — это то, кем себя показываешь, а не то, что есть на самом деле. На самом деле все мы — куски дерьма, это если хорошо вдуматься и все-таки признаться, но если будем вести себя достойно, то вся говнистость во времени переплавится в большой и сверкающий алмаз. При определенных условиях.

Сэр Растер, мгновенно меняя мнение, взглянул вслед пророчице.

— Если она проповедует противное Христу, то не повесить ли старую ведьму?

Я вздохнул.

— Надо бы. Но во мне еще жив недодавленный гуманизм. Пусть идет дальше, будем давить этого противника духовностью и более высокой культурологичностью... хотя, конечно, низкое всегда мощнее.

Сэр Растер спросил озадаченно:

— А как тогда давить?

— Это серьезный вопрос, — согласился я. — Будем давить интеллектом, нравственностью, гуманизмом и одухотворенностью, особо упорствующих истреблять огнем и мечом, но не со злостью и ожесточением, а с христианской кротостью, скорбя о погубленных дьяволом душах. Проще говоря, убил язычника — перекрестись, убил второго — перекрестись. А если их много, убил всех — перекрестись и прочти молитву.

Лицо сэра Растера, да и лица других рыцарей, посветлели, в глазах появился стальной блеск верующих христиан.

Митчелл буркнул:

— А я бы и эту повесил. Она, сволочь, мне такое нагадала...

— И я, — сказал один из рыцарей.

— Если успеть повесить до захода солнца, — вставил один авторитетно, — то предсказание не сбудется.

— Вам хорошо, — сказал я, — вам можно быть бескомпромиссными. А мне, увь, низзя. Я — уже политик, не при женщинах будь сказано.

Митчелл оглянулся с подозрением.

— Здесь женщины? Эта ведьма подслушивает?

— Нет-нет, — успокоил я. — Это у меня такие странные ассоциации. Везде баб вижу, не к добру. Так вот, политик должен иметь чистое сердце, ясный ум и руки по локоть в говне.

Митчелл тут же брезгливо посмотрел на мои руки, даже отодвинулся, ну что за простодушные люди, не понимают иносказаний и аллегорий. Я и так все смягчил, на самом деле политики в этом самом с головы до ног, и ничего — улыбаются с плакатов, процветание обещают, детские утренники поощают.

Другие рыцари тоже смотрели на меня с бледными улыбками, что медленно гасли, как светильники, не получая масла.

Сэр Альбрехт кашлянул, спросил рассудительно:

— А вы уверены, сэр Ричард, что в ее предсказаниях нет ни зерна истины?

Я вздохнул, сказал с неохотой, словно поднимаюсь на высоту, куда можно бы не подниматься, да еще и всех их тащу на веревке:

— Тот, кто верит в приметы, в предсказания, предначертания и прочую лабуду, этот человек — не христианин! Вот так, не христианин. Он даже не сатанист, ибо те тоже знают, что человек свободен и сам определяет свою судьбу...

— А кто? — поинтересовался кто-то из задних рядов.

Голос был озадаченный, я сразу представил себе молодого рыцаря, его с детства усердно учили владеть мечом и копьем, вскакивать на коня в доспехах, драться с утра до вечера, не выказывая усталости... и этим все воспитание ограничилось. Мол, остальное доберет в общении с другими, на службе при дворе знатного сеньора.

— Этот человек, — сказал я и подпустил в голос как можно больше презрения, — язычник! Язычник — раб, запомните. Он весь во власти судьбы. От судьбы не уйдешь — это пришло из язычества. А мы сами вершим свою судьбу. И что бы там ни напрогнозировали эти тупые язычники, мы сплотим Армландию, сделаем ее богатой и процветающей, а все вы станете баронами, виконтами, графами и герцогами!

Сэр Растер громко рывкнул:

— Слава нашему сюзерену!..

— Слава! — подхватил первым Митчелл, который вообще смотрит на Растера, как на отца.

— Слава!

— Слава сэру Ричарду!

— Слава сэру Ричарду, гроссграфу Армландии!

— Слава!

Я улыбался и кланялся, как на сцене. Да, атмосфера изменилась, мы сейчас все верные и преданные христианские воины и с нетерпением ждем весны, чтобы поскорее нести христианскую мораль на остриях своих мечей.

Глава 14

День солнечный, морозец обжигает уши и щеки, под ногами звучно и смачно скрипит снег, словно заяц жрет капусту. В синем небе пролетели вороны, а за ними пронеслось нечто быстрое, словно сокол-сапсан, но не сокол, донесся глу-

хой звук удара, и мохнатая гарпия понесла обмякшую ворону на крышу замка.

Молодцы, подумал я. Вороны совсем обнаглели, даже в замке пытаются что-то высмотреть и спереть. Гарпии сдерживают их рост, иначе вороны все бы здесь разворонили и оворонили.

Из кузницы вышел приземистый мужик в кожаном фартуке на голом торсе, весь лоснится от пота, торопливо поклонился.

— Доброго здравия, ваша светлость!

Уже вся челядь научилась вместо «ваша милость» говорить «ваша светлость». Мне вообще-то по фигу, но такое нужно, чтобы помнили: их замок захватил более сильный и могущественный сеньор, чем прежний, так что служить ему выгоднее и почетнее.

Кузнец быстро хватил горсть снега, потер лицо и поспешно скрылся в своей халупе. Я подумал вяло, что весной надо сделать кузницу каменной, а то слишком велик риск пожара.

Хотя, конечно, много ли работы у кузнеца? Прошло то наивное время, когда я полагал, что мечи кует кузнец. Уже в самом раннем Средневековье каждый меч изготавливала слаженная бригада узких специалистов числом так это в десять-двадцать человек. Одни заготавливают просто бруски металла, другие переплавляют железо в сталь, третьи проковывают полосы, четвертые — полируют, пятые — закаливают, шестые — затачивают, седьмые — насаживают клинок на рукояти, а есть и еще работы для спецов попроще, что ничего другого делать не умеют, кроме как работать за столом ложкой.

Так что мне требуется много мастеров, причем не простых, а которые знают технику дамаскатуры. Это когда кузнец берет три полосы железа и четыре стальные, сваривает их попеременно вместе, а затем это все перекручивает или складывает гармошкой, надрубив для удобства, а потом проковывает в узкую полосу. Но и это еще не меч, потому что этих полос нужно сложить не меньше двух, а лучше семь-десять, а уже из них сваривают основу клинка... Но только основу, к ней нужно еще нарастить особо прочное стальное лезвие.

Такого умельца язык не повернется называть кузнецом. Кузнец — это дюжий мужик, что подковывает коней и способен разломить подкову, а еще он может починить или выковать серп. Мне же нужны настоящие умельцы. Много. Хотя бы потому, что торговля оружием — самый доходный бизнес.

А в моем случае — не только, не только.

Заглянул в часовню, там холодно и пусто, только в самом уголке коленопреклоненная фигура. Я не сразу узнал Макса, он всегда прямой и с развернутыми плечами, а здесь такой сгорбленный, приниженный, словно раздавленный мощью и величием силы, представшей перед ним.

Я прислушался, он вполголоса молится горячо, истово, в самом деле разговаривая с Богом, уговаривая и убеждая Его, а я, втихую посмеиваясь, вдруг ощутил, что я вот умнее и ширше во взглядах, но откуда странное чувство, что этот примитивный молодой рыцарь — глубже и выше?

Если твой глаз соблазняет тебя, вспомнил я старую христианскую мудрость, — вырви его. Если рука твоя соблазняет тебя — отруби ее. Если язык твой соблазняет тебя — откуси его. А если тебя соблазняет твой разум — стань верующим.

Макс в борьбе со своими демонами из просто верующего стал пламенно верующим. А в этом мире, как припоминаю с тревогой, пламенная вера может дать очень много. Опасно много.

— Пусть тебе повезет, Макс, — прошептал я, пятясь из часовни. — Больше, чем мне.

Вернувшись в донжон, в раздражении ходил по этажам, в который раз измерил шагами свои апартаменты. Я так часто слышал осточертевшее клише насчет пешки в чужой игре, достало это однообразие, и вдруг в этом безделье сам ощутил себя этой самой пешкой.

Нет, пешкой как раз не считает меня ни та, ни эта сторона. Как раз обе подчеркивают, что я фигура очень важная, чуть ли не ферзь, но все равно чувствую себя униженным, как бывает унижен только большой и сильный мужчина.

Женщины не в счет, они любое унижение используют как оружие, а слабых мужчин и раньше мордой о стол, зато вот

такие, кто всегда ссылался на Господню волю, сделавшую человека абсолютно свободным, отвечающим за все свои поступки, хозяином своей судьбы...

Я вскочил в раздражении, не в силах сидеть и ждать, куда переставят эту пешку, хлопнул в ладоши. Вбежал слуга, я велел коротко:

— Теплую одежду! На выезд.

Он торопливо поклонился.

— Только что постирали, скоро высохнет.

Я сделал зверское лицо.

— У меня что, замены нет?

Он исчез, я одел через плечо перевязь с мечом, прицепил молот к поясу. Подумал и взял лук Арианта с тулой, полной стрел.

Прошлой ночью свирепствовал ветер, выдул тепло, и хотя камин горит вовсю, собачий холод пробрался даже во внутренние помещения. Слуги заботливо натянули мне на ноги теплые шерстяные носки, сапоги тоже принесли особые, зимние, с пышными меховыми отворотами.

Пес прыгал вокруг меня, напоминал, что вот он здесь, прямо передо мной, как это я его не вижу и не глажу все время, даже странно как-то...

Я захлопнул дверь, велел стражам бдить и пошел к лестнице. Барон Альбрехт пирует внизу со всеми рыцарями, но завидел меня еще на верхней ступеньке, сразу поднялся из-за стола.

Я любезно улыбнулся, он догнал меня в холле.

— Сэр Ричард...

Я обернулся, его лицо собранное, ни намек на обильное застолье, в глазах настороженность.

— Сэр Ричард, что на этот раз задумали?

Я сказал с досадой:

— Не могу сидеть вот так и ждать, пока зима кончится! Бешусь, понимаете?

— Понимаю, — ответил он неожиданно. — Но как иначе? Зимой просто ждут.

— Не могу... Я на всех стану кидаться. Лучше проедусь по морозному воздуху.

— Можно осведомиться о маршруте?

Я отмахнулся:

— Не волнуйтесь, всего лишь нанесу визит в замок Сворве. Альбрехт не повел и глазом, сразу сказал с энтузиазмом:

— Обязательно побывайте там! Это же ваш замок. Надо иногда бывать, а то, знаете ли... по нашей вине что-то и выходит из-под контроля.

— Вот и я так думаю, — сказал я. — Спасибо, барон, за понимание.

Он довольно улыбнулся, но сказал предостерегающе:

— Хоть на этот раз возьмите сопровождение!

Я покачал головой.

— Пусть трудятся. А я, как истый лорд, должен наслаждаться жизнью и ее прелестями. Когда вот такой собачий холод, зима вокруг, еще и снег почему-то, свинство какое, то самое время подумать о жарком лете, раскаленном песке, где можно понежиться, а потом с разбега в волны теплого моря...

Он смотрел пылливо, взгляд оставался серьезным.

— Да, подумать можно. Подумать, помечтать. Но вряд ли вы даже на своем коне доскачете до жаркого песка...

Я вздохнул.

— Вы правы, я планирую всего лишь навестить свою невесту.

— Леди Беатриссу? — уточнил он, словно у меня их несколько.

Я вскинул брови, высокомерно промолчал. Он развел руками, слегка поклонился, признавая промах.

Дверь отворилась легко, на этот раз снегу не намело на крыльцо. Небо чистое, синее, под ногами веселый скрип, морозный воздух приятно щекочет кожу.

Провожать меня вышли почти все рыцари, шурились под ярким солнцем и от сверкающего снега, одобрительно осматривали Зайчика и мое вооружение.

Примчался Пес, прыгал вокруг и просился с нами. Я дал себя облизать, погладил, но велел оставаться здесь и бдить. Сэр Растер потрепал Бобика по медвежьей холке.

— Будь у меня собака, — сказал он рассерженно, — такая же назойливая, как совесть, я бы ее удавил! Места занимает больше, чем все прочие внутренности, а толку от нее никакого.

Барон Альбрехт кротно усмехнулся.

— Так ли уж никакого?

— Никакого! — ответил сэр Растер упрямо. — Греху все равно не препятствует, но удовольствие от него получать мешаает! Сэр Ричард, уступите этого песика мне? Я его научу тапочки подавать...

Барон Альбрехт спросил деловито:

— Надолго?

— Не знаю, — ответил я честно. — Просто бешусь в четырех стенах... Ну, пусть их чуть больше, чем четыре... У вас все равно здесь хватает дел! Сэр Растер, вы при okazji отправьте двое-трое саней нашим троллям. Обещали! Это одноразовая помощь, но проведите так, чтобы никто не увидел... Сэр Альбрехт, на вас укрепление власти и обороноспособности в Орлином замке! Думаю, о смене хозяина соседи узнают только весной. У вас есть время подготовиться...

Они смотрели строго и с почтением, предчувствуя, что я не просто еду навестить невесту, паладины на такую ерунду не размениваются.

Макс протолкался ко мне, лицо бледное, в синих глазах тревога и волнение.

— Сэр Ричард, вы отправляетесь на подвиги, не скрывайте! Я вижу это на вашем челе, вижу пламень веры в ваших глазах! О, как я завидую вам, как жажду часа, когда смогу сам вскочить в седло и помчаться навстречу противнику с опущенным забралом и выставленным копьём!

Я смолчал, только кивнул сочувствующе, а сэр Альбрехт сказал молодому рыцарю:

— Будьте проще, сэр Макс!

Зайчик неся все быстрее, я опустил голову, прячась в гриве от встречного ветра, перед глазами встало воспламененное чистой отвагой лицо Макса, воплощение рыцарства и рыцарского духа.

Это хорошо, что я попал в так-называемые темные века Средневековья. Чем ночь темней, тем ярче звезды, сказал однажды классик. В смысле, чем темнее, тем легче быть звездой. А мне вроде бы удалось ею стать. По крайней мере, в своих глазах. Да и вообще о своей скромности я могу говорить часами.

Натурам мелким и подленьким свойственно везде и во всем искать и находить гаденькие и приземленные мотивы. Им непонятны и недоступны высокий дух рыцарства и воодушевление, которое охватило массы при известии, что папа римский бросил клич пойти и освободить от неверных Гроб Господень. Нет, эта мелкая сволочь во всем находит оправдание именно своему мелочному существованию: рыцари шли грабить, то есть ими двигала экономика, комплексы, фрейдизм... А еще все великие деятели, от Гильгамеша и до современных потрясателей основ, вдруг стали педерастами. Раньше не были, а сейчас стали. Как цари, короли, фараоны, магараджи, так и полководцы, философы, поэты, ученые, путешественники, литературные герои...

Что ровно половина из них должна быть неграми, молчу, это другая статья, больше смешная, чем вызывающая возмущение. Но вот тех, кто всех великих объявляет неврастениками, педерастами, пьяницами, бабниками, казнокрадами, я бы с превеликим удовольствием вешал на площади при великом стечении народа и бросании в воздух чепчиков.

Это невзирая на то, что эти великие в самом деле нередко были неврастениками, педерастами, пьяницами, бабниками, казнокрадами, а то еще и похуже, но все равно бы вешал. Умные мотивы поймут, а идиоты пусть лают. На меня константа Мировой Идиотии не действует, хотя она все ширится и ширится... Впрочем, надо быть объективным: это я все умнею, умнею, умнею, замечательнею, все осознаю и понимаю, вижу все пружины, что двигают Мироздание... Гм, пора самому там кое-что подкрутить, я уже созрел для подкручивания.

Да, собственно, если вот так наедине с собой, чтоб никто не подслушал, в глубине души и я такой: все высмеиваю и обгаживаю. Это моя защитная реакция на попытки сделать ме-

ня чище и лучше, а мне в белых перьях как-то не по себе, мне в говнеце, как и всем, уютнее. Но все же я иногда спохватываюсь и борюсь с собой, удавливаю в себе Фрейда и Экономиста, иначе не смогу смотреть в чистые честные глаза не только Сигизмунда или Макса, но даже Растера и Митчелла, что хоть и не ангелы, но все же часто не могут меня понять только потому, что до такой низости сами не опускаются даже умозрительно.

Однако же, мать-мать-мать, ну не может, седалишным нервом чувствую, а теперь еще и зрю, не может чистый и благородный рыцарь править чем-то большим, чем собственный замок!.. У правителя должно быть чистое сердце и благородные помыслы, хитрая изворотливая душа и руки в крови. Правитель должен сочетать в себе идеалиста, мечтающего построить на земле совершеннейшее государство, где все будут счастливы, и хладнокровного мерзавца, который ни перед чем не остановится, чтобы этого достичь.

Церковь старается сделать нас хорошими, упирая на то, что «...так Бог велел», я же, как политик, должен стремиться выстроить в Армландии все так, чтобы каждому было выгодно «быть хорошим». Ибо зову души следуем в редкие минуты просветления и тогда готовы на великие и благородные поступки, а собственной выгоде следуем все остальное время, коего, понятно, больше.

Видимо, потому «просветленные люди» почти никогда в этой жизни не добиваются заметных успехов. По опыту видим, что успех всегда на стороне очень даже не просветленных, которые действуют вовсе не по зову души. Скажем даже, он на стороне людей, весьма запачканных в сомнительных сделках. А если сказать прямо, то в преступных. Из всех обладателей состояний только Гейтс заработал честно, остальные же и промямлить не смогут, откуда у них деньги. Просто умело прятали концы в воду, отмыли, но факт остается фактом — именно эти люди правят миром.

Так вот моя задача, чтобы эти люди, как бы они ни нажили состояния, действовали в рамках правил. Которые, понятно, напишу я, как самый умный, замечательный и все такое.

По стуку копыт я ощутил, что Зайчик сбрасывает скорость, поднял голову. Ветер зло пытается влезть под одежду, но уже не выдавливают из седла, даже не выворачивает веки и губы: далеко впереди к небу поднимаются башни замка Сворве, а Зайчик знает, что нельзя подъезжать на полной скорости.

Глава 15

Ворота распахнули, услышав рог и разглядев, что за всадник на огромном черном коне. Мы величаво проехали по спущенному нам навстречу мосту, а когда миновали арку, со стены уже торопился в шубе поверх лат Саксон: с красным от мороза лицом, с улыбкой на суровом лице.

Глаза, что всегда смотрят с подозрением и неприязнью, на этот раз лучатся счастьем.

— Сэр Ричард!

— Он самый, сэр Саксон, — ответил я, подчеркнув его титул, чтобы не назвал меня привычно вашей милостью. — Рад тебя видеть в добром здравии.

— А где ваша собачка, сэр?

Я развел руками:

— Ну вот... Куда бы я ни приехал, все сперва спрашивают про этого бездельника.

Воины перехватили повод коня, я соскочил на землю, прибежали слуги и увели Зайчика в конюшню. Саксон широко улыбался, я обнял его, мы оба рыцари, я поинтересовался:

— Как в замке?

— Тихо, — сообщил он с гордостью, понимая вопрос, как к начальнику охраны. — Противники затихли, словно их и нет больше.

— А может, и нет, — согласился я. — Увидели, что ничего не обломится, теперь на других смотрят. Ладно, увидимся за столом!

Я пошел в донжон, снег здесь убран куда тщательнее, чем у меня. Даже не скрипит, подошвы ступают по твердым каменным плитам, снег сумел спрятаться только в щелях, да и то видно, как его старательно выметали.

Леди Беатрисса, как мне сообщили, сейчас в часовне. Служанка быстрым шепотом сказала, что леди в последнее время проводит там слишком много времени. Я стиснул челюсти и смолчал, в глазах служанки немой укор, она просто требует, чтобы я что-то сделал, совершил, предпринял, ну нельзя ей, совсем еще молодой, проводить слишком много времени в молитвах и покаянии.

— Хорошо, — сказал я коротко. — Я пока переоденусь.

— Вина подать?

— Нет, но сыра и мяса — можно.

Я закончил трапезу и выпил две чашки кофе, когда явилась та же служанка и сообщила, что ее госпожа только что закончила молитву и сейчас покинет часовню. Я вновь увидел в ее глазах безмолвное требование что-то сделать для ее хозяйки.

— Как она?

— Печальная, — сообщила служанка.

— И после молитвы?

— Да, сэр. Поторопитесь, сэр.

— Ей сказали, что я приехал?

— Сэр, как мы могли такое не сказать?

— Бегу, — ответил я.

Леди Беатрисса появилась в том же длинном платье, в котором я увидел ее впервые, но сейчас я смотрел только в сильно побледневшее и похудевшее лицо. Огромные фиолетовые глаза стали еще крупнее, в них появилась пугающая и завораживающая глубина.

— Леди Беатрисса, — произнес я и, поклонившись, взял ее за руку.

Ее ладонь казалась невесомой, а пальцы безжизненными. Я поцеловал их, стараясь не выходить за рамки, сейчас надо держаться-держаться-держаться.

— Сэр Ричард, — произнесла она тихо.

— Счастлив вас видеть, леди, — проговорил я несколько деревянно.

— И я рада вас видеть, сэр Ричард, — сказала она ясным контролируемым голосом.

Я тайком перевел дыхание, леди Беатрисса уже взяла себя в руки. Сейчас, после минутного замешательства, ее фиолетовые глаза смотрят уверенно и твердо, лицо гордое и в меру высокомерное, как надлежит высокорожденной. С последней нашей встречи она словно бы повзрослела, теперь это ослепительно красивая женщина с прямым взглядом дивных глаз, вся в полном расцвете элитной красоты, а фигура стала еще прямее, не потеряв сшибающей с ног эротичности.

— Я ненадолго, — объяснил я, — день-два, не больше. На всякий случай напоминаю, я всего лишь гость. Это ваш замок... в смысле, полностью ваш, без всяких оговорок. А также ваши земли.

Она позволила на губах появиться снисходительной улыбке.

— Ах, сэр Ричард! Вы сами себя оскорбляете, допуская мысль, что я могу даже предположить у вас какие-то недостойные помыслы.

— Спасибо, — ответил я с поклоном и еще раз поцеловал ее пальцы.

Молоденькая служанка принесла в ее комнату на широком подносе блюдо с мелко нарезанным холодным мясом, кувшин с вином и две золотые чаши. Леди Беатрисса указала мне на кресло возле столика, куда служанка перегрузила мясо и вино с чашами, и опустилась в кресло, я поклонился и сел.

— Горячее принесешь, — велела леди Беатрисса, — как только будет готово.

Служанка присела в реверансе и ушмыгнула, косясь на меня большими любопытными глазами. Задницей покачивать не решилась: вдруг да хозяйка не одобрит такое недвусмысленное приглашение.

— Как вам зима? — спросила леди Беатрисса нейтральным тоном.

— Великолепно, — ответил я так же светски беспечно. — Снег выпал, знаете ли... Вот уж не думал! Но как-то переживем.

— Без потерь?

— Никаких потерь, — заверил я. — Только приобретения.

Она любопытствовала:

— Приобретения? Еще?

Мне почудилось в ее голосе что-то еще помимо желания поддерживать светскую беседу и не дать ей соскочить с накатанной дорожки.

— Да так, — ответил я, — все по мелочи. С королем Барбароссой заключили договор о взаимопомощи и торговле, с Гиллебердом — тоже, даже с королем Найтингейлом, еще привели к покорности пару лордов, что не желали видеть меня гроссграфом... ну и прочее такие же не стоящие внимания мелочи...

Она слушала с рассеянной улыбкой, почти не вникая в смысл моих слов, а когда я закончил, произнесла тихо:

— Вам все удастся, сэр Ричард.

— Все ли? — вырвалось у меня. Я торопливо взял себя в кулак, сдавил так, что брызнуло, договорил: — Леди Беатрисса, я в самом деле прибыл по делу, прошу мне верить. Потому не стоит замыкать себя в ледяной панцирь, с прошлым покончено твердо и бесповоротно. Я — паладин, что занят паладинскими делами, вы — полновластная хозяйка Сворве, настоящая бизнес-леди, которая ощутит себя неполноценной, если будет только женщиной... Я чту вас, леди Беатрисса, я восторгаюсь вами, но не чувствуйте себя в чем-то обязанной или к чему-то принуждаемой. Зима обещает быть долгой, холодной и... должна хорошо остудить обоих.

Она перевела дыхание, голос ее не дрогнул, когда произнесла ровно и бесстрастно:

— Я рада, что минутное затмение... прошло и у вас.

— Да, — ответил я, — да. Видимо, полнолуние... или новолуние так действует. Волки вообще воем воеют. Волчьим воем, что особенно занимательно для френологов. А мертвецы в могилах не спят, а шевелятся, шевелятся, если верить слухам. Весной из могил полезут, как грибы после теплого дождя!.. Еще упыри всякие обещают повыкапываться. Вот такие у нас житейские будни.

Она кивнула:

— Да, полнолуние, вы заметили точно, сэр Ричард. Это все луна виновата.

— И звезды, — добавил я. — Созвездия, козероги всякие в году обезьяны... это такой человек, которого дьявол сделал, чтобы превзойти Создателя. И вообще мы ни при чем, это все дедушка Фрейд.

Из контекста она поняла, что дедушка Фрейд что-то вроде козерога или дьявола в ином облике, кивнула. Мне показалось, что лицемерим уж слишком, чуть-чуть приспустился ближе к реальности:

— Я все равно очарован вами, леди Беатрисса, но не обращайтесь внимания на мой восторг и мое... отношение. Холодная зима погасила старые страсти и сильно охладит нынешние. Мы в самом деле теперь можем общаться спокойно.

Она взглянула прямо, глаза ясные и не по-женски честные. Я прочел в них то, что чувствовал сам: только бы не сорваться, только бы вести себя к а к н а д о, а не как хочется нашим телам, что вообще-то слеплены из простой глины, как и тела всех зверей, птиц и червяков, не получивших души, в отличие от человека.

И мы, оба обладатели душ, смотрим друг на друга и ломаем в себе то «человеческое», что присуще всем человекам, коврам и свиньям. И подчиняем тому, чего нет у свиней, червяков и простолюдинов.

Еще час я отдыхал в отведенных мне покоях, оттаивал и восстанавливал силы после долгой и трудной дороги, но на самом деле просто страшился выйти и снова встретиться с леди Беатриссой.

Зашел Саксон, доложил, что конь всю жрет подковы, очень доволен, а слуги помнят его вкусы и наперебой таскают ему всякое ненужное железо.

— Не разбалуйте, — посоветовал я, — а то начнет харю воротить от некондиционных продуктов. А то и несертифицированных.

Саксон помялся, я видел вопрос в его запавших глазах, но сам помогать не стал, и Саксон все-таки решился спросить:

— Простите, сэра Ричард... у вас с леди Беатриссой все нормально?

Я невесело улыбнулся.

— Все в порядке, Саксон.

— Точно? — переспросил он и пояснил торопливо, чтобы я не расценил как непростительную дерзость и попытку сунуть нос не в свои дела: — А то, вы ж понимаете, мне будет трудно выполнять противоречивые приказы...

— Таких не будет, — заверил я. — Саксон, в наши дни мужу опасно оказывать жене какое-либо внимание на людях. Это заставляет всех думать, что втихую лупит ее, когда остаются наедине. Увы, счастливые браки настолько редки, что в них уже не верят.

Он посмотрел на меня с великим уважением.

— Сэр Ричард, все-то вы учитываете... Я когда вас только увидел, сразу понял: вот он — настоящий лорд!

— Эх, Саксон... Твои слова бы да Богу в уши.

Он ухмыльнулся.

— Говорят, Господь больше слушает нас, простых солдат.

— Будем в это верить, — согласился я.

Я проводил его взглядом до двери, и, как в самом деле лорд, вспомнил, что вообще-то Бог на стороне больших батальонов, но число, как показывает опыт, можно уравновесить умением и выучкой, а также лучшей экипировкой. Я это уже начал еще в самом первом замке, велел Гунтеру обеспечить широкомасштабное производство дорогих и сложных составных луков. Если бы и все остальные проблемы графа были бы той же сложности!

Молоденькая служанка, а иных к гостям-мужчинам не посылают, внесла на большом подносе глиняную бутылку и две чаши. На меня поглядывает робко, прелести не демонстрирует, все в замке судачат о моих особых отношениях с хозяйкой, но на всякий случай сладко улыбается.

Я не стал спрашивать, зачем две чаши, так принято, но заинтересовался:

— Кстати, как там дела с пятнистым таким яйцом, что привезла леди Беатрисса?

Она посмотрела на меня в недоумении:

— Каким яйцѡм? А, вы про Красавчика?

— Нет, про яйцо, — повторил я. — Уцелело?

Она едва не выронила поднос.

— Так вы не знаете?.. Оттуда вылупился настоящий дракон! Правда, пока маленький. Не мелкий, а маленький. Детеныш. Смешной такой! А мамой признал, знаете, кого?

— Франсуазу, — предположил я.

Она огорчилась.

— Ну вот, вы знали!

— Нет-нет, — заверил я, — просто это было ожидаемо. Кто, как не она, возилась с ним?

— Она и сейчас возится, — сообщила служанка. — Он и спит в ее кровати. Вот так в обнимку и спят, представляете? Она и это пятнистое чудовище!

Я спросил обеспокоенно:

— А челядь его не обижает?

Она всплеснула руками:

— Помилуйте, ваша милость!.. Да тут чуть не дерутся, чтобы его покормить, почесать, приласкать!.. Избаловали, совсем на головы садится. Ну, не на головы, но на ручки срязу лезет. Сейчас еще ничего, а как вырастет?

— Где он сейчас? — спросил я.

Она ответила живо:

— Хотите, принесу? Пока леди Франсуаза с наставником занимается в своей комнате, его выставляют за дверь, и он всегда на кухне...

— Это мне знакомо, — подтвердил я. — Знаю одного такого... Тащи, посмотрим, что вылупилось.

Она живо метнулась к двери, очень заинтересованная, словно самой хочется поддержать на руках и потискать, но старшие слуги не дают.

Я ходил вдоль стены, выглядывал в окно и все прикидывал, как мне лучше осуществить то, что задумал. Наконец распахнулась дверь, служанка переступила порог, прижимая к пышной груди толстого дракончика размером с откормленного кота.

Дракончик зевал, показывая розовую пасть, девушка попыталась закрыть дверь задом, не получилось, тогда пихнула ногой, едва удержавши равновесие.

— Ух ты, — сказал я, — в самом деле... крупненький.

— Да что вы, ваша милость!

Она бережно опустила его на пол, а когда распрямлялась, перехватила мой взгляд, направленный в ее низкий вырез. Это у нас, мужчин, произвольное, все претензии к Фрейду, все к Фрейду, но служанка точно так же настроена на проверку мужской реакции, и я видел, как довольная улыбка пробежала по ее полным губам.

Я опустилсЯ в кресло, дракончик сразу же, переваливаясь, как утка, засеменил ко мне. Я протянул к нему руки, а он, заторопившись, споткнулся и плюхнулся мордочкой о пол, проехал на мягком пузе, уткнувшись в носок моего сапога. Я начал его легонько поднимать, но он и без моей помощи вцепился в голенище сапога и умело покарабкался наверх. Я не шевелился, а он, принимая как должное, на коленях долго топтался, осматриваясь по-хозяйски, наконец лег и стал смотреть на всех с благожелательным интересом.

— Что-то он у вас толстый, — заметил я осторожно.

Она всплеснула руками, белыми и полными, как заметил только теперь.

— Какой толстый, какой толстый?.. Упитанный просто. Он и должен быть таким.

— Точно?

Она чуть смутилась, на пухлых щеках проступил нежный румянец.

— Ну, точно никто не знает, таких не видели, но... он же такой хорошенький!

— Это да, — согласился я. — Если хорошенький, то большим и противным не станет.

— Вот-вот, и мы так считаем!

Личико чистое, глазки наивные, ну совсем не помнит, что все звери и даже птицы в щеночках и птенчиках милые, забавные и очень хорошенькие. А потом из щеночков выраста-

ют большие злые волки, из птенчиков — грифы-стервятники, а из хорошеньких девочек — отвратительные старые ведьмы.

— Ладно, — сказал я с усилием, — иди, а мы тут с ним вина выпьем.

Она охнула.

— Нельзя ему вино! Он еще маленький.

— А зачем две чаши?

Она потупилась.

— Ну, так положено. Вдруг у вас будет гость из благородных...

— Ладно, — согласился я, — упаивать его не буду. Так, выпьем, поговорим...

Она ушла, нерешительно оглядываясь, чувствует мой мужской зов, и в то же время нельзя, и не потому, что страшно перед хозяйкой, а любят, все здесь ее любят...

Глава 16

Франсуаза влетела в комнату, как жаркий ураган. Ее тонкие руки обвили мою шею, я уловил свежий аромат детского тельца, вlepила мне звонкий поцелуй.

Дракончик прыгнул с колен, коротенькие лапки не удержали, ткнулся мордахой в пол, а Франсуаза тут же оказалась вместо него на моих коленях.

— Ах, сэр Ричард!.. Как я вас люблю, а вы так внезапно исчезли!

Она обхватила меня крепко-крепко и прижималась всем тельцем, словно страшилась, что и сейчас исчезну так же внезапно.

Я осторожно погладил ее по золотым волосам, от них тоже чудный аромат чистоты и невинности. Дракончик, обойдя нас вокруг, вздумал было снова карабкаться по моей ноге. Трудился долго, наконец с тяжелым пыхтением залез, тут же забрался к Франсуазе на руки. Я подумал, какая умильная сценка: взрослый мужчина с девочкой на коленях и толстый дракончик у нее на руках.

— Сэр Ричард, — потребовала Франсуаза, — теперь-то вы не исчезнете?

— Нет, — пообещал я. — Никуда не исчезну. Правда.

— Ой, надо сказать маме!

— Вот маме не надо, — сказал я поспешно.

— Почему?

— Мама может не так понять, — объяснил я. — Вот мы с тобой все понимаем правильно. Верно?

— Ну... да...

— Я сегодня ночью исчезну, — сказал я таинственно, — но на самом деле не исчезну! Ты увидишь, мой Зайчик все так же жрет лакомства в конюшне, а это значит, что я не исчез. Хотя все будут думать, что меня нет.

Она не врубилась, да и как тут врубиться, но посмотрела на меня большими серьезными глазами.

— Я верю вам, сэр Ричард...

Я поцеловал ее в щечку.

— Ты настоящая женщина! Верить важнее, чем знать.

Задолго до полуночи замок погрузится в глубокий сон. Как и его обитатели. Я смогу войти в личину исчезника и отправиться к заветной двери, которую охранял призрачный герцог Луганер, но... что мешает мне сделать это сейчас?

Я надел рубашку из тонкой ткани, легкие брюки, летние сапоги, что защищают разве что от воды и грязи, полюбовался собой, после чего подвесил к поясу молот, перебросил через плечи перевязи с мечом и луком.

Едва я вышел прямо на ступеньки винтовой лестницы башни, снизу раздались тяжелые шаги, Саксон поднимался, глядя себе под ноги, но уловил мое присутствие и вскинул голову.

Мгновенно выражение лица изменилось от напряженно-настороженного к почтительно-служебному.

— Сэр Ричард, — сказал он, — мы вам подобрали более достойные вас покои.

Я отмахнулся.

— Эти меня вполне, Саксон. Я не привередлив.

Он покачал головой:

— Сэр Ричард! Когда вы прибыли впервые, весь замок был полон гостей, и вас поместили в эту опасную башню. Поверьте, у нее очень плохая репутация.

— Почему?

— Здесь очень опасное привидение...

— Герцог Луганер? — спросил я. — Дорогой Саксон, он больше здесь не появится. Точно-точно! Нет-нет, и не уговаривай. Считаю, причуда у меня такая. Мне эта башня вполне, вполне... Может быть, я тоже чем-то опасен? Словом, спасибо за внимание...

Он упрямо покачал головой:

— Сэр Ричард, но это нехорошо по отношению к хозяйке. Вы как будто нарочито остаетесь в плохом месте, будто о вас не беспокоятся...

Я посмотрел в его лицо, вслушался в твердый голос, вряд ли переубедю, сказал уже мягче:

— Знаешь, давай отложим этот разговор до завтра. Завтра, да... я перееду. Наверное.

Он посмотрел в великом сомнении.

— Точно?

— Успокойся, — сказал я. — Иди.

Он послушно повернулся и начал спускаться, но я по спине видел его несогласие. Как только исчез за поворотом, я быстро пошел по лестнице вверх.

Всего два витка, я оказался у нужного места, сказал шепотом:

— Именем Авалона...

В полутьме призрачная дверь вспыхнула, как показалось, излишне ярко, вдруг да Саксон снизу увидит отблеск на каменных стенах. Я торопливо ломанулся через силовой занавес, дыхание перехватило, но через мгновение выпал в полуразрушенном бункере. Плечи передернулись от чувства безнадёжности и заброшенности, что пропитывает здесь даже воздух.

Не давая себе останавливаться, я подбежал к трубе. Лучше не всматриваться в идущий вверх темный туннель, а то

уже начинает шевелиться трусливенькое, я сцепил зубы и покабкался по стальным скобам.

Когда дорогу знаешь, она втрое короче. Я поднимался, пока не уперся головой в камень, усталый и замученный, как галерный раб, но с удивлением и гордостью сказал себе, что ни разу не остановился перевести дыхание. Осталось отодвинуть валун, но и это уже проходили: я уперся, напыжился, руки-ноги трясутся, камень сполз чуть в сторону, открыв щель, я выполз, как ящерица, и тут же задвинул валун обратно.

Сверху, как почудилось, обрушилась кромешная тьма. Что ночь, понятно, но именно обрушилась, я ощутил себя прижатым к крупнозернистому песку и мелким камешкам, настолько острым, словно только что большие глыбы раздробили на щебенку.

Разогретый, как кусок железа в кузнечном горне, я пролежал почти минуту на мелкой гальке, прежде чем сообразил, что воздух холодный, будто я из декабря попал в январь. Подо мной почти корка льда, камни промерзли, небо над головой низкое, плотные тучи бегут с огромной скоростью, все совершенно бесшумно, и только издали донесся тоскливый вскрик местного зверя или большой птицы.

Отдышавшись, я поднялся, походил вокруг камня, как насекомое, запоминающее место расположения норки. С темного неба падает странно-лиловый свет, все выглядит не так, как в прошлый раз. Я сделал круг пошире, заново запомнил ориентиры.

На этот раз пошел в сторону, противоположную той, что в прошлый раз. Хватит с меня загадок, нужны люди, нужна местная власть, нужны контакты.

Небо за полчаса ходьбы потемнело еще больше. Я вскинул голову и невольно втянул в плечи. Тяжелая громада черных туч несется почти над головой, задевая самые высокие скалы. Устрашенный, я увидел, как вынырнувшие верхушки некоторое время вишнево светятся, будто их подержали в раскаленной лаве.

Огонек я зажигать не стал, сосредоточился и перешел на ночное видение. Теперь вижу все, как днем, разве что потеря-

лись краски. По телу пронесся легкий электрический удар: вдали ясно проступают из полумглы руины зданий!

Я уже бежал, падал и ушибался на гладких, как очищенные яйца, камнях. Руины приблизились, я вертел головой, здания потеряли под натиском ветра и дождей любую облицовку, теперь это просто стены из каменных глыб. Окна — черные провалы, под ногами постоянный хруст, словно наступаю на хрупкие кости.

Везде тоска и безнадежность, город, если как-то уцелел в войне, то умер потом. Возможно, по нему ударили каким-то биологическим, жители погибли, как погибли и те, кто пришел в этот обреченный город позже. И до сих пор, спустя сотни или тысячи лет, здесь все еще не появится жизнь, слишком смертоносные раны...

Я осторожно вдвинулся в руины, абсолютная тишина, только иногда шелестнет песчинками шустрый муравей, в тучах вскрикнет в смертной муке залетевшая туда птица. Город был когда-то велик и огромен, руины тянутся и тянутся, однажды я ахнул: к небу вздымаются самые настоящие скелеты домов в пять-шесть этажей! Улицы забиты развалинами, множество ржавых пятен: так отмечены места, где когда-то были автомобили или что-то металлическое, ныне рассыпавшееся в прах.

Но остовы домов — это значит, что здесь всеиспепеляющая ярость великой войны не выжигала города на метры вглубь. Это сохранившиеся подвалы, не говоря уже о бункерах и бомбоубежищах, это уцелевшая подземная инфраструктура...

С колотящимся сердцем я осторожно шел вперед. Остовы разрушенных домов торчат, как гнилые пни, в одном месте уцелела целая стена: странная, нереально тонкая, с зияющими провалами окон, ничем не подпираемая по бокам.

Но и здесь нет жизни, дальше каменных завалов все меньше, пошел пригород. Здесь дома сохранились намного лучше: высокие хоть и рухнули, зато одноэтажные стоят. Хотя, возможно, эти уже построены после войны Магов. Правда, вид у них таков, словно их поставили еще до Первой Войны. Более

запущенных и обшарпанных зданий я не видел за все годы жизни.

Центр сожжен и даже выжжен на метр-другой вглубь, но на окраину не хватило то ли времени, то ли зарядов. Уцелели даже стены непонятных строений, обломками засыпало все пространство, не угадать, где проходили улицы.

Я осторожно крался, прячась в тени стен, наконец впереди блеснуло металлом. Сердце забилося чаще, среди развалин нечто вроде гигантской каски на голову великана... а вон дальше еще, под той вообще можно спрятать коня...

Дыхание остановилось, я наконец рассмотрел, что это не купола из металла, а оплавленные чудовищным жаром слитки. Уже не определить, чем они были раньше: танками или противоракетными установками, сейчас это просто верхушки нержавеющей металла, а там, под обломками, застывшие потоки железа.

Часть 2

Глава 1

Настороженные, как у пугливого зайца, уши уловили звук, показавшийся знакомым. Через полминуты определил: в мою сторону приближается человек... нет, двое. Донеслись голоса, грубые, как и шаги. Так ходят уверенные в себе мужчины, которым все уступают дорогу.

Я приподнял голову, лиловый свет окрашивает весь мир, отполированные валуны блестят, как панцири гигантских черепах. Блещут мелкие камешки и даже крупные песчинки, кварц везде. Появились головы и плечи двух мужчин, идут уже совсем близко, с той стороны полуразрушенной стены.

Мне показалось, что оба в металлических доспехах, но они прошли совсем близко, я с трепетом ощутил, что это их уплотнившаяся кожа, нечто вроде хитина жуков или муравьев. Ростом много ниже меня, идут медленно, я услышал, как один произнес скрипучим голосом:

— ...а цегонки тоже сдашь?

— Не все, — ответил второй.

— Доннеру?

— Нет, самому пригодятся... Думаю сходить в Урочище Игрока.

— Рехнулся!

— А что остается?.. Огонь поднялся выше колена.

Голоса стихли, я поколебался, затем тихонько прокрался следом. Оба не выглядят опасными, но у меня

уже есть печальный опыт встречи с двумя грабителями могил в этих местах.

Они петляли среди развалин, лиловая тьма иногда поглощала их целиком, но не успевал я перейти на запаховое зрение, как выныривали снова. Я продолжал красться, заботясь только о том, чтобы не заметили, и когда те двое остановились у входа в какой-то погреб, так мне показалось, я поразился, как изменились сами развалины.

Присутствие жизни чувствуется во всем. Иные запахи, иная атмосфера. Ночные гости придвинулись вплотную, зашкрипело, из погреба полыхнул яркий свет, будто сработала фотовспышка. Дверь захлопнулась с глухим чмоканьем. Если бы не видел, что закрылась именно дверь, решил бы, что там многотонный люк подводной лодки.

Я присел за камнями, сердце колотится, как у пойманного зайца. Издали зашуршали камни, донесся треск гальки под сапогами. Из полутьмы вынырнул очень приземистый человек, поперек себя шире, обогнул блестящий слиток расплавленного металла и тоже направился к двери.

Затаив дыхание, я наблюдал, как он потянул за ручку, там приоткрылось с усилием, человек протиснулся в щель, за ним захлопнулось с прежним чавкающим звуком. Я так и эдак поворачивал его образ, стараясь понять, что в нем неправильного, если не считать непомерной толщины и малого роста.

Я переползал за камнями, ремешок на шее явственно потянул ее вниз. Амулет раскачивался, потом замер, зависнув чуть-чуть под углом. Острый конец указывает на щель между оплавленными глыбами.

— Шас, — прошептал я, — только золотишко выкапывать не хватало...

Прошли еще трое, один в настоящих металлических доспехах и с мечом слева у бедра. У меня отлегло, не буду выглядеть слишком уж чужаком в доспехе Арианта, с мечом и луком за спиной. Молот — ладно, его и раньше не замечали, а меч и лук...

Через полчаса вывалились двое горланящих песню, у одного лук за плечами, я совсем воспрянул духом. Похоже, не-

что вроде таверны, а то и сама таверна. Где еще можно пьянствовать всю ночь, и вообще вот так веселиться и оттягиваться.

— ...и повел он ее, — орал первый, — и прижал он ее...

— ...и задрал он ее, — поддержал второй, пьяно хохотнул, а я подумал, что хоть не в рифму, зато самое оно, что у трезвого мужчины на уме, а у пьяного на языке.

Мир все-таки един, а бабы есть бабы, где бы это ни было. Даже маги, если на то пошло, добиваются сверхъестественной мощи для той же цели, что и короли или простые пастухи: больше баб, больше власти, а это значит — баб еще больше.

Они удалялись, лица перекошенные, то ли от чудовищных шрамов, то ли перенесли чуму, я тихонько поднялся, начал приближаться к таверне. Изнутри доносятся отдельные звуки, как из подземелья. Пахнуло холодком, я отчетливо ощутил ауру злобы и напряжения из глубины таверны.

Я залег, начал вслушиваться, но, сколько ни прислушивался, ни выжидал, чувство опасности не уменьшалось. И не менялось. Некое устойчивое состояние. В ночной тьме возникают и пропадают человеческие фигуры, на высоте иногда мелькают силуэты, но я не успевал поднять голову, как исчезают за скелетами стен.

Ночная мгла, что для меня не мгла, медленно начала рассеиваться. С рассветом для меня светлее не стало, зато все начало обретать краски. Скосив глаза на небо, я застыл, потрясенный. Багровые, как выплеснувшаяся из вулкана лава, тучи несутся с сумасшедшей скоростью над самыми развалинами. Всеми чувствами я ощутил безумную тяжесть этого ужаса над головой.

Руки и ноги тряслись, я едва не зашептал молитву, потом напомнил себе, что гуляки входят в таверну и выходят из нее, даже не глядя на небо, как будто его и нет вовсе. Значит, либо это ничем не грозит, либо грозит, но с этим ничего не поделать, а схорониться тоже не получится.

Я перевел дыхание, нужно решаться. Проверил, как вытаскивается меч, поправил молот, лопатками чувствую надежность лука и тулы со стрелами.

— Надо идти, — сказал я себе. — Надо.

Я осторожно приблизился к двери и сразу ощутил, как атмосфера вражды сгущается, даже дышать труднее. На виске задергалась жилка, жар прихлынул к лицу. Изнутри доносятся грубые мужские голоса, звук льющейся воды.

— Надо идти, — повторил я шепотом и потянул на себя дверь. Ощущение неблагополучия ударило в лицо с такой силой, что я отшатнулся, пальцы стиснули рукоять меча, а глаза торопливо искали источник опасности. От двери ступеньки ведут вниз, комната в самом деле в большом просторном подвале. Потолок низковат, четыре стола, двое посетителей за столом у стены и еще трое в дальнем углу. За стойкой бара широкий в плечах мужчина в душегрейке из звериной шкуры, что оставила голыми руки до самых плеч и груди. Что вместо штанов — не видно за стойкой бара, успел заметить мерцающий металлом пояс, когда мужик на миг отодвинулся. Двое за столом у стены в плотных панцирях, по блеску я решил было, что в железе, затем узнал хорошо выделанный хитин. Трое, что в углу, в широких балахонах, а что под ними, не рассмотреть.

Я все еще не отрывал взгляда от зала и не мог заставить себя сделать шаг. Вроде бы пьют и едят, но здесь явно сборище не безобидных хоббитов, даже не гномов, что хоть и раздражительны, а также грубоваты, но любят пить, есть и веселиться с песнями и плясками.

Но сейчас словно все худшие убийцы и преступники собрались сюда со всего света: веет дикой злобой, непримиримостью, каждый словно ждет удара в спину и потому никогда не поворачивается спиной к незнакомцам. Я сразу ощутил себя на перекрестье злых и оценивающих взглядов: кто я, что я и что можно снять с моего тупа.

Я застыл в дверях, и они продолжили разговор, уже не обращая на меня внимания. Мужик за стойкой заученными движениями протирает серой тряпкой чашки, на меня тоже не смотрит, но я ощутил, что уже оглядел новичка на пороге, оценил и взвесил.

Надо бы заставить себя сесть хоть за ближайший стол, но атмосфера крови, злости и вражды настолько удушающая,

что я топтался на месте, а когда услышал на лестнице приближающиеся шаги, поспешно отступил в сторону.

Дверь распахнулась, как от пинка ногой. На миг блеснул свет, исчез, а мимо меня к стойке бара пошло нечто прозрачное, но все же... заметное, что ли. Словно двигаются стеклянные статуи, в которых лучи преломляются, и потому все, что с той стороны, искажается.

Призраки остановились перед хозяином. Я поспешно перешел на тепловое зрение, там три человеческие фигуры, у одной на спине мешок, в нем свернулось нечто ярко-красное, более горячее, чем тело владельца.

Бармен, тоже багровая коренастая фигура, произнес почти враждебно:

— Чего тебе, Черный Гриб?

Тонкий мужской голос произнес с досадой:

— Ну ты что, Счастливчик? Хотя бы раз прикинулся, что не видишь...

— А что ты наметил спереть на этот раз?

Я перешел на нормальное зрение, перед стойкой медленно материализовались три фигуры. Странно было некоторое время видеть их полупрозрачными. Все в лохматых одеждах из звериных шкур, грязные волосы слиплись в сосульки. Мешок только у одного, как я и увидел в тепловом, зато у двоих крайних на массивных поясах из наборных колец целый ряд длинных ножей по бокам и даже за спиной.

Средний сказал уныло:

— У тебя сопрешь...

— Что пить будешь?

— Как обычно...

Бармен налил в три стакана нечто темное. Трое одновременно протянули руки, мне за их спинами плохо видно, но показалось, что с пальцами что-то не в порядке. Бармен принял монету не глядя, она исчезла из его ладони, словно тоже стала невидимой.

Атмосфера вражды угнетала, я чувствовал, как торопливо колотится сердце, словно иду по краю бездны. От жары сбивалось дыхание, я ощутил, как по виску потекла щекочущая капля.

Ноги прилипают к месту, я заставил себя сдвинуться. Бармен бросил на меня косой взгляд, и я, вместо того чтобы сесть за стол, направился к нему. Сердце едва не выпрыгивает, я на ходу нацепил глуповато рассеянную улыбку, бармен снова обратил внимание на чашки, и я медленно подошел к стойке, стараясь не выпускать из поля зрения и остальных за столами.

— Здравствуйте, — сказал я. — Что-то я проголодался...

Мужчина поднял голову, на меня взглянули острые глаза: один голубой, другой — коричневый. Лицо жутко изуродовано двумя страшными шрамами, в одном месте выглядит кость, нос расплюсчен, придавая облику свирепость, губы настолько огромные, а нижняя челюсть крохотная, что мне показалось, будто ее нет вовсе.

— Это и понятно, — буркнул он. — Полночи пролежать среди камней. Это было рискованно... парень.

Последнее он добавил с сомнением в голосе и скорее для того, чтобы сказать приятное потенциальному покупателю.

Я пробормотал ошарашенно:

— Да вот восхотелось полежать на свежем воздухе... А что, меня было видно?

Он хмыкнул.

— Ты издалека, парень. Есть мясо игунов, враков, геледей, а также ундирра, но ундирра не подается без цекса.

— Хороший выбор, — произнес я осторожно. — А что вы сами порекомендуете?

Он кивнул:

— Мудро. Игуны попались уже после кладки, вракка малость пережарили... с ними никогда точно не угадаешь, а вот геледь в самый раз.

— А ундирра?

— Ундирра всегда хороша, — заметил он, — но дорогая, и... я бы посоветовал, как новичку, оставить на те дни, когда... гм... свыкнешься.

В его вроде бы равнодушном голосе я уловил предостережение. Хозяин таверны смотрит так, будто видит меня насквозь.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Тогда все на ваш выбор.

— Есть чем платить?

Я молча положил на стойку золотую монету. Он взял, взглянул очень внимательно, я ожидал, что попробует на зуб, однако он ощупал и сказал только:

— Да, интересная плавка. И дивные примеси. Странное время...

— Какое? — спросил я.

— Между Пятой и Шестой, — ответил он буднично. — Не пойму, что за огонь... никакой магии, состав почти однороден... Вот что, парень...

— Ричард, — сказал я и добавил примирительно: — Вообще-то даже сэр Ричард. Так меня звали когда-то. Но это неважно.

Он отмахнулся.

— Тут можно встретить даже кардинала. Настоящего!.. Теперь, правда, он уже не совсем кардинал. Вернее, совсем не кардинал. Рич, я вижу, ты не очень разбираешься, куда пришел. Сразу скажу, пореже показывай золото. Здесь оно давно уже все в одних руках... Вот сдача. Этого хватит надолго.

Он высыпал на стойку целую горку серебряных монет, все это время держа и золотую монету, и сдачу между мной и остальными посетителями. Я поблагодарил, еще больше приглушив голос:

— Спасибо. Вы очень добры.

Он пожал плечами, взгляд стал отстраненным, наконец махнул рукой:

— Ладно, мне уже не выходить отсюда... Держи.

Он толкнул в мою сторону по стойке металлический флакончик с деревянной пробкой.

— Что это?

— Мазь от комаров, — объяснил он. — Комаров, правда, уже неделю как нет, но мазь отпугивает и тварей пострашнее, чем комары... Есть тут ядовитые пауки, тарантулы, скорпионы... Ночью спят, а днем в изобилии.

— Спасибо, — сказал я. — Это мне пригодится.

— Еще бы, — проворчал он, — все лезете в самое пекло. Жаль, мало кто возвращается.

Он взял из кучки серебра пару монет, подмигнул мне.

— Клиентов надо беречь...

Он не договорил, над головой раздался жуткий грохот, лязг. Я онемел, снаружи явно неспешно ползет танк, чудовищно огромный, я воочию представил исполинские траки, каждый размером с дверь и толстый, как плита сейфа в Национальном банке. Хозяин морщится, но терпеливо ждет, я смотрел то на него, то на дверь, за которой все ползет и ползет некое чудовище, может быть, вовсе не танк, а передвижная платформа для запуска межконтинентальной ракеты...

Никто из сидящих за столами даже не повел бровью в сторону кошмара наверху, разве что замолчали, судя по губам. Я тоже замер, наконец грохот стал стихать, лязг отдалялся, отражаясь от стен испуганным эхом.

— Как он едет? — вскрикнул я. — Там же завал... И улица узкая...

Хозяин криво улыбнулся.

— А ты как думаешь?

Я открыл рот.

— Что... мираж?

Он кивнул:

— Конечно. Еще не то увидишь. Достаточно ли защищен?

— А что, — спросил я осторожно, — они... опасны?

— Не все, — буркнул он. — Но некоторые — да.

— Но они же миражи?

— Не все. Да и те, которые миражи... гм... есть миражи не цельные, так сказать... В последнюю войну, когда все уже ослабели, не всегда удавалось уничтожить целиком... Правда, все опасное уничтожено, но иногда что-то выползает. Да что там, если даже в Квентине, говорят, недавно посреди площади за ночь выросло дерево выше всех башен и скал...

Глава 2

В стену ударило с силой тарана. С крюков сорвались с грохотом рогатые головы и раскатились по полу. С той стороны прогремел звериный вой. Второй удар потряс всю тавер-

ну, я с ужасом увидел, как вспучило пол, словно там пытается выбраться исполинский крот.

Хозяин нахмурился, в его руках появилось ружье странной конструкции с широким, как у фанфар, раструбом, но тут же исчезло, хотя в стену ударило снова, на этот раз она выгнулась, словно резиновая. Посетители вскочили, ругаясь и хватая чаши с вином. Стоявший около стены стол опрокинулся, а деформированная стена придавила его, я услышал хруст ножи.

— Пройдет, — буркнул хозяин. — Я думал, это ферра, а это так... ерунда какая-то.

Рев постепенно затихал, из подсобного помещения выскочили двое с закрытыми тряпками лицами, дружно уперлись руками в огромную выпуклость на стене. К моему изумлению, опухоль медленно отступила, все стало таким, как и прежде. Рогатые головы повесили на место, и только стол поспешно принесли новый.

Бармен наконец обратил внимание на мой потрясенный вид, лицо искривилось в непонятной гримасе.

— И что не сиделось? — проворчал он. — Сгинешь, как муха в огне.

Я осторожно кивнул на сидящих в таверне:

— А они?

Он поморщился.

— Родились здесь. А ты — там. Да и они гибнут, как муравьи, когда горит земля.

— А часто горит?

Он буркнул:

— Постоянно.

Один из посетителей поднялся, желтые блики светильников пляшут на лысом, как колено, черепе. Угрожающе набычившись, он направился в нашу сторону. Я напрягся, ощутив волну звериной и беспричинной ненависти.

Хозяин выпрямился и спросил строго:

— Щекастый, тебе что?

Мужчина смолчал, я чувствовал его приближение, как насекомые чувствуют ураган, но, видимо, слова хозяина как-то отрезвили, я услышал за спиной раздраженный голос:

— А ты как думал?.. Вина и геледи!

— Вино готово, — ответил хозяин, — геледь будет через пару минут. Я бы принес.

— Мне и самому не трудно, — огрызнулся Щекастый. — Это ты уже заплыл жиром на месте.

Он встал рядом и рассматривал меня недружелюбно и бесцеремонно. Я по-прежнему смотрел на трофеи за спиной хозяина, тогда Щекастый спросил угрюмо у хозяина:

— Зачем ты на этих мокрогубых переводишь вино?.. Все равно сегодня умрет! Проще прибить сразу и забрать деньги. Если они, конечно, у него есть.

Хозяин буркнул:

— Проще. Но у меня эта... этика.

— Чего?

— Этика, — повторил хозяин. — Я не стану убивать человека, если могу получить его деньги другим способом.

— Убить, — провозгласил Щекастый, — более прямой путь. И честный!

Хозяин поставил на барную стойку глиняную бутылку с вином, Щекастый тут же отбил горлышко и жадно запрокинул над широко распахнутой пастью. Зрелище было отвратительное, мне захотелось еще и плюнуть в этот грязный туннель, но только меня уж точно здесь убьют.

А Щекастый, оторвавшись от бутылки, явно подобрел, повернулся ко мне, голос его стал громче:

— Эй ты, существо! Ответствуй, чего ты решил умереть в мире прокаженных?

Я повернулся к нему, пахнет гадостно, помимо нечистот, еще и запах гари, словно горит мясо.

— Ну... — ответил я осторожно, — у всех свои трудности...

— Ладно, — проворчал он, — не хочешь, не говори. И так по тебе видно белоручку из хорошей семьи, где за тобой слуги наперебой сопельки вытирали. Такие и там не очень-то выживают, как я слышал, а здесь так и вовсе...

Я развел руками:

— Бывает, нужно менять... место.

Он устрещающе скривил рожу.

— Ты не похож на вора! Разве что убил кого по ревности? Или любовницу задушил?.. Ладно-ладно, я не спрашиваю. Заплати за меня, и мы квиты.

Он повернулся, не дожидаясь ответа, и направился с бутылкой к своему столу, где ждут двое приятелей. Я торопливо сказал хозяину:

— Я плачу.

Он кивнул с полным равнодушием.

— Твое право. Все равно это чудо, что ты сумел дойти от Барьера до моей таверны. Хотя она и близко, но для новичка... гм. Правда, ночью звери затихают. Считай, тебе повезло.

— А что, — спросил я осторожно, — сюда бегут многие?

Он хмыкнул.

— А ты не знаешь? Хотя, откуда... Сюда идет с той стороны Барьера гораздо больше, чем ты думаешь. Одни бегут от петли, другие надеются заграбастать сокровищ и вернуться... Есть пресыщенные жизнью юнцы, им дай новое, есть прожженные хитрецы, там обвели всех вокруг пальца и рассчитывают повторить здесь... Ты хорошо вооружен?

Я растерялся от неожиданного вопроса.

— Меч, лук... А что еще?.. Я думал, здесь тихий мирный оазис.

Он хмыкнул.

— Это мы знаем, что делается по ту сторону Барьера, но ни один не вернулся отсюда и не рассказал, что здесь и как. Но ты не прав. Другие приходят вооруженные до зубов, как железом, так и заклятиями. Правда, ни то, ни другое не помогает... Чтобы здесь выжить, нужно здесь и родиться.

В таверну ввалились двое, жуткие рожи, снова вместо кожи плотный хитин, то ли мутация, то ли здесь так приспособились. Пока заказывали вино и жратву, я спешно укладывал обрывки сведений в общую картину. Судя по намекам, я в некоем огороженном непроходимым Барьером месте. Его можно пересечь только в одну сторону. То есть войти в эту карантинную зону можно, а вот выйти...

Видимо, здесь все еще опасная территория. То ли заразная, то ли сами люди здесь опасны. По крайней мере, я вижу

только мутантов. Не слишком уж изменившихся, но деформация имеет место быть. Да, похоже, я попал с этим магическим зеркалом. Вряд ли стоит возводить замок здесь, в зоне карантина. Все равно связи с большим миром не будет. Если, конечно, Барьер в самом деле так уж непроходим.

Хозяин с усмешкой посматривал на мое помрачневшее лицо. Когда двое ушли за стол, он спросил с иронией:

— Тоже надеешься выбраться?

Я ответил осторожно:

— Человек всегда надеется.

Он покачал головой:

— Местные давно не надеются. Тут такие могучие маги появлялись... Некоторые тоже, как и ты, с той стороны Барьера... Думали, если там играют мускулами...

— И что? — спросил я.

Его губы искривились в недоброй усмешке.

— Убедились, что ничуть не лучше нас.

Я осторожно, чтобы никого не раздражать, покосился на гуляк за столами.

— А здесь маги есть?

— Нет, — ответил он коротко.

— Жаль...

— Всем жаль. Но кто приходит с той стороны Барьера, долго не живет. Маг или такой простак, как ты.

Я спросил с неловкостью:

— А по мне сразу видно, что простак?

Он кивнул.

— За милю.

Я вздохнул горестно.

— Что делать... На свете есть и мудрые, и простаки.

— Это верно, парень, — ответил он. — Но неважно, что тебя толкнуло на такой отчаянный шаг: любовь, долги или удирал от властей — здесь тебя с той стороны никто не достанет. Но и ты обратно не выйдешь.

Я спросил осторожно:

— А как вы? Вам здесь нравится?

Он подумал, ответил, на мой взгляд, уклончиво:

— Это единственная таверна на ближайшие десять миль. Здесь собирается цвет всех беспокойных. Народ разный, хоть тебе все сперва покажутся... ну, неразличимыми. Вон там, к примеру, самые отчаянные. Лазают в самые опасные места, из них мало кто возвращается, но гордятся славой. Заводиться с ними никому не советую. Единственные, кому жизнь в самом деле не дорога настолько, что готовы расстаться в любой момент... А вон те, видишь? Которые следом за ними?

— В темных плащах?

— Да, по ним узнают своих издали. Так вот они живут только на кристаллах. Как водяных, так и... всяких. Ни мяса, ни простой воды. Не знаю, то ли у них сдвиг в башке, то ли желудки давно сгорели. Но они лучше всех чувствуют перемены погоды, приближение подземных скорпионов Огня и могут пройти через такой огонь, в котором мы оба сгорим.

Я опасно посматривал на гостей, хозяин кивнул еще на одну группу:

— А вон те — элита. Профессионалы. Ходят за добычей только наверняка, всегда долго готовятся и почти всегда возвращаются живыми. Не всегда целыми, но... живыми.

— А вот те, — сказал я, — они вроде бы помоложе...

— И стараются держаться отдельно, — согласился хозяин. — Эти еще не потеряли надежду когда-то прорвать Барьер и выйти в Открытый мир. И как собираются за вином, всегда толкуют о разных способах.

— И что? — спросил я

Он поморщился.

— Даже не стараются узнать, кто как пытался до них. Одно и то же! Ничего нового. Понятно же, что не выбраться.

— Почему?

Он хмыкнул.

— С той стороны магии всего континента создавали Барьер! И не силами наших его проломить.

— Разве что-нибудь найдут, — сказал я. — В руинах.

Он взглянул на меня остро.

— А ты соображаешь, парень. В последнее время надежда только на такой случай. Но не знаю, хорошо ли будет, если найдут...

Лицо его стало невеселым. Я подумал, что может случиться, если все из этого зараженного места хлынут во все стороны, сказал невольно:

— Их перебьют?

— А ты как думаешь? Конечно. Тому миру только чумы не хватало. А у нас тут, если правду, и чума, и холера, и тысячи других болезней, к которым наши уже привыкли... А вот ты... Ты прошел через Барьер и тем самым навсегда изменил свою жизнь. Тебя наверняка предупреждали, что назад дороги нет?

— Ну а как же, — ответил я уверенно. — Ну да, ессно...

Он поморщился.

— Но не могли предупредить, сами не знают, что половина всех новичков гибнет в первые же два дня. Половина оставшихся гибнет в течение недели. Последняя четверть, это самые осторожные, доживает, по некоторым оценкам, от месяца и до полугода.

Я спросил испуганно:

— Это что же... гибнут все?

Он кивнул:

— Все.

— Неужели ни один не выжил?

Он подумал, пожал плечами:

— Кто знает. За полгода любой новичок становится неотличим от местных. Может, кто-то и выжил. Но все равно это маловероятно. Сам посуди, одни с пеленок привыкли бороться за жизнь, а другие приходят из благополучного мира... Есть ли у них шансы?

Я молча вздохнул, а он повернулся и взял в окошке широкое блюдо с ломтями хорошо прожаренного мяса. Я принял из его рук, половина мест все еще не занята, и тихонько сел так, чтобы видеть всех, раз уж мне хранить тайны не приходится.

От мяса поднимается тонкий аромат, я бы даже сказал, изысканный. Для такого заведения — чересчур. С другой стороны, отсюда вряд ли можно поставлять на королевский стол. Я осторожно расчленил эту геледь на мелкие кусочки и

отправлял в рот. Слегка обжигает, но приятно. Лишь бы потом не скопытиться. С другой стороны, мое кольцо обеззараживает любой яд, так что буду надеяться, что сработает и здесь, внутри Барьера.

Но, несмотря на горячее мясо, холодная дрожь то и дело пробегает по внутренностям. Слишком много неожиданностей, слишком много как мутантов, от которых неизвестно чего ждать, так и этих... которые запросто пользуются магией. Или вообще непонятных, как вон тот, что в трех телах. Здесь даже бармен непрост: кухни у него за спиной нет, но кто-то готовит все, что заказывают.

Сосредоточившись, я пару раз неизвестно зачем переходил на запаховое, но ничего нового не увидел, зато атмосфера вражды и ненависти стала такой ощутимой, что я почувствовал, как холодеет тело, поспешно пробежался по нему мыслью, велел не поддаваться мутантам и прочим демократам.

Я вздрогнул, когда передо мной опустилась на стол большая бутылка вина. Хозяин взглянул хмуро, но в голосе прозвучало сочувствие:

— За мой счет. Чудится, что не увижу тебя больше.

Он придвинул ко мне медную чашу, кивнул и вернулся на прежнее место раньше, чем я догадался сказать «спасибо». Я повертел в руках бутылку, пальцы чувствуют приятный холод, словно только что из холодильника или очень глубокого подвала.

— Эй, — раздался голос из-за соседнего стола, — не знаешь, что с нею делать?

Двое хмурых мужчин, одетые в тряпье из старой потертой кожи, наблюдали за мной с хмурым интересом. Я ответил вежливо:

— Вряд ли справлюсь в одиночку. Но буду рад, если можете.

Глава 3

Ухмыляясь, оба захватили чаши и перебрались за мой стол. Один совсем старый, лицо изрезано глубокими морщинами, рот собран в жемок, второй намного моложе, но тоже

лысый, безбровый. Я вдруг сообразил, что все в таверне не только лысые и безбровые, но даже руки у всех безволосые.

— Я Корчун, — назвался старший. — А это Каменщик. Мы кнарры. Оба. А ты, конечно, герой, что решился покинуть уютный мир и отправиться в неведомый...

— Что-то похожее, — согласился я.

Корчун посмотрел на меня поверх чаши с вином.

— Из Квентина прибыл?

Я пробормотал:

— Не совсем...

Он кивнул, сказал торопливо:

— Я не выясняю, здесь полно таких, кто скрывает, кто и откуда, просто хочу сказать, что если из Квентина, то еще не поздно вернуться и остаться целым. А вот если из Вепря, то хуже не будет.

— А что может случиться? — полюбопытствовал я.

Он пожал плечами:

— Да со всеми... разное. Известно только, что все рано или поздно заболевают там.

— А здесь? — спросил я торопливо.

Он вздохнул.

— Да вот и получается, что эта дорога в один конец. Здесь человек может жить долго, очень долго. Пока его не угрожают. А вот за пределами града Янгска редко кто прожил больше года. Меньше полугода никто не живет, но и больше полутора лет живут совсем единицы. У нас появилась большая группа самых хитрых и рискованных: едут в Квентин — это самый близкий из городов, и живут там с полгода, а потом возвращаются сюда, в Янгск. Здесь тоже поторчал с полгода, а то и меньше, а потом снова в Квентин... Так и снуют уже много лет.

— И ничего?

Он кивнул:

— Да. Сперва проклятие не успевает сработать, а по возвращении оно как бы снимается. И всякий раз заново.

— Хитер человек, — пробормотал я. — А никто не подумался еще, как выбраться обратно?

Я говорил легким тоном, чтобы видели, новичок шутит, они так и поняли, заржали. Корчун долил себе, хотя чаша наполовину полна, опасается, что вина не хватит.

— Барьер еще никого не выпускал, — произнес он невесело, — это такая стена... Иногда мне кажется, что его назначение совсем другое...

Я насторожился.

— Какое?

Он двинул плечами:

— В каждом обществе хватает всяких... ну, без которых лучше. Бунтовщики, воры... Можно не ждать, когда попадутся на краже. Просто сказать, что за Барьером горы золота, алмазами вымощены улицы... Тот, у кого все в порядке, с места не сдвинется, а всякие...

Каменщик уточнил лениво:

— Висельники?

Корчун кивнул:

— Они тоже. Но главное, сделать это место приманкой для всяких... гм, беспокойных. А то начнут от скуки дворцовые перевороты устраивать! Лучше их сюда. Одной стрелой двух зайцев.

— Каких?

— Никто там не знает, что здесь творится. Может, здесь вообще все мертво. Пусть все-таки копаются, ищут, работают, что-то полезное делают... А вдруг что-то важное найдут и сумеют вернуться, тоже польза для их магов.

Я вздохнул.

— Я не из Квентина. И не из Вепря. Просто прошел Барьер и шел, шел, шел, пока не набрел на эту таверну. Так что я ничего не знаю, что здесь и где.

Я помахал хозяину. Он приблизился, на лице смесь жалости и недоверия.

— Можно еще вина? — попросил я. — И хорошей еды для моих друзей.

Он оглядел их критически.

— Друзей?.. Ну да, в твоём положении даже этих... придется считать друзьями.

Каменщик фыркнул ему вслед:

— Загордился...

— Ему можно, — вздохнул Корчун. — Если бы мне так подфартило...

Я тоже посмотрел вслед хозяину таверны. Судя по его шрамам и прихрамывающей походке, подфартило ему не очень. Но здесь иные критерии.

— А в чем? — спросил я. — Содержать таверну?

— Да, — вздохнул Корчун и добавил значительно, — та-кую таверну!

Каменщик сказал мне серьезно:

— Он здесь, пожалуй, единственный, кому доверять можно. Бережет свою репутацию, на мелочи не позарится. А вот если что-то очень ценное... я бы поостерегся. А так он уже года три не высовывает носа даже за дверь. Ему предсказана смерть за пределами его хозяйства. А хозяйство это — огород вокруг таверны. Да и тем уже не пользуется.

Я вспомнил вкус зеленых стеблей, поданных вместе с геледью. Ощущение такое, что сорвали только что, роса не обсохла, спросил с непониманием:

— А кто ему всю дичь доставляет?

Корчун сказал завистливо:

— А никто. Ему удалось где-то раздобыть кухню, что сама готовит. Все, что скажешь. Правда, в малых количествах, но для таверны хватает. Жаль только, что у Счастливого кругозор маловат. Он жил на ферме и жрал то, что жрут свиньи, только здесь попробовал жаркое из иагуаны, бегающих рыб, молочных пауков, отбивные из свиней, крапивников и еще кое-какие диковинки. Но зато в его харчевне не получишь простую телячью отбивную или молодого барашка в соусе! И все потому, что этот баран никогда овец не видел и баранины не пробовал. Я уже и так, и эдак подкатывался, обещал научить тысяче рецептов, но разве Счастливчик выпустит такую кухню из рук хоть на минуту?..

— А где он такую взял?

Корчун пожал плечами:

— Говорят, здесь и была. Несдвигаемая, в руинах. Он су-

мел ее запустить, а потом, сообразив, как можно нажиться, расширил лестницу, сделал двери и поставил столы и лавки. Теперь вот таверна.

— Давно нашел?

Корчун снова пожал плечами:

— Никто не знает. Мне кажется, это все тут с начала времен. А эта земля здесь вообще вечная... Конечно, я на его месте тоже не дал бы никому коснуться своей кухни.

Пока мы разговаривали, в таверну заходили новые люди, вышли только двое. Новоприбывшие шумно стряхивали пыль с сапог прямо на пороге, осматривали всех с настороженностью, ладони всегда вблизи ножей, а за столы проходили так, чтобы не слишком поворачиваться спинами к сидящим.

Я сделал глоток вина, в то время как Корчун и Каменщик осушили чаши, в голове рой мыслей, спросил осторожно:

— А есть какие-нибудь карты? В смысле, этих земель?

Он фыркнул.

— Карты... Как же без них? Карт предостаточно. Самых разных. С самыми крупными кладами... Да только веры им маловато.

— Кладам?

— Картам.

— Догадываюсь, — сказал я осторожно, — почему так.

Он отмахнулся.

— Да что там догадываться. И так ясно, есть спрос — будет и предложение. Ловкачи на этом пасутся, впаривая новичкам каракули с местами сокровищ.

— Ага, — сказал я. — Ну да, как я не подумал... А вообще есть у кого-нибудь более общая карта? Ну чтоб с городами... И самое главное, чтобы как-то видеть, где именно проходит Барьер...

Дыхание остановилось в моем зобу. В таверну вошла женщина фантастической красоты, просто небывалой и невозможной, только в лице ее полное безразличие ко всему, что вокруг, к боязливому шепоту завсегдатаев таверны.

Каменщик прошептал, не поднимая головы:

— Алисандрина...

— Кто она? — спросил я шепотом.

— Спроси что-нить полегче...

— Неужели не знают, кто она?

Он вздохнул.

— Это бессмертная Алисандрина. Только это и знают о ней. Живет она... долго. Здесь несколько поколений сменилось, так что рассказы о ней идут из глубины веков. И, конечно, кое-что она умеет. Это и понятно, столько лет прожить и не научиться чему-то, это чересчур даже для женщины.

Я спросил еще тише:

— Она бессмертна... как? Просто не умирает или... неуязвима?

Он посмотрел на меня поверх чаши.

— Интересный вопрос. Думаю, что те, кто пытался найти ответ, остались в далеком прошлом. Теперь никто не пытается.

Женщина с тем же безразличным видом прошла вдоль столов, разговоры сразу умолкали, и вдруг повернула в нашу сторону. Корчун наклонил голову почти к столешнице, а Каменщик охнул и тихонько выругался. Женщина остановилась перед нашим столом.

— Каменщик, — произнесла она тихим и мертвенным голосом, — ругаться — грех.

Я вскочил, придвинул ей стул.

— Не присядете к нам?

Каменщик ожег меня взглядом, в котором я прочел, какой я идиот, лучше бы гремучую змею положил за пазуху и принялся ее тискать.

Женщина ответила безразлично:

— Нет, не сегодня.

— Жаль, — сказал я искренне. — Красивая женщина — это самое высокое счастье для мужчины! Женская красота спасет мир.

Она чуть-чуть улыбнулась одними краешками губ.

— Сохрани это, — посоветовала она, — как можно дольше. Когда-то тебе это спасет жизнь.

Она прошла к Счастливику, он что-то выложил ей на прилавок, она взяла и тут же вышла. По всей таверне пронес-

ся вздох облегчения, словно видели, как прямо на нас несется поезд и... в последний момент пронесся мимо.

Корчун перевел дыхание, в его глазах проступила подозрительность.

— Ты что же, — спросил он наконец, — не помнишь, где прошел сквозь Барьер?

Я виновато усмехнулся.

— Да шарахнуло так, что память разом отшибло. Не сразу имя свое вспомнил! Да и то иногда забываю. Мне один сказал по дороге, чтоб все записывал, но это совсем уж, будто калека...

Он проворчал:

— Правильно делаешь. Ничего не записывай, память тоже надо упражнять. Ничего, все вспомнишь, ты вон какой здоровый! А карты есть даже такие. И очень даже хорошие. Кое-кому надо хорошо знать все тропы, чтобы протаскивать кое-что ценное из особо богатых руин. Я бы и на тебя подумал, да больно ты наивен. Хотя кто знает... Видишь, вон там, в зеленом камзоле? Это Тиранит. У него лучшие карты. Вообще он один из немногих, кто знает эти места не только поверху, но и подземелья...

Я проследил за его указующим перстом. Поблизости к барной стойке, но в таком месте, куда не достигает мерцающий свет, сгорбился над тарелкой мужчина в потертом старом камзоле. Он медленно жевал мясо безгубым ртом, перед ним две чаши с вином. Я понаблюдал чуть, вздохнул.

— Пойду поговорю. Не прибьет?

— Не прибьет, — заверил Каменщик.

— Может быть, — уточнил Корчун.

Я вылез из-за стола, оставив новоявленных друзей заканчивать вино. Человек в великоватом для него зеленом камзоле, что давно уже серый от старости, явно учуял мое осторожное приближение, но продолжал мерно жевать мясо, взгляд устремлен вверх голов в сторону двери. Когда я подошел ближе, понял, почему камзол показался слишком огромным: сам Тиранит тощий, как скелет, глаза ввалились и словно усохли, а глазные впадины чересчур велики.

Я сказал вежливо:

— Сэр, простите, что беспокою. Мне сказали, что у вас есть нечто для продажи.

Он поднял голову, я увидел, что тарелка пуста, а рука сжимает ножку большой медной чаши. Мне показалось, что в ней густая кровь, даже запах похож. Его глаза смотрели на меня, как два мелких зверька из глубоких нор, я видел только сухой блеск, словно там кусочки слюды.

— Кто сказал?

Голос был тоже сухой и костлявый, я замялся, но Корчун не предупреждал, чтобы я такое хранил в тайне, да и зачем хранить, кивнул в сторону оставленного стола.

— Корчун. Намекнул, у вас есть нужная мне карта.

Тиранит фыркнул.

— Намекнул? Ну да, это у него считается тонким намеком. И что он сказал? Что у меня есть карта сокровищ древних магов?.. Есть. Но она стоит дорого.

Я покачал головой.

— Честно говоря, меня эта карта не интересует...

— Тогда карта захоронения великого канцлера Гадониуса? — предположил Тиранит. — Она мне дорога, но сейчас я в трудноватом положении, так что мог бы расстаться... Да ты садись, я уже выпил и потому добрый.

Я осторожно присел на краешек стула, снова покачал головой.

— Сэр, давайте сразу скажу, что мне нужно. Дело в том, что у меня бывают очень большие провалы в памяти...

— Очень разумно, — одобрил он. — На провалы в памяти можно списать все. Особенно если у кого-то занял крупную сумму или взял ценную вещь. Молодец!

— Да нет, — ответил я жалко, — у меня в самом деле...

— Это хорошо, — сказал он невозмутимо. — Займи мне, парень, пару золотых?.. Ладно, не кривись, шутка. Похоже, юмор у тебя тоже в провале... Какая тебе нужна карта?

— Просто карта земли, — сказал я, — которая окружена Барьером. Чтобы знать, где что и как далеко.

Он посмотрел на меня внимательно, безгубый рот искривила гримаса, что должна изображать улыбку.

— Понятно. Ты вроде бы собираешься дожить до утра?

— Точно, — сказал я. — Сэр, вы прекрасно все понимаете! Я собираюсь вообще-то дожить даже до вечера!..

Он кивнул.

— Амбициозные планы. Молодец.

— Спасибо.

— Думаю, понимаю даже больше. Ты хапанул что-то настолько ценное, что спешишь отвезти заказчику. Или в то место, где купят, ты это знаешь... Но меня это не интересует. У меня есть общая карта. И продам ее совсем дешево.

— Спасибо, сэр.

— Не за что. Такая карта в самом деле ценна только для потерявшего память. Остальные и так помнят, куда идти. И куда что потом относить... Мир, окруженный Барьером, не так уж и велик.

Я промолчал, стараясь держаться как можно более нейтрально, чтобы ни за, ни против, толкуй, как удобно. Любое толкование лучше, чем правда.

Открылась дверь, через порог переступил высокий и очень широкий в плечах массивный человек в плаще цвета серой глины. Головы гуляк повернулись в его сторону, я услышал шепот за столами, а незнакомец, широко шагая, уверенно и властно пошел к барной стойке, на ходу сбросив плащ на спинку одного из свободных стульев.

Тот стол сразу же опустел, все поспешно хватали чаши, тарелки и перебирались подальше. Теперь незнакомец остался в кожаном жилете, наброшенном на голое тело. Такие же кожаные штаны обтягивают мощные икры. Широкие плечи, увенчанные валунами тугого мяса, разнесены в стороны, руки не просто толстые, но в чудовищных мускулах, переплетены жилами и вздутыми венами, а такими бицепсами мне никогда не обзавестись, сколько бы я ни пытался.

Незнакомец широкими уверенными шагами прошел между столов, разговоры сразу затихали, а один, чей стул слишком выдвинут в сторону прохода, поспешно придвинулся вместе с ним к столу. Хозяин отставил чашу и, опершись обеими ладонями в столешницу, вопросительно смотрел на вошедшего здоровяка.

— Вина, — коротко бросил тот, — и мяса на неделю. Водяные кристаллы?

— Цена повысилась, Джиль, — предупредил хозяин.

— Знаю.

— Святилище Поющего Камня обвалилось...

— Знаю, — нетерпеливо сказал бодибилдер. — И насколько повысились, знаю.

— Я и не собираюсь жульничать, — обиженно произнес хозяин.

— Попробовал бы, — проговорил здоровяк с угрозой.

Хозяин отсыпал из шкатулки десяток желтых кристаллов, похожих на кукурузные зерна, я все присматривался к перекачанному здоровяку, стараясь, чтобы тот не увидел мой взгляд и не ощутил, что я уже вспыхнул к нему если не ненавистью, то острым недоброжелательством.

— Что-нибудь есть на продажу? — спросил хозяин.

— Ничего интересного.

— А из неинтересного?

Голос звучит как-то странно, но если у двоих разговаривающих за соседним столом дефекты речи, то здесь что-то иное. Я напрягал слух, пока не всплыла дикая мысль, но я ее отогнал, она снова всплыла, я ее затолкал обратно и еще придал коленом.

— Кое-что есть, — прозвучал голос гостя.

— Покажи?.. Не для меня, но могу предложить тем, кому в самом деле нужно...

— Ну да, — услышал я голос, что задевает какие-то струнки, только не пойму, какие, — ты же у нас печешься о всех, кто к тебе заглядывает...

В голосе звучала насмешка, но хозяин ответил без обиды:

— Клиентов надо беречь, Джиль.

— Ладно, смотри...

Сумка с плеча перекочевала на стол, мускулистая рука нырнула вовнутрь. На свет появились ржавые железки, обрывки проволоки, пара коричневых шариков. Один сразу же распался на кучу мелких, хозяин и гость тут же выставили заборчиком ладони и, как я понял, согнали шарики в кучу, где

они, подобно каплям ртути, снова слились в один покрупнее.

— Сколько за них хочешь?

Гость чуть наклонился к хозяину, слов я не услышал, но хозяин в ужасе отшатнулся.

— Ты что? Мне придется продать даже трактир, чтобы расплатиться!

Гость засмеялся, смех звучал еще более странно, чем речь.

— Я же говорю, цены мне известны, Счастливчик.

Хозяин развел руками:

— Ладно-ладно, сдаюсь. Я же знаю, некоторым моим клиентам это спасет жизни. А я такой гуманист, что самому противно...

Его руки нырнули под столешницу, за столами все усиленно разговаривали, ни один не смотрел в их сторону, только я, как дурак, таращу глаза.

Глава 4

Гость обернулся, словно ощутив мое повышенное внимание. Наши взгляды встретились. Я ощутил шок, всмотревшись в это яростное лицо с перебитым носом, массивной нижней челюстью и холодными синими глазами убийцы. Так вот почему голос странный: женский трудно скрыть хоть хрипловатостью, хоть грубым тоном. Я уж не знаю, как гусар-девица скрывала свой пол, будучи женственной, если даже это мускулистое чудовище выдало себя по голосу.

Она поморщилась, видя мое изумление, спросила у хозяина холодно:

— Это что там за дурак?

— Новичок, — пояснил тот. — Только сегодня прошел Барьер, представляешь?

Она пожала могучими плечами.

— До утра не доживет.

— Скорее всего, — согласился хозяин. — А жаль.

— Да, ты не любишь терять клиентов.

— А кто готов рушить свое дело?

Она, уже забыв обо мне, переговорила с ним еще пару минут, а потом пошла к столу, которой освободила одним броском дорожного плаща. Она села лицом ко мне, я только на миг встретился с нею взглядом и сразу же ощутил импульс отвести взгляд... что тут же и сделал. Выглядит это, наверное, трусливо, но плевать, меня никто не фотографирует, а мнение гуляк мне до свечки. Да и они, кстати, тоже отводят взгляды и стараются не смотреть на нее.

Но и то, что я увидел, внушает не просто опасение. Таких я видел даже не фитнесисток, а именно культуристок — безгрудых, с мощными мускулами, полных презрения к женщинам и мужчинам, уверенных и хамоватых в осознании своей силы. Теперь в самом деле отчетливо видно, что жилет надет на голое тело, да и тот едва не трещит под напором звериных мускулов. Обнаженные плечи штангистки похожи на лысые головы, жилистая шея толщиной со ствол столетнего дуба, мускулистые руки, перевитые жилами и венами, могут задушить льва. На бицепсы не могу смотреть без содрогания, это трицепс накачать сравнительно легко, а вот чтоб такие бицепсы... даже не представляю.

Хозяин дважды подбегал к ней почти вприпрыжку. Она сказала что-то негромко, но повелительно, хозяин поклонился и, не отходя от стола, помахал рукой. От стойки к ним устремился слуга с заполненным подносом. Похоже, вкусы этой гостьи уже знают.

Тиранит видел, что я искоса наблюдаю за чудовищной женщиной, буркнул предостерегающе:

— Старайся не смотреть на нее. Она везде видит вызов.

— И что, — спросил я шепотом, — может в ухо дать?

— Может, — ответил он так же тихо, взгляд его не отрывался от тарелки. — Может и голову разбить.

— Ого!

Он поморщился.

— Для нее это так же просто, как ложку супа проглотить. Тут все, правда, такие, но у нее как-то... особенно. Ну, ты понимаешь.

Я кивнул, что-то не столько понимая, как чувствуя. Когда

мужчина убивает, то это как-то можно, хоть и не всегда хорошо, а когда женщина... гм... вроде бы нехорошо всегда. Даже если такая женщина, что уже и не женщина.

Злоба поднималась внутри меня как-то чересчур быстро. Наверное, потому, что все-таки женщина. Даже мужчин выше себя и помускулистее не люблю, а когда женщина ростом вровень, а в плечах пошире — это уже прямое оскорбление. Причем, постоянное и демонстративное.

Один из сидевших за дальним столом медленно повернулся в ее сторону. Пламя светильника выхватило из полутьмы узкое злое лицо, а глаза, и без того прищуренные, превратились в щелочки. Могучая женщина точно так же неспешно повернула голову, я ощутил, как атмосфера ненависти сгустилась до критической массы.

Хозяин таверны, ощутив опасность, приблизился к ней и сказал торопливо:

— Только не выясняйте сейчас!

Женщина некоторое время сверлила ненавидящим взглядом узколицего, рука уже поползла к поясу, где, кроме рукоятей ножей, висят амулеты, талисманы.

— Ты прав, — проговорила она сквозь зубы. — А то отмыть от крови придется всю таверну. С этим ублюдком еще пятеро.

— Шестеро, — уточнил хозяин. — Сайхз вышел ненадолго.

Я затаил дыхание, а женщина аккуратно собрала в мешочек кристаллы и сушеное мясо. Хозяин перевел дыхание, когда она привязала все покупки к поясу. Лицо ее оставалось взбешенным, но руки не дрожали, двигалась размеренно и четко.

Второй раз хозяин выдохнул с огромным облегчением, когда женщина прошла между столами, захватив по дороге плащ, и дверь за нею захлопнулась. Да и в помещении все задвигались свободнее, разговоры стали громче. Узколицый победно улыбнулся, но глаза оставались серьезными. Я чувствовал его тревогу. Шварценеггерица не стала что-то там выяснять, когда с ним целая команда, но всегда ли те с ним...

Тиранит с деревянным стуком опустил на стол растопы-

ренную пятерню. Ногти его, втрое толще нормальных ногтей, заканчиваются остро заточенными когтями. Он перехватил мой взгляд, недобро ухмыльнулся.

— Когда полезная вещь, то уже и не уродство, верно? Словом, я, пожалуй, тебя возьму...

— Куда, сэр?

— В развалины Мекалога, — сообщил он. — Ничего не слыхал о них? Неважно. Если мы идем, значит — того стоит. У тебя тоже будет доля, хотя и поменьше моей.

Я быстро прикинул, что в группе выжить проще, да и с их помощью быстрее разберусь, как и что, вдруг да все-таки сумею понять, как же отсюда выбраться в большой мир Юга.

— Спасибо! Благодарю за доверие.

— погоди радоваться, — оборвал он. — Мы идем втроем. Я, ты и Соммерс. Вон сидит, видишь?

Я проследил за его взглядом. Там мрачно пьет вино именно тот, который прожигал ненавидящим взглядом чудовищную женщину. Сейчас он показался мне еще неприятнее.

— Как скажете, — проговорил я с заминкой.

Тиранит оскалил зубы в короткой ухмылке.

— Не нравится?

— Это не помешает, — заверил я.

Он кивнул.

— Правильно отвечаешь. Все мы не нравимся друг другу, все один другому глотки рвем при удобном случае, но в остальное время приходится сотрудничать.

— Хорошо, — сказал я послушно.

— Соммерс, — объяснил Тиранит, — ту часть Истинного Мира знает лучше всех. Так что, если готов, выступаем прямо сейчас. Я только пополню запасы у Счастливого. Он молодец, знает, что кому нужно.

Пока Тиранит толковал с хозяином и закупал необходимое, я украдкой поглядывал по сторонам и торопливо складывал в мозг обрывки услышанного. Значит, здесь, внутри Барьерного Кольца, люди живут несколько столетий. Когда по всему континенту следы войны зарубцевались и снова

жизнь дала новые всходы, здесь еще действовало древнее проклятие, и все, кто сюда попадал, умирали или становились уродами.

Отсюда выходили невиданные чудовища, пожирали народ, а люди иной раз выносили такое оружие, что уничтожало... не знаю, как насчет целых городов, но вред причиняло немалый. В конце концов маги соседних королевств объединили усилия и поставили вокруг мест, где действует Древнее Зло, барьеры. Потом к ним присоединились, очевидно, маги всего континента и усилили Барьер такими заклятиями, что отсюда, судя по рассказам Счастливого, Корчуна и Каменщика, не выбраться ни зверю, ни птице, ни муравью, ни могучему магу. Дорога через Барьер существует только в один конец.

Корчун лениво слушал, как торгуется Тиранит с хозяином таверны, я тихохонько подсел к нему и спросил осторожно:

— А что, есть и другие такие... места?

— Говорят, — ответил он равнодушно. — Вообще-то короли не зря стараются обезопасить свои страны. Тут не только опасные магические штуки. Дважды, бывало, отыскивали сундуки, откуда такое вырывалось... за сутки-двое уничтожало все живое... кроме зверья...

Тиранит бросил через плечо:

— Зато повезло тем, кто потом приходил первым!.. Чума, всех пожрав, сама тожедохнет, а богатство лежит себе, дожидается... Хорошо бы — нас. А лучше — меня.

Хозяин таверны чему-то коротко усмехнулся. После паузы проговорил:

— Да, тем повезло.

— С тех пор никуда не ходишь? — спросил Тиранит.

Хозяин пожал плечами:

— Мне такая жизнь нравится. Я не изменился за пару последних сотен лет, хотя давно должен сгнить. У меня всегда есть все. Все необходимое. А что не выхожу... так я и был домоседом.

— Но раньше ты ходил далеко! — сказал Тиранит. — До Синих Гор доходил! Старики о тебе рассказывали легенды...

— Жрать что-то надо было, — вздохнул хозяин. — Кристаллы нужны?

— Дай десяток.

— Держи. Как постоянному клиенту, скидка.

— Ладно, знаю твои скидки. Все, до встречи!

Соммерс ждал у выхода, в нетерпении притопывая ногой в высоком сапоге. Здесь, как я заметил, почти все в высоких сапогах, кроме тех, у кого кожа превратилась в хитин.

— Идем! — бросил мне Тиранит, складывая все в мешок.

Я наспех попрощался с новыми приятелями Корчуном и Каменщиком, поблагодарил Счастливого и бросился вслед за Тиранитом.

Прямо перед дверью Тиранит набросил на плечи накидку из легкого, но прочного шелка. Как я понимаю, шелк — лучшая защита от ножей, его не разрубить, а здесь у всех на поясах ножи, длинные и короткие. Меч видел только у одного, да и тот больше похож на длинную саблю.

Доспехов нет, мелькнуло у меня в голове. Никто не носит доспехов! В этом случае тяжелые мечи не нужны, ножи куда эффективнее...

Едва вышли из таверны, я снова ощутил шок: над головой океан раскаленной лавы, ветер гонит исполинские волны с большой скоростью, на землю падает красный призрачный отсвет.

Соммерс шел, держа взглядом дальние горы, а Тиранит оглянулся, безгубый рот растянулся в недоброй усмешке.

— Что, впечатляет?

— Еще как, — ответил я с трудом.

Он кивнул:

— Всех так. Это я здесь родился, а тех, кто из-за Барьера, трясет...

А Тиранит оглядел меня, поморщился.

— Голову напечет, — сказал он недовольно. — Быстро свалишься... На вот!

Он выудил из мешка лоскут тонкой серой ткани, что, значит, когда-то была без рисунка, просто белой.

— Что надо делать? — спросил я.

— Эх ты...

Он быстро и умело повязал мне на голову, так что уши торчат, но макушку от прямых лучей спрятал. Я пощупал повязку, буду надеяться, что похож на десантника или спецназовца, они тоже вот так повязываются перед опасными операциями.

— Спасибо!

— Не за что, — буркнул он. — Это временно. Когда тебя убьют, снова заберу.

— Ну а как же, — поддакнул я, хотя под ложечкой заныло, — добро пропадать не должно.

— Теперь не отставай!

По красному небесному океану часто проплывают темные обрывки туч, словно быстро остывающий шлак, но в других местах, напротив, из глубин выплескивается желтое или оранжевое, а на поверхности медленно остывает, превращаясь в багровые волны.

Только здесь, выйдя из таверны, я увидел, что небо вовсе не купол, а ровное, как доска. И эта поверхность багрового кипящего моря лавы угрожающе близко к нам, к земле.

Справа и слева проплывают отдельно торчащие скалы, как острые клыки. Я и раньше на такие косился с опаской и недоумением. Ну почему вдруг на ровном месте такие длинные и острые?

Под сапогами звенит сухая выжженная глина, часто такая же красная, как и бегущее над головой страшное небо. Редкие клочья травы больше смахивают на мотки колючей проволоки или веера из длинных лезвий бритв, чем на что-то живое.

Встретились идеально ровные каменные шары размером с холмы. Почти все погружены в землю до половины, только один неведомая сила выкатила на выветрившуюся плиту, где и блещет во всей грозной красе бильярдного шара для сверхвеликанов.

Соммерс все так же впереди, за ним след в след Тиранит, я плетусь замыкающим, бросая по сторонам быстрые взгля-

ды. Странные ключья тумана, что умудряются переть против ветра, непонятные звери и фантомы, странное зарево на юге, хотя должно быть на востоке... или на западе?.. странные зубатые птицы, но это все не слишком странно, если вспомнить, что и по ту сторону океана хватает странностей, только местным они не кажутся странностями.

Другое дело, что все, кого встретил на этой стороне, обладают ярко выраженным... м-м-м... колдовским даром. Или это не дар, а работа амулетов или талисманов — неважно, главное то, что все преспокойно делали то, что там мог только я: хозяин таверны как-то создает, не зажигая печь, жареную дичь, а также по одному лишь прикосновению определяет процент золота в монете, количество примесей, как будто делает мгновенный спектральный анализ, один в таверне шелчком пальцев зажег огонек, другой — движением головы сменил всю одежду, включая сапоги, а чего стоит тот прозрачник, один в трех телах?

Я видел, как Соммерс на ходу повел рукой, и впереди проявились из пустоты зверьки размером с крупную крысу. Они совершенно не обращали на нас внимания, рылись в остатках крупного зверя, похожего на козу, но Соммерс тут же свернул в сторону, и мы обошли их по большой дуге, стараясь не привлекать к себе внимания.

Оглянувшись, я видел, как из норок выскакивают новые зверьки, поднимаются на задние лапы и нюхают воздух. Тиранит тоже оглянулся и ускорил шаг.

Ни одна группа искателей сокровищ в этих краях, мелькнула мысль, не может обходиться без мага, на худой конец — колдуна, но здесь почти каждый владеет целым магическим арсеналом. Если в Армландии я был среди воинов, то здесь очутился среди колдунов разного калибра. Для Соммерса или Тиранита пользоваться магией так же просто, как для воинов то и дело хвататься за рукоять меча.

Они часто сближались и переговаривались так тихо, что я не мог уловить ни слова. Нарастающую опасность я чувствовал все острее, но, как ни оглядывался в страхе, вблизи нико-

го, наконец сообразил, что эти двое замыслили что-то в отношении меня.

Справа и слева поднимаются небольшие каменные холмы, потом сблизились и выросли, мы некоторое время шли как по ущелью. Соммерс двигался все медленнее, вертел головой, я чувствовал неуверенность в его движениях, наконец он проговорил:

— Стоп, место хорошее, можно перевести дух.

Тиранит тут же остановился, сбросил мешок с плеч.

— Хорошее место, — согласился он. — Хорошее.

— Если не считать, — сказал Соммерс с кривой ухмылкой, — что здесь провалился Кривой Дуб.

— Ну-у, — протянул Тиранит, — это когда было... Третий и Четвертной потом так здесь все проморозили, в отместку за брата! Сейчас под нами скала... я даже не знаю, на какую глубину она и тянется.

Глава 5

Я осторожно сел на валун, спиной к скале. Сзади никто не кинется, разве что пройдет сквозь камень. Из припасов у меня только немного сушеного мяса и кристаллы, хозяин таверны называл водяными, но не объяснил, как пользоваться.

Тиранит тоже сел, по его виду не скажешь, что изнемог, но ладно, я во всем новичок, Соммерс ловко расплел узел на горловине вещевого мешка. На свет появились полотняный сверток с едой и большая медная фляга.

— Пить будешь?

— А что там? — спросил я.

— Веселуха. Не знаешь? Эх ты, откуда и забрел в наши края... Это вроде вина, но только из местных кактусов.

— Спасибо, — поблагодарил я, — у нас она зовется иначе. Нет, у меня от алкоголя голова болит...

— Голова болит, — передразнил он. — Этим голову только и лечат! Ладно, нам больше останется. Тиранит, ты не против?

Тиранит ухмыльнулся безгубым ртом, во рту блеснула сточенная почти до десен роговая пластина.

— Еще как не против.

— Тогда держи.

Соммерс налил красноватой жидкости в металлический стаканчик. Тиранит принял, лицо стало счастливым еще до того, как он поднес его к губам.

Я осторожно пожевал мясо, стараясь определить, из какого зверя, но не понял, даже насчет сыра тоже не врубился. Похож на овечий, но резче, козий тоже мягче, а от этого так и пахнет агрессивностью и нерассуждающей мощью зверя, который дал молоко.

По земле носятся с невероятной скоростью муравьи, словно по раскаленной сковороде. На моих глазах крупный жук сел на стену большого камня и начал быстро-быстро вгрызаться в него. Послышался скрип и визг, словно заработала небольшая бормашина. Из выемки вылетают измельченные в песок крупинки камня. Жук углубился до половины, я не верил глазам, а потом и вовсе исчез, только песок продолжал некоторое время вылетать, затем выдвигался и лениво сыпался с края, а когда все стихло, Тиранит, наблюдающий за моей реакцией, проговорил задумчиво:

— Откуда ты все-таки приехал?.. Даже этого не знать...

— Чего?

— Да эти жуки, — пояснил он, — всегда в это время роют норки и откладывают там яйца. Сплошняком! Посмотри по сторонам, везде хоть один да роет...

Я прислушался и в самом деле уловил слабый звук бормашины. Даже два, один справа, другой — спереди.

— Уже не вылезут, — сказал он. — Все. Мамаша забьет дырку с той стороны, чтобы никто не сожрал ее беспомощных детей, а они прогрызут выход сами.

— А чем они будут кормиться? — спросил я. — Ах да, ее же и сожрут... Видать, серьезные у нее противники, если норку не в земле роет, а в камне грызет...

— Наверное, — ответил он безучастно. — Слушай, а может быть, тебе не в Квентин лучше, а в Любель? Это куда ближе. И купцы там богатые. За любую твою находку отвалят не меньше. А то и больше.

Я сказал тоскливо:

— Да нет у меня никакой находки. Так, хочу снова выйти на ту сторону Барьера. А вообще хочу пройти до северного океана.

Он посмотрел на меня с сомнением. Я жевал сыр, прислушиваясь к ощущениям. Вообще-то могли бы попытаться меня убить в дороге, я не раз поворачивался к ним спиной. Но все древние находки обычно остаются простыми кусками металла или дерева, немногим удается их пробудить к жизни и заставить служить. Потому тот, кто продает, всегда подробно показывает, как и что, без этого самая ценная находка ничего не стоит. Я еще в Амальфи слышал рассказы челяди, как в сокровищнице некоего короля пять веков пролежала некая штука. Все правители пытались ее оживить, все их мудрецы, но только совершенно случайно оживил внук последнего короля. Оказывается, для этого обязательно нужно набрать полный рот воды. Мальчонка собирался подкрасться к своей старшей сестре сзади и обрызгать и по дороге ухватил из рук задремавшего деда его красивую игрушку...

С тех пор тому королю служит могучий джин, выполняет все его требования. Правда, только в пределах дворца, но и этого более чем достаточно. Престарелый король снова молод, красив и силен, каким был пятьдесят лет назад, снова интересуется женщинами, пирами и охотой.

— У нас другая задача, — сказал Соммерс вдруг совсем другим тоном, резким и не терпящим возражений. — Ты видел ту чудовищную бабу, Джильдину?

Я сразу понял, о ком речь, но переспросил на всякий случай, стараясь выиграть время:

— Какую?

— Заходила в таверну, — сказал он зло.

— А-а-а, — протянул я. — Видел, но не подумал, что это женщина... Очень уж она...

Он хмыкнул, но выражение лица не смягчилось.

— Вот-вот, очень уж... Поговаривают, что она не женщина вовсе. Женщины не бывают такими зверьми.

— А что она сделала? — спросил я.

Тиранит с удовольствием ответил раньше, чем Соммерс открыл рот:

— Убила несколько охотников. Говорит, помешали!.. Мы все становимся врагами, когда выходим из таверны, но все-таки не обязательно же кидаться друг на друга... сразу.

Соммерс процедил люто:

— Она убила Лерелла, а я с ним ходил почти год!.. Обещала убить и меня, если попадусь на пути. Это что же, я должен ходить и оглядываться?

Тиранит прожевал мясо, запил и сказал веско:

— Мы должны ее перехватить. Она пошла к Остриям, а мы срежем угол и устроим ей засаду.

— Убьем? — спросил я.

Соммерс зло оскалил зубу.

— Нет, похлопаем по плечу и скажем: продолжай убивать нас!

Тиранит понял по моему лицу, что меня смущает, хохотнул:

— Дурак, это не женщина. Женщин мы не убиваем. Ну, разве что при самозащите. А это чудовище даже с виду не женщина. Когда убьем, ты увидишь, что у нее там...

— У него, — поправил Соммерс угрюмо.

— Точнее, — сказал Тиранит, — говорить «оно».

Я посмотрел по сторонам.

— А мы в самом деле опередили? У нее ноги вроде бы длинные. И крепкие, как у коня.

— Опередили, — заверил Тиранит. — Соммерс провел нас через опасные места напрямик, а их даже она обходит. Здесь надо объединяться, понял? Соммерс проведет в одном месте, я — в другом. А это чудовище с женским именем ходит всегда сама.

— Само, — поправил Соммерс.

— Само, — согласился Тиранит. — Понял?

— Понял, — ответил я. — Располагайте мною.

Соммерс сказал строго:

— Как только ее заметим, бьешь первым! Она будет смот-

реть на нас, а от тебя не ожидает. Но не успеет ударить по тебе, мы ее с Тиранитом и завалим. И пикнуть не успеет.

Тиранит кивнул.

— Мы лучшие, — сказал он с гордостью. Подумал, уточнил: — В этой части Внутрибарьеря.

Соммерс буркнул:

— Не так уж и велико, так что можно считать, что мы вообще лучшие. А с тобой, таким орлом, вообще непобедимы.

И хотя издевка прозвучала очень отчетливо, я промолчал. Человек — самый опасный зверь, это я усвоил еще на Севере. Ни один тролль, гоблин или огр не бывает настолько лютым и мстительным.

Пока обедали, напoлз туман, Соммерс поморщился, но с места не сдвинулся. Туман обтекал нас, а затем аккуратно смыкался, так что сидим на усыпанной галькой площадке, а туман от нас не более, чем в десяти шагах. А когда налетают порывы ветра, то и ближе. Правда, туман тут же пугливо старается отодвинуться.

Я машинально жевал, голова раскалилась от мыслей, это Тиранит может спокойно чавкать и не думать, что вокруг, все привычно, а я к такому никогда не привыкну, пока не пойму... Или привыкну?

Справа раздался жуткий, рвущий душу звук, наполовину — рев, наполовину — металлический скрежет. Меня осыпало морозом, а ноги сами подбросили в воздух. Рука метнулась к молоту, пригнулся, глаза мои впились в сгустки тумана. Тиранит не пошевелился, только челюсти стали двигаться медленнее, а щеки покрылись смертельной бледностью.

— Это кто? — спросил я шепотом.

— Не знаю, — ответил он тихо.

— Нападет?

— Не знаю, — повторил он. — Если и напaдал когда, то уже никто об этом не рассказывал...

— А ты уже слышал такое?

— Да, много раз.

Рев прозвучал снова, на этот раз дальше. Зверь прошел

мимо, нас не заметив. Либо не удостоив вниманием. Тиранит приложился к фляге, пальцы дрожали, алая струйка плеснула на грудь.

Через пару минут за стеной тумана послышалось шумное дыхание. Я замер, пальцы сжали рукоять молота. Донесся запах свалявшейся шерсти, животное приблизилось, и я с замиранием сердца ощутил, насколько оно огромно. Крупнее слона, что-то вроде тиранозавра, и такое же, как мне чудится, опасное.

Туман пошел волнами и втянулся от меня двумя воронками. Неведомый зверь каким-то образом рассматривает меня через стену тумана, а теперь еще решил и обнюхать. Я снял с пояса молот и держал наготове, со страхом чувствуя, что даже удар молота будет что слону дробина. Разве что попасть в голову, у динозавров она крохотная...

Зверь понюхал меня снова, я чувствовал, что он в затруднении, камни захрустели, вдавливаясь в твердую землю, словно на них давит сверхтяжелый танк, я занес руку для броска и ждал. Снова мощное дыхание, потом удаляющиеся шаги.

Я опустил руку, всхлипывая от облегчения. Туман, что опускается, казалось, с низкого неба, пошел вниз быстрее, словно незримая рука провела исполинской бритвой по куполу небосвода, очищая его от плесени и паутины.

Но я видел отчетливо, что не туман опускается, а из тумана прорастают, как зубы языкового дракона, вершины злобно заостренных гор, а потом и скал. Когда они ярко вспыхнули багровым огнем, внизу белесый кисель проткнули остроклювые сосны, пошли в рост, а белый кисель быстро разжижился, приник к земле, пытался затаиться в ямках и щелях, но его утянуло в почву.

Соммерс выругался, я вскочил, в ладони сам собой оказался молот. Совсем близко лежит растерзанная туша огромного зверя, втрое крупнее медведя, кровь из разорванного горла залила все вокруг.

Тиранит проговорил дрогнувшим голосом:

— Кто же его так... Неужели камнегрыз?

— Наверное, — ответил я, хотя понятия не имею, кто такой камнегрыз. — Вон как кости перекусил...

— Но почему не отожрал хотя бы голову?

— Наверное, — предположил я, — спугнули.

Он переспросил с сомнением:

— Спугнули?.. Но кто его может спугнуть...

— Не знаю, — ответил я. — Но не хотел бы попасться такому парню на дороге.

Соммерс сказал с нетерпением:

— Все, пора идти!

Уже с мешком на спине, он пошел быстрым шагом, ловко прыгая по камням. Горячая галька хрустит под ногами, воздух жаркий, сухой, затем вдруг без всякого перехода как будто кто набросил мне на лицо горячее влажное полотенце, а еще через пару минут мы неожиданно вышли на край небольшого болота.

Нет, подумал я ошарашенно, вряд ли термояд. Не знаю, может ли после термояда образоваться болото, разве что через сотни лет, но мне все равно чудится, что должно быть выжжено. Почему-то чудится именно так... Здесь было что-то пострашнее термояда. То, что все еще калечит и землю, и людей.

Саммерс шел вперед не останавливаясь. Вода в мелком болотце странно неподвижная, сапоги погружаются по щиколотку, но чавкает, как будто слон вытаскивает ноги, попавшие в вязкую грязь по самое брюхо. Жутковато, никаких комаров, зачем я эту мазь покупал, зато темная гнилая вода иногда идет кругами, словно в глубине медленно двигаются огромные звери. Но с виду там, как и здесь, воды до середины голенища...

Болотце кончилось зарослями такой же мертвой травы по пояс. Я покрутил головой, как бы обойти, что за трава, что вот так стоит сотни лет, не рассыпаясь, однако Соммерс пер прямо. Заросли раздвинулись, протестующее зашелестев.

Я шел следом, не понимая, как могут существовать раскаленные пески рядом с болотом. Вернее, как болото уцелело рядом с оранжевыми барханами, что медленно передвигаются и уже давно засыпали бы эту чертову грязь. Такое впечат-

ление, что пески исчезают на границе с болотом, словно некая сила охраняет эту мерзость.

Догнав Тиранита, я спросил осторожно:

— А что с небом?

Он вскинул голову, я видел, как он пробежал взглядом по раскаленным тучам, повернулся и посмотрел на дальний край гор.

— С небом?.. Да все как обычно...

Я помотал головой.

— Я видел... гм... слышал, что здесь бывает и синее небо, и солнце...

— А-а-а, — протянул он равнодушно, — Окно...

— Что за Окно?

Он зевнул.

— Небо всегда либо красное, либо оранжевое. Говорят, с той стороны Барьера так перекрывают этот участок земли и сверху. На случай, если кто летать научится... ха-ха. Не тарашись, шучу. Но раз в три месяца небо становится вот таким, как ты сказал. Обычным, как называют те, кто из-за Барьера, хотя для нас красное куда обычнее. Поговаривают, одни сторожевые маги передают охрану другой смене. Брехня, конечно.

Я всматривался в тучи.

— Почему?

— Да охрана, — проворчал он, — и без людей охрана. Как волчьи ямы или капканы. Или крепостная стена.

Далеко впереди из дрожащего марева перегретого воздуха выступила удивительная скала, похожая на тонкий столб из белого мрамора с изящной башенкой на самом верху. Прошло минут пять, прежде чем я понял, что это в самом деле не скала, а башня, а на вершине довольно приличное жилое помещение.

— Что это? — прошептал я. — Мираж?

Тиранит нахмурился, пощупал амулет на груди и только тогда ответил осторожно:

— Там силы, которые за... нашим пониманием.

— Это как? — перепросил я. — Они что, нелюди?

Он пожал плечами:

— Теперь не знаю. И никто не знает. Когда-то были люди. Поклялись, что сумеют найти способ взломать Барьер, объединили свои силы и поселились здесь. Поклялись еще, что не уйдут отсюда, пока не выполнят обещанное.

— Давно это было?

— Что-то лет триста-четыреста тому.

— Ого! И что, кто-то еще там жив?

Он криво усмехнулся.

— Там вокруг башни магический круг. Мы пройдем близко, увидишь. Самое простое заклятие, его знают все маги. Так вот, еще ни одному человеку, маг он или простой охотник, не удавалось перешагнуть ту черту!

Я кивнул. Понятно, почему проложили именно простой круг. Чтобы все сразу понимали: если не сумеют переступить простое заклятие, то более мощные в башне их вовсе обратят в пепел.

— Круг цел, — спросил я на всякий случай, — пока они живы?

— Ловишь на лету, — похвалил Тиранит. — Зато всем сразу ясно: хозяева живы и не желают с кем-то общаться. А если кто сумеет пройти... что ж, пусть поднимается в башню. На самый верх!

— И что, убьют?

Он удивился:

— Зачем? Им нужны помощники. Чем их больше, тем они сильнее. Но, увы, пока никому не удалось... Все-таки все время работают над тем, как увеличить свою мощь, и защитный круг от того становится все сильнее. Надеюсь, когда-то им удастся взломать Барьер...

Я сказал, что да, хорошо бы, а сам еще раз подумал, что будет еще тот ужас, если эти мутанты разойдутся по благополучным землям. Во-первых, разнесут неведомые там болезни, к которым сами претерпелись, а там будут эпидемии, что выкосят целые страны, во-вторых, благодаря своим способностям мутанты смогут противостоять королевским войскам и разорят города и села...

Башня вблизи показалась еще массивнее и выше. Верши-

на ее почти касается быстро бегущего красного неба. Круг нарисован простой белой краской, без магии ее смыло бы первым же дождем, а так как будто только что провели эту запретную черту.

Когда прошли мимо, я еще раз оглянулся, башня отдалается, прекрасная и загадочная. Я уже видел подобные во время своего пути с Севера к Югу, хоть и другие по форме, но почти всегда маг, достигая определенной мощи, возносится вот так и отгораживается от мира.

Даже не знаю, как поступил бы я, получив сверхсилу... Наверняка ходил бы сперва по странам, творил чудеса, спасал и карал, осправедливливал и озаконивал, насаждал демократию сериями файерболов... Потом для разнообразия ходил бы неузнанным, так прикольное, но в конце концов это значит остановиться в развитии и пожинать плоды, а всякому магу интересно еще и достичь вершины мощи. Вот для этого и приходится уединяться, чтоб не лезли всякие с просьбами, жалобами, приглашениями на вечеринку, дни рождения, презентацию, просто на пьянку и траханье...

Хотя на самом деле кто знает, зачем они так... сейчас. Странно, если бы остались теми же людьми, что и триста лет тому. По сути, уже нелюди только потому, что живут так долго. Люди не смогли бы накопить столько знаний и умений... И еще смотрят на мир иначе, чем мы, потому что для нас вечное, а для них — вовсе нет.

Глава 6

Острая боль впиалась в спину между лопатками. Я остановился и, с трудом вывернув руку, ухватился на больное место. Пальцы нащупали нечто металлическое, я попытался взять в руку, но оно впилося в плоть, словно наконечник стрелы.

— Что там? — крикнул я. — Тиранит, посмотри!

Он повернулся, а я, сцепив зубы, рванул сильнее. В пальцах осталось нечто тяжелое и шевелящееся. Я охнул, увидев на ладони блестящего жука. Он лежал на спине и отчаянно махал в воздухе лапами, стараясь за что-то зацепиться, на

жвалах быстро таяла, слизываемая красным язычком, капелька крови.

— Брось быстрее! — заорал Тиранит.

Я отшвырнул жука раньше, чем он вцепился мне в палец. Тиранит задрал мне рубашу и торопливо смазал спину чем-то едким.

— Терпи, — предупредил он. — Если через полчаса не околеешь, то жук не успел...

— Он же укусил!

— Он сперва кусает, — объяснил он, — а яд впрыскивает потом. Из задницы...

Я промолчал, что за жуки здесь, у нас только муравьи да осы так делают, а здесь все просто сумасшедшее.

От жары и усталости мутилось в голове, рот пересох, я все думал, как бы решиться сказать этим двум, что я уже не могу, щас упаду и кончусь, как Соммерс впереди остановился и сказал бодро:

— Впереди спуск, подъем — и мы у цели!

Тиранит предложил так же бодро:

— Заправимся перед рывком?

Соммерс поколебался, но махнул рукой:

— Ладно. Но недолго.

Странно, никто не расспрашивает меня о том, что за Степной. То ли наслушались от других, то ли их мысль всегда нацелена на выживание. А забарьерная жизнь — пустая болтовня.

Соммерс вытащил пару кристаллов, которые Счастливчик называл водяными, бросил в свою объемистую флягу. Тиранит перехватил мой заинтересованный взгляд, объяснил, что водяные кристаллы работают очень просто. Набираешь в любую бутылку песка и бросаешь туда один-единственный кристалл — через полминуты получится вода. Полная бутылка, без единой песчинки. Если в большой кувшин набрать много песка и бросить кристалл — воды на одну бутылку, остальное останется мокрым песком. Потому путешественники всегда берут с собой кристаллы с запасом.

— Я взял, — заверил я гордо, — с запасом!

Они переглянулись, даже не пряча ухмылки на жестоких

рожах. Соммерс смолчал, а словоохотливый Тиранит начал рассказывать, что внутри Барьера вся земля расколота глубокими пропастями, и если видишь на той стороне человека, то часто попасть к нему можно только после сотни миль по извилистой и очень опасной дороге.

Соммерс буркнул с нехорошей ухмылкой:

— Расскажи ему про Оазис.

— Зачем парня пугать? — возразил Таринт.

— Да он не из пугливых, — сказал Симмерс и улыбнулся, глядя мне в лицо. Я чувствовал, что ему очень не нравлюсь, в то время как Тиранит относится ко мне равнодушно. — Он же через Барьер прошел...

— Что за Оазис? — заинтересовался я.

Соммерс довольно улыбнулся, а Тиранит начал много-много объяснять, что если пойти вот чуть восточнее, там увидим чудный островок, но репутация у него очень уж нехорошая даже среди самых бесстрашных, которым вроде бы на все наплевать. С виду самый уютный и безопасный уголок на свете: сочная зеленая трава, кусты роскошных пальм, попугаи стаями перелетают с дерева на дерево, воздух звенит от сверкающих крыльями стрекоз, разноцветных жуков, похожих на летающие драгоценные камешки...

Однако всякий, кто заходит в этот Оазис, уже не возвращается. Однажды туда ушла целая группа, обвешанная оружием и амулетами с головы до ног. С ними были три самых сильных мага округи. Двоих оставили вне Оазиса сторожить, хотя им мучительно хотелось тоже после изнурительного перехода по знойным пескам и под жарким солнцем нырнуть в зеленую прохладу.

Они ждали и ждали, а потом, когда ощутили, что ждать бесполезно, вернулись в город. С тех пор уже никто не решается что-то искать там. Ни группой, ни в одиночку.

Я подумал, сказал осторожно:

— Ну, насчет одиночек, я бы так не сказал...

— Почему?

Я пожал плечами:

— В каждом из нас живет эта уверенность, что, мол, у вас

не получилось, а у меня вот получится все. И я вернусь богатым, счастливым и могучим. А вы будете завидовать...

Соммерс взглянул остро, но промолчал, а Тиранит продолжил, что если пойти правее, там никаких пальм, зато прекрасная зеленая трава, небольшое озеро с чистейшей холодной водой, где водится великолепная рыба. И все проходит благополучно, во всяком случае — проходят. Хотя и рассказывают, что слышали, как дрожит земля, будто некто огромный пытается выбраться, иногда из глубин доносится мощный рев, настолько жуткий, что можно сойти с ума. Некоторые сидели в одночасье, услышав этот рев.

В озере видели верхушки мачт затопленного корабля, хотя само озеро меньше предполагаемых размеров корабля с такими мачтами. Многие слышали, как хлопают паруса, как отдаёт приказы капитан, даже слышали топот ног моряков по палубе. И еще странное: примерно каждый пятый умирает на третий день, как покидает это мирное зеленое пятно с безмятежным озером.

— И только Фенигор ходит безнаказанно, — сказал Соммерс с ухмылкой.

— Так то Фенигор, — возразил Тиранит.

— А кто этот Фенигор? — спросил я.

Тиранит пожал плечами, лицо потемнело.

— Он уже и не человек вовсе... Даже в озеро заходил спокойно.

— Что-то находил?

Он снова пожал плечами:

— А ему ничего не надо.

Соммерс прорычал:

— Если бы я так мог...

Не дал Бог свинье рог, подумал я мстительно. А то бы всех перебодала. И крыльев не дал, чтоб небо свиным рылом не изрыла.

После передышки Соммерс взял такой темп, что я заподозрил в обычной подлянке: хочет, чтобы я свалился, признал себя неженкой.

Я бы свалился, но в последний момент Тиранит, проходя мимо почти отвесной скалы, вдруг остановился, постучал по камню и сказал несколько слов очень быстро и с непривычной интонацией.

Соммерс раздраженно оглянулся.

— Ты чего?

— Да хочу новичку показать, — ответил Тиранит с усмешкой. — Нам привычно, а вот ему...

В каменной стене, древней и ветхой, проступила багровая дверь с нарисованной пентаграммой. На моих глазах налилась огнем и, разгоревшись до оранжевого огня, вспыхнула зловещими искрами, что шипели, сгорая в воздухе.

Тиранит отступил на шаг, страха на его лице нет, оглянулся на меня с усмешкой.

— Как тебе это? Мираж?

— Если бы не искры, — ответил я, — можно бы сказать, что да, еще какой! Магия и все остальное, но искры шипят, это взаимодействие с воздухом... нет, это не мираж.

Он кивнул.

— Верно. Все реально. Но в то же время — мираж. Правда, наполовину.

— А для чего это?

— Смотри, — ответил он, добавил с усмешкой: — Может, увидишь что-то знакомое.

Он проговорил несколько слов, протянул руки к двери, но злые искры стрельнули в его сторону. Он отдернул кисть, выругался. На двух пальцах, как я успел заметить, сразу вздулись волдыри. Я смолчал, а Тиранит повторил заклинание, еще громче и отчетливее.

Пентаграмма исчезла, Тиранит зло дернул за ручку, дверь исчезла. На ее месте остался проем, я рассмотрел по ту сторону вроде бы зеленое поле, наполовину скрытое туманом.

— Ну как? — спросил Тиранит.

Соммерс нетерпеливо притопывал ногой, я все еще переводил дух и делал вид, что его не замечаю, подыгрывал Тираниту, широко раскрывая лоб и глупо тараща глаза.

— Обалденно, — сказал я. — Да что же это такое? Да как же оно так вдруг из ничего? Прямо из камня?

Тиранит довольно скалил зубы.

— Вот такое чудо!

— И что там? — спросил я. — В чуде?

Он перестал улыбаться, сказал уже раздраженно:

— Барьерное место внутри Барьера.

— Как это? — переспросил я.

— А вот так, — ответил он еще злее. — Зайти можно, выйти — нет. Во всяком случае, еще никто не вернулся. Хочешь попробовать?

— Нет-нет, — ответил я поспешно и на всякий случай отступил, чтобы не пихнули в спину. — Не такой уж я и любознательный. Вообще-то я любознательный, но так... местами. Полосками.

Саммерс рыкнул:

— Все, хватит! Пошли!

— Пошли, — согласился и Тиранит.

Я едва поспевал за ними, оскальзывался на гладких камнях, как только и ухитряются прыгать, как в цирке. Однажды брякнулся на спину и успел увидеть, что тяжелые облака несутся по небу уже не со скоростью скачущего табуна, а обогнали бы и курьерский поезд. Даже не облака, а массивные красно-черные тучи. Под ними дрожит и прогибается небосвод, а они мчатся так, что почудилось нечто библейское, словно то ли первый или второй день творения, то ли бурно создается атмосфера молодой Земли, а в океане начинает зарождаться жизнь...

Соммерс тоже взглянул на небо, лицо посерело. Я видел, как заметался его взгляд.

— Что это? — крикнул я.

— Надо успеть вон до тех скал! — прокричал он.

Я только открыл рот для вопроса, как Соммерс и Тиранит со всех ног ринулись к темнеющим норам в красноватой стене горной породы.

Я помчался за ними, меч бьет по спине, молот оттягивает пояс, бежать тяжело, я уже забыл, как это без коня, а далеко

за спиной раздался жуткий шелест, будто миллионы крупных раков выползли на берег. Я чувствовал, что задыхаюсь, глаза вылезают из орбит, стена с норами приближается быстро, но еще быстрее за спиной нарастает этот ужасный звук, а еще в спину пахнуло жаром и запахом горелого.

Соммерс упал и перекувырнулся, но тут же подхватился и, придерживая за спиной мешок, побегал почти на четвереньках к норе. Тиранит, хрипя и задыхаясь, вбежал в нору, слышно было, как споткнулся и с проклятием грохнулся там в темноте.

Я вбежал последним в ближайшую пещерку, пахнуло смрадом, а под ногами захрустели кости. За спиной страшно прошелестело, я увидел, как настигающая нас серая стена надвинулась и даже попыталась ворваться в пещеру.

Каменная стена затряслась, камни заскрипели. Серая пелена на миг скрыла все по ту сторону пещеры, а когда ливень прошел, я с ужасом увидел, как земля кипит и вспухает огромными волдырями.

Сильно пахнет горелой землей, воздух жаркий и сухой настолько, что я закашлялся. Кипящая земля медленно успокаивается, волдыри застывают неправдоподобно гладкими куполами, словно в землю наполовину погрузились круто сваренные и очищенные от кожуры яйца динозавров.

В пещеру несет зноем, воздух прокален этим жутким огненным дождем.

— Жив? — донесся голос из соседней норы.

— Да! — крикнул я в ответ. — Что это было?

— Мешок не потерял?

— Не успел, — признался я.

Осторожно выглядывая, я увидел, как из полумрака соседней расщелины появился Тиранит. Он посмотрел на небо, по сторонам, лишь потом осторожно ступил на дымящуюся землю.

— Выйти можно? — спросил я.

— Нет, — ответил он.

Я смотрел, как он перебегает ко мне, высоко поднимая колени и стараясь не задерживать подошвы дольше необхо-

димого. Они дымились, когда вскочил в мою пещеру, а сам часто и сухо кашлял.

— Вот же зараза!.. Кто ж знал...

— Что это? — повторил я.

— Еще не понял? — переспросил он. — Ну ты и новичок... Даже я таких не видел.

— Зато я видел в других краях то, — ответил я, — чего не видел ты.

Он кивнул, глаза стали серьезными.

— Ты прав. Но тут не там, а здесь. И ты — здесь. Так что не имеет значения, что ты и где видел. Ты внутри Кольца, из которого не выйти. А это называется Оловянным дождем. Время от времени с неба падает дождь из расплавленного олова. Раньше заставлял врасплох, потом научились угадывать по тучам. Он бывает не часто и только в этой части земель.

Я покосился на мелкие камешки: из вишневого цвета снова стали серыми, только плотнее впечатались в расплавленный песок.

— А до Барьера далеко?

— Рукой подать, — обнадежил Тиранит. — Если бы не этот дождь, сегодня бы подошли вплотную.

Я задрал голову, изучая небо. Красно-черные тучи пронеслись дальше, а теперь над головой почти так же быстро движется жуткий багровый массив, где вспыхивает неземной плазменный огонь.

— А это уже не опасно?

— Теперь такое повторится не скоро, — утешил, заглядывая к нам, Соммерс. — Тиранит, ты готов?

— Погоди, пусть еще остынет... — проговорил Тиранит.

— Забыл: после Оловянного дождя всегда выходят на охоту формивакки?

— О Господи, — простонал Тиранит, — только не это...

Он подобрал мешок и первым выбрался из норы. Земля еще долго оставалась горячей, мне чудилось, что идем по раскаленным углям, подошвы иногда начинали дымиться, но пронесло, не отвалились.

Небо медленно из багрового превращалось в темно-баг-

ровое, затем багровость перешла в лиловый цвет, недобрый и угнетающий, словно губы мертвеца. Соммерс все ускорял шаг, начал сбиваться со следа, Тиранит сказал предостерегающе:

— Если ночь застанет нас вот так... всем конец.

— Она близко, — огрызнулся Соммерс. — Ее следы горят!..

— И запах страха, — согласился Тиранит. — Она знает, что идем по пятам и обязательно убьем. Но, Соммерс, ночь и для нее смертельна. Она забьется где-то в нору и переждет до утра...

— Вот и захватим в норе!

Тиранит сказал с сомнением:

— Она тоже будет бежать до последнего мгновения... А эти места она знает.

Соммерс выругался, мы с Тиранитом ускорили за ним шаг. Лиловость быстро теряла краски и становилась черной. Мы бегом приближались к отвесной стене, изрытой крупными норами, пещерами, расщелинами. Соммерс почти вбежал в одну, миновав другие щели, в руке нож, а в другой — амулет.

Тиранит, тоже с ножом и амулетом, выдохнул с разочарованием:

— Я тоже надеялся, что выбрала эту пещеру...

— Да, это лучшая, — проворчал Соммерс. — Но она все рассчитала.

Глава 7

Тиранит снял с плеч мешок, я оглянулся. Вход в пещеру затянуло сплошной чернотой. Соммерс произнес заклинание, появился слабый рассеянный свет. Я поднял голову — светится низкий свод, блестят крупные кристаллы то ли кварца, то ли соли.

Оба доставали еду и бутылки с водой. Я осторожно сел напротив, Тиранит посмотрел в мое измученное лицо с сочувствием.

— Ну как? Это не ваша жизнь в изнеженном мире.

— Терпимо, — ответил я. — Другие же выносят? И я все вынесу.

Он хмыкнул с сомнением. Я вытащил всю еду, что дал мне хозяин таверны. Соммерс и Тиранит переглянулись, Тиранит сказал знающе:

— Счастливчик знал, что не доживешь до завтрашнего дня.

— Да уж, — ответил Соммерс, — парень не зря идет налегке.

Мы ужинали неспешно, потом Тиранит провел у входа три защитные линии, я вслушивался в заклинания, но не уловил ничего знакомого. Я снял перевязь с мечом и молот с пояса. Соммерс посмотрел внимательно, с чего это я расстаюсь с оружием, я улыбнулся и сказал с виноватой улыбкой:

— Устал таскать... Хоть полежу спокойно.

— А-а, — произнес он неопределенно.

Я лег и закрыл глаза, изображая крайнюю степень утомления, которую изображать вовсе не пришлось. Тиранит точил нож, почистил подошву сапог, наконец оглянулся в мою сторону, мои веки опущены, дыхание ровное, я даже ногой слегка дернул для убедительности. Оба переглянулись, Соммерс протянул руку к молоту.

Даже с закрытыми глазами я видел отчетливо, как его пальцы скользят по рукояти, как напрягает все мышцы, вот уже встал и, нависая над молотом, как штангист над штангой, ухватился обеими руками.

Ушей коснулся шепот, в ход пошли заклинания, всякий раз, когда Соммерс пробовал поднять молот, у меня сердце то и дело тукало тревожно, а вдруг получится, упорный, уже сопит и задыхается, но не оставляет попыток. Потом пробовал поднять Тиранит, тоже сопел и копошился долго.

Наконец я услышал вздох. Тиранит повалился рядом со мной, дыхание хриплое, как у загнанного зверя, грудь часто вздымается, натягивая тонко выделанную кожу жилета. Отдышавшись, он сразу же захрапел, Соммерс долго возился, устраивался, наконец затих и он. Я долго лежал неподвижно, сон не идет, а по ту сторону щели началась ночная жизнь, на

охоту вышли иные звери, сменив дневных хищников. Иногда за незримой чертой проплывали бесшумные тени, дважды подходили крупные звери... а может, люди, заглядывали в пролом, глухо и тоскливо ревели, просясь к огню. Однажды земля начала вздрагивать, как при землетрясении, пещеру за-слонило огромное. Пахнуло слежавшейся шерстью, нечистой кожей и почему-то затхлой рыбой.

Я застыл в ужасе, против такого чудовища мое оружие не поможет. Этот зверь, если вздумает почесать спину о нашу скалу, обрушит ее со всеми пещерами, растопчет и пойдет дальше. Соммерс мерно похрапывает, он сперва настороженно спал на боку, но во сне потерял бдительность и перевернулся на спину, открыв незащищенный живот.

Прикинув, что до рассвета не больше пары часов, я заставил себя расслабить мышцы. Сон пришел незаметно, я еще чувствовал, что лежу у костра и одновременно бросаю молот в горных великанов.

Когда разлепил веки, в пещеру падал красный свет багрового неба, небольшой костер почти прогорел, Тиранит на углях прожаривал мясо. Соммерс проковыривал в ремне дырку, оглянувшись, ощутив, что я проснулся.

— Крепко спишь, — проговорил он неодобрительно. — Опасно.

— Там же защитные линии, — возразил я.

Он хмыкнул.

— А мы с Тиранитом не опасны? Чудак...

Тиранит попробовал пальцем мясо на прутике, я перехватил его внимательный взгляд.

— Интересный у тебя молот, — произнес он медленно.

Я как можно равнодушнее пожал плечами:

— Разве? Обычный.

Он возразил так же задумчиво:

— А мне кажется, в нем магия. Слишком он прост...

— Вряд ли, — ответил я так же равнодушно. — Обычный боевой молот.

Он зыркнул пару раз исподлобья, так и не придумал, как сказать, что про молот уже узнал кое-что. Вряд ли щепетиль-

ность, скорее — уязвленная мужская гордость. Не хочет, чтобы я знал о его неумении подчинить себе чужое оружие.

А Соммерс сказал лениво:

— Тиранит, парнишка тоже, как и мы, где-то достал или купил именное. Ты же знаешь, по ту сторону Барьера почти каждый обзаводится именными вещами.

Тиранит буркнул:

— Знал. Но Рич выглядит таким растяпой, откуда у него именное?

— Просто повезло, — сказал Соммерс. — Или он там был сыном богатых родителей. Хватит жарить, а то сгорит. Пора выступать, огненосы уползают в норы.

Позавтракав, они первыми вышли из пещеры, а я запнулся, не понимая, почему мир изменился, воздух иной, небо намного выше, хотя все те же кроваво-красные тучи бегут и бегут сплошным потоком, погромыхая на невидимых порогах.

Вместо крупной гальки от выхода и дальше сверкает песок, только что размолотый, с острыми гранями, словно кристаллики не то алмазов, не то кварца. Тиранит перехватил мой непонимающий взгляд.

— Что вытарашил глаза? Никогда Ночного Садовода не видел?

— Не видел, — признался я.

Он хохотнул:

— Если бы увидел, сейчас бы твои косточки тоже... в песок, ха-ха!.. Не отставай, дурило.

Соммерс все чаще останавливался, подолгу всматривался в землю. Я смотрел тоже, но под ногами почти везде крупнозернистый песок, это не по примятой траве высматривать, однако Соммерс всякий раз находил след. Мы продолжали путь, пока не уперлись в каменистый холм, очень крутой и обрывистый.

Тиранит задрал голову, снова посмотрел на землю. Соммерс прошелся вправо-влево.

— Не вижу следов.

— Но прошла гадина здесь, — сказал Тиранит.

— Да это ясно, другой дороги нет... Но с какой стороны?

Тиранит снова поднял голову. Лицо было злое и расстроенное.

— Что делать будем?

Соммерс подумал, сказал жестко:

— Обойди холм слева, я пойду справа. На той стороне встретимся. Хорошо смотри по дороге...

Тиранит кивнул.

— Хитрая тварь! Как будто по воздуху пролетела... Ладно, Рич, иди за мной.

Соммерс, не оглядываясь, зашагал направо, обходя гору. Тиранит синхронно сдвинулся с места, я послушно пошел за ним след в след.

Едва нас с Соммерсом разделил выступ, я услышал впереди легкий шелест. Навстречу ползла, прижимаясь к земле, жиденькая струйка тумана. Тиранит настороженно посмотрел на нее, но продолжал шагать, мерно взмахивая правой рукой, словно рубил тесаком капусту.

Я поглядывал на странный туман, Тиранит его тоже обо-
гнул, но почти машинально, даже не повел глазом. Я слушал и поглядывал по сторонам, первым заметил еще одну струйку, тоже ползет в нашу сторону, эта почти втрое шире.

— Туман какой-то, — сказал я робко.

Он отмахнулся.

— Там дальше Каменное Болото. А какое болото без тумана?

— В такой жаре болото? — переспросил я.

Он посмотрел с недоумением.

— Я же сказал, каменное...

— А-а-а-а... — сказал я.

— Солнце взойдет, — пояснил он, как дураку, — все раз-
вееется...

— Ага...

Я пропустил струйку тумана мимо, та ползет, не замечая нас, но именно ползет, а не плывет. У меня поднялись волосы на спине, когда увидел сквозь полупрозрачные космы, как

под полосами тумана шевелятся песчинки, словно вода сдвигает их на дне ручья.

Еще через пару сот шагов пошли еще струйки, некоторые сливаются на ходу и становятся плотнее. Тиранит начал хмуриться, я спросил тревожно:

— Им лучше не вставать на пути?

— Ничему лучше не вставать, — ответил он недружелюбно. — А эта гадость вроде крыс... Когда одна-две — ерунда, а если стая...

Струйки сливались, уплотнялись, теперь не скользят, как вода, выбирая щелочки, а ползут и поверх небольших камней. Уже и не туман, а что-то вроде молочного киселя. Насквозь не просматривается, но я видел, как у краев шевелится, сдвигаемая с мест, щебенка, и страх начал морозить кожу.

Тиранит идет все так же уверенно, но теперь двигается зигзагами, вытягивает тощую шею, всматриваясь вдаль. Еще через пару сот шагов отдельные потоки слились в единое кисельное поле. Тиранит остановился, завертел головой. Туман уплотнился и двигается навстречу, захватив пространство от стены ущелья до зарослей железного дерева.

— Туда, — сказал он коротко. — Не отставай.

— Бегу, — сказал я послушно и устремился за ним. — А там что?

— Переждем, — ответил он зло.

Мы трусцой добрались до стены, изрытой щелями, кавернами, в причудливых выступах и наростах. Ветер и дожди вымывают и выдувают по песчинке менее стойкие породы, и через тысячи или сотни тысяч лет человек раскрывает рот в удивлении: кто же такое сотворил...

Тиранит взобрался на высокий камень, я хотел с ним рядом, но места нет, пришлось на соседний, но тот так шатается, что я, не будучи эквилибристом, предпочел залезть выше на выступ, похожий на нос великана. Тиранит посмотрел насмешливо, но промолчал.

Внизу прожаренные камни исчезли под белесым студнем. Пара огромных блестящих валунов некоторое время торчала, как оголенные черепа, но студень напирал мощно и неудер-

жимо, я жадно смотрел, как погружаются в этотдвигающийся кисель две каменные лысины.

Шелест, которому я тогда так удивился, превратился в непрерывный сухой треск. Гальку волочило и выбрасывало в сторону, камни сдвигались, стучали один о другой.

Тиранит выругался:

— Проклятая слизь!.. Год от года ее все больше.

— Размножается? — спросил я.

— Да кто знает... Хотя бы одному сильному магу огород потоптало.

— И что будет? — спросил я, уже догадываясь, каким будет ответ.

— А что еще? — рыкнул он раздраженно. — Хорошему магу только раз плюнуть. Или чихнуть.

Я вздохнул с сочувствием: Тиранит переживал ползущий туман на остром камне, где стоять неудобно, не то что мне, не рассчитал, что гадость будет течь и течь.

— Хорошо бы маги все это уничтожили, — сказал я с надеждой.

— Ага, — сказал он саркастически. — Вот так возьмут и уничтожат! Им это надо?

Я не успел спросить, а почему маги не вмешиваются, как Тиранит еще раз выругался и осторожно встал обеими ногами на самую вершинку камня, хотя там места только на одну подошву, от силы — на полторы. Белесый кисель омывает камень, поднимаясь под напором массы, что сзади, все выше и выше, до Тиранита осталось совсем близко.

Присмотревшись, я крикнул:

— Ура, я вижу!..

— Что?

— Эта гадость скоро кончится! Вон там уже конец...

Тиранит, не отвечая, смерил взглядом расстояние до стены. Я под его взглядом невольно вскинул голову и посмотрел, если ли шанс взобраться выше. Я впервые видел страх в глазах Тиранита, а когда перевел взгляд на студень, дрожь прошла по телу. Белесые волны, как горячий молочный кисель,

огибают валун, но создается ощущение, что тот опускается, словно глыба сахара в теплой воде.

— Уже скоро, — крикнул я. — Две трети уже прошло... Нет, три четверти...

Он не сказал, что теперь и он видит, взгляд его прикипел к белому студню, что захлестнул валун почти целиком, до подошв осталось пространство в палец, так длилось с минуту, долгую и мучительную, в какой-то момент белый кисель почти коснулся подошвы, но затем начал опускаться. Вершина валуна обнажалась, лысина оставалась такой же блестящей и ширилась с каждой секундой.

Тиранит длинно и с облегчением выругался, я тоже перевел дыхание.

— Никогда этой дряни столько не было, — сказал он.

Мне показалось, что оправдывается, мол, чуть не погиб из-за своей же небрежности, а это недопустимо для опытного охотника, я сказал поспешно:

— Да-да, любая гадость размножается быстрее, чем что-то полезное...

Валун обнажился до середины. Тиранит соступил на освободившееся место, я вообще удивляюсь, как он балансировал почти на одной ноге, валун дрогнул и качнулся. Тиранит выругался, попытался удержать равновесие, но валун сильно накренился, Тиранит поспешно ступил на другую сторону.

Я охнул, валун повернулся с неожиданной легкостью и как бы провалился до половины в подмытую жутким студнем почву, Тиранит соскользнул, я успел увидеть застывшее лицо с паникой в вытаращенных глазах. Подспудно ожидалось, что он с криком и руганью выскочит, на брюках будут висеть неряшливые хлопья, однако Тиранит застыл, как деревянный, и быстро-быстро начал опускаться, словно под ним образовывалась глубокая яма.

Толщина студня уже не достигает и до края голенища сапог, однако Тиранит укорачивался, не издав ни звука, ни дернувшись, и я с содроганием понял, что он либо уже мертв, либо парализован. Туман уходил, быстро истончаясь, а Тира-

нит все еще стоял, опускаясь и опускаясь, только уже медленнее.

Последние струйки жалкими хвостиками зазмеились следом за чудовищным белесым киселем. Тиранит упал на бок, ноги его срезаны до самого паха, но крови нет. Я торопливо спрыгнул, от земли несет жаром, пахнет ванилью и миндалем, подбежал, опустился перед Тиранитом на корточки.

— Ты... жив?

Я сам чувствовал себя глупо, однако веки Тиранита приподнялись, с губ слетел вздох:

— Какой дурак...

— Как тебе помочь? — спросил я быстро. — Могу отнести тебя обратно! Я бегом, ты не тяжелый...

Он отыскиал меня взглядом, глаза страшно косило, словно шею уже повернуть не мог.

— Нет...

— Или где-то есть место ближе? — спросил я. — Ты только не теряй сознание, укажи!

— Нет...

— А у тебя с собой нет чего-то, — спросил я, — чтобы тебе продержаться, пока лекари помогут?

Он прошептал:

— Какие лекари... Я уже отравлен... Если эта гадость коснется хоть пальца... человеку конец... Никто не доживал до захода солнца. Что ж, кто чем занимается, от того и смерть найдет...

Я прошептал горестно:

— Эх, Тиранит!.. Ну ты что-нить придумай. Я только первого друга нашел, а ты сразу помирать... Нехорошо!

Губы искривились в горькой усмешке.

— Дурак, какой я тебе друг?.. Откуда ты только и взялся такой... Тут друзей не бывает. Я собирался тебя отвести в такое место, где бы все выпотрошили... Скажи хоть сейчас, что такое ценное нашел? Я уже никому не скажу.

Я развел руками.

— Стыдно сказать, но... ничего у меня нет.

— Врешь, — сказал он убежденно. — А почему так стремился в Квентин?

— Да не в Квентин, — возразил я. — Просто хотел здесь побродить, а затем попробовать выйти. Только и всего. Ну дурак, теперь понимаю...

Его веки начали опускаться. С губ слетел вздох:

— Ну да, такие, как ты... Верят в дружбу, идиоты... Ладно, у меня в мешке возьми сухое мясо, это местная еда, водяные кристаллы — продашь в любом городе, а остальное... лучше зарой, не сходя с места. Я не знаю, что это. А в твоих руках обязательно тебя же и убьет...

Шепот становился все тише, я наклонился, вслушиваясь в последние слова. Когда он затих, я потрогал его, приподнял и снова опустил веки. Над головой шумно захлопали крылья, три странные птицы, похожие на грифов и на птеродактилей разом, медленно снижались кругами.

Я поспешно снял со спины Тиранита рюкзак и отбежал в сторону. Птицы, не обращая на меня внимания, опустились на землю красивым треугольником, горбатые клювы поднялись и одновременно вонзились в тело. А потом начали рвать мясо зубастыми, совсем не птичьими пастями.

Глава 8

Огибая холм в одиночку, я натрясся, как никогда в жизни. Из-под валунов высовываются стебли травы и тянутся в мою сторону, больше похожие на щупальца, из расщелин в каменной стене холма то и дело веет опасностью, дважды мимо пролетали некие птицы, но так стремительно, что я чувствовал только движение воздуха и видел промелькнувшую тень, после которой оставался запах нечистой шерсти. Под ногами шевелилась почва, я едва успевал отпрыгивать от высовывающихся клешней.

Соммерс уже нетерпеливо притопывал на той стороне. Завидев меня, изменился в лице.

— Почему один? Где Тиранит?

— Туман, — ответил я.

— Как?

Я коротко рассказал, Соммерс помрачнел, выругался.

— Вот так и попадают самые умелые... Перестают остерегаться привычного. Были бы огненные кроты или ползущий мох — на вершину холма бы взбежал!.. Эх... ладно, пойдем. Я отыскал ее след.

Он повернулся и пошел быстрым шагом, я торопливо двинулся следом. Удивился, что Соммерс даже не поинтересовался, что именно я взял из мешка Тиранита, видно же, что теперь у меня он раздулся вдвое. Лучше бы спросил, было бы естественнее.

Около часа мы двигались в молчании. Соммерс то набирал скорость, то едва полз, всматриваясь в землю. Я так ничего и не увидел, даже рискнул перейти на запаховое зрение, но в странном мире, если бы и знал, как пахнет то чудовище из мускулов, все равно бы потерялся. Да и, похоже, чудовищная бодибилдерша нейтрализовала даже запах, однако Соммерс как-то ее след все-таки находил.

Потом он начал останавливаться все чаще, хмурил брови. Что-то его тревожило, но помалкивал. Когда я подходил и тоже начинал тупо смотреть в землю, он стискивал челюсти и шел дальше. Я чувствовал, как от него начинает веять опасностью, насторожился и старался держать ухо востро, хотя вообще-то уберечься от напарника невозможно.

Мы шли около часа, Соммерс вдруг сказал с неприязнью:

— След исчез. Переждем чуть.

Я спросил непонимающе:

— А что, он появится?

Соммерс прикрикнул рассерженно:

— Засунь свой язык к задницу и помалкивай! Я знаю, что делаю. Садись, отдыхай.

Он указал, где сесть, место удобное, спина упирается в каменную стену, никто не прыгнет сзади, слева тоже приличный выступ. От Соммерса все больше веяло злобой и опасностью, я прикидывал, как метнусь в сторону и выхватчу меч, если что вдруг, но кончик его длинного, как меч, кинжала с невероятной скоростью блеснул перед глазами и уперся в горло.

Я страшился дышать, острое как бритва лезвие с легкостью рассекло кожу, кровь брызнула тонкой струйкой, потекла, щекая грудь.

— Отвечай, — потребовал он, — какие заклятия у тебя на молоте?

— И ты меня отпустишь? — спросил я с надеждой.

Он коротко и зло хохотнул.

— Нет, убью.

— Так зачем же...

— Дурак, — сказал он. — Я убью тебя моментально. Милосердно! Даже не почувствуешь. А могу оставить с распоротым животом и вытащенными кишками. Ты будешь видеть, как звери дерутся за твои кишки и будешь знать, что скоро помрешь в жутких муках... Такое хочешь?

— Нет-нет, — сказал я поспешно, — не хочу.

— Тогда говори!

Лезвие шевельнулось, расширяя рану, но вглубь не пошло, опасно, могу умереть раньше, чем отвечу на все вопросы.

— Это сложно, — прошептал я, скосив глаза на блестящее лезвие, — там мало одного заклинания...

— А что нужно еще?

— Ритуал, — проговорил я, стараясь не двигать кадыком, — сперва ритуал, чтобы передать тебе...

Он подумал, сказал зло:

— Врешь.

— Клянусь, правда!

Его нож еще чуть надрезал кожу на моем горле. Мелькнула мысль щелкнуть пальцами и вызвать красного демона, но если Соммерс от неожиданности дернет рукой, острое лезвие отделит мою голову от плеч раньше, чем успеет сработать регенерация.

— А если и правда, — прорычал он угрожающе, — нет времени. Да и ты можешь задумать какую-то глупость. Значит, молот отпадает. Тогда как ты с луком? Я пробовал брать в руки, даже тетиву не сумел!

— С луком проще, — ответил я, соображая лихорадочно, — для него ритуалов не нужно...

— Хорошо-хорошо, — одобрил он. — А что нужно?

— Всего два пера любой птицы.

Нож в его руке ни на микрон в сторону, рука стальная, сам Соммерс задумался на миг, я старался даже не дышать, он сказал с угрозой:

— Перьев тоже нет.

— Можем добыть, — прошептал я. — Птиц много... а перья... любые...

— Нет, — отрезал он, — вдруг ты, хоть и дурак, какие-то трюки можешь? Последний вопрос: что у тебя еще из магического? Отвечай правду, мое терпение кончилось.

Я начал шевелить губами и вдруг увидел, как в нашу сторону приближается нечто мерцающее, словно рой мелких, одному мне заметных искр. На миг стена по ту сторону роя исказилась, словно по ней провели гигантской лупой.

Сердце застучало чаще, со спины Соммерса приближался некто, надевший личину незримости. Возможно, Соммерс способен рассмотреть, но не сейчас, когда напряженно следит за моей мимикой.

— Ну? — потребовал он.

— Ты прав, — прошептал я, — у меня кое-что есть...

— Говори, что?

— Отодвинь нож чуть-чуть, — попросил я, — а то я уже теряю сознание...

— Не брешь, крови вытекло совсем мало!

— Я не от потери, а от страха, — сказал я и понял, что говорю правду. — На мне еще волшебный пояс... но им тоже надо знать, как пользоваться...

— Как?

— Вообще-то просто...

— Как? — повторил он яростно. — Не дури мне голову, шенок!

— Сперва берешь одной рукой за пряжку...

Незримый человек приблизился на расстояние пяти шагов. Соммерс напряженно следит за моими губами, понимает, что мне терять нечего, могу рвануться из-под ножа, могу попробовать задействовать еще что-то, могу вообще выбра-

силь неожиданнй фортель, надо уловить прежде, чем я начну даже произносить заклинание...

— Ну, — сказал он люто. — Темнишь, парень! Со мной не играют. Раз так, то разберусь сам...

Сухо шелкнуло, голова его дернулась. Я инстинктивно вызвал полную регенерацию, горло кольнуло, а Соммерс медленно повалился в сторону. Я перехватил его руку и выдрал нож, лезвие обагрено моей кровью до самой рукояти.

Из левого виска Соммерса торчит узкая рукоять кинжала. В четырех шагах материализовалась та чудовищная бодибилдерша, вся блестящая, начиная с массивных загорелых плеч, мускулистых рук и даже кожаного жилета с такими же кожаными штанами.

— Бла... благодарю, — прохрипел я. — Благодарю!.. Леди, вы спасли меня!

Она поморщилась, словно хлебнула уксуса. Я смотрел, как она деловито обшарила карманы убитого, быстро порылась в сумке, почти все переложила в свою, а пустую отшвырнула.

— Я очень вам благодарен, леди, — повторил я почтительно. — Вы поступили крайне благородно!

Она смерила меня убийственным взглядом, закинула сумку на плечо и пошла ровным шагом прочь. Чутьочку обалделый, я торопливо догнал ее.

— Леди Джильдина! Я не знаю, как выразить... Моя шкура мне так дорога... Я пойду с вами и постараюсь как-то отплатить...

Она оглянулась, в синих глазах блеснул убийственный гнев.

— Отплатить? — прорычала она. — Что ты можешь, дурак?

Господи, мелькнула мысль, у них других слов нет, что ли? Дурак и дурак, даже еще новичок, могли бы иначе как-то.

— Не знаю, — ответил я растерянно. — Но я умею разводить костры, свежевать добычу...

Я едва поспевал за нею, она идет широким мужским шагом, могучая, как терминатор, и такая же безжалостная. До-

рога пошла по косогору, я оскальзывался, в то время как шварценеггерша идет с легкостью, хотя я уверен, что по весу мы равны, а то она и тяжелее.

— Я вам пригожусь, — сказал я лстыиво.

Прошло не меньше пяти минут, прежде чем она прорычала, не поворачиваясь:

— А чего ты увязался за мной на самом деле?

— Только из горячей благодарности, — прокричал я в мускулистую спину.

— Не ври.

— Святая правда!

Она остановилась и посмотрела на меня в упор. Я вздрогнул, взгляд беспощадных синих глаз пронизывает в упор, в них ничего женского или женственного, это даже не человек, а машина для убийства. И бесстрастный калькулятор сейчас решает, жить ли мне...

— Врешь, — повторила она. — Я могу чувствовать людей. Даже таких ничтожных... Твое счастье, что у тебя крупными буквами написано везде, что ты — дурак. Безобидный дурак.

Она повернулась, я минуту соображал, что был на волосок от смерти. Если бы подумал о ней плохо, она бы уловила это, и моя жизнь прервалась бы моментально.

— Леди Джильдина, — прокричал я, бросаясь следом, — да, я дурак в этом мире!.. Я вообще дурак! Но и дураки жить хотят. Хорошие безобидные дураки разве не лучше, чем умные и подлые враги?..

— Тебе какая разница, — прорычала она, — где сдохнуть?.. Здесь или через полмили?

— Лучше через полмили, — заверил я. — Леди, я не буду вам мешать!

— Ты уже мешаешь, — сказала она еще злее.

— Чем?

— Сопишь, хрипишь, хрюкаешь, — сказала она безжалостно, — на твой сладкий запах нежного мяса сбегутся звери со всего Круга.

— Ну придумайте, — заговорил я умоляюще, — неужели я ни для чего не пригожусь?.. Ну там для половых нужд, к при-

меру... Захочется вдруг потешить плоть, можно меня использовать... В смысле, дабы погасить огонь в своих чреслах...

Ее лицо угрожающе искривилось.

— Что?.. Я?

— А что? — удивился я. — Такая великолепная женщина!.. В полном расцвете сил и молодости!.. А тут еще такая жара...

Она не поняла, похоже, при чем тут жара, это я обливаюсь потом, а она сухая, как поджарый муравей, кожа хитиново блестит, брезгливо поморщилась, взгляд ее без слов показал, что оценивает меня не выше пробежавшей по гребню серенькой ящерицы, повернулась и пошла еще быстрее.

Я ринулся следом, она пару раз оглядывалась и делала угрожающий жест, мол, убью, как только подойдешь ближе. За это время красное небо начало обретать лиловый оттенок, Джильдина остановилась у группки скал, там заметная ниша, и когда бодибилдерша устремилась туда, я сообразил, что наконец-то решила остановиться на ночь. Под ногами хрустит соляная корка, справа заросли железного дерева, я нарубил мечом хвороста и, вложив меч в ножны, потопал к ней, гадая, как примет.

Она проорала, срываясь на звериный рык, еще издали:

— Ты что, не слышал?

— Все слышал, — ответил я, — но подумал, что мне даже дохлому будет приятно, что у вас, замечательная леди, будет для костра хворост!

Малость ошарашенная, она смотрела зло, как я приблизился и остановился, глядя на нее с восторгом простака.

— Куда сложить хворост?

— Ты сумасшедший? — рыкнула она, оскалив зубы.

— Нет, просто дурак, — ответил я и посмотрел на нее чистыми влюбленными глазами. — Вы все определили правильно и просто замечательно! Вы ведь умная, да? Я вот никогда умных женщин не видел. Говорят, вымерли. А когда снова появятся, мир опять вдрабадан... Огонь разжечь?

— Пошел вон, — сказала она жестко. — Я всегда хожу одна. И убиваю тех, кто пытается идти со мной.

Ее пальцы скользнули к рукояти ножа на поясе. Наши

взгляды встретились, в ее глазах, как в озерах с ледяной водой, я увидел смерть, если не отступлю сейчас же.

Я сделал шаг назад, глядя на нее уstraшенно. Чувство смертельной опасности стало отчетливее, вдруг я сообразил, что большая часть идет не от нее, а от чего-то неведомого, что медленно приближается к ней со спины.

— Сзади! — заорал я.

Она резко обернулась, я с грохотом выронил из рук хвост и ухватился за лук. Из мерцающего облачка вынырнули одетые в звериные шкуры люди. Один, уже с натянутой тетивой, начал быстро выпускать стрелы, остальные с хриплым ревом злости и разочарования разом ринулись на бодибилдершу. Она едва успела выхватить из-за пояса длинные ножи, засверкала сталь. Я насчитал пятерых нападающих, все рослые и длиннорукие, вооружены дубинками.

Она вертелась, как волчок, отражая и нанося удары. Я наложил стрелу и, натянув тетиву, стал высматривать, в кого выстрелить. Стрелок отбросил бесполезный лук и с ножом в руке тоже ринулся в схватку. Женщина сражалась отчаянно, но ее прижали к стене, положение становилось все хуже. Я прицелился одному в затылок, он как раз занес дубинку обеими руками, а богатырша с трудом отражает удары его друзей...

Щелкнула тетива, я поморщился от боли в руке, а стрела ударила в основание черепа. Лохматый вздрогнул, дубина выпала из рук, а сам завалился навзничь. Джильдина двумя ударами сразила сразу двух, схватилась с оставшимися, но один резво развернулся и бросился бежать.

Я заколебался было, потом решил, что может привести подмогу, взял его на прицел и послал стрелу. Он вскинул руки и упал вниз лицом. Ножи женщины-воина сверкнули в последний раз, ее противник булькнул перерезанным горлом и осел на колени. Она опрокинула его ударом ноги в лицо, оглянулась по сторонам, дикая и озверелая настолько, что у меня мурашки побежали по коже. Никогда мы, мужчины, не бываем такими страшными. У нас даже смертельная и кровавая война вроде игры, все делаем красиво и благородно, а

умираем в красивых позах и с заготовленными для такого случая словами. А женщины... у-у-у... животные...

Я повесил лук за спину.

— Леди Джильдина, мне разжечь костер?

Она тяжело дышала, ноздри раздуваются, как у тигры, глаза налились кровью, а верхняя губа приподнялась, показывая острые клыки.

— Ты убил двух?

— В спину, — объяснил я. — И не убил, а добил. Вы сами их почти убили красиво и молниеносно.

Сказал и понял, что брякнул правду: убитый первым упал на спину, на груди длинные глубокие раны, все еще толчками выплескивается кровь. Все пятеро умерли бы от ран, но только, возможно, она бы умерла тоже.

Глава 9

Она помолчала, меряя меня лютым взглядом, затем вытерла ножи о ближайшего убитого и вложила в ножны. Я осторожно приблизился, увидел, что из-за того, что она сражалась, широко расставив для устойчивости ноги, одна из стрел нападавших попала ей во внутреннюю сторону бедра. Кровь и сейчас вытекает из раны струйкой темной крови, я едва не залечил рану тут же, но вместо этого сказал торопливо:

— Леди Джильдина, быстро ложитесь. Я осмотрю рану и перевяжу.

Морщась, в глазах сомнение, могу ли я вообще перевязывать, она легла на спину, ее пальцы ловко расстегнули ремень, я помог ей стащить брюки. Она осталась в жилете. Из жилистого бедра, где одни тугие мышцы и ни капли женского жирка, торчит обломанный наконечник стрелы, а саму стрелу бодибилдерша, конечно же, обломала в бою, чтобы не мешала.

— Ого, — сказал я. — Лежите спокойно, сейчас я вытащу эту дрянь...

Она скривилась, спросила строго:

— Ты в самом деле умеешь?

— Да, — ответил я бодро. — Прошел начальный курс полевого лекаря. Потерпите, сперва будет больно...

Я медленно ввел кончик ножа в рану, подцепил там наконечник. Скрежетнуло, я попробовал тащить, но сорвалось, я сцепил зубы и повторял и повторял попытки, пока не сумел поддеть снизу. Наконечник начал подниматься, я сунул пальцы в рану и, вцепившись в него, вытащил наружу.

Она лежит белая как мел, смотрит в пространство. Я сосредоточился, мне нужен здоровый партнер, но и залечить рану нельзя, выдам себя сразу, нужно пройти по лезвию бритвы... С первой попытки ничего не получилось, слишком осторожничаю, со второй и третьей — тоже, затем кровь перестала сочиться, края раны сомкнулись, на них образовался безобразный ком засохшей крови.

Она проговорила медленно:

— А в самом деле...

— Что?

— Стало легче, — сообщила она.

— Только не шевелитесь, — предупредил я. — Я убрал наконечник, вот он, посмотрите... остановил кровь, но рану нельзя даже щупать. И вообще не тревожить, а то разойдется, кровь хлынет снова. Лежите, просто лежите...

Она замолчала, а я, отерев пот, заметил наконец, что мускулистые ноги широко раскинуты, сама она, оставшись в кожаном жилете, ниже обнажена от пояса и до сапог. Тело белое, как у шведки, совершенно не целованное солнцем.

На животе два белых шрама и еще один — багровый. Я осторожно коснулся кончиками пальцев:

— Это недавно?

Она помолчала, прежде чем ответить:

— Да. Пустяк.

— Неглубоко?

— Я же говорю, царапина.

Я погладил живот, мышцы инстинктивно напрягались, принимая форму красивых квадратиков. И не шести классических, как на фото знаменитых бодибилдеров, а целых во-

семь, ровных и безукоризненно размеченных. Вздохнув, я отодвинулся и вытащил из сумки огниво.

Она поднялась, быстро натянула брюки. Щелкнула пряжка ремня. Снова собранная и деловая, не глядя на меня, перевернула одного из нападавших на спину. Я ощутил ее взгляд на моей спине.

— Не хочешь посмотреть, что в сумках тех, которых ты убил?

— Это вы убили, — снова сказал я. — И вся добыча — ваша.

Похоже, я ответил правильно. Ее раздражение медленно улеглось, я чувствовал, как обшаривает ближайшие трупы. Я начал чиркать кресалом по камню. Она зашла с другой стороны, ее презрение стало настолько ощутимым, что я опустил руки.

— Что-то не так?

— Дурак, — сказала она с отвращением. — Кто ж так разводит огонь?

— А как?

Не меняя выражения лица, она протянула руку и растопырила пальцы над хворостом. Ничего не происходило, затем она процедила сквозь зубы несколько резких слов. Вспыхнул огонек, начал лизать сучья. Она убрала руку, лицо чуть расслабилось.

Я раскрыл рот.

— Волшебство?

Она поморщилась.

— Какое волшебство? Здесь все так умеют.

— А я не умею, — сказал я потерянно, спохватился, что скрываю свое умение зря, но теперь признаваться уже поздно.

Не отвечая, она пошла к тому, что пытался бежать. Я поглядывал искоса, как обшаривает труп, перекладывает смардерненное в свою сумку. Та разбухла так, что верблюду разве что тащить, а когда Джильдина вернулась, я обратил внимание, что ее лицо побледнело и осунулось. Ярость схватки ушла, теперь дают о себе знать ссадины и ушибы.

Грудь и лицо ее забрызганы кровью, я вдруг подумал, что

там может быть и ее кровь, сказал с предельной заботливостью преданного слуги:

— Леди Джильдина, вас лупили и по спине дубинками.

Она бросила мешок на землю, в глазах подозрение, буркнула с неприязнью:

— Царапины. Твоя стрела убила его сразу. Это важно.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Не люблю, когда люди мучаются. Сбросьте жилет, надо посмотреть, как досталось вам, леди.

Она смерила меня недоверчивым взглядом.

— Так пара кровоподтеков, только и всего.

— Я могу лечить даже их, — заверил я. — Кроме того... иные кровоподтеки хуже рваных ран. А если какая кость перелита?

— Посмотри, — ответила она с сомнением.

Без стеснения сбросив жилет, она на миг мелькнула плоской грудью и со вздохом облегчения упала на живот. Я осторожно потрогал плечо, массивный кровоподтек на глазах наливается багровостью, еще две приличные гематомы на спине: одна чуть выше левой ягодицы, а вторая краем уходит под металлический ремень. Я осторожно прощупал через кожаную ткань, Джильдина недовольно шелохнулась.

— Больно? — спросил я. — Похоже, тут самая большая... Я посмотрю, хорошо?

— Смотри, — разрешила она равнодушно.

Я попытался стянуть ее кожаные брюки, Джильдина приподнялась, сунув руки под себя. Снова щелкнула пряжка ремня, я потащил брюки вниз, открывая сперва тугие ягодицы, затем мускулистые ноги, покрытые белыми шрамами, ссадинами, словно всю жизнь играет в футбол, да еще без щитков. Правая ягодица на глазах наливается кроваво-багровым цветом, из глубокой ссадины все еще течет кровь.

— Ну что? — спросила она, ее голова лежит на скрещенных руках, а те свободно распластались на гальке.

— Позвоночник не задет, — сообщил я с облегчением. — Хребет цел. А мясо у вас тугое, заживет... Но сейчас потерпите.

Я осторожно сел ей на круп и начал разминать плечи, пе-

решил к лопаткам, продавил, постучал, мясо тугое и жилистое, пальцы опустились к пояснице, там места особенно хрупкие и уязвимые, а позвоночный столб выдерживает колоссальную нагрузку. Растирая, продавливая, разгоняя кровь, все равно не позволял себе вылечить ее вот так сразу, только дурак без крайней необходимости показывает козыри, но, судя по ее молчанию и расслабленности, все делаю верно. Вообще-то основы массажа знаю, мне делали, я делал, пару книжек прочел, на пляже часто разминали друг друга, так что сейчас абсолютно верно разгоняю кровь по ее мускулистому телу, пусть разносит кислород, быстрее освежится, отдохнет...

Когда я начал проминать ягодичы, там несколько напряглось, но я пошел дальше, продавливал, растирал с силой, только кровоподтеков касался бережно, всякий раз чувствуя, как под кончиками пальцев напрягается мышца.

— Больно? — спросил я сочувствующе. — Потерпите. Нужно кровь разогнать. А то здесь будет вот такая гематома, мама не горюй.

Она буркнула в скрещенные руки:

— Знаю.

— Потерпите?

— Да.

— Будет больно, — предупредил я.

— Да знаю, — сказала она раздраженно. — Неужели я похожа на тех, кто раскисает от простого кровоподтека?

— Будет очень больно, — сообщил я. — Это методика из моего королевства Утопия. Терпите...

Она смолчала, я захватил в горсти мясо с кровоподтеком и с силой сдвинул, а через пару секунд позволил себе выпустить из себя сдерживаемую целебность. Она изогнулась от боли, но тут же вытянулась, я чувствовал, как ее тело расслабляется, еще не веря, что резкая боль ушла, совсем ушла, даже тупой не осталось.

— Вы сама стойкость, — сказал я с одобрением. — Потерпите еще, а то, если кровь не разогнать, все вернется. Ах, какие у вас широчайшие, какая срединная часть трапеций и ромбовидных!.. Я весь уже взмок. Такая женщина...

На месте жутких багровых кровоподтеков остались только желтые пятна. Я перевел дыхание, спустился к ее стопам и начал массировать ноги, длинные и мускулистые конечности спортсменки. Если бы не поцарапанность и не шрамы, то с такими хоть сейчас в Голливуд. Крепкие щиколотки фигуристки, накачанные икры велосипедистки, мощные подколенные связки, длинные бедра с тугими сухими мышцами...

Пальцы мои все ближе приближаются к тому месту, где у женщин прикрыто хотя бы стрингами. Увы, здесь не существует даже трусов, я старался не думать, что это тоже женщина, хоть и... гм... такая, однако жесткое тело под моими ладонями вдруг начало все больше терять жесткость. Я поймал себя на том, что сознательно нагнетаю поток крови к тому месту, куда бы не следовало, а она лежит непривычно тихая, дышит ровно, будто спит.

Напомнив себе, кто мы и где мы, я уже с другим чувством слегка промял ее ягодицы, провел от них линию костяшками пальцем по обе стороны хребта к затылку.

— Ну вот, — сказал я довольным голосом, — все в порядке.

Она некоторое время лежала молча, словно прислушивалась к тому, что в ней происходит, наконец глухо произнесла в землю:

— Здорово.

— Понравилось?

— Не то слово, — ответила она все так же в землю. — Я даже не знала, что этим еще и лечат...

— Пятна остались, — заверил я, — но гематом не будет. Гематома — это такой жуткий кровоподтек внутри. Когда кровь запекается в глубине, представляете?

Она фыркнула:

— Я-то представляю. Навидалась. Это у тебя их, наверное, никогда не было.

— Угадали, — ответил я честно. — Не люблю, когда бьют.

Она слегка повернула голову, я увидел недоумение на ее лице.

— Как же ты жил?

— Я пришел из мирного мира, — напомнил я. — А сам я

тихий, спокойный и ласковый. И сейчас меня больше всего волнует и беспокоит: так ли я повязал платок?

— Что-о-о?

— Платок, — повторил я. — Как думаете, кончики узелка лучше над правым ухом или над левым?

Она нахмурилась.

— Да какая тебе разница?

— Ну да... — ответил я с обидой. — А если в этом какой-нибудь глубинный смысл, дошедший из бездны веков, благодаря народной памяти и патриотизму?.. Например, слева — гомосексуалист, справа — пидорас... Вдруг не так поймут? Да еще, как интеллигенты, в глаза не скажут, а за спиной будут сплетни размножать простым делением. И только будучи старым и дряхлым, на краю могилы узнаю, кем меня считали всю жизнь и почему одни от меня шарахались, а другие, пра-а-ативные, липли...

Она с минуту лежала, слушая этот бред, затем одним прыжком вскочила на ноги, ее рука деловито цапнула жилет и брюки, я смотрел, как одевается, не поворачиваясь ко мне.

— Не понимаю, — буркнула она с отвращением, — что ты бормочешь.

— Проблемы бытия решаю, — ответил я смиренно. — У таких, как я, все — проблемы бытия. С прописной. Когда нет серьезных проблем — войну приходится начинать из-за неверно завязанного галстука. Или платочка. Вот и думаю, а что, если узелок наверх, чтобы ушки торчали, как у зайчика?.. Будет игривый намек на плейбоя, а это уже миру мир...

Она смотрела с яростью, я говорил все тише, а то убьет за умные мысли, женщины все такие: можно либо говорить только о них, либо молчать в тряпочку.

Я не сразу понял, что она делает на входе в нашу нишу: чертит линии, насыпает чем-то, бросила пару кристаллов и воткнула птичье перо.

— Вот только теперь можно, — сказала она.

Я послушно ждал, стараясь понять, что теперь можно. Она вытащила из мешка завернутый в чистую тряпку хлеб,

сыр и сушеные куски мяса. Я сидел смирно, она остро взглянула на меня.

— Мне ты не нужен, — сказала она безапелляционно, — но у этих пятерых оказалось слишком много корней уганавы. Бросать жалко, а нести все тяжело. Ты понесешь часть.

Я сказал смиренно:

— Да мне ничего не нужно...

Она рыкнула:

— Дурак, это не тебе! Это мое. Но понесешь ты. А за это позволю тебе идти некоторое время со мной. Сзади. Понял?

— Понял-понял, — сказал я поспешно. — Только я, эта... слабый. К отягощениям не приучен. Я лучше всего умею лежать на диване... Здесь я просто мастер.

Она устрашающе перекривила рожу.

— Меня не интересует, что ты умеешь. Будешь делать, что скажу. Или проваливай прямо сейчас. Убивать в спину не буду. Все равно у тебя ничего интересного для меня нет.

Я смиренно помалкивал. Она пару раз посмотрела с вызовом, буду ли возражать, но я тихо сопел и опускал глазки. Наконец она смилостивилась и придвинула в мою сторону хлеб и сыр.

— Ешь.

— Спасибо, леди Джильдина, — сказал я смиренно. — Вы такая добрая, такая добрая... Даже не ударили!

Она сердито сверкнула глазами, я уже думал, что заставит перейти на «ты», мы ж в походе, какие тут церемонии, однако она сказала только:

— Ешь и ложись. Я хожу быстро. Отстанешь — брошу.

— А уганава? — спросил я коварно.

— Понесу, — сказала она.

Я спросил вкрадчиво:

— Вы в самом деле сможете провести меня к Барьеру?

Она поморщилась.

— Никуда не поведу. Я иду в одно место... но оно рядом с Барьером. Если не отстанешь, увидишь свой Барьер, хотя не понимаю, зачем он тебе.

— Сие тайна великая есть, — вздохнул я. — Даже от меня. Такое бывает, жизнь мудра.

— Не для всех, — отрезала она.

— Да я знаю, — вздохнул я, — к жизни нужно относиться проще, однако что поделаешь, если я такой сложный, уникальный, замечательный, утонченный, изысканный, одухотворенный...

Она скривилась и дальше не слушала, а я некоторое время перебирал эпитеты, пока не сообразил, что постепенно перешел по дуге к «своеобразный», «неуравновешенный», «нерасчетливый», «ошибающийся», «глуповатый», «соплежуйный», и до «полное говно» остался один шаг.

Глава 10

Я улегся, но как не ноет все тело, требуя немедленно провалиться в спасительный сон, я задействовал чутье и просмотрел шварценеггершу на предмет, планирует ли убить меня ночью. Вроде бы нет, однако с такими все сложнее. Даже не в том, что у них в любой момент может возникнуть желание убить и тут же убьют, а что вообще убивают, как хищные насекомые, бездумно и без эмоций.

Ладно, рискну, подумал, проваливаясь в сон. Вроде бы пока я ей хотя бы нужен. Как и тем двум, в виде живой приманки и средства для разминирования.

Я проснулся, когда могучая звероженщина, подновив защитный барьер от ночных зверей, разогревала ломти мяса на небольшом огне. Я извинился, мол, ее видел во сне, она там крушила и повергала врагов толпами, а я так засмотрелся, что просто не мог оторваться от зрелища и потому проспал больше, чем собирался.

Она холодно смолчала, я почтительно ждал, когда снимет куски мяса с прутьев. Первый она, попробовав, передала мне, я долго думал, расценивать это как знак уважения или жест презрения, мол, сильный мужчина заботится о слабой женщине. Она прожевала свою долю быстро, почти проглотила, пила совсем мало, словно берегла воду.

— Леди Джильдина, — спросил я, — а не будет ли с моей стороны очень большой дерзостью спросить у вас...

Она поморщилась:

— Что?

Голос ее был подобен львиному рыку.

— За что те двое хотели вас так нехорошо и несправедливо лишить вашей драгоценной и столь необходимой вам жизни?

Она пожала плечами:

— Здесь все хотят друг друга убить.

— Но не убивают же?

— До поры до времени, — ответила она холодно. — Тебя взяли, чтобы убить. Думаю, хотели погнать вперед, чтобы я убила, а они тем временем набросились бы на меня. Но убила бы тебя или нет, они тебя все равно бы убили и ограбили.

— Почему?

Она пожала плечами:

— А какой смысл делиться? Ты никто. Живое мясо, его пускают впереди как приманку. Уцелеешь по дороге — хорошо, но потом...

Я посмотрел на нее с ужасом. Я сам такое предположил, но она же всерьез...

— Леди Джильдина, я уверен, что имею дело с благороднейшей и одухотвореннейшей женщиной... даже девушкой, какая вообще когда-либо появлялась на свет! Вот у вас какие дельты! А широчайшие и большие круглые!

Она вытерла свой длинный ножище, вид у нее не лучше этого ножа, такой же холодный и неприступный.

— Не очень на такое рассчитывай, — проронила она равнодушно. — Я тоже не подам руки, когда будешь тонуть. Но и не толкну в трясину. Только и разница.

Я поклонился и сказал с жаром:

— Спасибо, огромное спасибо! Это просто неслыханная щедрость! Я даже и не знаю просто, как отблагодарить за такое неслыханное великодушие! Это от женщины с таким великолепным плечевым поясом! И такими квадрицепсами!

— Пожалуйста, — ответила она с оскорбительной безмятежностью. — А ты чего хотел?

— Ничего, — сказал я с еще большим жаром. — Это и так ого-го! Огогее уже и не бывает! Я теперь могу даже надеяться на какую-то тень даже сотрудничества, если вас не оскорбит такое слово.

— Сотрудничество? — переспросила она, вид у нее в самом деле был оскорбленный. — Сотрудничество с тобой, дурачок? Какое же это сотрудничество?.. Один должен приказывать, другой — выполнять... Не так ли? Иначе просто не бывает. А если и бывает, то неправильно.

Я помолчал, она посматривает на меня с оскорбительным покровительством, я наконец пробормотал:

— Спасибо за урок, леди Джильдина.

— Пожалуйста, — ответила она с той же ноткой абсолютного превосходства, словно богиня разговаривает с рыбой на столе. — Ладно, я иду дальше.

— Я с вами, — сказал я торопливо. — Вы же видели, леди Джильдина, я пригодился!.. И как воин, и как личный массажист вашей милости... светлости... вашего преосвященства...

Она покачала головой.

— А что ты хочешь? Помимо того, чтобы уцелеть?.. Ради какой дурости пришел сюда из благополучного мира?

— Ну, не совсем и благополучного, — пробормотал я осторожно.

Она сказала презрительно:

— Не ври. По тебе видно, что мир твой благополучнее уж и не бывает.

Я пробормотал:

— Считайте, что по дури. Или по пьяни. Это вы умная и вся из себя такая трезвая, а я вот... Прошел через Барьер и пер так до самого вечера. А когда опомнился, увидел таверну. Зашел, увидел Соммерса, Тиранита, а потом и вас... Скажу по правде, вы меня сразу ослепили, как удар молнии в самое темечко! Никогда не видел такой великолепной женщины! Какие плечи! Какие бицепсы! А трицепсы?.. А квадрицепсы? А икроножные? А животные... ну... в смысле, которые на животе?.. Эх, конечно, я все время хотел снова вернуться к Барьеру и попробовать пройти через него обратно... но вот сейчас,

когда увидел вас, то уже совсем все расхотелось, только не поймите меня правильно... Ваши ромбовидные и средние трапеции будут сниться каждую жаркую ночь!

Она фыркнула:

— Не будут.

— Почему?

— Не доживешь до ночи, — сообщила она хладнокровно. — И вообще я иду в другую сторону. Но, конечно, тут куда ни иди, придешь к Барьеру, если не сворачивать. Но через Барьер не пройдешь. Думаешь, ты один пробовал?.. В том числе и те пытались, кто по дури или для забавы прошел в эту сторону и тут же восхотел обратно. Тем дуракам тоже не помогли никакие амулеты, талисманы, заклятия, волшебные вещи...

Завтракала она быстро, в путь отправилась еще быстрее. Я спешил сзади, постоянно отставая и не понимая, как она может передвигаться так легко, а валуны не обходит, а перепрыгивает, словно у нее не мышцы, а кровонагнетательные клапаны, как у паука-прыгунца.

Солнце, преломляясь в мириадах песчинок, больно бьет в глаза снизу, не помогает надвинутый на глаза край платка. Жаркий воздух давно сжег пасть, высушил язык и выжигает глотку.

Мои ноги механически передвигаются одна за другой, я чувствую их, как две тяжелые колоды, сперва как деревянные, затем чугунные, а сейчас и вовсе свинцовые. Как из другого мира донесся строгий голос:

— Стоп!

Я послушно и с великим удовольствием остановился, все тело ноет. Приподняв голову, поморщился от блеска. Могучая женщина впереди, в нашу сторону идет человек в черном, как сама тьма, балахоне. Капюшон надвинут на лицо так, что скрывает лицо полностью, рукава широкие и прячут руки по кисти, а сам балахон касается песка.

Рядом со странником часто-часто перебирает лапами огромный жук размером с крупную кошку. Солнце блестит на

металлической спине, металлической головогруды и таких же металлических восьми лапах. Небольшие глаза смотрят бессмысленно, но антенны-щеточки направлены в нашу сторону, членики шевелятся, подхватывая и анализируя наши запахи.

Богатырша произнесла несколько слов, медленно и певуче, низко поклонилась и распростерла руки, словно ласточка в бреющем полете. Человек замедлил шаг, я чувствовал, как рассматривает нас. Она не двигалась, склонив голову.

Внезапно нас охватила волна холода, человек в черном пошел дальше, уже обращая внимания на нас не больше, чем на песок, по которому ступают его ноги. Я даже не увидел, во что он обут. Да и обут ли вообще. И, кстати, ноги ли там...

Она шумно перевела дух.

— Повезло... Я только один раз видела Темного Монаха. Он тогда одним взмахом руки умертвил двенадцать человек.

— Может быть, — спросил я робко, — они его чем-то обидели?

Она посмотрела удивленно, потом вдруг кивнула:

— Ну да, а как же! Кто ж думал, что он может дать сдачи. Мужчины задираются часто. Просто так. А знали бы, что это могучий колдун...

Я ответил невольно:

— Да это ж видно издали!

Она спросила:

— По чему?

— Ну... во-первых, — объяснил я, — в такую жару и вдруг в черном! Черное поглощает солнечные лучи, он бы уже спекся. А так, наверное, его балахон тепло поглощает, а перерабатывает в прохладу и... что-нить еще для дома, для семьи. К тому же этот...

— Жук? — подсказала она.

— Жуков таких не бывает, — ответил я твердо. — Все насекомые — шестилапые. Все жуки, мухи, бабочки, стрекозы... Только у мухи Аристотеля было восемь, да и то через две тыщи лет увидели, что все-таки шесть. Восемь лап — это даже не знаю что! Паук какой-то. Во-вторых, насекомые не могут

вырасти до такого размера, как их не корми! У них нет легких, не дано им. Легкие качают воздух, а с жучьими трахеями воздух в такую глыбь сам по себе не пролезет, он толстый... Это ящерица, жаба или вообще млекопитающее, замаскированное под простого честного жука!

Она слушала внимательно, вряд ли что поняла, но посмотрела с брезгливой жалостью.

— М-да... в ваших городах вас не учат жить, как вижу, но голову ерундой забивают.

— Да трудно понять, что не ерунда, — ответил я смиренно.

Она отрезала:

— Здесь — легко. Все, я иду дальше.

— Я с вами, доблестнейшая, — сказал я торопливо. — Вернее, за вашей удивительной спиной с такими дельтами... такими трапезиевидками... А трехглавая так и вовсе... Про клюво-плечевую вообще молчу от восторга, захлебнувшись слюнами...

Шел я, глядя себе под ноги, а когда как-то поднял голову, ахнул, не поверив глазам: впереди развевается исполинский красный крест. Я присмотрелся и различил тонкую ткань, через которую просвечивает багровое небо. Полотнище свисает как будто с небосвода, в ширину не меньше, чем в полет стрелы, а в длину где-то с милю. Крест во всю длину и ширину — ярко-красный, победный, свежий, как будто только что вывесили...

Я охнул, вытарашил глаза.

— А это что за чудо? Кто повесил?

Она посмотрела на меня с отвращением.

— Ну что ты за человек? Зачем тебе все это надо?

— Но как же... Мы ж исследователи или кто?

Она поморщилась.

— Я — охотница за сокровищами древних. И мне нет дела до того, что было во времена Войн Магов.

— Ого... Я не думал...

Она промолчала, быстро уходя вперед. Я припустился вдогонку, в череде рой мыслей. То ли крестonosцы здесь бывали в прошлую эпоху, то ли нанесли такой удар, что метка

от него осталась на все тысячелетия. Возможно, этот крест видят и по ту сторону Барьера.

Еще одна причина, подумал хмуро, чтобы не открывать проход через Барьер. Пусть никто не видит, что ненавистный Север был здесь. Или хотя бы пробомбил здесь святыми бомбами.

Она остановилась, всматриваясь в небольшой серый смерчик, тот наощупь пробирается между камней, оступает в провалы, а выкарабкивается с трудом.

— Правее, — сказала она, — не отставай.

Что-то в ее голосе заставило прибавить шагу. Мы с великой поспешностью убрались с дороги смерча, а тот быстро рос, уже не шелестит, а ревет, извивающаяся струя расширилась кверху, там вообще будто другое пространство-время, камни расшвыривает, а где нет камней, там остается глубокая и оплавленная борозда.

Мы затаились за грудой камней, на головы полетел песок и мелкие камешки. Ревущий, как танковая колонна, смерч прошел мимо. Земля перестала содрогаться, я устрешенно смотрел вслед, а охотница за сокровищами зло выругалась:

— Я бы магам на той стороне кишки выпустила! Только за эти смерчи. И волкам бы скормила.

— Это они создали?

— Они не выпускают, — сказала она зло, как выплюнула яд. — Смерчи бьются о стены Барьера и возвращаются!

— Гады, — согласился я, а сам подумал, что если от этих смерчей нет защиты, то лучше их изолировать в одном месте.

И вообще, чем больше думаю о Зоне Смерти, тем больше понимаю, чем вызван ее карантин.

Далеко впереди из песка торчат изогнутые жерди истлевшего шатра, белые и блестящие. Мне каркас показался сперва слишком длинным, нечто вроде ангара, к тому же жерди становились все короче, а потом вообще по песку тянутся белые высохшие кольца...

Я охнул, наконец рассмотрев на другом конце наполовину засыпанный песком огромный череп: вытянутый, чем-то

похож на лошадиный, разве что втрое крупнее, огромные глазницы, ноздри.

— Дракон? — спросил я, сам понял, что спросил глупость, добавил: — Винтокрылый или саблезубый?

Она огрызнулась, не поворачивая головы:

— Это скелет, а не дракон.

— Это вы его изволили убить? — спросил я лстыиво.

Она оглянулась, на лице недоумение.

— Ты совсем дурак...

— Ну, — заторопился я, — не голыми руками, конечно. Но вы ж можете, да?

Я смотрел такими верящими и преданными глазами, что она не нашлась что ответить, буркнула нечто под нос и, отвернувшись, быстро пошла дальше. Наверное, пожалела разрушать наивную веру идиота.

В жарком мареве проступил силуэт странного корабля. Измученный, я не сразу начал всматриваться, больше смотрел под ноги, но однажды поднял голову, к тому же ветерок смахнул пелену дрожащего от перегрева воздуха, и выпучил глаза.

Корабль огромен, отсюда не определить размеры, среднее между авианосцем и линкором. Кормой погрузился в песок, как обычно тонет в море, нос задран под углом градусов в двадцать, все выказывает, что это быстроходный корабль из металла, но выглядит, как будто высекли из камня, а потом его облюбовали целые колонии огромных полипов. Покрыли собой даже борта, а на палубе вообще друг на друге в несколько этажей, создавая причудливые скалы, однако я угадал в одних трубы, в других мачты, хотя и не понял, зачем на сверхбыстроходном линкоре то и другое.

Сердце вдруг рванулось и, подойдя к горлу, остановилось горячим пульсирующим комом. Я закашлялся, Джильдина стукнула по спине.

— Что случилось?

— Ни.. че... го... — просипел я.

Ее глаза прищурились зло.

— Точно?

— Точно...

Она повернула голову, взгляд зацепился за силуэт странного корабля. Он уже начал сдвигаться вправо, мы пройдем от него в каких-нибудь двух-трех сотнях шагов.

— А я бы сказала, — произнесла она с растущим подозрением в голосе, — что тебе эта штука знакома...

Этот корабль выглядит, как если бы корпус боевого ракетного истребителя пятого поколения с его хищно-ультрасовременными обводами облепили чугунные пушки времен Петра Первого, а то и Ивана Грозного, люки закрыли железными щитами крестоносцев, а весь корпус украсили барельефами, изображениями крылатых грифов, нацепили гроздь амулетов от дурного глаза. А потом все это безобразие вообще окаменело.

Я ответил сипло:

— Там никто не бывал?

Она покачала головой.

— А что тебя интересует?

— Меня ничего, — ответил я поспешно. — Просто любопытно.

— Тут никто просто так не любопытничает.

— Но что-нибудь там нашли?

Она снова качнула головой.

— Я бы слышала.

— Жаль... — сказал я, потом подумал, что ничего не жаль, мне больше останется. Надо еще знать, где смотреть и что смотреть, а у меня больше шансов. — Ладно, как-нибудь...

Она посмотрела на меня долгим тяжелым взглядом, а я с надеждой разглядывал небо. Закатная часть горит настолько жутким багровым пламенем и опустилась до самой земли, что я видел стены огня и различал, как поднимаются косматые клубы дыма. Мы шли по направлению к небесному пожару довольно долго, наконец сообразил, что это никакой не закат, идем на север, а пожар самый настоящий, только исплинский, охвативший приличную площадь.

Я беспокойно посматривал на богатыршу, она отмахивает

миллю за милей с упорством механизма. Пожар приближался, но еще раньше мы увидели руины города, от которого осталась часть крепостной стены, а также с четверть мили странного акведука, чересчур изящного, чтобы тонкие, как спицы, колонны выдерживали широкий и массивный желоб из зеленого, как малахит, камня.

Ровная поверхность плато с разбега уткнулась в груды массивных глыб, каждая с вагон, а на них лежит, слегка накренившись, еще один корабль, но уже сказочный. На таком разве что царица Клеопатра плавала по Нилу: изысканной формы, с дивной выпуклой грудью и гордо вскинутой шеей, увенчанной головой грозного и прекрасного дракона.

Я пытался с ходу определить, что за сооружение, странно смешаны элементы финикийской культуры, египетской, эпохи Колумба и даже проскальзывают намеки, что конструктор знаком и со скоростными дизельными яхтами, но нужна была эксклюзивная вещь под старину, вот и сделал под старину, а в смешении эпох заказчик не разберется.

Похоже, что когда хозяину яхты надоедало плавать или нужно было добраться до места быстрее, он мог поднимать ее и в воздух. Иначе как объяснить, что лежит на камнях уже разрушенного города, словно спешил то ли отразить угрозу, то ли вывезти семью, но не успел, и вот уже сам содрогнулся от залпа вражеских орудий...

Джилдина, судя по ее бегу, намеревается пройти мимо в сотне ярдов, я все на бегу выворачивал шею, рассматривал украшенные золотыми заклепками размером с черепах борта, сохранились две мачты и полуразрушенная надстройка ближе к корме. Глаза уже на лбу, пена закипает в пасти без всяких удил, вроде не до эстетики и раздумий, ну что я за человек...

— Там тоже ничего не осталось? — крикнул я в удаляющуюся спину.

Она ответила, не посмотрев на корабль:

— Только кости.

Чьи кости, я уточнять не стал. Даже если первых мародеров, то с их трупов тоже сняли все, включая одежду.

Остановившись, она сверилась со знаками на полуразру-

шенной стене, свернула. Через пару минут я увидел два дивных рыцарских щита, украшенных вздыбленными львами, коронами и множеством магических знаков. Оба острыми концами всажены в землю, а когда мы приблизились, я с нехорошим чувствами сказал себе, что не хотел бы встретиться с такими дядями в поединке.

Оба щита почти в мой рост, если прикинуть размер законченной части, а так до пояса. Толщиной почти в наковальню, я посмотрел уважительно, хотел обойти один щит со всех сторон, однако амазонка прошла между ними строго посередине. Я молча скопировал ее движения, потом пришлось наддать, и больше на щиты не оглядывался.

Глава 11

Я снова с трудом перебирался через груды камней, не представляя, как женщине удастся так легко прыгать по ним и даже через них. А она все отдалялась, я чувствовал ее нетерпение, тем неожиданнее было, когда она остановилась резко, словно ударилась о стену, но за оружие не схватилась.

Наддав, я проскочил мимо последних изъеденных временем скал, в глаза ударил ярко-красный цвет, словно дымящаяся кровь. Оранжевые скалы расступились, впереди и внизу громадное плато, окруженное цепью слипшихся в одну стену красных отвесных гор, а на плато, как гнилые зубы в провалившемся рту, сотни, если не тысячи развалин домов, дворцов, крепостных стен.

— Город? — спросил я почему-то шепотом.

— А ты что думал? — огрызнулась она. — Пойдем.

Не дожидаясь ответа, она резво пошла вниз, в одной руке появился нож, глаза беспокойно шарят по сторонам. Дорога идет вниз, можно даже бежать, однако я тоже превратился в слух, хотя чаще посматривал на город. Все дома разрушены, если не считать величественного дворца в северной части: потерял только крышу, да окна зияют, как пустые глазницы, но хотя бы уцелели стены.

Она замедлила шаг, когда мы прошли в широкий провал

крепостной стены. Я ощутил разочарование, камень самый простой, и хоть не кирпич, но вырублен грубо, обтесан кое-как, и не случайно, что все здесь быстро рушится под напором ветра, дождей и частых ураганов.

Жесткая сухая трава, которую не подпустили бы к городу на арбалетный выстрел, сейчас нагло пробивается всюду, пытается изрезать сапоги острыми, как бритва, стеблями.

Я сбился с шага: уши поймали зов рога. Следом вроде бы донеслись звуки игры на трубах. Джильдина идет ровным быстрым шагом, я догнал, напряженно прислушиваясь. Трубы слышу отчетливо, а теперь вот странная музыка. Ее отнес бы к струнным...

Ветер переменял направление, музыка стихла. Я все поглядывал на Джильдину, слышит ли, однако она просто двигается к воротам, не поворачивая головы.

Город казался реальным, но мы вошли в него, угол зрения изменился, и... башни, дворцы, стены — все-все стало почти прозрачным. Я отчетливо видел сквозь крепостную стену ровную, выжженную знойным солнцем далекую каменистую равнину, на грани видимости — остроконечные скалы, изгрызенные ветрами и дождями.

Странное чувство потери коснулось груди. Улицы завалены грудями камня, мелким щебнем, остатки стен торчат грозно и одновременно жалко, однако каждую продолжает прозрачная, часто украшенная барельефами, скульптурами, карнизами, некоторые дома стоят просто на щебне, как и пара башен, от которых ничего не сохранилось.

Я шел за Джильдиной, часто спотыкаясь, падал, она же двигалась целенаправленно, не глаза по сторонам, только пару раз достала из кармана листок и сверилась с картой. В некоторых домах как будто горит свет, я тут же заглядывал в окна и провалы на месте дверей.

Она спросила сердито:

— Ты что там ищешь?

— Людей, — сообщил я. — Главное сокровище — люди.

Она покачала головой, но не обернулась.

— Здесь их продать некому, — сообщила сухо.

Я охнул, небо чуть изменило цвет, и над мертвым городом разом взметнулся живой: каменные стены руин удлились ввысь почти реальными, хоть и полупрозрачными. Высокие башни взметнулись к небу, тонкие, как спицы, на каждой трепещет флажок. Джильдина торопливо шла мимо, а я жадно шарил взглядом по городу, стараясь запечатлеть как можно больше деталей.

Старинные замки и причудливо изогнутые небоскребы, воздушные мостики между вздернутыми к небу башнями, мосты всех видов и размеров, от древних до ультрадивных, словно перенесенных из будущего. Станный город строился явно хаотично, без плана, однако чувствуется вкус: нет безобразных строений, а здания разных эпох удивительно гармонизируют друг с другом.

— Не отставай! — резко бросила она.

— Бягу, бягу, — послушно ответил я и в самом деле побежал, стараясь догнать резвую звероженщину.

— Зачем тебе люди? — спросила она сердито. — Люди могут не отдать сокровища!

— Даже призрачные?

— Призрачные тоже бывают разными.

Я помолчал, переваривая ответ, развел руками.

— Мне в самом деле не нужны сокровища.

— Дурак, — бросила она.

— Дурак, — сказал я, — это всякий инакомыслящий. Извини, но в поместьях моего отца сокровища складывать некуда. Меня другое интересует...

— Что?

— Не знаю, — ответил я простодушно. — Просто хочу видеть места, которые раньше не видел.

— Поехал бы в города.

— Был, — сообщил я. — Вообще-то все города похожи один на другой. Разница невелика...

— Дурак, — снова сказала она убежденно, — конечно, здесь диковинок много, зато отныне никогда не увидишь те свои благополучные города.

Я подумал над ответом, но Джильдина уже не обращала

на меня внимания, зорко осматривает окрестности, от ее слуха не скроется ни один звук, и я сказал негромко:

— Увижу.

Она резко повернулась в мою сторону, в синих глазах на миг полыхнула безумная надежда.

— Что?.. Ты знаешь, как выйти?

— Нет, — ответил я безмятежно. — Но если есть вход, то есть и выход.

— Дурак, — повторила она в который раз, уже злясь, что хоть на мгновение поверила в чудо, — вход сюда есть в любом месте!

— Тогда и выход должен быть в любом, — сказал я кротко. — Плохо искали.

Она рассерженно отвернулась, не изволив больше замечать такого явного дурака, даже идиота.

Мы шли с утра до вечера, но я все еще видел знакомые скалы то справа, то слева, пару раз они заходили нам за спину, однажды мы шли опасно высоко и смотрели на скалы сверху, а над нами, почти задевая за волосы, неслась пышущая жаром громада каменных туч, превращенных в лаву.

Шварценеггерша, тоже взмокшая, шла, пригибая голову, оглянулась, на лице напряжение, бросила резко:

— Перетерпи! Сейчас будет спуск.

— За вами, леди Джильдина, — прохрипел я сухим горлом, — хоть в ад... У вас такая фигура... Такие дельты...

Ее лицо перекосилось гримасой, но промолчала, а я шумно карабкался следом, хватаясь за камни, и в самом деле дорожка пошла вниз, а сверху и за спиной разочарованно ревели тучи, упустившие добычу.

Мы прошли не меньше двадцати миль, но если как ворона летит — то с милу. Богатырша скрылась за поворотом скалы, я на миг остановился, хватая широко распахнутой пастью воздух, и обнаружил, что смотрю в темную щель, где что-то светится. Ослепленный ярким красным светом, я всмотрелся в сияние, а оттуда на меня смотрит, тоже распахивая пасть, полупрозрачный дракон, даже почти прозрачный, размером

со слона, крылья сложены на спине, сияние заполняет пещеру и выбивается наружу.

Я поспешно отстранился, а то вдруг да плюнет огнем, дракон наклонял голову то к одному плечу, то к другому, как сова, когда рассматривает что-то незнакомое.

Морда жуткая, такими рисуют дьяволов: крокодиля пасть, горящие злобой глаза и длинные костяные выступы над глазами, что превратились в рога.

Я осторожно сделал крохотный шаг назад, уговаривая его мысленно, что я и некусный, и что защитник из Красной Книги, рептилефил, всегда восторгался драконами, их красотой, крыльями, мордами, умом, лапами, чешуей, отвагой, дуростью...

Когда догнал могучую бодибилдершу, она прорычала грозно:

— Отставать опасно.

— Знаю, — прохрипел я. — Ох, уже знаю... Там в щели такой дракон, такой дракон! Красивый, грозный и с вот таким же плечевым поясом и развитыми дельтами, как у вас... И вообще, чем-то вы похожи. Я, кстати, обожаю драконов...

Она промолчала, а через минуту буркнула:

— Старайся ни в какие щели не заглядывать.

— Да уж, теперь ни за что на свете!

— И на сами скалы долго не смотри, — добавила она.

— А что там?

— Просто не смотри, — повторила она строже, и я умолк. — Иначе оттуда тоже могут... посмотреть.

Спускались долго, каменные стены справа и слева все поднимаются, мы ушли от жуткого жара раскаленного неба, зато далеко внизу я увидел полоску огненной лавы.

Тонкий ручей вытекает из подножия скалы, но огромные камни и упавшие скалы заставляют менять русло. В одном месте в петле образовалось целое озеро, лава кипит, бурлит, там сгорает сам воздух, а ветерок доносит жар.

Я со всех ног спешил за мышцастой женщиной, но она, как нарочно, держит дистанцию, чтобы я не доставал вопросами. В какой-то момент из стены вышла огненная фигура в

полтора моих роста. Пахнуло жаром, фигура вся из крупных, неведомо как сцепленных раскаленных пурпурных углей, между ними быстро вспыхивают и гаснут оранжевые язычки огня. Не обращая на меня внимания, огненный человек прошел через дорогу.

Джилдина оглянулась, зачуйав неладное, но огненный человек уже входил в противоположную стену, а я стоял, глядя на него.

Я сказал торопливо:

— Извини, не хотел бежать, а то сбил бы этого парня с ног!

Она смотрела на меня, широко раскрыв глаза.

— Ты... да как ты уцелел?

— А просто, — ответил я лихо. — Он вышел вон оттуда, я сказал «драсьте». Он тоже сказал «драсьте» и вошел вон туда. Все б такими вежливыми были!

Я посмотрел на нее с укором, намек, мол. Она покачала головой.

— Да... видимо, ты настолько дурак, даже Король Огня побрезговал тебя сжечь... Ладно, не отставай. Нельзя, чтобы здесь нас застала ночь.

— А так романтично, — пробормотал я, — как при свечах!

— Разве что для дураков, — бросила она зло.

— Эх, — вздохнул я, — все лучшее — дуракам...

Спускаясь ниже, я уже видел, что идти придется возле самой огненной реки: с другой стороны отвесная стена, оплавленная настолько, что стала гладкой и блестящей, как стекло, муха не уцепится.

Жар усиливался, я закрывал лицо ладонями, на огненную реку старался не смотреть, а там из огненного ада вынырнул на огромном храпящем коне закованный в металл всадник, во вскинутой руке огромный топор с красным лезвием, промчался через огонь, навстречу две исполинских змей, он срубил головы одним ударом и пропал в том же адовом огне через несколько конских прыжков.

Джилдина бросила мне резко:

— Не отвлекайся! Смотри под ноги.

Я посмотрел и едва успел перепрыгнуть узкую, но настолько глубокую расщелину, что, кажется, идет до ядра планеты.

— А он... не выскочит?

— Мираж, — сказала она отрывисто.

Я охнул, но смолчал, а руку, на которую брызнула пара капель змеиной крови, поспешно вытер о штаны. Интересные здесь миражи: с грохотом копыт, воняющие, оставляющие материальные следы...

Глава 12

Огненная река осталась позади, снова начался изнурительный подъем, но я терпел, зато удаляемся от жара, а я, оказывается, жар тоже не очень уж обожаю.

Бодибилдерша прошла мимо подозрительно плоского камня, не глядя, я же всмотрелся внимательно: а чего он тут такой, и по камню, словно ощутив пристальный взгляд, пошла странная рябь, побежали каменные волны, наконец проступили причудливые знаки.

Я остановился, шварценеггерша сделала несколько шагов, оглянулась.

— Что застрял?

— Зачитался, — объяснил я. — Люблю читать! Я ж грамотный, знаешь?.. Как олень. Как начну, бывало, читать, так читаю-читаю-читаю...

Она быстро вернулась, ее взгляд вперился в выпуклые знаки, такие с виду древние, будто их начертал лично Саргон Аршарунибал Навуходоносор.

— Что за... откуда оно?

— Из камня, — объяснил я.

— А на камне?

— Руны, — объяснил я безапелляционно. — Все непонятное — руны! И откуда они — никто не знает, даже Один. Хотя, нет, руны уже отстой, сейчас каббала рулит на подиумах, тусовках и в гламуре. Тоже от грамотности, как же иначе! Все беды от грамотных, говаривал Экклезиаст. Чтоб зло пресечь,

собрать все руны бы да сжечь, так он сказал... И рунистов заодно. Под пляски и пение гимна.

Она осмотрела камень с подозрением.

— Ладно, — сказала зло, — не кусается, и ладно. Не отставай!

Я поспешил следом, а перед глазами эти каббалистические руны шевелятся, подрагивают, я уже смутно чувствовал, как вернее переставить знаки в головоломке, а когда сошлось, они вспыхнули серебристым огнем. Дальше оставалось всего лишь перевести с древнего языка, тут пригодились знания, что почерпнул в книге чародея Уэстефорда, и вскоре в мозгу вспыхнуло: «Финита рэд!» То ли заклятие, то ли заклинание, знать бы еще, когда и в каком случае понадобится.

Широкая спина перед глазами то приближается, то отдаляется, тугие мышцы красиво перекатываются, плечи разнесены в стороны так далеко, что во мне просыпается эстет.

— Мне повезло, — довольно разглагольствовал я. — Спрятаться за широкой женской спиной — разве не высшее счастье для мужчины? Можно, конечно, схорониться и за спиной мужчины, но тогда надо либо менять ориентацию, либо признавать, что да, он сильнее, а ты — слабак, что вообще-то для любого мужчины горше самой горькой редьки... Кстати, всегда интересовался, что это? Редиску знаю, а редьку...

Она бросила через плечо, не оборачиваясь:

— А почему за женской лучше?

— Как это? — воскликнул я. — Нет же конфликта! Ты — женщина, я — мужчина, никакого соперничества! А между мужчинами всегда и везде — кто круче, у кого длиннее, кто чаще, кто пьяную жену босса отвозил домой коллегам на зависть... Ты женщина, ближе к природе, потому идешь впереди, это же естественно, Фатима! А я, как стратег и мыслитель, топаю позади, это закон больших чисел и трансцендентной логики.

Я даже по мускулистой спине бодибилдерши видел, как она поморщилась. И спина тоже. Нет, скривилась, словно хлебнула уксуса из большого ведра.

— Сколько непонятных слов... И все равно дурак дураком.

— Зато дураки и безумцы, — сказал я, — всегда говорят правду! А на тебе из-за того, что я дурак, лежит добавочная обязанность.

— Какая еще?

— Вести меня, — ответил я кротко. — Это твое право, обязанность и прерогатива: вести за собой дурака! Или дураков. Нас же много. Мы — общество. Нам лучше мэйк лав, чем во. Мы — простые, мы — народ.

Она не слушала, быстро избежала на гребень, но не встала там в красивой позе, озирая из-под руки окрестности, а сразу плюхнулась животом на камни и начала тщательно всматриваться в долину внизу.

Я карабкался к ней, размышляя, что она все-таки крепкий орешек. Трудно считать дураком человека, который восхищается нами, но она устояла. Или из упрямства делает вид, что устояла. Ведь дурак, который нас похвалит, уже не кажется таким уж дураком, а я только и делаю, что хвалю и расхваливаю. Кремень, а не женщина.

— Что там? — спросил я шепотом.

Она проворчала:

— Замри и не высовывайся.

— Замер, — ответил я послушно. — Как жук. Могу вообще прикинуться дохлым. Хочешь?

— Помолчи, — рыкнула она. — А то станешь им! От моей руки.

Я послушно умолк. В щелочку между камнями видно красно-оранжевую пустыню, мелкие песчаные смерчки, слышится шорох перемещаемых барханов.

Затем земля начала подрагивать, донесся мощный всхрип. Из-за скал вышел ящер, уж не знаю, какой из завров, но больше слона, в костяной броне, ноги толстые и короткие, голова громадная, тоже в костяных пластинах, в распахнутую пасть поместится обеденный стол средних размеров.

— Так, — сказала она напряженно, — как только дойдет

во-о-он до того камня, мы быстренько должны проскочить... Тропку видишь?

— Да...

— Дальше он уже не увидит... Пошел!

Она выскользнула и понеслась, пригибаясь, легко и грациозно, как изящный носорог. Я ринулся следом, просто вбрав голову в плечи.

Чудовище двигалось спокойно и равномерно, так бы и шло, но какая-то блоха укусила, и оно повернуло голову в нашу сторону. Пару мгновений понадобилось, чтобы понять, что происходит, но Джильдина среагировала первой: быстро повернула на бегу в сторону, крикнув:

— Не отставай!

Зверь сперва вытянул шею, наблюдая, затем совершил неожиданно длинный прыжок, земля вздрогнула под исполинской массой.

Мы неслись к дальней стене, я уже видел там щели, дыры и норы. За спиной гремело, земля покачивалась, я слышал зловонное дыхание, но надвинулась стена, Джильдина влетела в тесную щель, как смазанная жиром молния, а я, вбежав на полной скорости, ободрал в кровь плечи в узком проходе.

Тут же с глухим ударом планету потрянуло, посыпались мелкие камешки. Чудовище раздраженно заревело, я зажал уши ладонями, звук громче, чем у паровозной сирены.

Пещера большая, дальняя стена теряется в темноте, я отбежал от входа, Джильдина уже сидит в позе лотоса, злая и сосредоточенная. Снова ревнуло, в расщелину заглянула жуткая харя, размером с железнодорожный контейнер. Вблизи зверюка оказалась еще крупнее, чем я думал.

— Ревн, реви, — сказал я победно.

Джильдина уже сбросила мешок, я по ее примеру тоже освободил плечи от лямок и сразу ощутил себя лучше. Монстр попытался соваться мордой в щель, но не проходил даже кончик рыла.

Наконец морда исчезла, я с облегчением решил, что монстр забыл о нас, но взамен протянулась длинная волосатая лапа, величиной со ствол зрелого дерева. Джильдина на-

чала поспешно отодвигаться, чудовищные когти нависли в опасной близости.

— Пошел вон! — закричал я и рубанул мечом. — Мы ж с тобой одной крови, ты и я! Ты понял, скотина?

Лезвие вошло в плоть, рассекло до кости. Монстр жутко взревел, срезанный палец упал к нам, брызгая кровью.

Джильдина вскрикнула зло:

— Ты что сделал?

— Заставил убраться, — ответил я как можно бодрее.

Не признаваться же, что сделал глупость. Мужчине еще бы признался, но не перед женщиной... Монстр, как все животные, скоро бы забыл о нас, у зверей так: с глаз долой — из памяти вон, но теперь этот гад нас запомнит, станет караулить.

— Он притащит камни, — сказала она, — и забьет ими щель! Или вообще разломает эту щель, но нас достает.

— Он меня уже достал, — буркнул я. — Что ему надо? Дурак какой-то.

Она сказала трезво:

— Это ящерник. Они самые сильные во всем Круге.

— Человек, — ответил я, — это величайшая скотина в мире. Так что этот ящерник еще пожалеет, что с нами связался. Особенно с вами, благородная из благороднейших, леди Джильдина!

— А почему со мной?

— А вы еще и женщина, — объяснил я. — Это ваше... Ладно, я тут посоветовался с народом, и мы решили, что уже почти ночь, нам все равно где-то искать пристанище? А этот дурак сам его для нас подыскал. Мы еще и спасибо ему сказать должны...

— Ты ж ему палец отрубил, — сказала она язвительно.

— Да, — признался я, — это я поступил неблагодарно. Но он, по-моему, сказал какие-то нехорошие слова. В ваш адрес, конечно.

Она спросила с подозрением:

— Почему в мой?

— В свой я бы стерпел, — объяснил я. — А за ваше светлое и чистое имя, за вашу незапятнанную репутацию несокрушимой девственницы и вашу избегаемость случайных связей я обязан был вступить, как мужчина!..

Она фыркнула.

— Ложись спать, мужчина.

— А что, не поедим? — спросил я встревоженно. — Хотя, конечно, на ночь есть вредно...

— Запах жареного мяса заставит его торчать тут всю ночь, — ответила она хмуро. — Так что терпи.

— Жить надо дольше, — согласился я. — И чаще. Как ваша благородная спина, леди Джильдина?.. Я страшусь, что она может потерять непередаваемую горделивую осанку лебедя. Давайте я ее малость разомну?.. Осанку. Заодно и спину. И вам польза, и я буду чувствовать, что хоть чем-то полезен. А то, понимаете, моя благодарность меня так распирает, что вот-вот взорвусь и все здесь забрызгаю. Оно вам надо?

Она фыркнула:

— Не надо.

Двигаясь с тяжеловесной грацией молодого носорога, она сбросила одежду и легла лицом вниз. Широкая богатырская спина покраснелась, натертая ремнями, блестит от пота. Я по-хозяйски оседлал ее круп и принялся разминать трапециевидную, дельты, трехглавую, двухголовую, в смысле — двуглавую, широчайшую, даже широчайшие, оттуда перешел к двуглавой бедра, икроножным, большим ягодичным и малым, это чтоб не сказать, что именно я усиленно и с нарастающим интересом массажировал.

Ее дыхание замедлялось, я прислушивался ко всем нюансам, тело в какие-то моменты напрягается и превращается в подобие мраморной статуи, хоть и разогретой на жгучем солнце, затем снова медленно расслабляется. Женски-мягко-податливым никогда не становится, но я с дрожью в теле чувствовал, что и это нечто новое для железномускульной бодибилдерши.

Однако ее тело слишком уж дремуче, пришлось вернуться к плечам, пошел вниз по длиннейшей мышце и соскочил на

остистую и нижнюю заднюю зубчатую, задержался на поясничном треугольнике, здесь часто застаивается кровь, придавил и погнал кровь по внутренней косой мышце, потом по наружной. Разогрелась, чувствую, как ее тело начинает реагировать само по себе, и тут она приподняла голову и сказала хриплым чужим голосом:

— Ящерник еще не ушел?

Я оглянулся, но отсюда не видно, поневоле слез и подкрался к выходу. Выглядывать не приходится: ветерок заносит в пещеру запах сильного злобного зверя. Я перешел на запаховое, мир помутился, но я держусь за стену, зато увидел, как размытое запахами чудовище бродит поблизости от пещеры, не упуская из виду выход, и в то же время поглядывая по сторонам в поисках возможной добычи.

— Не ушел, — сообщил я, отворачиваясь от выхода в уютный мир.

Мне показалось, что ее немножко ведет, но справилась и пошла осматривать пещеру. Другого выхода, похоже, нет. Под дальней стеной журчит ручей, за тысячи лет прогрыз русло достаточно глубокое, а в том месте, где завихряется водоворотом, прежде чем нырнуть под стену, создал небольшой бассейн, емкостью с бочку средних размеров.

Она набрала в фляги воды, я тоже отправился за своими, а она принесла одежду и тщательно смыла налипшую грязь, мох и вцепившиеся листья.

— Сделай и ты, — предупредила она. — Мох сперва только врастает в одежду, а потом, когда спишь, пустит корешки и в кожу. Утром, конечно, оторвешь, но все равно противно... кровь, висят эти волоконца, пока не завянут, а вянут плохо, если уже начали питаться твоей кровью...

Я содрогнулся, быстро стянул одежду. На мне мха поменьше, чем на штанах богатырши, но все-таки страшновато. Я сполоснул одежду и поместил на камнях поближе к костру, только бы не загорелась, зато жар быстрее уничтожит любую гниль. Джильдина вытащила еду, мы быстро поужинали, она запила вином из фляги, я отказался. Джильдина заметила,

что вино убивает любую мелкую гадость, вода может оказаться нечистой, я ответил скромно, что рискну.

Она сидела, прислонившись к стене, я напомнил:

— Давайте посмотрим вашу рану от предательской стрелы труса? Не люблю таких... Резанные заживают куда лучше, чем колотые. А от стрел так и вовсе всякие нагноения... Если изволите лечь, буду счастлив оказать кое-какие лечебные услуги. Вы ее вином, надеюсь, не поили?

— Такую заразу вино не лечит, — ответила она.

— Жаль, — сказал я. — Жаль... Все-таки покажите, как там заживает наша рана.

Она отмахнулась.

— Уже не чувствую.

— Опасно, — сказал я предостерегающе, — мы в пути, могла приоткрыться, попасть грязь, начнется заражение. Мне совсем не хотелось бы, чтобы вы красиво и благородно отдали Богу душу, как чистый и безгрешный ангел, слабо стеная, что не выполнили свой святой долг по спасению дурака и всего человечества.

Она усмехнулась.

— Бойшься остаться один?

— Боюсь, — признался я честно.

Она сказала после минутного колебания:

— Ладно, смотри. Но нам нужно успеть выбраться отсюда поскорее. Если не поспеем, утром сюда подойдут еще такие же. Сожрут.

— Вы сама сожрете кого угодно, — сказал я почтительно и с содроганием всего тела. — Вы ведь настоящая нибелунга! Или валькирия, кто вас там разберет.

Она это пропустила мимо ушей, только фыркнула и легла на спину. Я раздвинул ей ноги шире, вздутый багровый шрам на внутренней стороне бедра начал опадать, скоро совсем исчезнет, как холмик, а на теле воительницы добавится еще один шрам. Я легонько массировал бедро, разгоняя кровь. Она наблюдала за мной из-под приспущенных век, в откинутой наотмашь руке фляга с вином, но я сосредоточил внимание на шраме, на мускулистых бедрах. При таких мышцах

кровь и так хорошо циркулирует, но я заставлю циркулировать еще шибче...

Когда я на миг поднял голову, увидел в ее глазах насмешку госпожи над рабом, что старается угодить хозяйке, иначе бросит по дороге или оставит на растерзание зверям. Ладно, мелькнула злая мысль, думай что хочешь, зараза железомускульная. И делай что хочешь. А я буду делать, что хочу я. И посмотрим, кто выиграет общую битву.

Я начал массаж снова, уже со стоп, перешел на икры, кровь не просто разгонял, а гнал целенаправленно вверх, потом массировал бедра, это не бедра, а дорические колонны, такая же белизна мрамора и такая же мягкость, чуть пальцы не сломал, и снова гнал кровь выше, а когда там покраснело и набухло, я увидел боковым зрением, как мускулистая рука с флягой в громадной ладони в сладкой истоме медленно ослабилась так, что фляга выкатилась из ослабевших пальцев.

— Неплохо, — сказал я негромко, — рана почти зажила. А шрам пустьчок...

Глава 13

Я говорил тихо, ровным голосом. Она не ответила, веки опустились, выглядит расслабленной настолько, что едва не вырубается вовсе. Я помассировал еще пару минут, держался абсолютно бесстрастно, я же лекарь, а она — пациентка, у нас этика, не говоря уже о том, что прибьет, если дам повод, затем сел рядом и тоже взял флягу. Правда, с родниковой водой.

Она приоткрыла один глаз.

— Уверен, что не хочешь вина?

— Абсолютно, леди Джильдина.

— Что ты за мужчина, — проговорила она с презрением.

— Да вот такой, — ответил я смиренно.

— Никчемный, — сказала она с непонятной злостью.

— Никчемный, — согласился я. — Что делать, бывают на свете всякие.

Она искривила рот, но сдержалась, не выплюнула то ли ругательство, то ли оскорбление. После затянувшейся паузы буркнула:

— Спим.

Я лег молча и послушно. Под стенку, конечно. Она допила вино, я закрыл глаза и сделал вид, что сплю. Слышно было, как ходит по пещере, что-то перекладывает, пинает мешки, доносилось раздраженное сопение.

Судя по скрипу, еще и загородила вход каменной плитой, а также наложила защитные заклятия от мелких зверей и насыпала толстой травой, что отпугивает ночных упырей. В этом месте, как говорила по дороге, именно они опасные. Других зверей почти нет, упыри всех извели.

Наконец опустилась поблизости, я чуть приподнял веки. Ага, лежит ко мне спиной, перекрывая дорогу от выхода в холодную ночь.

Рука моя поднялась сама, чтобы подгрести ближе, но вовремя одернул себя. Проще подгрести того ящерника, что остался в ночи. И безопаснее.

Утром она выглядела мрачной, лицо слегка осунулось, в глазах сверкал злой огонек.

Я спросил жизнерадостно:

— Как спалось? Что снилось?

Она рассерженно метнула в мою сторону острый, как ее ножи, взгляд.

— Тебе ничего плохого не снится?

— Нет, — признался я.

— И не будет, — буркнула она. — Не успеешь...

Пока собиралась, я рассматривал втихую ее бугристую спину. Ночью, когда сознание играет подчиненную роль, а то и вовсе отключено, всякие страхи, даже детские, могут выбраться и окошмарить всю ночь. Но слишком уж велика и мускулиста, чтобы ее утешать... Если бы дюймовочка, да еще блондинка с глупыми глазками, то у каждого сразу страсть защитить, спасти, объяснить, что это лишь дурной сон, а сейчас все хорошо, я с тобой...

Но с нею так не сделаешь, не поймет. С детства привыкла, что уж ее никто защищать и утешать не будет.

Когда вышли, на раскаленном с утра песке появились ва-

луны, размером с отдыхающих на берегу моржей. Или на спящих носорогов. Только поверхность блестит под солнцем, отполированная исчезнувшими морями.

Джилдина настороженно начала двигаться вдоль стены, не отрывая от валунов взгляда. Так мы прошли почти сотню шагов, начали сворачивать за скалу, как вдруг один из этих валунов поднялся на четыре крепких ноги и без разбега ринулся на нас. Джилдина увернулась, но зверь учел, и рогатая голова ударила именно в ту сторону. Она взлетела в воздух, трижды перевернулась, как игрушечная кукла, а зверь, не дожидаясь, когда грохнется на землю, развернулся и ринулся на меня.

Я был прижат к отвесной стене, но еще когда он ударил бодибилдершу, в моей руке оказался молот. Я без размаха отправил его прямо в надвигающийся лоб, а сам поспешно метнулся в сторону. Раздался треск, грохот, молот ударил по ладони, я растопырываю пальцы уже инстинктивно, а зверь с жутким всхрапом рухнул на землю.

Мне показалось, что под ногами вздрогнуло, а скала предостерегающе затрещала. Я подцепил молот на место и бросился к могучей женщине. Она осталась лежать вниз лицом, как и упала, я потормошил за горячее твердое плечо:

— Вы о'кей?

Она прошептала в землю:

— Да, все в порядке...

Если это олрайт, подумал я, что тогда неолрайт, но смолчал, мы всю жизнь врем, но в данном случае — хорошая и нужная брехня, человек не грузит других своими проблемами.

— Встать сможете?.. Кости целы?

Она пошевелилась, повернула голову, затем кое-как приподнялась на дрожащих руках.

— А где... олбригхт?

— Красивое имя, — восхитился я. — Что-то напоминает...

Она повела глазами, вздрогнула, обнаружив огромную тушу зверя почти рядом. Теперь и я рассмотрел, что все тело чудовища в таких же пластах тугих мышц, как и у моей мускулистой повелительницы, а толстые жилы выступают еще бо-

лее красиво и победно. Но сейчас лежит, уткнувшись мордой в каменную стену, сломанный рог отлетел на пару шагов, задние ноги еще вздрагивают, царапая землю толстыми раздвоенными, как у кабана, копытами, а из расколотого лба течет густая темная кровь.

— Как? — спросила она, поднялась на ноги, поморщилась, ее пошатывало, на все смотрела расширенными глазами. — Как?..

— Вы ж видите, — сказал я застенчиво, — ударился головой о скалу. И убили. Наверное, там у него мозги. Интеллектуал.

Она спросила непонимающе:

— Головой? О скалу? Почему?

— Деревя не было, — объяснил я.

— Нет, ударился почему?

— Поскользнулся, — сказал я тихо и сделал вид, что совсем застеснялся.

Она спросила с недоверием:

— И на чем поскользнулся?

Я смущенно потупил глазки долу.

— Ну... я же трус... испугался... а когда пугаются, то... как бы это деликатнее сказать, он на этом моем испуге поскользнулся.

Она оглянулась, просканировала взглядом место, где должен был поскользнуться олбригхт, а я снова опустил глазки и пошаркал подошвой, поясняя, что устыдился, и поспешил затереть свой позор в песок, пока она не увидела всю глубину моего мужского падения.

Наконец, все еще пошатываясь, она взялась за ножи, я с интересом смотрел, как пытается срезать второй рог, будто не врубается, что бычьи рога практически намертво всажены в монолитную, почти монолитную, костяную глыбу черепа. Потом пробовала срезать копыта, но снова неудача, даже кожа оказалась крепкой, словно из гибкого металла.

— А что за животное, — спросил я с вялым интересом, — полуплотноядное? Как свинья?

Она буркнула, не оборачиваясь:

— Это олбригхт, я же сказала. Никто еще не добывал его... из всех, кого знаю. Встреча с ним — верная смерть.

— Не такая уж и верная, — заметил я равнодушно. — Подумаешь, бизон-переросток.

— Тебе сказочно повезло.

— Разве?

— Повезло, — повторила она.

— Ах, доблестная и неустрашимая леди Джильдина! — воскликнул я. — Вы не представляете, что такое повезло, когда вот в такой ситуации!

— Ну-ну...

— Вот одному моему другу, — сказал я живо, — повезло так повезло! Он как-то оказался без оружия, а за ним погнался огромный пещерный лев, что самая что ни есть верная смерть: от такой зверюки ни убежать, ни защититься! Удирая, друг добежал до реки, а там как раз на берег вылез жуткий крокодил и тут же распахнул огромную пасть, кого угодно проглотит, тоже верная смерть... Мой друг упал в ужасе как раз в момент, когда лев прыгнул...

Я замолчал, ожидая эффекта, но Джильдина спросила раздраженно:

— И что? Где удача? Лев его сожрал?

— Какая вы... — сказал я с неудовольствием, — женщина! Понятно же, лев перелетел через моего друга и попал прямо в раскрытую пасть крокодила. Крокодил не ждал такого подарка, но лев оказался великоват, крокодил начал его заглатывать и задохнулся. А друг мой затем снял шкуру и с крокодила, и льва!

Она покачала головой.

— Это был ты? Только тебе может так повезти... Эх, как бы второй рог вытащить! Такая ценность...

— Довольствуйтесь одним, — посоветовал я. — А то еще и шкуру восхочется положить у кровати... У вас как насчет кровати?

— Шкуре вообще нет цены, — ответила она с жалостью. — И сердце стоит дорого. И печень... Селезенка лечит от любой

болезни... а за мозг из позвоночника знахари готовы жизни отдавать...

— Свой?

Она сердито дернула плечом.

— Не остри. Посматривай по сторонам.

— Может, — предложил я, — заодно и пообедаем?

Она сказала еще злее:

— Ты ж только что ел!

— Да я хорошим делом всегда готов заниматься снова и снова, — объяснил я. — Это основа правильного мировоззрения! Чтоб хорошим делом заниматься хотелось, а нехорошим — нет. Чтоб даже не хотелось. Ни за какие пряники!.. Ну, разве что за очень большие.

Она несколько раз оглянулась на тушу олбригхта, к нему слетаются крылатые, среди них я заметил и с перепончатыми крыльями, и даже с чешуйчатыми.

— Жаль... Впервые оставляю такое богатство.

— Берите пример с меня, — предложил я. — Я такое оставил, такое оставил!.. Не вышпечешь. Зато сколько приобрел...

Она порворчала с презрением:

— И что ты приобрел?

— Вас, леди Джильдина, — ответил я преданно и посмотрел на ее могучие плечи, — разве это не богатство? Такие дельты! Ах, какие дельты... А трицепсы, с ума сойти... А когда на камбаловидную смотрю, так у меня от восторга прям все спирает!

Она оглянулась, поморщилась.

— Смотри лучше под ноги, камбаловидный... Это что еще за камбаловидная?

— А это вот здесь, — сказал я, — под икроножной... Чуть выше — двуглавая, но еще эффектнее — тонкая мышца, что в данном случае не совсем тонкая, а самое то, что надо...

Она быстро шла вперед, не оглядываясь больше и, возможно, не слушая, а я смотрел в ее бугро-мышцастую спину и понимал, что да, это класс, это интереснее, чем девку с голыми сиськами, тех легион, а с такой спиной — одна, уникальная...

Среди раскаленного марева высились термитники, но когда мы проходили мимо, я видел, как из отверстий вылезают крупные бескрылые осы, суетливо бегают, машут сяжками. Сперва не поверил глазам, а когда проходили мимо второго, не утерпел подхватил на ходу палку и стукнул по вершине купола. Из нор моментально высунулись крупные головы с угрожающе разведенными жвалами. Можно подумать, термиты, я по жвалам не отличу их даже от жуков, но многие в ярости выскочили на вершину термитника и бегали, подпрыгивая и грозно щелкая в воздухе кривыми серпами челюстей.

По дороге часто видел огромных насекомых, слишком крупных для насекомости, легкие у них, что ли, вместо трахей, а однажды стал свидетелем, как крупный паук поймал ящерицу и, быстро опутав паутиной, легко поволок в нору.

Вообще слишком часто попадают огромные и сверхбыстрые насекомые, видоизмененные жуки, однажды видел даже прыгающих гусениц.

Как я понял, несмотря на то что сквозь Барьер проходит великое множество народу, почти все гибнут в первые же часы, в том числе и от ядовитых насекомых, ящериц, птиц и прочей живности. Также за новичками охотятся старожилы, потому что те чаще всего приносят как золото, так и разные ценные штуки. Мне повезло, прошел ночью. Насекомые, в основном, спят из-за низкой температуры воздуха, а потом уже я воспользовался мазью, отпугивающей всякую мелкую дрянь.

Но как бы хотелось успеть встретить новичка из-за Барьера, расспросить, пообщаться, подготовиться...

Глава 14

Среди выжженной пустыни дико и страшно высятся скалы, похожие на слоеные пироги, обкусанные со всех сторон голодными великанами. Иногда обкусаны внизу настолько, что целые горы держатся на тонких ножках.

Богатырша благоразумно обходила их стороной, я послушно повторял все ее движения, словно шел по минному

полю. Время от времени мы проходили мимо гор с отвесными стенами, и очень часто оттуда смотрели на нас исполинские лица.

Не понимаю, что двигало людьми, надежда или отчаяние, когда на отвесной стене выбивали с невероятными трудностями эти гигантские барельефы. И вообще не понимаю, как! Снизу не поставить леса, высокогато, сверху не спустить на веревках мостки — слишком высоко, люлька оборвет своим весом.

Но зачем-то вырубали в стене то бесстрастные, то перекошенные гневом лица, ужасающие и свирепые, а также сцены сражений с непонятными существами?

Впрочем, я вообще-то дурак, если не понимаю такое. Как будто марсианин какой. Зачем строили пирамиды, вырубали из цельной горы Сфинкса, гигантские статуи Будды, ставили камни Стоунхенджа, Бронзового солдата, памятник на Поклонной горе, обелиск Неизвестному солдату, хотя вроде бы проще деньги и усилия направить на огороды, выращивание свиней, разведение еще больше кур и гусей...

Как ни далеко те люди отстоят от нас, но все же в нас есть общее. Иначе мне никогда не удалось бы разобраться в некоторых моих находках...

Джиллина резко остановилась, повела головой из стороны в сторону.

— Что случилось? — спросил я.

— Засада, — сказала она тихо. — Впереди пятеро.

— Где? — удивился я.

— Вон за теми оранжевыми камнями, — ответила она, продолжая смотреть прямо. — Запах! Не слышишь?

— Нет, конечно, — ответил я, — как я могу услышать! Собака я, что ли...

Ветер в самом деле, к несчастью для засевающих, резко изменился и дул в нашу сторону. Я сосредоточился, подключил усиление обоняние, чуть не стошнило от собственного запаха, но и он не смог забить тонкие струйки чужого человеческого тела. Этот сильный — от Джиллины, а вот и чужие, что идут от гребня...

— Семеро, — ответил я так же тихо.

— Пятеро.

— Семеро, — повторил я. — Двое вон с той стороны.

Она быстро стрельнула в ту сторону взглядом. Запах, похоже, с той стороны не улавливает, ветер идет мимо, но там в самом деле очень удобное место, чтобы ударить в спину.

— Откуда знаешь?

— Так я ж начал приноживаться, — объяснил я. — Я ж не собака!

— Жди их, — велела она одними губами. — А мои эти пятеро.

— А вы...

Я не договорил, из-за гребня, нас не дождавшись, выпрыгнули все пятеро разом. Воздух вздрогнул от дикого вопля. У меня кровь застыла от ледящего крика, это что-то нечеловеческое, даже дочеловеческое. Ножи оказались в руках Джильдины в момент, когда эти еще летели в прыжке, и жизнь двоих оборвалась еще в полете.

Отступив, она молниеносно размахивала ножами, похожая на многорукую богиню Шиву. Из-за гребня напротив выбежали двое с палашами в руках. Молча и без шума они бросились к нам. Я ждал их, глядя искоса, чтоб не показать, что заметил. Оба бросились к богатырше, справедливо считая ее самым опасным противником. Я повернулся и одним ударом меча снес одному голову, а второму рассек плечо.

Он вскрикнул, отшатнулся, перехватил палаш другой рукой. Снова свернуло лезвие меча Арианта, легкий хруст перерубленной кости, и рука с зажатой в кулаке рукоятью палаша отделилась от тела.

— Не оглядывайтесь! — крикнул я Джильдине. — Засада зачищена, потерь нет!.. Помочь или идти хворост собирать?

Она промолчала, ее дыхание было свистящим. Ножи мелькали так, что я видел только смазанные полосы сверкающего металла.

Жуткое зрелище, дерется молча и страшно, как механическая машина. Я постоял сзади, оберегая ее спину. Мою спину

никто не оберегал, но, если попытаются обойти нас двоих, замечу сразу.

Мне показалось, что Джильдина начинает выдыхаться, быстро обошел схватку сбоку, эти трое слишком уж пытаются окружить войтельницу, нечестно, да и вообще на женщину нападать нехорошо. Ближайший начал в беспокойстве оглядываться на меня и мой обнаженный меч, но раньше сверкнул нож бодибилдерши, и он захлюпал перерезанным горлом.

Двое, видя, что нас тоже двое и ни один даже не ранен серьезно, побледнели, начали пятиться. Она перешла от защиты к нападению, нападающие пятились все больше, она наконец процедила сквозь зубы:

— Кривозуб, ты на что надеялся?

Разбойник, отбиваясь, буркнул:

— Ты знаешь...

— А сосунок непрост? — зло сказала она.

— Вам повело...

— Повезет еще, — заверила она. — У тебя вещи для продажи в Квентине? И ты, дурак, с таким товаром да в дорожную драку?..

Она сделала выпад, и напарник Кривозуба отшатнулся, перехватив свободной рукой глубокую рану на руке. Судя по повисшей кисти, женщина рассекла не только вены, но и сухожилия.

Кривозуб быстро повернулся и бросился бежать. Джильдина, которой не надо поворачиваться и потому быстрее набрала стартовую скорость, догнала на гребне. Я видел, как он упал, тут же дважды поднялся и резко опустил ее нож. Потом она сняла с трупа мешок и вернулась ко мне.

Она тяжело дышала, кровь струится из порезов на плече, небольшая рана в правом боку и совсем неглубокая на скуле. Оглядев меня, бросила с удивлением:

— Одежду твою порвали, но ты... даже не ранен?

— За вашей широкой спиной держался, — объяснил я. — За такими дельтами и косыми с широчайшей... как не уцелеть?

— А-а... это тоже неплохо.

— А что плохо?

Она пожала плечами:

— Мог завизжать и броситься бежать куда глаза глядят.

— И лишиться вашей благородной защиты? — удивился я. — Леди Джильдина, я, конечно, дурак, но не-полный идиот.

Она хмуро улыбнулась.

— Да, ты не совсем дурак.

— Снимите свой драгоценный жилет, — попросил я. — Ах какая выкройка, какие вытачки! Это вы самишили?.. Чувствуется вкус, вкус, даже гламурность. Я посмотрю раны.

Она отмахнулась: .

— Да такие заживают сами... Хотя, ладно. Мне кажется, в тебе все-таки есть лекарский дар. Слабенький, но есть.

— Это массаж, — объяснил я. .

— Да, — согласилась она, — массаж у тебя действительно целебный. Но и в бою ты неплохо поработал. Честно говоря, не ожидала.

— Да что хорошего, — ответил я уныло. — Человеков убил... А у них тоже есть, наверное, души. Даже у муравьев есть, значит, и у людей тоже что-то вроде. И покаяться не дал!.. Какой я, оказывается, нехороший человек...

— Зато жив, — бросила она. — Это и есть жизнь.

— Разве это жизнь? — спросил я печально. — Во грехе, что во тьме. Как язычник, прости Господи...

— Жизнь, — заверила она.

— Жизнь ничего не стоит, — сказал я грустно, — но ведь и ничто не стоит жизни!.. В благополучном мире жизнь — горизонтальное падение, а здесь и под углом, и прямобрыкальное...

Я все ждал, что сбросит одежду и даст себя осмотреть, кровь хоть и почти перестала сочиться из ран, но не думаю, что не тревожат, однако торопливо сняла со всех мешки и сложила в кучу. Так же быстро пошарила по карманам, собрала амулеты и талисманы. У Кривозуба оказалось три: один на шее и два на груди.

— Амулет от змей и ящеров!.. — воскликнула она пораженно. — Что за дурак... Ладно, за него дадут большие деньги.

— Возьмите себе, — предложил я. — У меня принципы.

— Что?

— Принципы, — пояснил я. — Нравственные.

— А-а-а... А в чем они?

Я подумал, ответил честно:

— Не знаю. Но они есть, седалишным нервом чую. Не укради, не убий... Дальше не помню. Во всяком случае, насчет прелюбодеяния Моисей перестарался.

Она не слушала, перебирала собранное с трупов, ответила рассеянно:

— У меня такой амулет есть... и такой... Да, эти победнее... Ага, кое-что есть, есть... Ух ты, даже малахитник... Дурачье... Просто оскорбительно, какой легкой добычей они меня сочли.

Наконец она вытряхнула на землю содержимое мешков, сортировала; перекладывала, качала головой. Как я понял, самое ценное отыскалось в мешке Кривокуба, у других только еда, водяные кристаллы да еще амулеты, отпугивающие ядовитых насекомых. Джильдина, несмотря на боевое умение воина, показала себя крайне хозяйственной: сложила почти весь дроб в свой мешок, с трудом подняла, взвесила на руке.

— Леди Джильдина, — сказал я встревожено, — у вас открылись раны. Мне будет хреново, если откинете ваши благородные копыта... Странно, кровь у вас течет тоже красная. Я уж думал, голубая, как у осьминога.

Она посмотрела по сторонам, явной опасности нет, хмыкнула, но жилет сбросила. Солнце заиграло на не по-женски мускулатом теле. Разогретые схваткой могучие мускулы плеч вздулись, кровь сочится все медленнее, но рана при всей неглубокости длинная, на боку порез глубже, а на скуле только коричневая корка запекшейся крови.

— Вам надо лечь, — напомнил я, — расслабиться...

Легла она равнодушно, взгляд устремлен в небо, я вижу, как обдумывает что-то важное, ну там, как пройти через грядущую или войти в Кольцо Королей, а здесь только ее тело...

Правда, когда я разминал ее грудные мышцы и очень уж переусердствовал в разогреве вторичных половых, сперва

стараясь их нащупать на этих блоках мускулов, а потом не потерять, она поинтересовалась язвительно:

— Что, и там раны?

— Нет, — ответил я, — но чувствительные ниточки отсюда ведут и в другие места. Если тут размять, то раны быстрее зарастут и на плече.

Она прислушалась к своим ощущениям, я в самом деле потихоньку излечиваю раны и соединяю их края, на лице отразилось сомнение. Я читал в ее глазах, что чувствительно совсем в другом месте, но промолчала, вдруг уловив, что я не только дурак и новичок, но еще и самец. Мне почудилось в ее глазах великое сомнение при таком неприятном открытии. Все-таки самец, если он самец, должен быть крупнее и сильнее самки. Это у жаб или пауков самки крупнее, а мы вроде бы люди.

Внезапно она спросила настороженно:

— Что так смотришь?

Я смутился, пойманный на горячем, потряс головой.

— Да пустяки, не обращайтесь внимания, ваша могучесть.

— Нет, ты скажи, — сказала она настойчиво. — Что-то мне не понравилось, как ты смотришь.

Я развел руками, но спохватился и снова принялся разминать ей горы мышц.

— Простите, ваша мышцаемость. Сам знаю, надо о подвигах думать, о Родине и сокровищах, но у вас глаза...

— Что? — спросила она быстро и провела ладонью по лицу. — Что у меня с глазами?

— Красивые, — сказал я со вздохом. — Как-то закат их подсветил, что ли? Бывает же так, прекрасные глаза, такие чистые и... э-э... лучистые, что ли, благодаря генетической случайности достаются такой...

Я умолк, она тут же спросила обманчиво мирным голосом:

— Какой?

— Сильной, — ответил я с подъемом. — Крутой, отважной, решительной, безжалостной! Которую назвать женщиной — грязно оскорбить.

Она озадаченно замолчала, глаза блеснули напоследок звездным светом и укрылись под плотными веками. От длинных ресниц на шрапистые щеки пала густая тень. От постоянно красного неба даже тень выглядела багрово-опасной, как отблеск адского пламени.

— Так лучше? — спросил я.

Веки поднялись, открывая затуманенные глаза. Губы шевельнулись с такой натугой, словно я их сумел на время парализовать.

— Да, — произнесла она хрипло, — намного. Ты... молодец. Тебя хорошо обучили.

— Вот видите, леди, — ответил я гордо, — и дураки что-то умеют!

— Я ж говорю — обучили, — уточнила она уже сухо. — Так, надо уходить. Здесь очень опасное место. Выйдем во-он за ту гряду.

— Давайте хоть мешок понесу, — предложил я. — Он ваш, я просто помогу.

Она поколебалась, пожала плечами:

— Мешок не дам, но кое-что в твой переложу. Все дело в том, что человек иногда исчезает вместе с мешком. Тебя не жаль, а вот вещи дорогие...

— Я буду беречь мешок, — пообещал я. — Ценой своей ничтожной жизни.

Она кивнула, перегрузила часть дропа в мой мешок, я помог ей вдеть руки в лямки, она подвигала плечами, устраивая тяжелый мешок поудобнее, и тут же пошла, не дожидаясь меня.

Я поспешно ринулся вдогонку, мешок забросил за спину уже на бегу. Она, не оборачиваясь, бросила равнодушно:

— Сегодня увидишь Барьер.

— Ого, — сказал я взволнованно. — Наконец-то! А то еще те двое обещали...

Она посмотрела презрительно.

— Они лгали.

— Да теперь понял...

— Лучше поздно, чем... Но как ты надрался так, что не рассмотрел сам Барьер?

— А может, — предположил я, — меня не просто напоили, а еще какой-то гад наложил заклятие?

— Это скорее, — согласилась она. — Не могу поверить, что такой неженка по своей воле решился войти в Окольные Земли.

— Я хотел сюда, — возразил я, — но, наверное, меня еще и подтолкнули.

Она смерила меня внимательным взглядом.

— Вообще-то ты мог бы сойти за красавчика, — отметила она. — В какой-нибудь очень благополучной стране, о них много говорят здесь. В смысле, пересказывают рассказы тех, кто прибыл с той стороны Барьера. И еще чувствуется высокое происхождение. Да, порода в тебе видна, видна... Недавно мой дядя говорил, что самая благородная кровь течет в дураках и комарах.

— Мне можно быть дураком, — сказал я и, видя ее недоумение, объяснил счастливо: — Вы же умная?

Она сморщила нос.

— Еще бы не быть умной, возясь всю жизнь с такими дураками!

— Ну вот видите, — сказал я довольно, — благодаря мне вы становитесь особенно умной.

Она посмотрела подозрительно, то ли я сказал, что сказал, но у меня честное лицо и правдивые глаза, и она только вздохнула.

— Знаешь, самая глупая может сладить с умником, но с дураком сладит только самая умная. Так что наупражнялась.

Глава 15

На горизонте показалась блещущая полоса. Я пару раз посмотрел на Джильдину, но она двигается вперед ровно и настойчиво, чуть наклонившись вперед, смотрит больше под ноги, но не поверю, чтобы не видела эту странную полосу.

К обеду уже не полоса, а больше похоже на забор или стену, и не блещущую, а молочно-белую. Джильдина помалки-

вает, а в моем черепе начала разгораться ослепляющая мысль: так это же и есть тот самый Барьер!

И хотя до него еще туева куча миль, но идем в нужном направлении. Я не выдержал, спросил, я же дурак, мне можно:

— Вон та штука и есть Барьер?

Она буркнула, не поднимая головы:

— Что, с этой стороны другого цвета?

— Мда, — промямлил я. — Да...

Она оглянулась, в глазах загорелось подозрение.

— А как ты прошел, если не помнишь?

— А я... меня, — проблеял я, — я ж говорил... чем-то опоили. Или заклятие наложили. Я опомнился только перед таверной. Ничего не помню, как дошел...

— Тебе повезло, — сказала она.

— Да я вообще везучий, — похвастался я. — Дуракам везет, вы же знаете! Так что не такие уж мы и дураки...

Скакание по камням вдруг прекратилось, дорога пошла на удивление ровная. Джильдина повеселела, а я, чтобы закрепить контакт, начал рассказывать о нравах Забарьерья, где мужчины защищают женщин, заботятся о них, спасают и ничего не требуют взамен. Она презрительно и недоверчиво хмыкала.

— А еще, — сказал я, внезапно осознав, что за все время не услышал ни одного призыва к Господу, ни одной молитвы, — по ту сторону Барьера есть церковь... Много церквей.

Она бросила, не оборачиваясь:

— Я слышала про эти сказки для убогих. Здесь не привились.

— А пытались?

— Да, — ответила она холодно. — Несколько раз.

— Погибли? — спросил я, уже догадываясь.

— Сразу же, — сообщила она равнодушно. — Никто из них не прожил и дня.

Внутри Барьерного Кольца, мелькнула мысль, нет церкви, нет веры, нет религии. Можно подумать, что здесь ни Бога, ни Дьявола, но на самом деле, где нет Бога, — там всегда Дьявол.

Слева проплывают отвесные стены из красного песчаника, издали казались испещрены ласточкиными норами, но когда мы прошли еще с полмили, я понял, что это бесчисленные пещеры. Пещеры практически ровня человеку: его первый дом, его святыня и его кладбище. Даже когда человек научился жить на равнинах, он все еще строил храмы в пещерах, там же хоронил предков.

Я окидывал взглядом эти зияющие норы, вряд ли это самые первые, те рассыпались вместе с горами, но и эти высекли руки человеческие очень уж давно. Даже язычники строят храмы на просторных площадях в центре городов.

Джилыдина оторвалась вперед, так как я засмотрелся на невысокую каменную гору, чересчур похожую на человеческий торс. Ну не могут ветры и дожди вымыть именно так, чтобы морда получилась не просто похожей, но и гротескной: близко поставленные глаза, низкий лоб, массивная нижняя челюсть, голова без шеи переходит сразу в плечи, не широкие, а как раз покатые, какие и должны быть у каменного великана...

Я попытался указать на нее моей Аттиле в женском облике, но та просто не обратила на мой писк внимания. Я тарашил глаза на гигантский барельеф, услышал вскрик, развернулся, хватаясь за рукоять меча. Богатырша, внезапно укоротившись до пояса, торчит из земли, словно та разом разжижилась под ее ногами, и она продолжает погружаться, хотя раскинула руки в попытках ухватиться.

Я моментально сорвал веревку с пояса. За спиной зашевелились камни, я раскрутил над головой и бросил в сторону Джилыдины петлю.

— Держись!

Она поймала конец, веревка натянулась. Чувство опасности заставило резко повернуться, я едва успел уклониться от летящего в прыжке темного тела и сам едва удержался на ногах. Мелькнули оскаленные зубы и горящие дикой злобой глаза. Я поспешно выхватил меч, зверь упал и перевернулся через голову, едва не угодив в зыбучую землю к Джилыдине.

За спиной снова пахнуло смертью, я поспешно развер-

нулся. Из-за гребня выметнулось еще несколько зверей, что-то вроде черных пантер, бросились бездумно и с дикой бабьей яростью. Я отступил на шаг, чтобы веревка не стесняла движения, замахал мечом со всей скоростью. Пантера набежала под удар, рукоять слегка дернулась, зверь испустил дикий вой, ну нет у кошачьих благородства волков. Раненая пантера ударилась в прыжке о землю, как мокрая тряпка, и поспешно уползла, оставляя широкий кровавый след.

Веревка снова натянулась, я увидел боковым зрением, что Джильдина погрузилась уже по шею. Пантеры, прижимаясь к земле, начали окружать меня со всех сторон. Морды отвратительные, в глазах женская гнусность, клыки оскалены, недаром человек, способный не испугаться громадной и злой собаки, в ужасе отступает перед разъяренной кошкой.

Одна метнулась, выбрав момент, я дернулся в сторону и подставил меч. Лезвие распороло зверюке левый бок и живот. Внутренности начали вываливаться до того, как пантера коснулась земли. Она завопила в ярости и ужасе, ударилась о землю и тоже отползла, волоча кишки.

Я услышал задыхающийся голос:

— Раненые опаснее!..

— Знаю, — ответил я. — Не дергайтесь, девушка.

Еще одна попыталась прыгнуть сзади, как она полагала, на спину и перекусить мне шею. Я ждал, давая ей возможность, и она напоролась на стальной клинок, как жаба на спицу. Я торопливо стряхнул под ноги и пинками, не переставая следить за другими, отодвинул в сторону.

Что хорошо в кошачьих, все индивидуалисты. Волки бы стаей, а у кошачьих для кооперации не хватает ума. Что и хорошо, иначе изначально такая мощь смела бы с лица земли еще дикое человечество.

— Держись! — крикнула Джильдина. — Отступят...

Я уловил в ее голосе отчаяние, скосил глаза, она задирает подбородок, раскинула руки, стараясь держаться на плаву. Я попытался сделать шаг вперед, веревка потянула назад. Ощущение такое, что тащу бегемота, зыбучая земля не желает

расставаться с добычей. Пантеры не отступали, лишь сильнее прижались к земле, готовые к прыжку.

Меч мой блещет синеватыми искрами, глаза гигантских кошек то и дело поворачиваются в орбитах, отслеживая его движения. Я напрягся, сумел сделать шаг и зафиксировал ноги в новой позиции. Одна из кошек прыгнула. Я не сумел шатнуться в сторону, туго натянутый канат лишь дернул назад, и острые когти разодрали плечо.

Жуткий крик оглушил, я поспешно стряхнул бешено бьющееся тело с острия. Еще одна кошка бросилась, уловив удачный момент. Я хотел отступить, но канат потащил с такой силой, что я упал на спину. Черное тело пронеслось надо мной, я поспешно вскочил. Две страшные рожи с оскаленными зубами приближаются стремительно, лезвие заблестало на солнце, я двигался на пределе, веревка провисла, и два кошачьих тела рухнули на камни, брызгая кровью.

Я уперся в грунт, жилы трещат от натуги, едкий пот выжигает глаза, но продвинулся на полшага. За спиной шум, рев, я не оглядывался, в зыбучем песке одна кошка загрызет другую, понятно, кто кого, я пытался и выставлял перед собой меч. Пантер осталось трое, брачный период у них, что ли, охотятся же поодиночке. Кто у них тут самец, я заорал и замахнулся мечом.

Они попятились, но все так же прижимались к земле брюхами и готовились к прыжку. Я крикнул, не поворачивая головы:

— Ты как там?

Донесся задыхающийся голос:

— Еще немного...

— Цела?

— Да...

Ноги подламываются, в глазах красная пелена, а жилы трещат от натуги. Я заставил себя сделать другой полушаг, меч в вытянутой руке поочередно вытягиваю к кошкам, целясь в глаза, и все трое начали отползать, морды злобные, в глазах разочарование.

Вдруг одна прыгнула, но не на меня, а на первую из ране-

ных. Та только вздрогнула, пыталась приподняться на слабых лапах, однако мощные зубы впились чуть ниже затылка и то ли прокусили позвоночный столб, то ли перервали главный нерв. Раненая пантера распласталась и больше не двигалась.

Все три начали с урчанием рвать ее мясо, настоящее женское отношение к себе подобной, а та раненая, что могла еще ползти, задвигалась чаще. За нею оставался широкий кровавый след, волочились внутренности.

Я перевел дух, затем задержал дыхание и, напрягши мышцы, медленно пошел вперед, наклонившись, как бурлак на Волге, почти до земли. Веревка дрожит, как туго натянутая струна, я сделал еще шаг, еще... тащить стало легче.

Обернувшись, я увидел, что выволоч из трясины не Джильдину, а огромную глыбу быстро застывающей глины, если это глина. Голова богатырши торчит с задранной подбородком и оттопыренной, как у тапира, нижней губой.

— Ни... че... го себе, — прохрипел я, в глазах кровавые кольца, — сама... сможешь?

Ее шепот был едва слышен:

— Помоги... руки...

— Иду...

Я доковылял до нее, жадно хватая горячий воздух широко раскрытым ртом. Во внутренностях еще горячее, ухватился одной рукой за быстро покрывающийся твердой корочкой выступ, рванул на себя. Затрещало, глыба пошатнулась. Я оглянулся на пантер, рвут несчастную, в нашу сторону даже не оглядываются. Был соблазн убрать меч и схватиться обеими руками, но если вдруг бросятся к нам, то могу не успеть. Я так и потянул одной рукой, затрещало, за глыбой тянется липкое, словно выдираю муху из меда.

Оторвав наконец и отшвырнув целый пласт, я взялся за другой. В глубине началось шевеление, вздулся горб, я рассмотрел облепленный толстым слоем клея кулак. Он продавливался наружу, словно медленно поднимающийся из глубин болота пузырь воздуха.

Я перевел дыхание, обернулся на визг. Кошки разодрали

первую раненую, прыгнули на другую. Та отчаянно визжала, но уже не сопротивлялась.

Лицо Джильдины покраснело от натуги, глаза едва не вылезают из орбит. Из клейкой массы продавилась наружу облепленная липкой гадостью рука. Я вздохнул с облегчением и повернулся к пантерам. Разорвав и вторую, они наконец насытились, лениво слизывали кровь с лап.

— Пошли вон! — заорал я и, подобрав камень, швырнул изо всех сил.

Камень ударил одну в бок, пантера взвизгнула, подскочила и, повернув голову, уставилась в меня с великим изумлением.

— Мало? — спросил я.

Я воткнул перед собой меч и снял с плеча лук. Пантера попятилась, затем развернулась и унеслась тяжелыми прыжками. Грациозность подрастерялась из-за отвисающего живота. Остальные скрылись почти незаметно, без шороха и протестующих воплей.

Я убрал лук на место, меч вытащил и, осмотрев, бросил в ножны. Джильдина высвободила руку, всю облепленную клеевидной массой, торопливо отрывала уже застывшие куски над местом, где должна находиться вторая рука. Я вспрыгнул на большой камень, через гребень видно, как пантеры все еще уносятся неторопливыми прыжками.

Еще дальше, в полумиле отсюда, блестит вода в крохотной впадинке. Я сфокусировал зрение, водоем не намного шире деревенского колодца, хотя насчет глубины ощущение такое, что дна нет вообще. Говорят же, что некоторые водоемы питаются водой из подземного мира, где мучаются души грешников.

Я потоптался еще, осматриваясь, глядеть в оба нужно именно мне, пока шварценеггерия еще не совсем, а когда повернулся к ней, она уже высвободила вторую руку и ломала обеими куски с затвердевающей липкой грязью. Мускулы напрягаются мощно и красиво, только ругается она сквозь зубы так, что и мужчины постыдятся.

Когда я соскочил с камня, она сказала резко:

— Стой!

Я остановился, сказал в недоумении:

— Стою. Где-то опасность?

— Не знаю, — процедила она. — Сейчас тебе просто повезло. Но не попадись, пока я не выберусь.

— Замер, — сказал я послушно.

В недвижности глупо стоять, я снова вытащил меч, осмотрел придирчиво, счистил еще одно малозаметное пятнышко, все-таки клинок стерильно чист, кровь с него стекает, не сумев зацепиться. Джильдина освобождалась от налипшей грязи все быстрее и быстрее, лицо мокрое от пота, спешит восстановить боеспособность.

Я приблизился, весь из себя джентльмен, спросил участливо:

— Помочь?

— По сторонам смотри, — прорычала она зло.

— Хорошо.

Я смотрел по сторонам и поглядывал на нее. Наконец сумела содрать прилипший, словно приклеенный, жилет, мускулистое тело как намазано толстым слоем полупрозрачного жира, она торопливо соскребывала с обнаженного тела эту грязь, я то и дело ловил на себе ее недоумевающий взгляд.

Наконец она буркнула с непонятым раздражением:

— Тебе что, даже не пришло в голову перерубить мечом веревку и удирать?

Я ответил с недоумением:

— А что, нужно было?

— Конечно, — ответила она твердо. — Любой бы так сделал.

— Я не любой, — ответил я с достоинством.

Она подняла с земли щепку и принялась соскребать ею, словно лопаткой.

— Ах да, — сказала она язвительно, — ты же дурак.

— Еще какой, — согласился я. — Просто живу не по законам выживания, а по законам общества. А там какая только хрень не существует! Ну, типа: сам погибай, а товарища выручай, женщин спасать нужно даже ценой жизни...

Она повернулась и со скребком, полным грязи, посмотрела на меня в упор, в синих глазах я увидел безмерное удивление.

— Это меня ты назвал женщиной?

— Ну да, — ответил я опасливо, — а что, разве не так? Извините, если ошибся. Но вообще-то вон у вас великолепнейшие сиськи... да и вообще... я не заметил у вас каких-то штук, что есть у мужчин. Кстати, у меня они есть.

Она оглядела себя, словно увидела впервые за много лет.

— Сиськи?

— Ну да, — сообщил я ей новость и указал на нее пальцем. — Вон! Аж две. Если, конечно, их выкопать из грязи.

Ее глаза подозрительно сузились.

— И что ты этим хочешь сказать?

Я ответил поспешно:

— Только то, что сказал!.. У вас великолепные женские сиськи, какие очень нравятся мужчинам. С такими сиськами трудно доказывать, что... гм... не женщина.

Ее взгляд был полон подозрения, а голос прозвучал так, словно она, присматриваясь к моей глотке, точила большой нож:

— Даже великолепные?

— Ну да, — ответил я самым честным голосом. — Маленькие, эстетичные, с хорошо прорисованными альвеолами и торчащими сосками. Это самое главное, чтобы вон там торчало! Мужчины обожают эти красные оттопырки брать в рот... Не такие, конечно, грязные, но в принципе их можно и отмыть, если постараться... Я допускаю мысль, что отмыть как-то возможно.

Старательно соскребывая липкую, как клей, грязь, она спросила с прежним недоверием, но теперь в голосе было и недоумение:

— Зачем?

— Отмыть?

— Нет, но...

— Приятно, — ответил я простодушно. — Просто приятно. Мы, мужчины, любим сладкое, хотя не любим в этом

признаваться, любим играть вот с тем, что торчат аж две штучки. Как две землянички на ровной поляне! Увы, почти у всех этих коров, у которых грудь вот такая, соски обычно плоские. А то и вовсе втянутые.

Она смотрела, как я показываю растопыренными ладонями размеры вот таких, в глазах сомнение, но и некоторое смятение.

— Странно, — произнесла она, стараясь держать голос холодноватым, — никогда бы не подумала, что мужчинам нравятся плоскогрудые.

— Но вы-то не плоскогрудая, — возразил я. — У вас хорошие сиськи. Очень аккуратные... Аристократические, можно сказать. Это служанки бегают с вот таким выменем, на то они и служанки. Они еще хороши в роли кормилиц, аристократки обычно отдают им детей на вскармливание.

— Молока не хватает?

Я покачал головой.

— Молока хватает в груди любого размера. Просто не желают раскармливать грудь. Большая грудь — неприлично. Непристойно даже! С вот такими аристократка станет похожей на простолюдинку. С ними какое изящество?.. Кстати, вон там небольшой водоемчик... Не знаю, как насчет отмыться, но холодной водицы хлебнуть, запас во флягах поместить...

Глава 16

Она отшвырнула щепку, оставшись всего лишь в потеках грязи, разрисованная, как зебра, кивнула. Взгляд стал прежним жестким и расчетливым.

— Да, я про него знаю. Не купалась, но слыхала. Другие купались. Пойдем.

Я спросил:

— Мне идти впереди?

— Иди, — буркнула она, я уловил в ее голосе колебание. — Если что, помогу.

Врешь, сказал я про себя, как и в первый раз. Я не больше

чем живой миноискатель. Сейчас вот только как-то миновал опасную яму. Наверное, прошел по самому краю, а ты чуточку срезала угол...

Жилет все-таки надела, он тут же прилип, руки она вдела в ремни облепленного грязью мешка, я потоптался рядом, выказывая желание помочь, но она смотрела с такой злостью, что я отпрыгнул и поспешно зашагал в направлении озера.

Оказалось, не озеро, как я думал, а, судя по выложенным цветной плиткой берегам, искусственный бассейн, вода удивительно чистая, а вот во что ее превратим....

Я сказал с облегчением:

— Может, потом здесь и передохнем? Но только сперва отмоемся, я весь чешусь!

Она посмотрела на небо, огляделась по сторонам. Я ожидал уже, что ответит отказом, как обычно, у нее ж правило: посоветуйся с женщиной и поступи наоборот, а грязь что, засохнет и отвалится, но она неожиданно кивнула:

— Хорошо. Только недолго. Здесь не так опасно.

Я торопливо, пока она не передумала, сбросил мешок.

— Ура! А там в воде ничего не плавает... зубастое?

— Заодно и проверишь, — сказала она.

Я торопливо разделся, чувствуя, что еще немного и от моего раскаленного тела вспыхнет одежда. От воды тянет ощутимой прохладой, хотя когда я вошел по колено, она показалась теплой, как чай. К счастью, неглубоко, на дне отчетливо вижу такую же цветную плитку. Живности никакой, да и маловат водоем для живности.

Когда я вошел в воду по грудь, ног коснулась ледяная струя. Похоже, где-то родник. Джильдина, морщась, разделась на берегу, кровь засохла, жилетка прилипла к телу и отдирается с леденящим сердце треском, словно с живого человека сдирают кожу.

В воду вошла молча, только напряглись, четко прорисовались все мышцы, а я по-бабьи вскрикивал, вытягивал живот и приподнимался на цыпочки.

Она молча встала в сторонке по горло в воде и, судя по ее движениям, соскабливала липкую грязь. Я наконец решился

окунуться с головой, выскочил, как ошпаренный, заорал, поспешно выкарабкался на горячие камни и стал старательно стряхивать горстями воду с тела. Богатырша возилась долго, а когда выбралась наверх, я уже лежал в сухом теплом воздухе мордой вниз, подставив спину жаркому солнцу.

Она стряхнула воду с тела ладонями, вся блестит, как совершенная модель, где ни капли жира, одни тугие мышцы и сухожилия, совершенно не стесняясь наготы. Когда такое тело, то и в голову не приходит его скрывать, напротив — с удовольствием и торжеством демонстрируют при любой возможности.

Я засмотрелся, она перехватила мой взгляд, брови сдвинулись на переносице. Голос ее прозвучал холодно и бесстрастно, словно со мной разговаривал компьютер:

— Кстати, чтоб не забыть... Если тебе в голову вдруг придет, что я — женщина, а ты — мужчина...

Меня передернуло так, что зубы звякнули, а уши захлопали, как у гончей собаки.

— Что вы, леди Джильдина, как вы могли такое даже подумать?

— Все понял? — сказала она угрожающе.

— Все, — сказал я поспешно, — мне даже в голову не приходит такая дикая мысль, что вы это... как его... женщина!

Она продолжила так же холодно:

— ...то я просто убью тебя.

— Да понял, понял, — сказал я еще торопливее. — Я такой, понятливый.

— Это хорошо, — обронила она в заключение. — Чтоб даже разговор не начинал.

— Не начну, — пообещал я. — Я, конечно, дурак, но не до такой же степени... Как только увидите, что я расстегиваю штаны перед вами — убивайте сразу. Нет, я раньше сам убьюсь.

Она скривилась.

— Все-все, много болтаешь.

Я знаками показал, что молчу, нем, как сто тысяч рыб, и вообще, я же партнер, как можно говорить о такой дури, как о чем-то подобном между партнерами?

Она легла близко от кромки, так чтобы с одной стороны вода, с двух других — стена. Единственное место, откуда могут появиться люди или звери — тропка, по который прошли и мы, именно с той стороны оставлено свободное от острых камней место, где мог бы лечь и обсушиться я.

Я все это понял, смолчал, Джильдина — плоть от плоти этого жестокого мира. Под багровым быстробегающим небом наши тела выглядят так, словно выкупаны в раскаленной лаве и все еще пышат огнем. Я лежал под теплым, уже не жгучим огнем с неба, отдаваясь отдыху. Воздух прогреет, земля подо мной горяча, как булыжники в бане, в небе затихает грохот, в тишине слышится слабое бульканье родника.

— Правда, хорошо? — спросил я.

Она смолчала. Я скосил глаза, она лежит расслабленно на спине, взгляд синих глаз устремлен в багровое небо. По радужной оболочке бегут быстро темнеющие пурпурные тучи. Лицо с некоторой натяжкой можно счесть аристократичным: красивый разлет бровей, гордая приподнятость скул, точеный, хоть и перебитый, нос, четко обрисованные губы, упрямый выдвинутый боксерский подбородок...

Даже шея не такая уж и жилистая, когда вот так, в покое. Плечи, правда, широки, как у пловчихи или олимпийской чемпионки по гимнастике, но ключицы тонкие, уязвимые, впадинки там глубокие и широкие, что подчеркнуто мощью грудных мышц. Сами грудные железы выглядят жалко, как будто размазаны тонким слоем по скоплению могучих мускулов. Ареолы в лучах такого солнца красные, а соски после купания в холодной воде как встали столбиками, так и торчат, жалобные и беззащитные среди этого нагромождения сухих мышц, жил и костей.

Она не двигается, хотя видит, как я пристально рассматриваю ее тело. Я наклонился и медленно коснулся губами ближайшего ко мне соска. На удивление горячий, я коснулся его кончиком языка, провел им вокруг, снова потрогал губами сам торчащий сосок. Он начал разбухать быстрее, чем я ожидал. Мои губы разомкнулись, Джильдина не шевелится и

почти не дышит, я снова опустил голову, раскрыв клюв, как птица, завидевшая созревшую ягоду земляники.

Не знаю, что она думает, но мне через некоторое время в самом деле понравилась вот такая игра, если честно, весьма опасная. Ее грудь реагирует так послушно и предсказуемо, что просто чудо, и то, что началось как не знаю что и зачем, начало принимать вполне определенные очертания.

Вторая рука уже трогала вторую грудь, я ее отыскал по торчащему соску, а пока отыскивал, было впечатление, что шупаю губернатора Калифорнии. Чтобы согнать наваждение, перенес внимание и на эту: губы теребили сосок, а пальцы все-таки нащупали под ним и молочную железу. То же самое, как если намазать на вырезанную из дерева грудную мышцу тонкий слой майонеза и прикрыть кожей. Когда Джильдина играет этими глыбами, молочные железы почти не видны, да и кто на них обратит внимание: нам, мужчинам, либо грудь коровьего размера, либо на фиг вовсе. Нас больше восхитят холмы мышц чемпионки по бодибилдингу, у которой грудные мышцы помышчастее, чем у Шварценеггера и даже Колемана.

Под моими пальцами твердая, как горячий камень, плоть медленно расслабляется. Даже красиво нарезанный ровными квадратиками живот стал гладким и мягким на ощупь. Пару раз, правда, затвердевал рывком, я поспешно пересматривал, что не так сделал, мы ж грамотные, и под пальцами снова все успокаивалось до такой степени, что мои пальцы могли бы прошупать все до позвоночника, если бы такое вдруг взбрело в голову.

Но я не йог, это они так массируют позвоночник со стороны живота, а я опускал руку все ниже, не отпуская губами распухший сосок, что стал крупным, как слива, и буквально обжигает мой рот. Ладонь, пройдя впадину живота, начала подниматься, кончики пальцев ощутили твердое.

Она напряглась, я тут же прекратил движение, ни фига себе, какой высокий лобок, в школе была одна с таким, всегда дразнилась, когда, танцуя, вроде бы невзначай прижималась к ребятам этим местом. У самого тугодумного тут же ра-

зыгрывались фантазии... это я малость о себе: стыдно признаться, бывал с женщинами в детстве туповат. Как вспомню, так и покраснею. Надо как-то сообщить Джильдине, что у нее и это место — класс, каждая женщина хотела бы иметь такой, в этом никакой тренер по фитнесу не поможет, да и пластический хирург беспомощно разведет передними конечностями.

Правда, надо сообщить так, чтобы не получить по морде. Все-таки она, судя по ее реакции, в этих вопросах диковата. И дремучевата. Лежит, как колода, страшится шевельнуться, не подскажет, дура, как будто могу прочувствовать ее тело целиком, я ж действую, руководствуясь общими основаниями да соображениями. Это у нас все просто, а эrogenная зона — одна, а у этих существ везде по всему телу, начиная от кончиков пальцев ног.

Я скосил глаза на ее ноги. Вообще-то я сам люблю брать в рот эти мелкие розовые пальчики, такие смешные и беспомощные, большинство женщин от такой ласки тоже балдеют, но у Джильдины не пальчики, а почти копыта, ороговевшие и с толстыми ногтями. Я поспешно перевел взгляд на ее мощные заросли в паху. Напоминает стальную проволоку, из которой делают кольчуги, или ограждение концентрационного лагеря, или тюрьму особо охраняемых преступников.

Конечно, страшновато, пообещала убить за одни только поползновения... хотя, если вспомнить точно, как она говорила и что говорила, то предостережение касается, чтобы я не полез к ней трахаться. Ведь мужчины этой эпохи понимают только, что женщину нужно нагнуть и попользовать. Совсем недавно пришла как новинка и завоевание высокой христианской морали миссионерская поза, этим и ограничиваются познания нынешних мужчин и женщин. Так что не нарушаю своего слова, как и не переступаю через ее запрет.

Я просто касаюсь ее чуть менее грубо, чем касался бы мужчины. Никакого намека на совокупление: не расстегиваю штаны, не раздвигаю ей коленом ноги, я всего лишь... гм... хватит-хватит на сегодня, а то сам увлекся. Надо о Родине думать, а не только о бабе.

— Да, — произнес я с преувеличенным восторгом, —

у вас, благородная леди Джильдина, великолепное тело!.. Очень сильное, здоровое, чувствительное... Раны затягиваются очень быстро, от кровоподтеков даже следа нет! Ну, почти. Пара желтых пятен, скоро и они рассосутся.

Она долго молчала, наконец я услышал ее мрачный голос:

— Да, на мне хорошо заживает.

— У вас просто замечательная иммунная система, — похвалил я.

Она повернула голову, глаза метнули взгляд, полный подозрения.

— Это что такое?

— Защита, — пояснил я. — Организм сам защищается. Ну, когда раны заращивает, или проблюешься, чтобы не отравиться... Мало простуживаетесь, леди?

Она поморщилась.

— Мало? Никогда в жизни.

— Ну вот, — сказал я с восторгом и завистью. — А я вот, увы, нет. Чуть что — насморк. Чуть переборщу с насморком — воспаление легких. А не успею полечить воспаление — брык, и в могилу.

Она поинтересовалась ехидно:

— А часто... не успевал лечить воспаление?

— Да всегда не успевал, — ответил я беспечно.

Ее глаза стали серьезными, я запоздало подумал, что шуток вроде бы не понимает, а в этом мире могут быть и выкапывающиеся из могил.

Она скосила глаза в мою сторону.

— Ты чего, — спросила с подозрением, — уставился?

— Да вот говорят, что женщины красивее, чем они выглядят. Пытаюсь понять, как это.

Она поморщилась.

— Я не женщина, понял?

— Понял, — ответил я послушно, — хоть и не совсем. На мой взгляд, вы, благородная леди, еще какая женщина! Ах, какая женщина... В моем королевстве вы были бы нарасхват. Все обожают сильных и решительных женщин. А вы еще и красивая!

— Что-о-о?

Я сказал торопливо:

— Да вы это и сами знаете, леди. У вас настолько дивные синие глаза, как горные озера, что с ума сойти!.. И еще небо бывает таким в свои лучшие дни! А разворот плеч — это же песня!.. А высокие скулы, а осанка, а широкая грудь и тонкая талия?.. Я уж молчу про длинные ноги, на них ни капли жира, одни мускулы, тут всякий за сердце схватится...

Она слушала обалдело, скашивала глаза на грудь, поворачивала голову, чтобы взглянуть на плечи, приподняла ногу и придирчиво оглядела от ступни до бедра.

— У вас все стандарты, — сказал я упавшим голосом. — Ни одна женщина с вами не сравнится! Потому вам нельзя появляться в больших городах, женщины возненавидят.

Она посмотрела исподлобья.

— Это что же... у вас там, откуда ты... гм... к сильным женщинам относятся так?

Я удивился:

— А как еще иначе? Если кто предпочитает маленькую слабенюкую женщину, то тем самым показывает, что слабак. Ведь лев со львицей, орел с орлицей, а кролик с крольчихой. Жаба, понятно, с жабой. Если мужчина берет маленькую и слабенюкую, то молча объявляет всем, что и он такой же. Даже если ростом ого-то и мускулатура присутствует! Ущербный, значит. Потому у нас мужчина даже если не так уж и силен, но хочет, чтобы воспринимали, как сильного, обязательно добивается внимания сильной женщины. А как иначе?

Она пробурчала:

— Ну, я знаю места, где иначе.

— Дикари, — сказал я с пренебрежением. — Свихнутые какие-то. Еще Соломон в своей знаменитой «Песни Песней», воспевал сильных и отважных женщин, а его недаром называли мудрым. Он понимал в женщинах толк! У него был гарем в тысячу жен, а потом увидел могучую воительницу, что силой и отвагой создала на окраинах его державы свое королевство, восхитился ею и предложил ей стать его женой...

Она слушала с интересом.

— И что та ответила?

Я махнул рукой.

— Послала. Далеко-далеко.

— А что тот король?

— Снова и снова присылал сватов. Она ответила, что если победит ее в поединке, она станет его женой. Ну, сама понимаешь, он тут же надел лучшие доспехи, обвешался амулетами и талисманами силы и неуязвимости, вышел на схватку и... проиграл! Проиграл и вторую. В третьей чуть-чуть не победил, но подвернулась нога... Тогда она, не желая выигрывать благодаря случайности, предложила последнюю решающую схватку. Соломон уже и не надеялся на победу, но... победил.

Она прокомментировала:

— Значит, он был великим воином.

Я покачал головой:

— Совсем нет. Царица Савская, так ее звали, потом призналась как-то, что поддалась нарочно. Понравился. Понимаешь, каждому мужчине в жизни необходимы три женщины: мать, жена и еще хотя бы одна, считающая его мужчиной.

Она оглядела меня с ног до головы презрительно.

— Ну, тебе придется искать долго.

— Жену?

— И жену тоже, — ответила она холодно. — И женщину, чтобы согласилась назвать мужчиной.

Я горестно вздохнул.

— Как много требуется здесь, чтобы считаться мужчиной! Куда проще в моей родной Утопии...

— А что нужно там? — спросила она.

— Всего лишь быть способным к некоему действию, — сообщил я. — На языке профессиональных кинологов это называется вязкой. А также есть и другие слова...

На ее лице презрение боролось с недоверием.

— Брешешь. Такая страна тут же погибнет.

— От кого?

— От соседей.

Я отмахнулся.

— Соседи такие же.

Она всмотрелась в мое лицо, брови поднялись. Похоже, как-то чувствует, когда ей врут. И потому ко мне отношение двойственное: я чего-то недоговариваю, но, с другой стороны, отношусь к ней без всякой вражды, это чувствует отчетливо, что удивляет и сбивает с толку. И ни разу не возникала идея ее убить, это она проверила наверняка с первых же мгновений. А потом не раз перепроверила.

— Не могу себе такое представить...

Я отмахнулся:

— И не представляйте. Это я так просто... На самом деле женщины для меня как слоны: смотреть на них — удовольствие, но свой слон мне на фиг?

Она встала, рядом просыхает разложенная на камнях постиранная одежда. Все еще мокрая, на мой взгляд, но Джильдина начала одеваться.

Часть 3

Глава 1

Небо из багрового стало лиловым, по земле побежали грозные тени. Через пару минут вышли к развалинам, где явно разожжен костер, красноватые блики прыгают снизу по стене. Я поглядывал на Джильдину, она даже не повела глазом, а я начал забираться левее и левее, наконец пошел по небольшому гребню. Открылись руины из лиловых под этим небом блоков, на уцелевшем фрагменте стены поблескивает выпуклым боком медный светильник. Оранжевое пламя в нем трепещет под ночным ветерком, гоняет тени и бросает яркие блики на камни.

Я пискнул:

— Джильдина!.. Здесь кто-то был! Недавно!

Она отмахнулась.

— Это горит много веков. С самого Начала.

Я не утерпел, подбежал и торопливо осмотрел, остро сожалея, что нельзя взять с собой или хотя бы понять, как это делается, почему горит и не сгорает, а Джильдина тем временем уже за сотню шагов, я едва догнал, спотыкаясь и падая на камнях.

Она указала на каменный завал, в середине убраны камни. Я пролез через дыру, очутились в импровизированной пещере: две угловые стены и потолок, пол тоже ровный, с остатками звериного помета. Здесь до нас кто-то бывал: на стенах грубые надписи, непристойные рисунки, а также символы, отгоняющие нечисть, нежить и покойников.

Я поерзал задом, устраиваясь, в ягодицу кольнуло. Машинально пошарил ладонью, пальцы наткнулись на нечто твердое. Она бросила на мою находку равнодушный взгляд, ее руки быстро развязывали мешок, выкладывали еду и фляги с водой.

На моей ладони прозрачный кусок янтаря в виде параллелепипеда с раздутыми боками. Внутри крохотная обнаженная женщина с большими темно-коричневыми крыльями, верхний край выше головы, а нижний касается середины голени. У женщины испуганно-восторженный взгляд и приоткрытый в удивлении сочный алый рот.

— Это... что? — спросил я. — Амулет?.. Такое впечатление, что уже когда-то такие видел...

Джилдына сурово усмехнулась.

— Скажи еще, талисман!

— А что это?

Она двинула плечами:

— Никто не знает. Попадаются везде. Во всяком случае, в этих краях. Никто не знает, зачем они. Сперва собирали, покупали, продавали, а теперь перестали.

Я повертел загадочную штуку, рассматривая женщину так и эдак.

— У вас, благородная леди, такие есть?

— Я их не собираю, — ответила она.

— Жаль, — сказал я.

— Почему?

— Да все хочу подарить вам что-нибудь... Нет, не как женщине, какая из вас женщина, а как могучему и надежному другу. Ну, не другу, гусь свинье даже не товарищ, но как могучему светочу на моем пути.. Скажите, во всех янтарях эти женщины одинаковые?

Она подумала, покачала головой:

— Нет, позы разные. Но сами одинаковые. Как мужчины.

Я не понял, переспросил осторожно:

— Это в каком смысле?

— Прямом, — объяснила она снисходительно. — Это мужчины все одинаковые, как галька на берегу. Женщины все-таки разные.

Из стены над ее головой с трудом продавилась гигантская амеба, размером с дыню, медленно сползла до самого пола, а затем, пульсируя, как толстый жирный червяк, начала передвигаться к другой стене. Джильдина, судя по всему, ее тоже как-то заметила или почуяла, но даже не стала оборачиваться.

Амеба ползла, собирая сор, а когда начала втискиваться в каменную стену, весь мусор отлепился и ссыпался на пол, а странное существо исчезло.

Похоже, из-за инцидента с зыбучим камнем, что вдобавок еще и клей почище казеина, сегодня Барьер не потрогаю. Ну да ладно, сегодня не самый трудный день.

Мне почудилось, что, когда укладывались на ночь, Джильдина поглядывала на меня с некоторым вопросом в глазах, но я пожелал доброй ночи и, повернувшись к ней спиной, заснул. Правда, некоторое время еще слушал, как она непривычно долго укладывается, убирает из-под себя косточки животных и щепочки, хотя раньше преспокойно засыпала там, где ложилась.

Под утро к нам через дыру в завале протиснулся крупный варан. Джильдина убила дурака, а когда я проснулся, разделанная тушка уже жарится на вертеле, запах жареного мяса наполнил пещеру, а на входе звериная мелочь дерется за выброшенные наружу кишки и голову наглеца.

— Очень вкусно, — сказал я лстыиво. — Как вы изумительно готовите, Джильдина!.. Ну разве какая-то женщина в состоянии так зажарить варана? Да она и баранью лопатку не сумеет приготовить, как вы эту бедную, но такую вкусную ящерицу! И это при вашем аристократизме, благородном обличке...

Она буркнула:

— Тебе не надоело?

— Что?

— Ну эти бесконечные «леди Джильдина», «благородная леди», «ваша светлость»...

Я ужаснулся:

— Как можно? Во-первых, к женщинам надо обращаться

Она поморщилась.

— Правда? — изумился я.

Я отмахнулся.

Она свирепо разрывала заднюю лапу варана, толстую и сочную, хрустели суставы и брызгал сок, а голос прозвучал без привычной грубой злости:

— Но вы ее нигде при своем врожденном аристократизме и безукоризненной грации не пережарили, — напомнил я, — и сырого не осталось... Я бы так не смог.

— Зато можете вы, — сказал я с восторгом. — Я даже стра-
сь представить, что вы еще можете! Только ночью, во сне,
да контроль слабеет, могу напредставлять всякое...

Запив водой, снова мешки на спину, она вылезла из норы первой, я следом, весь мир снаружи окрашен странным и очень недобрым желтым светом. Вместо кроваво-красного неба плещет оранжевое море. Отчетливо вижу и волны, и странные струи, что закручиваются спиралями, пытаюсь образовать смерчи или тайфуны.

А в том месте, где должно быть солнце, нечто огромное, как Юпитер с ближайшего спутника, белое, плазменное, искривляющее пространство-время, прогибающее небо, своим буйством чем-то похожее на Большой Взрыв, с которого началась Вселенная.

Джилдина, не обращая внимания на цветовые эффекты, сразу пошла таким быстрым шагом, что сама иногда переходила на бег. Я спешил следом, задыхался, потеть начал сразу, спросил в мускулистую спину с блестящими шарами далеко разнесенных плеч:

— Джилдина, а что, вам приходилось кого-то убивать...

— Ты сам видел, — отрезала она.

— Нет, я имею в виду... я о мужчинах, что по пьяни вздумали бы к вам непочтительно лезть. Ну, как к женщине... С определенными намерениями... Вы же знаете этих гадких мужчин!

Она фыркнула.

— Ко мне? Никто не осмелится. В городе я бы убила без предупреждения, а здесь ты мне нужен.

Я не стал спрашивать, расценивать ли это как приглашение, не настолько рискованный человек, а Джилдина вроде бы не совсем дружит с таким ненужным чувством, как юмор.

За косогором пахнуло жаром, а когда взбежали на небольшой каменный гребень, в лицо ударило сухим зноем. Багровая река лавы, причудливо извиваясь, медленно плывет между сизых, покрытых окалиной, оплавленных берегов из базальта и гранита. Поверху проплывают обломки корки, иногда сцепляются с такими же, растут, но на повороте медленное течение разбивает и растаскивает, даже топит.

— Как, — сказал я пересохшим горлом, — как переправимся?

Она буркнула:

— Никак. Не отставай.

— Но нам на ту сторону?

— На ту, — ответила она и ускорила шаг.

Я шагал за нею миля за милей; не представляя, как можно перебраться. В лицо то и дело ударяло сухим жаром. Я кашлял, прикрывал ладонью глаза. Переменившийся ветер донес запах горелой земли. Джилдина идет быстрым, но экономным шагом, чуть наклонилась, защищая лицо от жара.

В огненной реке вроде бы мелькало нечто живое. Я все еще прикрывал ладонью глаза и едва не упал.

Джилдина оглянулась и заворчала.

— Это что... ваша светлость, — крикнул я. — Мне чудится?

— А что ты видишь?

— Женщины... — проговорил я. Посмотрел на нее испуганно. — Как будто я какой озабоченный... На фиг мне там женщины, когда рядом лучшая из лучших, у которой и фигура, и осанка, и квадрицепсы....

Она фыркнула.

— Это всем чудится. Даже мне.

— А у вас... гм... нормальная ориентация? А то среди сильно продвинутых... В смысле, там в самом деле женщины?

Она пожала плечами:

— Говорят, да. Но я не верю.

— Я тоже, — согласился я. — Какие там могут быть женщины, когда вот эталон настоящей женщины! Какие дельты, какая трехглавая, а какая фудная! Это ваше... С нею разве что трапециевидная может, да и то по массе, но не по изысканности формы и дизайну облика... Вот это облик настоящей женщины в мире, где мужчины феминизируются...

Она кивнула, польщенная.

— Верно. А еще я — лучший воин!..

— Самый лучший, — поддакнул я, — лучший из лучших. А в той реке если бы плавали женщины, у них бы отросли хвосты и плавники. Или хотя бы ласты. А с такими формами только в тавернах вино разносить пьяным охотникам.

Она оглянулась на огненную реку.

— Да, плавают как-то странно.

— Рожденные ползать? — предположил я.

Она не ответила, уходя все дальше. Берега выглядят сизыми, словно перекаленное железо, ничто не может уцепиться за мертвую почву, прокаленную и перекаленную. У основания горы бурлит и клоочет огненный поток, я наконец-то сообразил, что стоит только обойти гору, как мучения кончатся, огненная река останется позади.

Я приободрился, запел в маршевом стиле:

...Ура, труба зовет!
у Джильдины синие глаза
И а-а-алы-ы-ы-ый рот!

Она оглянулась с подозрением, прорычала:

— Это что... за песня?

— Боевая маршевая, — объяснил я. — Алый рот — это кровь течет по губам! От разрывания клыками врагов в яростном бою.

— А-а, — сказала она благосклонно, — ну тогда хорошая песня. Правильная.

— Кровь по губам, — сказал я, — ага, правильная.

Я то и дело спотыкался, всматриваясь в приближающуюся стену Барьера. Сверкающая молочная стена тумана уходит и уходит ввысь, а там бритвенно-острым краем врезается в накаленный небосвод.

— А что с той стороны? — спросил я. — Как выглядит? Кто-нибудь рассказывал?

Ее глаза стали настороженными.

— А то не знаешь... Или не знаешь?

Я сказал поспешно:

— Я видел только один участок, через который и... прошел. Но в других местах может быть иначе.

— Ну ты и дурак, — сказала она пораженно. — Я таких еще не видела! У Барьера нет участков. Он один. И везде одинаков. Это как кольцо у тебя на пальце...

— У кольца надписи на одном участке, — сказал я, — а на другой стороне пусто.

— Не кольцо, — поправилась она. — Как река! Как река, свернутая в кольцо. Вода перетекает с места на место, потому везде одинаковая.

— Ага, — сказал я, — ну тогда да. Я вспомнил, я ж ничего не помню! Это я так, догадки строю. Умные и так все знают, а я вот догадки строю. Теоретик я, значит... Мыслитель.

Она оглянулась, на лице отвращение наполовину со злобью.

— Мыслитель!.. А ты понимаешь, что здесь если не убивать — убьют тебя?

— Я, как Америка, — объяснил я, — никогда не прибегаю к насилию. Кроме тех случаев, когда я сильнее. Потому что я демократ.

Она даже остановилась в великом изумлении.

— А это что?

— Ох, — ответил я стыдливо, — даже не спрашивайте. А то такое ответу, самому уже стыдно. Спина моя покраснела?

— Нет...

— Вот видите, уже даже спина не краснеет! До чего доказался с этой демократией. Ничего не стыдно.

Она скривилась и пошла быстрым шагом, бросив презрительно:

— Да уж.

— Я ж демократ, — сказал я печально. — Жизнь бесценна, даже у такого, как я.

Но она уже не слушала, уходя быстрым шагом. Усталый, как не знаю кто, я спешил со всех ног, как же хреново без ко-ня! Да еще без такого, как Зайчик. Тот везде бы прошел.

Я спросил в спину:

— Сколько, говорите, сам мир внутри этого кольца в диаметре?.. В смысле, от края и до края в самом широком месте?..

— Много, — ответила она раздраженно. — И мало.

Много, это понятно — не удастся перебить на такой огромной территории всех опасных зверей и пометить опасные места, но и мало, потому что не попутешествуешь. Все-таки здесь — огромный мир, из-за скал, гор, крутых спусков и подъемов, ущелий и разломов, пропастей — сотни ярдов не прой-дешь по прямой. Приходится спускаться, подниматься, воз-вращаться, петлять, а еще везде входы в подземные шахты, бесконечные пещеры, где якобы находятся целые города...

— Странно, — сказал я, — что никто не попытался захватить власть в свои руки. Как будто здесь не люди вовсе!.. В самом широком месте сколько, изволите сказать?

— Полторы сотни миль, — рыкнула она. — Или чуть больше. Никто не знает. А что?

— По ту сторону, — объяснил я, — и то находятся сумасшедшие, что пытаются стать властелинами всего мира. А здесь так и вовсе все просится в одни руки.

Она приподняла верхнюю губу в усмешке, попугав меня заодно клыками.

— Думаешь, не пробовали?

— А что помешало?

— Жиголост, — ответила она лаконично.

— Ага, — согласился я. — Ну да, Жиголост, это все объясняет. Дефо говорит, что в его время нашлась бы сотня тысяч отважных англичан, готовых не на жизнь, а на смерть сражаться против папизма, не зная даже, что такое папизм — человек или лошадь.

Она вскинула брови.

— Это ты к чему?

— Я тоже не знаю, — ответил я честно, — что такое Жиголост! Это человек или лошадь?

Она смерила меня уничтожающим взглядом.

— Это ты не человек... и вообще никто! А Жиголост — великий маг, уже несколько сот лет живет на вершине башни, что в самом центре нашей земли. Он мог бы сам стать властелином этого мира, но не стал... и другим не позволяет. А так вообще он никогда никому не показывается... А что? Надеешься с ним пообщаться?

Я скромно опустил глазки.

Глава 2

Для ночлега она снова отыскала пещерку. Впрочем, отыскивать нетрудно, когда знаешь, где. Мы поужинали, а потом она вдруг сказала буднично, но в мою сторону не смотрела:

— Ты так хорошо мне тогда размял спину... Я просто поспешила.

— Я рад, — ответил я. — Массаж — дело хорошее. И нужное.

— Да, — согласилась она. — Нужное. Промни-ка мне еще разок. А то с утра нам трудная дорога.

— Труднее, чем сегодня? — спросил я с ужасом.

Она усмехнулась.

— Намного.

Я вздохнул.

— Тогда да... Но тебе придется меня тащить.

Ее губы искривились в жестокой усмешке.

— Я тебя просто убью.

— Спасибо и на том, — буркнул я. — Могла бы вообще бросить. Зверям на съедение.

Она сбросила жилет, брюки и легла вниз лицом, опустив лоб на скрещенные руки. Я снова сел на ее жилистый круп, размял плечи, дельтовидные и широчайшую, проработал сочленения позвоночного хребта, еще раз все промял так, что спина покраснелась, сдвинулся задом на ноги и принялся мять ягодичы. Дыхание Джильдины вроде бы изменилось, прислушивается, но я сдвинулся к стопам и долго разминал пальцы ног, им пришлось пройти долгую дорогу, затем проработал лодыжки, и лишь потом начал подниматься вверх по голени, разминая каждую мышцу и вызывая приток крови.

Она все так же лицом вниз, кайфует, зараза. Ладно, я сейчас тебе покажу, зверюка... Я загребал ладонями и гнал собирающуюся кровь вверх, икры начали краснеть и даже чуть-чуть раздуваться, но мне надо не это, я гнал горячую кровь выше, проминал икры и горстями направлял кровь вверх и вверх...

Зад слегка приподнялся, наверное, внизу камешек или торчит острый сухой стебелек. Мои ладони наконец приблизились к тому месту, где тонкая и перепончатая, в смысле — тонкая и полуперепончатая мышцы, сюда побольше крови, еще больше, вот так... я уже тише мял внутреннюю сторону бедер, кончики пальцев коснулись того места, что называется большой ягодичной мышцей и средней ягодичной, я перенес внимание на них, прорабатывал тщательно, не упуская ни одного нюанса, а кровь старательно гнал к седалищному бугру и выше, выше...

Еще дважды Джильдина чуть двинула задом, я не обращал внимания, мял, собирал кровь, направлял в нужные места. Бодибилдерша стоически неподвижна, я уже решил, что ладно, на сегодня хватит, как вдруг охнула, ее пальцы судорожно сжались, захватывая горстями гальку. Послышался треск и хруст, мне показалось, что добавился еще и скрежет зубов.

Она вздохнула, потом еще раз и, снова уткнувшись лицом в землю, замерла.

Между туго стиснутыми бедрами блеснула белая капля. Я еще с минуту гладил спину, Джильдина не двигается, я с облегчением лег рядом и сказал как ни в чем не бывало:

— Да, а теперь хорошо заснуть...

Джильдина после долгой паузы медленно повернулась на бок, ко мне спиной, и лежала, подогнув колени. Хорошая защитная поза, известная еще эмбриону, когда прикрываешь важные области, а противнику подставляешь мускулистую спину и плечи. Ладони сунула между ног, но хотя те расположились в известной области, я понял это так, что сунула озябшие ладони погреть, всего лишь погреть. Как и я, собственно, обхватил ее со спины крепче, чтобы согреться самому и согреть ее, потому что — партнерша, от нее зависит и моя жизнь. Партнерша в нормальном значении слова, а не в том, в каком принято понимать в моей неладной Утопии.

— Ты что там крутишь? — спросила она сердитым шепотом. — Оторвешь.

— Грею, — сообщил я ей в ухо.

— Разве так греют?

— Еще как, — заверил я. — Вот сейчас по твоему телу начнет разливаться тепло.

— Брехня, — ответила она неуверенно.

— Еще не чувствуешь?

— Нет.

— Подожди чуть, — сказал я. — Это не сразу делается. Сейчас попробуем тебя качнуть, а там, глядишь, и раскачаем...

Эта груда мышц затихла, мои пальцы везде натываются на твердое сухое мясо, ну хоть где-нибудь тот соблазнительный жирок, что покрывает животики, бока и бедра всех женщин! Увы, мои пальцы раньше устали пытаться промять это дерево до привычной податливости женских животиков. Я все медленнее шевелил ладонями, Джильдина не двигается, и я заснул, не выпуская ее из рук.

...Во сне я успешно убегал, потом сам гонял клювокрылов, а под занавес спрыгнул с крыши на смазливую сочную служанку, одни сиськи и задница, быстро и жадно начал ее использовать по прямому назначению и тут же проснулся, рассерженный, что не завершил операцию. С другой стороны, хорошо, я же для сохранения тепла сплю в штанах, не испачкаюсь...

Руки мои все так же прижимают к моему телу эту мускулянтку, точнее — сам прижимаюсь к ее горячему твердому телу. Наверное, во сне еще и елозил по ее твердому задку своим передом, отважный я парень, а еще — человек с воображением. С сильным воображением.

Она лежит тихо, то ли спит, то ли прислушивается к дальним звукам. Где-то с большими интервалами каплет вода, в остальном тихо. Я сообразил наконец, что под моими ладонями ее сиськи в самом деле разогрелись и выросли почти до нулевого размера, а то и до первого, я в таких не разбираюсь, мои запросы начинаются с третьего и выше. А еще разогрелись и набухли, как созревшие черешни, соски ее замечательных, как я сумел выговорить, человек с огромной фантазией.

Я подумал, почему это черешни, потом вспомнил, какими видел эти ягоды в последний раз: разогретые на солнце; темно-красные, налитые соком, что так и просятся в рот.

Пальцы мои непроизвольно захватили эти ягоды и слегка помяли, однако Джильдина не среагировала, хотя мне чудилось, что уже давно не спит.

Наверное, она тоже вскоре отрубилась, но когда я утром проснулся окончательно, она уже разжигала огонь.

— Доброе утро, — сказал я жизнерадостно.

Она кивнула.

— И тебе тоже.

Как мне показалось, она старалась не встречаться со мной взглядом. Я сделал вид, что ничего не замечаю, сел к расстеленной тряпице, потирая ладони.

— Наконец-то не ящерица!

Она посмотрела на меня искоса.

— Уверен?

— Да, — ответил я и добавил поспешно: — Но не говорите, леди Джильдина, пощадите мою непорочность и невинность в вопросах кулинарии! Пусть останусь в своей младенческой дурачности. И буду думать, что это такая необычная отбивная из баранины. И что бараны здесь рычат, шипят и царапаются... Я уверен, что ваша изысканная щепетильность не позволит...

Она поморщилась.

— Ты просто тошнотворен со своей вежливостью. Самому не противно?

Я подумал, ответил сравнительно искренне:

— Совсем нет.

— Но такая вежливость, — сказала она раздраженно, — обременительна!

— Для меня? — уточнил я. Она кивнула, я ответил с той серьезностью, которой сам не ожидал от себя: — В какой-то мере да, все-таки проще сидеть, когда входит женщина, а не вскакивать, не стараться подать ей руку, когда сходит со ступеней, не выбегать из повозки и не открывать перед нею дверку, не поддерживать, чтобы не упала... Вообще как бы хрен с нею, пусть сама за себя...

Она нахмурилась, но подтвердила:

— Вот-вот, с чего это вдруг?

— Остатки древней рыцарственности, — ответил я. — Были такие... Гиганты вымерли, уступив простолюду. Простой люд предпочитает равноправие, чтобы не поднимать зад в присутствии женщины.

Она слушала, несколько озадаченная.

— Так зачем же ты...

Я понял недоговоренное, развел руками:

— Это просто дурное воспитание.

— И так долго держится? — спросила она с сомнением.

Я снова развел руками:

— Ничто не держится долго, если не подпитывается. А так я, подавая руку женщине, что сходит со ступенек, как бы говорю молча, что у меня крепкая мускулистая рука, надежная и все такое, а она, в смысле женщина, а не рука, тоже молча

как бы сообщает, что она слабенюкая и пугливая, нуждается в моей защите, такого большого и сильного...

Она покачала головой:

— Бред какой-то. Оба обманываете друг друга, и оба довольны?

— Ну... вообще-то да.

— Бред, — повторила она.

— Бред, — согласился я. — Хотя у нас есть и другое название. Синоним.

— Какой?

— Культура.

Она вскинула брови, но промолчала, слышался мощный треск под ее неандертальскими челюстями, да иногда из разгрызенной кости чвиркала струйка сладкого сока.

Так же молча она собралась и вышла в яркий пурпурный день. Я на этот раз, приноровившись, уже не отставал, хотя дорога резко пошла вверх, справа и слева скалы, где может затаиться любой зверь и любой враг, к тому же надо беречь дыхание, чтобы побыстрее миновать опасное место.

Я торопливо карабкался, держа взглядом широкую спину, почти закрытую мешком, пот заливал глаза, но мысли не таскают мешки с камнями, им всегда вольготно, я стал думать, что в самом деле, простолюдину, который, кроме простейших животных радостей, других не знает, высокие рыцарские идеалы непонятны. Однако десять столетий подряд и непрерывно именно эти высочайшие и просто немыслимо одухотворенные рыцарские идеалы вели человечество! Умереть — не встать. Сейчас о таком даже подумать нелепо. Но именно в тех странах, где рыцарство цвело, возникло и нынешнее общество, и нынешняя наука, и юриспруденция. Где не было рыцарства с его духовным взлетом, там не было движения к культуре.

Я вздрогнул, голос Джильдины прозвучал, как выстрел:

— Падай!

Я упал и превратился в слух. Она лежит на гряде, широко раскинув ноги, как за станковым пулеметом. Каменный гребень похож на спину исполинского дракона: с иглами и ши-

пами, а она выглядывает между двумя остроконечными глыбами.

Медленно подползая, я все время ждал окрика, но она смолчала, и я пристроился к бойнице рядом. Впереди и внизу красная долина, а дальше странная пурпурная гора, ровным конусом устремлена к раскаленному небу с бегущими тучами, но те скрывают ее верхнюю половину.

Я с холодком подумал, что верхней половины, скорее всего, просто нет, если гора не огнеупорная. Джильдина смотрела на эту гору с каким-то странным блеском в глазах, как ребенок на Деда Мороза с мешком подарков.

Я сказал шепотом:

— Опасность?

— Да, — проговорила она едва слышно. — Моя цель — вон та гора. Не смотри так, я же чувствую. Твой Барьер гораздо ближе. Спустимся с этой гряды... отдохнуть не хочешь?

— Нет, — ответил я.

— А поесть? У меня жареное мясо...

— Нет-нет, — сказал я умоляюще. — Пойдемте, а?

Она внимательно посмотрела мне в лицо.

— А ты в самом деле очень хочешь вернуться... несчастный.

Я спросил внезапно:

— Леди Джильдина, а почему вы идете к Барьеру?

Она покачала головой:

— Я иду мимо Барьера. Моя цель — вон та гора. Я несколько лет готовилась.

— А что там?

Она помолчала, я ожидал, что зарычит, а то еще и двинет локтем, чтобы не погавкивал под руку, однако она медленно заговорила, словно приводя свои мысли в порядок. Я внимательно и напряженно слушал, богатырша говорит слишком уж торжественно, словно о святыне.

Эта исполинская гора, объяснила она, что не гора, а кольцо из гор, вершиной скрыта в бегущих облаках, и уже потому никто не сможет перелезть, чтобы посмотреть, что же там внутри. Говорят, на человеке воспламеняется одежда еще за десять ярдов до облаков, за пять ярдов сгорает плоть, а за

один — кости. Правда это или нет, проверить удалось только тем, кто уцелел и вернулся в обгоревших лохмотьях. А еще сказали, что когда красные тучи скользят по камню, тот горит и течет, как горячий воск.

Ходят слухи, добавила она, что внутри кольца — долина с, конечно же, сказочными богатствами. Но только не попасть туда никак. Раньше как-то перебирались через горы, но сейчас даже в тот день, когда вместо быстро бегущих багровых туч сияет непривычная синь, все равно гора закрыта незримым забором. Всякий, кто залезет выше, падает, сраженный молнией.

— Круто, — сказал я и посмотрел на нее, — теперь понимаю. Соблазн туда попасть — нет его выше?

Она покачала головой:

— Не понимаешь.

— Почему?

— Кроме разных волшебных вещей, которые могут дать силу, богатство и здоровье, но могут и все отнять... там есть вещи, которые унесли уже во времена этого Барьера. Работающие, уже проверенные! И очень ценные.

— Как?

— Случилось землетрясение. Обрушилась часть скалы, образовался проход. Так вот, если верить старым пересказам, смертельно раненный король Моргенштейн ушел в те горы и унес с собой Талисман всех Талисманов!

— Ого, — сказал я почтительно, — это да... что-то важное?

Не рассердившись, она кивнула, но в глазах медленно разгорался жадный блеск.

— Говорят, тот талисман мог оживить любую статую древних. И заставить повиноваться. И вообще Талисман всех Талисманов дает власть над железом, что вышло из рук Древних.

— Ну, — пробормотал я, — я знавал короля, который умел заставить себе повиноваться даже людей...

Она поднялась на ноги, мне показалось, что под тяжестью мешка за спиной даже пошатнулась..

— Вроде бы ничего. Пойдем.

Глава 3

Мы прошли не больше сотни ярдов, как далеко из-за скал выбежали полуголые люди с короткими копьями в руках. Их было не меньше полусотни, сомнут числом, я вскрикнул:

— Нам хана! Покажи им сиськи!

Она спросила в недоумении:

— И что будет?

— Ну, — пробормотал я, — это иногда действует, по себе знаю... Надо придумать, как их напугать... или заинтересовать... или найти какое-нибудь торговое соглашение... У них тут нефти нет? Мы бы согласились покупать по высоким ценам...

Джилдина, вращая обоими ножами, пригнулась и, оскалив зубы, готовилась драться насмерть. Похоже, меня уже не слушает, да я и сам бы не слушал такого юродивого.

— Закурить бы, — сказал я жалко, — как янки... или ноги на стол. Когда солнечное затмение, не знаешь?.. Слушай, а давай смоемся?

Она даже не заметила, что я перешел на «ты», я сам этого, правда, не заметил, однако из-за другой гряды выскочили еще такие же дикари, и она бросила зло:

— Уходим!.. Назад, до гребня!

Я едва не обогнал ее, когда неся, как олень. Сзади нарастало улюлюканье, но только за счет усиления воплей: коротконогие дикари вряд ли догонят, но и возвращаться...

Джилдина взлетела на гребень, но вместо того, чтобы мчаться дальше, ринулась к каменной стене, прижалась спиной, из кармашка на жилете вытащила пузырек и бросила под ноги.

Что она сказала, я не расслышал, подбежал и встал рядом. Она взмахнула свободной рукой, в кулаке амулет, пробормотала несколько слов, и в двух шагах возникла каменная стена, неотличимая от соседних.

— Круто, — сказал я потрясенно, — это же надо!.. А какого же дьявола мы неслись, как Вергилий из ада?

Она огрызнулась:

— Эта стена только от людей!.. Звери ее не замечают. А теперь молчи, дурак! И не сопи. Замри, лучше вовсе не дыши.

Вскоре мы услышали топот, крики. Мимо нас пробежала вопящая толпа, пахнуло запахом немых тел, потом все удалилось.

Выждав чуть, она прошептала:

— Пусть отбегут дальше... Там нас заслонит скала. Ты еще не понял, что эта стена не настоящая?

— Как это? — спросил я озадаченно.

— Люди видят, — сказала она с раздражением на мою тупость, — а звери — нет. А раз не видят, то проходят, будто ее нет вовсе.

— Погоди-погоди, — сказал я, сбитый с толку. — А человек?.. Если пощупаю... ага, вот щупаю, все в порядке... Камни, настоящие камни... только холоднее на ощупь, чем должны, все-таки жара...

Я надавил сильнее, нереальное чувство: рука погружалась, словно продавливая тонкую пленку, а потом та лопнула, и я чуть не упал, потеряв сопротивление, сделал невольно два шага вперед, оглянулся.

Стена на том же месте, солидная, из массивных гранитных блоков. Видны следы зубила и места, куда били молотами. Я задержал дыхание и обратно прошел уже с такой легкостью, словно даже никакой пленки. Так, легкий туман.

— Все зависит от восприятия, — пробормотал я. — Считаешь стену несокрушимой, она такая и есть. Гм... а что звери?.. Ах да, у зверей зрение устроено иначе.

Она спросила быстро:

— Что?

— А ты не знала? Орел зрит с высоты даже муравья, но не различает цветов, кошки не видят красного, зато ночью им как днем, змея видит только тепловой силуэт... На них колдовство, рассчитанное на замыливание глаз человеку, просто не действует... Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут! Словом, другая цивилизация.

— Какой же ты зануда, — сказала она с отвращением. — Все, пошли!

Пока дикари не вернулись, мы успели проскочить участок, что у них под контролем. Только теперь я понял, почему Джильдина обещала провести к самой Стене. Непроходимые скалы отжимают путника влево и снова влево, иначе пришлось бы превратиться в муху и ползти по отвесной стене. Любой, попытавшийся пройти от таверны в северную часть страны внутри Кольца, должен пройти здесь, если не умеет летать через отвесные горы...

Да и летатель, похоже, просто сгорит в багровом месиве огненных туч, те скользят по вершине гор, превратив их в плато из расплавленного камня. Я прикинул, что в самом узком месте между сверкающей стеной и массивом разновершинных скал не больше двухсот-трехсот ярдов, а затем, даже отсюда видно, коридор расширяется, выпуская на просторы.

Сердце колотилось все чаще, я стискивал кулаки, широкая спина Джильдины блестит выделанной кожей и похожа на темные надкрылья огромного жука, прикрытого огромным мешком. Все здесь слишком горячее. За все время мы не встретили ни одного ручейка, ни одной рощи. Даже отдельных деревьев не видел, это же ад, но люди живут даже в аду...

Дорога пошла вниз, Джильдина перешла на бег, я потрусил следом. Великий Барьер издали кажется стеной вибрирующего тумана, пусть даже плотной стеной, но сейчас сердце мое сбилось с ритма: стена... реальная! Из массивных каменных блоков, из меньших строили знаменитый Баальбекский храм, блоки уложены тщательно, но все равно выступы есть даже на глыбах, не говоря о стыках, можно зацепиться носком сапога, ползти вверх и вверх...

Джильдина сбросила мешок, я тоже ослабил лямки и опустил тяжелый груз на землю. Пока она рылась в мешках, перекладывая заново, я не отрывал взгляд от стены. Мои дрожащие пальцы коснулись шероховатой поверхности камня. Джильдина повернула голову и посматривала с язвительной улыбкой.

— Жми сильнее, — услышал я ее голос.

Я нажал, резкий удар по всем нервам отшвырнул так, словно я сунул два пальца в розетку.

— Она что... заклята?

— Головой пробуй, — предложила она. — Отступи шагов на десять, разгонись и рогами, рогами!

— Спасибо, — ответил я тоскливо. — Пробовал...

— Не видела.

— Не здесь. Но почему она... такая?

— Это все — заклятие, — бросила она холодно. — Видимость — обман. Заклятием можно сделать любую форму. Раньше, говорят, Стена была просто линией желтого тумана. Потом поднялась стеной до небес, но оставалась туманом. Потом ей зачем-то придали вид стены.

— А пытались взобраться?

Она презрительно скривилась.

— Лучшие скалолазы! Но для Стены все равно, лучшие или худшие. Магия одинаково усиливается, пытаешься вглубь или наверх. Сумеешь вломиться чересчур сквозь стену — сгоришь, а те, кто лез наверх, падали раньше, чем их сжигало.

Я передернул плечами.

— А как ухитрились зайти в Стену так глубоко, что их... сжигало?

— Бывают такие, — буркнула она, — которые не чувствуют боли. Эти вламывались дальше всех... С этой стороны было видно, что от них сгорает даже пепел.

Она переложила из моего мешка в свой почти половину, но меня это почему-то не обрадовало. А Джильдина проверила еще раз, что-то подсчитала, я видел, как шевелятся губы, наконец туго затянула узел на своем мешке, взвесила на одной руке, мышцы напряглись, обрисовывая великолепную мускулатуру, но все-таки вдела руки в лямки и подвигала лопатками, устраивая мешок на спине.

Я, все еще не в состоянии поверить, что все мои мечты рухнули, вытянул руку, вздрагивающие пальцы коснулись камня снова. Электрический удар на этот раз не застал врасплох, я перетерпел, заставил себя шагнуть вперед. Второй разряд, уже мощнее, потряхнул все тело. Я невольно вскрикнул, меня вышвырнуло обратно, словно перышко порывом ветра.

Когда я приподнялся на дрожащих руках, Джильдина ухмылялась.

— Что, дурак?.. Неужели настолько дурак, что решил вернуться так же просто, как и пришел? А чего бы мы все здесь сидели?

— Я еще дурнее, — прохрипел я, — чем думаешь...

Ноги трясутся, я растопырил руки, вид у меня еще тот. Она злобно расхохоталась.

— Ты дурак, — повторила она с удовольствием. — Что за мир по ту сторону, если там можно дожить до такого возраста и остаться живым?

— Теперь я вижу, — признал я совершенно искренне, — какой я дурак... Представь себе, все еще тайком верю, что ты женщина, верю в демократию, хоть и смеюсь над нею, верю в справедливость...

— Почему? — поинтересовалась она.

— Так дурак же, — ответил я.

— Да, конечно, — согласилась она, — дурак ты просто особенный...

Но в глазах я читал некоторое недоверие. Вот так попытаться ломиться в Барьер с этой стороны, нужно быть не просто дураком, а действительно особенным дураком. Который почему-то решил, что, в отличие от других дураков, именно он пройдет. А дурак, который особенный дурак, может оказаться не везде таким уж дураком.

— Наслаждайся, — сказала она саркастически. — Бейся бараньей головой. Вдруг проломишь?

Я в отчаянии смотрел на Барьер, не сразу уловил удаляющееся потрескивание камешков. Джильдина уходила, оставив меня здесь.

— погоди! — закричал я.

Она даже не оглянулась, я подхватил мешок, догнал, пошел рядом. Она покосилась хмуро, но я не уловил абсолютного запрета, мол, щас убью.

Некоторое время шли рядом, потом тропка сузилась, я благоразумно пропустил ее вперед, все-таки дама, а если что вдруг кинется из засады, то эта леди сама разорвет голыми ру-

ками любую тигру. Джильдина молчала долго, я уже думал, что забыла обо мне, у нее забот хватает, хотя бы постоянно сканировать все вокруг на предмет опасности, как вдруг она произнесла:

— И что теперь?

— Не знаю, — ответил я убито. — Может быть, ты скажешь?

Она на ходу покачала головой:

— Нет.

— Почему?

— Тебе нужно просто научиться выживать, — ответила она. — Потом все остальное. Ладно, иди со мной. Ты показал себя не совсем... бесполезным.

— А куда идешь ты?

Она помедлила, но ответила:

— Я же сказала, давно готовилась попасть в Кольцо Королевских Гор. Сейчас, по слухам, крепкоголовые сцепились с хитинниками и тем самым открыли урочище Зеленого Камня. Только по нему можно пройти ко входу... который, по слухам, снова открыт. А дальше, как повезет...

— Тебе нужно идти со мной, — сказал я горячо. — Прости, я имею в виду, я должен сопровождать тебя.

— Почему?

— Дуракам везет, забыла?

Она поморщилась, дальше мы шли молча. Вдруг она спросила:

— А ты в самом деле дурак?

Я удивился:

— Ты же сама сказала!

Она проворчала:

— Вообще-то я дурака бы к себе не подпустила. Да и вообще никого не подпускаю. А ты вон идешь... все еще неубитый.

— Почти убитый, — простонал я. — Эта дорога меня убивает!

Она промолчала, только взгляд задержался на мне дольше обычного, а потом снова только вперед, мышцастые ноги с

равномерностью марсианского боевого робота шагают по направлению к Кольцу Гор.

На этот раз дорога показалась мне вообще невозможной, я спотыкался, соскальзывал с валунов, словно их кто намылил, натыкался на стены.

— Не спи! — сказала она резко. — Осталось пройти всего пару миль.

Две мили, подумал я вяло, немного, если по заасфальтированному шоссе, но вот так замирать при каждом шорохе, хвататься за оружие и вжиматься в землю — две мили превращаются в двадцать.

В небе проплыл крупный дракон, размах крыльев шагов десять, смахивает на крокодила, но морда напоминает собачью. Заметив нас, сделал полукруг, начал снижаться. Я снял лук, он тут же часто-часто замахал крыльями и завалился бокком за ближайший гребень скалы.

Я посмотрел на Джильдину, она буркнула:

— Ученый.

— Умный?

— Нет, по нему стреляли... Здесь даже звери учатся быстро. А ты в самом деле хорош с этим луком?

— Ты видела, — напомнил я скромно. — В муху всажу пять стрел из семи с десяти шагов! Если, конечно, муху нарисовать размером с таверну.

Она остановилась так резко, что я ударился лицом о ее твердую, как скала, спину.

— Кольцо Королевских Гор, — произнесла она.

Я вышел из-за ее спины, но она резко выбросила в сторону руку, я ударился о нее, как о шлагбаум. Отвесная скала в трех шагах впереди сухо и страшно треснула, будто лопнул лед на большой реке. Я охнул и попятился, скала разломилась, с тяжелым грохотом рухнула, перегородив тропу. Земля недовольно подрагивала и гудела. Я страшился, что в ответ разверзнется трещина и выплеснется лава, но под ногами гул медленно затих, подрагивание исчезло.

Через каменный барьер видна залитая багровым светом долина. Ничего, кроме жаркого лилового песка, и только на

том конце та самая исполинская гора, верхнюю половину которой срезали багровые тучи. У ее основания я рассмотрел темную щель.

— Прибыли? — спросил я, еще не веря своему счастью. — Там проход?

— Да.

— Слава Богу, — сказал я с неимоверным облегчением. — Я уж думал, эта страна по размерам больше всего Юга. Переходим?

Она поморщилась, но кивнула:

— Да, уже вечер, ночь застанет на дороге. Переночуем здесь, а с утра сделаем рывок... Не могу поверить, я видела вход в Кольцо Гор!

— Добежим, — сказал я оптимистически.

Она огляделась, каменная стена вся в трещинах, однако Джильдина перебирала их тщательно, сдвигала огромные камни, как богатырь на соревнованиях, придирчиво осматривала дальше и переходила к очередному месту.

А я засмотрелся, как суетятся крупноголовые муравьи с металлическом блеском голов, спин и лап. Передние наткнулись на упавшую скалу, растерянно заметались, парочка разведчиков, как я понимаю, бегом ринулась в муравейник, а затем я устрешенно наблюдал, как появились крупноголовые муравьи, но не солдаты, что с широкими зазубренными жвалами, у этих куда короче, но вид жутковатый...

Подбежали к каменной глыбе, с десятка сразу забрались наверх, бегали там бестолково, но это кажется мне, моя собака тоже уверена, что я без всякого толку хожу по замку, а снизу раздался странный многоголосый скрип, затем — шорох.

Я опустил взгляд и ахнул. Муравьи вгрызаются в камень с той же легкостью, как в сочный лист. Тончайший песок сыплется из-под крохотных челюстей непрерывными струйками, а утренний ветерок унесет его, как пыль, к самому Барьеру.

И дорога будет свободна. Только зачем стальным муравьям с их алмазными челюстями жить подобно их хитиновым собратьям, непонятно.

Джильдина рыкнула так люто, что я вздрогнул:

— Заснул?.. Иди сюда.

Она придерживала огромный камень, за ним открылась темная каверна, пахло воздухом палеозоя. Я спросил глуховато:

— Там и переночуем?

— Лезь, — велела она неумолимо.

Я вздохнул, полез. Кажется, что в этой пещере мы первые, а сами пещеры в старых горах появляются, как болезни, разрастаются, пока горы не рушатся под собственным весом.

Джилдина протиснулась следом, полыхнула из ладоней огоньком, я обнаружил, что пещера совсем крохотная, как купе в вагоне. Свод, правда, высок, даже не видно в темноте, словно мы в тесном соборе.

Глава 4

Я с облегчением плюхнулся на камни. Джилдина быстро выложила из мешка еду, я старался есть деликатно, подчеркивая свой нездешний статус, а она хватала хлеб и мясо, будто с кем-то соревновалась на скорость, челюсти работали, как скоростные жернова. Я успел сожрать одну лапку ящерицы, а она уже насытилась и смотрела на меня с подозрением: прикалываюсь или в самом деле такая улитка?

Я старательно жевал, а она поболтала остатками воды во фляге, запрокинула над открытым ртом.

— У меня есть водяные кристаллы, — предложил я.

— Уже нет, — ответила она равнодушно. — Я взяла их себе. Тебе все равно помирить...

— Какая ты добрая, — сказал я с сердцем. — Прямо само милосердие!

Она скривила губы в улыбке. Я наблюдал, как выудила кристалл и бросила во флягу, а потом засыпала туда песка. Уже после двух-трех потряхиваний я услышал плеск воды.

— Пей, — предложила она. — Ты жив... пока со мной. А погибнешь — зачем тебе вообще мешок?

— Резонно, — согласился я.

Она наблюдала, пока я пил, в синих холодных глазах не-

понятное выражение. Устраиваясь поудобнее, я выудил из песка металлический обломок. Судя по сохранившемуся ушку с дырочках, здесь продевалась веревочка. Похоже, амулет или талисман. Очень мелкие буковки и значки, стилизованный рисунок: всадник бьет копьем нечто, оставшееся на потерянной стороне этой штуки.

Я поворачивал обломок амулета так и эдак, Джильдина посмотрела тускло и отвернулась.

— Я понимаю, — сказал я, — что меркантилен... и что стремиться разгадывать тайны надо ради процесса познания... но я ведь дурак, а любой нормальный здравомыслящий дурак, то есть демократ, стремится что-то поиметь в результате.

Она оглянулась, в глазах полнейшее непонимание.

— Ты что плетешь?

— Да так, дурацкие речи, — ответил я. — И что будет, если найти и приложить утерянную половинку?

— Вторую еще найти надо, — сказала она зло.

— А если найдем?

Она раздраженно повела плечом, тугие мускулы красиво перекатились под коричневой от загара кожей.

— Не знаю! Будто не знаешь, что большинство находок — просто мусор. Или сломаны. Даже если целы.

— Не знаю, — ответил я грустно. — Но, конечно, верю.

— А что тебе еще остается, — прорычала она презрительно. — Ты же полное ничтожество!

Я предложил миролюбиво:

— А давай поборемся!.. Если я победу, то я тебя по праву победителя изнасилую, а если ты меня свалишь, то изнасилуешь ты...

Она фыркнула.

— Свалю, конечно, я, но что мне за радость тебя насиловать?..

— А доказать свое превосходство?

— Как будто его не видно, — ответила она саркастически.

В узкую щель было заметно, как там, снаружи, медленно темнеет, пурпурные тучи превратились в темно-багровые, на землю пал зловещий полумрак.

Джилльдина прислонилась к стене, в могучей руке фляга, я впервые вижу бодибилдершу такой расслабленно-отдыхающей. Ее взгляд скользил по мне.

— И все-таки, — произнесла она негромко, — почему ты пришел?

— С тобой?

— Через Барьер, — пояснила она.

Я развел руками:

— Ты же знаешь, дурак. Круглый! Даже шаровидный. А когда я не дурак, такое бывает, то вообще полный идиот. С другой стороны: круглого дурака в угол не загонишь... К тому же в моем политкорректном королевстве вообще не говорят «дурак»...

Она полюбопытствовала:

— А как?

— Человек с гуманитарным складом ума! — объяснил я. — А вот ты грубая, знаешь? Сразу — дурак, дурак! На дураков, кстати, как на судьбу и женщин, не обижаются.

Она поморщилась.

— Глупость, — сказала ровным голосом, — чаще бывает полезной, чем так уж вредной. Потому самые хитрые выставляют себя дураками... Но к тебе это не относится!

— Да, конечно, — ответил я смиренно, — куда мне... Даже до дурака и то не дотянусь. Хотя мне кажется, что на самом деле дураков меньше, чем думают: люди просто не понимают друг друга. Вот ты меня понимаешь? Нет... О чем это говорит? Ага, мы думаем о разном, вот и попалась.

Она фыркнула:

— Возможно, как раз об одном и том же.

— Да? Тогда скажи!

— Ты скажи, — буркнула она и снова приложила к фляге. — Хорошо... Не хочешь? Это не вода, вино. Неплохое, кстати.

— Вина здесь еще не пробовал, — сознался я. — Я бы отказался, но желудок уже подпрыгивает... Что делать, у каждой части тела свой идеал счастья.

Она передала мне фляжку, вино слегка обожгло горло,

слишком теплое, однако вкус в самом деле чудесный. Словно не местные умельцы делали, а где-то раскопали склад с марочным.

— Ну как? — поинтересовалась она.

— Прекрасно, — согласился я. — Просто прекрасно. Из запасов Древних?

Ее лицо потемнело.

— Да.

— А местный аналог есть?

— Только брага, — ответила она с отвращением. — Пьет тот, кто никогда вина не пробовал. Я, например, теперь брагу в рот не возьму.

Воздух в пещере становился все жарче. Она сняла жилет, красиво и пугающе играя глыбами мышц груди, светлая медь живота в ровных квадратах, дельты в тесной пещере выглядят еще дальше одна от другой, а когда Джильдина стянула плотные кожаные брюки, у меня участилось дыхание, едва ноздри уловили сильный зовущий запах женщины.

— Здесь много удивительных мест, — произнесла она, не замечая, что я несколько уже иной, — но почти все под землей. А если учесть, что на разной глубине... так что в стране Внутрибарьерья еще бродить и бродить по неизведанному... Особенно лакомыми считаются Пещеры Волкоголовых, Уровни Молчания, а также Подземные города короля Синеворода.

— Побывали везде? — спросил я.

Она покачала головой:

— В Пещеры Волкоголовых удалось заглянуть и увидеть издали несметные богатства, в Уровни опустились на два этажа, а с третьего никто не вернулся, но и нахапанные богатства всех сделали богачами, а их вожак с помощью собранных амулетов превратился в великого мага. Дальше всего продвинулись в Подземных городах. Там обследовали три верхние пещеры, собрав несметные богатства, а в четвертой все видели четыре туннеля, но сколько ни пытались пройти хотя бы

по одному, никто не вернулся. А известно еще, что при отступлении все ценное унесли вниз... Еще вина?

— Давай, — ответил я. Вино слегка кружило голову, но только слегка. — Изумительный вкус... У тебя, кстати, тоже. В смысле, знаешь, что пить.

Она улыбнулась одним уголком рта. Я сделал два глотка, передал ей, она в свою очередь отпила по крайней мере половину содержимого фляги. Жестокое лицо расслабилось, а стальные мышцы словно бы стали не такими стальными. Ну, бронзовыми, а то и вовсе медными.

— Хорошо...

— Хорошо, — ответил я.

— Завтра у нас трудный день, — произнесла она. — Давай спать. Копи силы.

— Да, — согласился я. — Сил мне все время недостает...

Она сдвинулась и легла навзничь, богатырь-девка, как называют таких в сказках, царица амазонок в мифах, Брунгильда в легендах, к которой только богатырь может подстуниться, да и того чаще всего вышвыривает пинком...

Я лег рядом, ее лицо спокойное, отрешенное, веки опущены. Я медленно накрыл ладонью ее грудь, подвигал чуть-чуть, едва касаясь, в ответ начал набухать твердый комок. Я накрыл его губами, дальше все по учебнику, грамотный, вторую теребил кончиками пальцев, потом пошел дальше. Когда-то мысленно перелистывал страницы, но то был уровень новичка, а когда обходишься без них, это уже бакалавр, ну, а если и сам чувствуешь, как и в чем можно и нужно отклониться от учебника, то магистр, не меньше...

Она все так же неподвижна, веки опущены, прислушивается к своим ощущениям.

Я чувствовал по ее учащенному дыханию и воспламенившемуся телу, к чему близка, медленно и осторожно опустился на нее, ощущение все равно такое, что на вырезанную из дерева фигуру, разве что из мягкого дерева, да еще горячее дерева, гладкая кожа и напряженные мышцы. У меня чуть ли не настолько же напряжено все тело в ожидании резкого отпора, но...

Она чуть вздрогнула, я пошел дальше, мы ведь в этой области продвинулись со времен Средневековья почти как и в науке, чувствую движение крови в ее жилах и направление хаотичных мыслей. В какой-то момент все ее тело напряглось и стало твердым, как камень, затем медленно расслабилось, словно не веря, что боль проходит, и снова я медленно и терпеливо вел, как слепую, через непонятное и неприятное к медленно нарастающему чувству спокойствия и удовлетворения, а потом дальше и дальше. Я чувствовал себя хирургом, что ведет скальпель в опасной близости от сердца, только бы не ошибиться, сейчас дело не во мне и моем самолюбии...

Ее тело снова напряглось, приподнялось, устремляясь мне навстречу, а через мгновение я услышал долгий вздох. Она уронила голову, тело расслабилось, и долго так лежала, то ли приходя в себя, то ли оттягивая минуту неловкости, когда встретимся взглядами. Я медленно скатился и лег рядом, сделал вид, что засыпаю, а потом в самом деле заснул с чувством исполненного мужского долга.

Пробудился я от потрескивания хвороста. Она, уже одетая, ломает руками хворост и бросает в огонь. Я зевнул, потряс головой и в недоумении огляделся.

— Что, уже утро?

Она ответила насмешливо:

— Давно.

Я встретил ее взгляд, она смотрит все так же оскорбительно высокомерно, так что ничего не изменилось, волноваться нечего. Потеря девственности мало значит в мире, где само существование постоянно под угрозой. Просто, думаю, девственность здесь теряют намного раньше.

— А я так спал, — ответил я и снова зевнул. — Так спал... И такое снилось!

Ее взгляд стал холодным, я поспешно захлопнул пасть. Шуточки на тему, как она мне снилась и что мы вытворяли, здесь не катят. Но на всякий случай позевывая, словно охлаждения и не произошло, я поднялся и принял.

— Что на первое блюдо? Извини, не могу быть полезен в кулинарии...

Она фыркнула.

— По ту сторону за тобой десять слуг ходили, носик вытирали?

— Не только носик, — согласился я миролюбиво. — Эх, как хорошо, когда и за тобой ухаживают...

Она пропустила мимо ушей то, что можно расценить как намек на случившееся ночью, сказала холодно:

— Ешь быстрее. Пора идти. А то скоро выйдут на охоту цевры.

— Это кто?

— Тебе с ними лучше не встречаться.

— С ума сойти, — пробормотал я. — И здесь меня прячут от реальной жизни. Чтоб не совратили ребенка.

Она поморщилась, ее руки быстро и умело разрывают сухое мясо, челюсти работают неутомимо. Я смотрю, как двигаются в такт уши, сильный и здоровый зверь передо мною, совсем немного отягощенный интеллектом. Не знаю, как насчет души, но интеллект присутствует в урезанной форме: ровно столько, чтобы не мешать выживанию, это прерогатива инстинктов.

После завтрака вышли, отягощенные мешками, Джильдина судорожно вздохнула, глядя на такое близкое Кольцо Королевских Гор.

— На этот раз я точно попаду вовнутрь!

— Уже пыталась? — спросил я.

— И не однажды...

Я заметил, как шагах в пяти на уступе шевельнулась тень. Присмотрелся, тень исчезла, там затаилось крохотное существо с длинными кожистыми крыльями. Размером с крупную летучую мышь, но голое, больше похоже на уродливого чело-века.

Мне показалось, что оно прислушивается, а когда я нарочито понизил голос, оно вытянуло голову и наклонилось вперед, стараясь не пропустить ни слова. Джильдина посмотрела с удивлением. Я продолжал говорить, но глазами указал ей направление.

Она смотрела непонимающе, дура, я снизил голос еще, она сказала с раздражением:

— Ты что шепчешь? Говорить разучился, дурак?

— Нет, — ответил я разозленно, — но если тебе нравится, что нас подслушивают, то ради Бога, буду говорить громко.

Она обернулась, как ужаленная. Человечек с крыльями подпрыгнул и, шумно ударяя по воздуху крыльями, скрылся между скалами. Джильдина удержала в замахе метательный нож.

— Гад... Он много слышал?

— Не знаю, — буркнул я. — Не видел, когда он появился. Может быть, он там и сидел.

— Вряд ли, — сказала она. — Он прилетел к нам.

— Очень тихо, — сказал я. — Спланировал.

Она со вздохом поднялась.

— Надо уходить. Приведет с собой погоню.

— Разве? — возразил я.

— Мы его не схватили, — ответила она.

— И что он скажет? Что чуть не схватили? Сразу понятно, что рванем с этого места. Так что сюда за нами не придут.

Я говорил уверенно, по логике все должно быть так, но Джильдина сказала с презрительной жалостью:

— Какой ты все-таки дурак...

— А что не так?

— Все не так, — ответила она коротко. — Положи флягу себе, уходим. Скоро будут гости.

Я завязывал мешок и думал, где же я промахнулся, пока не мелькнуло в голове: следы! Им все равно нужно выслеживать нас по следам. А как бы их ни прятали, опытные следопыты поймут, куда мы пошли.

— Куда? — спросил я.

— В Кольцо, — выдохнула она. — Мы должны успеть!

Она бежала, как стайер, что собирается преодолеть таким образом с десяток миль. Меня мотало из стороны в сторону, жаркий пот заливал глаза, выедал, тек по морде и капал на грудь. Горячие щекочущие струйки бежали по спине, бокам и заднице, в сапогах гнусно хлюпало.

Лиловый песок скрипел под ногами, иногда переходил в гальку, я еле успевал перевести дыхание. Потом вновь я увя-

зал почти по колено, в мелком, как пыль, песке даже Джильдина начала выдыхаться.

Темный вход в отвесной стене приближался медленно, но приближался, я с облегчением понял, что успею в него вбежать до того, как свалюсь.

Когда до входа осталось не больше сотни шагов, там по ровной линии зашевелился песок. Я успел подумать, что зарождаются смерчи, сразу несколько... Джильдина горестно вскрикнула и остановилась. Я оглянулся, со всех сторон из песка поднимаются воины с серой, как гранит, кожей, в руках мечи, копья, луки и топоры. С каждого быстро стекают струйки песка, я не успел и рта раскрыть, как услышал сильный голос, похожий на скрип несмазанного колеса:

— Не двигайтесь... или умрете!

Джильдина молчала, а я крикнул торопливо:

— Не двигаемся, не двигаемся! Мы друзья, мир, дружба, фестиваль!

Она процедила сквозь зубы:

— Проклятие... Рэксоиды!

— Мы тоже, — пробормотал я, — эти самые... Чем именно они опасны?

— Их сотни, — резко сказала она. — Этого достаточно.

Глава 5

Нас окружили, поднявшись прямо из песка, человек сорок-пятьдесят. Дыра в сказочное кольцо из гор близко, но ее закрывают странно крупные воины, в руках копья, все остриями направлены в нашу сторону. Лучники уже наложили стрелы, кое-кто натягивает лук.

Зашуршал песок, по косоугору быстро спустилась группа одетых в пышные лохмотья людей. Малорослые, с низкими лбами и мощно разработанными челюстями, кожа блестит сухо, скрипит хитин. На лицах все та же злобная радость, но теперь я сообразил, что все навывдумывал сам: толстый, как у раков, хитин покрывает головы, плечи и руки, так что выра-

жение у всех одинаковое, застывшее на всю жизнь. Разве что при линьке поменяют.

Джилдына не двигалась, только чуть пригнулась, готовая к прыжку, а я смотрел с содроганием. Если в таверне многие выглядели покрытыми толстыми хитиновыми щитками, то эти вовсе в прочных хитиновых панцирях, как крабы или гигантские омары. Лица неподвижные, только глазные яблоки поворачиваются в орбитах, словно в прорезях шлемов.

Грудные панцири и живот закрыты щитками, толстые руки тоже в напалзающих друг на друга костяных пластинах. Похоже, жители пустыни давно адаптировались, если это не мутация, чувствуют себя неплохо, в скорости не слишком уступают тонкокожим. А где уступают, там толщина панциря компенсирует защитой.

Вперед выступил могучий человекорак, таким он почудился, даже голос проскрипел холодно и монотонно, так разговаривал бы гигантский омар:

— Вы идете... в Кольцо Гор.

Джилдына зыркнула вправо-влево, ответила вынужденно:

— Да.

— Я вождь, — проскрежетал человекорак громче, — великий вождь! Эту землю мы захватили... Наши разведчики видели с горы, как вы прошли через племя карнаев и как обманули сикспаков. Вы хитроумные, сильные.

Я ощутил облегчение, но Джилдына, напротив, подобралась.

— И что хотите?

— Это наша земля, — сказал вождь скрежещуще, — а вы... вторглись. Вход в Кольцо... наш.

Я сказал с громким сожалением:

— Извините, не знали. Ну, мы тогда пошли обратно?

Джилдына произнесла холодно, не глядя в мою сторону:

— Сколько?

— Половину, — ответил вождь.

Она вскрикнула:

— Половину? Все опасности нам, а вы получите готовое?

— Мы отвоевали у всех эту долину, — сообщил вождь. —

Мы сражались с карнаями, сикспаками и пансами! Всех победили. Теперь никто не смеет подойти даже близко, убиваем всех. Ты, я смотрю, из настоящих Проходцев... Но как бы ты прошла, если бы не очистили долину от ядовитых змей, прыгающих пауков и бросающих перья птиц?

Остальные стоят совершенно неподвижно, только один из молодых, судя по его свежему панцирю, воинов сказал гордо:

— Змеи ломают зубы о нашу кожу, пауки теряют жала, а острые перья только царапают! Зато мы всех убили.

Выражение лица вождя не изменилось, но я ощутил, что он не любит, когда его перебивают.

— Мы расчистили, — проскрежетал он, — для вас дорогу.

— Внутри больше опасностей, — парировала Джильдина.

— Возможно, — согласился вождь, — потому... половину!

А не все.

— Но половина — слишком много!

— Ничуть!

Они спорили, торговались, я слушал сперва напряженно, потом ощутил, что оба всего лишь играют. И Джильдина, и вождь понимают, что нам ничего другого не остается, но она старается сохранить лицо, а он великодушно дает нам эту возможность.

Кроме того, вождь понимает, что если заявит нам прямо: отдавайте все, а я отберу себе лучшее, а вам дам что-нибудь из того, что мне и даром не надо, то гордая богатырша умрет прямо здесь с оружием в руках, но не станет выполнять унижительные приказы. Меня, похоже, эти человекораки оценивают не выше, чем шварценеггерша.

Наконец она спросила:

— У вас есть карты, куда идут дороги там внутри?

Вождь ответил после паузы:

— Только до первой воды.

— Можете мне дать такую карту?

Он повернулся к своим воинам, они долго переговаривались одинаковыми скрипучими голосами. Подошли еще двое

очень старых, судя по очень потертым хитиновым панцирям, спор разгорелся с новой силой.

Я шепотом спросил Джильдину:

— Почему даже не разоружили?

Она поморщилась.

— А что, твое оружие не заковано?

— Как это?

— Ну, если чужой возьмет, станет его слушаться? Не убьет?

Я проглотил ответ, что да, не убьет, ответил осторожнее:

— Думал, только у меня такое...

— Не только, — ответила она шепотом. — Кто разбирается, тот сразу поймет, что у тебя... из старых развалин. Ты не один такой. Возьмешь чужое — либо отравит, либо заморозит. Или сожжет. Так что их маги сейчас присматриваются к моему и твоему снаряжению. Роются в книгах, ищут описание. Пока не отыщут, как снять заклятие, отбирать не станут.

— А-а... — сказал я потрясенно. — Вот как... А скоро отыщут?

— Думаю, к утру. Или чуть позже.

Я охнул, она добавила:

— Но, думаю, нас все-таки пропустят. Чтобы потом на выходе отобрать вместе с добычей.

К вождю шагнул тот самый молодой воин, очень похожий на вождя, видимо его сын, сказал горячо:

— Почему они?.. Мы в прошлый раз почти подошли...

Вождь покачал головой:

— Сын мой, ты ошибаешься. Там еще много ям. И чем ближе к центру, тем они опаснее.

— Отец, но зачем отдавать половину чужакам?

Вождь сказал резко:

— Все, я решил!.. Иди.

Воин сдержанно поклонился и удалился, за ним ушла целая группа воинов. Вождь с неодобрением покачал головой:

— Молодые, горячие... Возьми, женщина. Это карта, мы ее составили по словам тех, кто побывал там до вас. Я не знаю, насколько все точно. Мы не можем входить в Кольцо Гор.

Джильдина молча приняла карту, спрятала в мешок. Лицо ее оставалось мрачным и злым.

— Пусть твои люди пропустят нас.

— Да, — ответил вождь. Он снова оглядел нас с головы до ног. — Я вам желаю удачи!

Воины расступились, Джильдина выждала, когда отойдут подальше, не любит чужие копыта слишком близко, двинулась в сторону шели неторопливым, но уверенным шагом. Я пошел следом, стараясь не привлекать внимания.

Вход в Кольцо Гор только издали казался норкой. Землетрясение выломило огромный кусок, открыв тоннель, где проедут трое всадников в ряд, да еще и с поднятыми вверх остриями копий. Джильдина вошла бестрепетно, дальше свет теряет блеск, но за спиной настолько яркий пурпурный свет, что мы долго шли как во время сумрачного дня.

Очень не скоро стены начали сдвигаться. Мы пробирались через свалившиеся камни, крупные и мелкие обломки скал, затем края снова чуть раздвинулись, даже как будто проглянуло багровое небо с бешеным табуном пурпурных туч, но это оказался красный туман под сводами пещеры. Не люблю пробираться между большими камнями. Нет во мне артистизма или грации, с которой Джильдина прыгает по ним, как обезьяна... ну, пусть как исполинская горная коза. Подо мной норовят повернуться, несмотря на их массу, или же мои подошвы сами соскальзывают, да так, что не бди за мной регенерация, уже поломал бы конечности, разбил голову и содрал кожу от ушей до пят.

Я догнал, спросил в спину:

— В самом деле веришь, что поделится с нами? Да еще по-честному?

— Убьет по возвращении, — ответила она холодно.

— А так торговалась...

— Старалась, чтобы поверил.

— Он не поверил.

Она промолчала, не устаивая меня ответом. Конечно, нет. Но без такой торговли тоже нельзя, нужно использовать любой шанс.

Стены сдвинулись, остался проход для одного человека, а затем вверх камни сомкнулись, образовав свод. Я обнару-

жил, что идем по извилистому туннелю, тот вскоре без всякого предупреждения перешел в пещеру, всю из сверкающих длинных ножей. Джильдина чуть пригнулась на входе в пещеру, как перед прыжком, верхняя губа приподнялась, обнажая клыки, руки разведены, словно перед схваткой, мышцы вздулись так, что скрипит мокрая от пота кожа.

Острые лезвия торчат из потолка, стены в зловещих остриях, даже пол. Я привык, что сталактиты молочного цвета и похожи на сосульки, а это настоящие кристаллы, только огромные и все повернуты самой длинной, слишком длинной гранью в нашу сторону, что и не грань, а именно острый шип...

— Пробраться можно, — сказал я. — Между кристаллами есть где ставить ступни. Вот только не поскользнуться бы...

Она прошипела зло:

— Дурак, опасность не здесь!

Я прислушался, никакой опасности не чую, сделал осторожный шаг вперед, тщательно выбирая место между кристаллами, занес ногу для второго шага... Над головой сухо и коротко треснуло. Я успел вскинуть голову, увидел падающий мне прямо между глаз громадный наконечник копья.

Нечто могучее рвануло меня назад, я ударился о твердую стену. У моих ног с треском разбился на сверкающие осколки огромный кристалл-сталактит.

Над головой прорычало:

— Дурак, я же говорила!

Стена, о которую меня шарахнуло, совсем не гранит, а то место, где у женщин передняя подушка безопасности из двух отделений. Я прошептал пристыжено:

— Да, ты права...

Я чуть не добавил «моя госпожа», до того чувствовал себя униженным. Мое чутье срабатывает только в случаях, когда напасть готовится человек. Или зверь, инстинкту это без разницы. Хотя вроде бы пару раз ощущал и природные, так сказать, катаклизмы. Чем я хуже собаки, муравья или таракана, что заранее бегут из зоны землетрясений?

— Здесь должен быть другой ход, — сказала она бесстрашно.

— А этот?

— Ложный.

Она вытащила из мешка факел, пошептала над ним, тот вспыхнул красным коптящим пламенем. Огонь вырвал из темноты рисунок на стене между ледяными острями. Она медленно пошла по кругу, красный свет освещает грубо вырезанные резцом по камню рисунки, потом пошли раскрашенные охрой, а еще дальше — всеми красками, на диво яркими, свежими, будто нарисованы сегодня утром.

Мне факел больше мешает, чем помогает, я старался не обращать на него внимания, шел след в след, уже грамотный. В какой-то миг ощутил холодок опасности, насторожился, посмотрел по сторонам. Слева угадывается едва заметная расщелина, оттуда и тянется струя жажды крови, убийства.

— Опасайся, — шепнул я.

Она моментально остановилась.

— Чего?

— Не знаю, — ответил я честно.

— Дурак.

Она пошла даже чуть быстрее, я сказал торопливо:

— Вон там щель. Но в ней что-то опасное. В самом деле опасное.

Она повела в ту сторону факелом, пригнулась к полу. Я видел, с каким напряжением всматривается, наконец произнесла негромко:

— Да, там щель...

— А в ней кто-то сидит, — уточнил я.

— Близко?

Я вслушался, опасность есть, но в самом деле не чувствуется, что кто-то уже занес руку для броска копья или ножа.

— Нет... Позволь, я загляну первым.

В темноте проступил такой же ход, каким мы пришли, только намного шире. Я рассмотрел вдали не меньше десятка багровых силуэтов. Большинство прижались к стенам, а трое скорчились за перегородившими дорогу валунами.

— Впереди люди, — шепнул я. — Десять... одиннадцать... двенадцать человек.

Она старательно всматривалась во тьму.

— Ты что, их видишь?

— Плохо, — успокоил я ее, — плохо вижу.

И все-таки посмотрела в мою сторону с понятным раздражением. Но все равно видишь, сказал ее взгляд.

Она проговорила злым шепотом:

— Послать бы тебя вперед, я ж ничего не вижу без факела... Но тебя сразу убьют! Конечно, не жалко, но факел все равно погаснет.

— Спасибо за заботу, — сказал я. — Давай я понесу и твой.

— Тогда иди рядом, — сказала она решительно, — факел держи выше, ничего не вижу!

Я поколебался, стоит ли раскрывать карты, но, наверное, самое время выложить хотя бы козырную шестерку, и шарик света сформировался впереди нас шагах в двух, а затем, повинаясь моей команде, поплыл вперед. Джильдина радостно ругнулась, даже не выясняя, откуда шар света, не до того, издала зверский вопль и с ножами в руках ринулась на засаду.

Стараясь не отстать, я выхватил меч и прыгнул следом. Джильдина вертелась во все стороны, ножи сверкали в неземном свете. На нее налетели с таким пронзительно злобным визгом, что мурашки по коже, я рубил тех, кто пытался напасть на нее со спины.

Дважды пробовали достать меня, я успевал, ибо бдил, а Джильдина бешеным напором опрокинула заслон и понеслась вперед с криком:

— Не отставай!

Отстать — остаться в одиночестве, я подхватил оброненный факел и ринулся вперед, как олень на скачках. Она еще дважды врзалась в небольшие группки, это было похоже, как если бы озверевший берсерк дрался с пигмеями, дралась с простыми воинами. Я догнал ее, поскальзываясь в лужах крови. Кровь на камнях то же, что вода из душа на мраморном полу, — один неосторожный шаг, и свернешь шею.

— Странно, — крикнула она, задыхаясь и сверкая глазами.

— Что странного?

— Живут в пещерах, но в пещеру с кристаллами не заходят! Иначе бы я их почувствовала.

— Значит, прокопали ход, — сказал я умно.

— Ходы давно прорыты, — бросила она пренебрежительно, — но раньше страшилось появляться в этой части... По крайней мере, так написано.

— Мне бабушка говорила, — сказал я, — чтобы газетам не верил. И женщинам... Извини, к тебе это не относится.

— Твое счастье.

— Да, уже видно, насколько.

Глава 6

Она бежала почти на границе света и тьмы, я едва успевал с факелом в руке, а когда вдруг остановилась, я налетел сзади и едва не сшиб в пропасть, как показалось сперва. Проход расширился, впереди черная вода заполнила всю пещеру. Джильдина выхватила у меня факел, бесстрашно вошла в воду до колена, затем по пояс.

Красный свет озаряет низкий свод и погрызенные временем стены. От Джильдины волны пошли медленно и лениво, настолько тяжело, словно весь бассейн заполнен густым маслом или смолой.

— Здесь не пройти, глубоко, — сказала она, стиснув зубы. Мне почудился скрежет зубов, словно камнедробилка перетирает горсть гальки. — Надо успеть вернуться... пока туда не стянули помощь.

— Мы ж их побили!

— Думаешь, они там и живут?

Я всмотрелся в воду, плечи мои передернулись, вода выглядит просто жуткой. Таинственной может выглядеть поверхность озера под ночным небом, когда отражаются звезды, а к дальнему берегу лежит странная дорожка «вся из лунного серебра», а здесь это напоминает застывшую черную смолу, в которой ждут монстры.

Я бросил мелкий камешек, послышался всплеск, по воде пошли круги. Не смола, и то хорошо. Джильдина сказала, не поворачивая ко мне головы:

— Еще раз сделаешь что-то без моего приказа — убью на месте.

— Слушаюсь, — сказал я.

— Запомнил?

— Да, шеф.

— Тогда не отставай.

Она спустилась ниже, я все-таки выждал, когда отойдет метра на три, но дальше вода поднялась ей до горла, и Джильдина остановилась. Я шагнул следом, вода обожгла кожу так, словно я нырнул в прорубь на Северном полюсе.

Джильдина повернула ко мне голову.

— Посвети на ту сторону.

Шарик света послушно перелетел на ту сторону озера и вырвал из тьмы углубление на уровне поверхности. Вода то ли вливается, то ли выливается.

— Другой дороги нет, — произнесла она мрачно.

— Как хорошо, — сказал я бодро, хоть и вздрагивал от холода, — наконец-то вода!.. Много!

Она посмотрела на меня дикими глазами.

— Ты совсем рехнулся?

— А что? Не нужны водные кристаллы... А вода здесь вкусная. В смысле, чистая.

— Вода? — переспросила она и передернула плечами, — Воды здесь больше, чем нужно. Но вся там, в глубинах. Есть у нас умельцы, обожают пещерничать... По слухам, там не только подземные озера, но целые моря. Только никто их не видел...

— А откуда слухи?

— Некогда спустился... такой же, как и ты. Из-за Барьера. Он и поплавал там внизу. Но карту составить не успел. Погиб, когда возвращался к команде.

Я спросил, глядя на воду:

— Что будем делать?

— Не знаю, — ответила она зло. — На карте указана только дорога сюда. А дальше никто не знает.

— Если другого пути нет, — сказал я, — тогда поплывем? А то у меня уже кое-что промерзло.

Она покосилась на меня с недоверием.

— Умеешь плавать?

— Конечно, — ответил я. — А что?

— Ах да, — сказала она с непонятным выражением, — у вас же там есть, где плавать...

— Ты не умеешь? — удивился я. — Ну, слава Богу... Хоть что-то не умеешь. Тебя не оскорбит, если я предложу, так сказать, уцепиться за меня? В прямом смысле?

Она ответила после короткого размышления:

— Меня не оскорбляет, мало ли на какое животное я могу сесть. Другой вопрос, выдержит ли твоя спина?

— Держись, — ответил я и шагнул в воду. Зубы уже начали выстукивать дробь, и так слишком долго без движения в ледяной воде. — Только не хватай за горло.

Я поплыл кролем, стараясь заодно разогреться, но с мечом и луком за плечами, а также молотом на поясе чувствовал себя Ермаком на Енисее. Перешел на экономный брасс, начал задыхаться, перед глазами поплыли красные круги, а голова все чаще начала скрываться под водой. Джильдина держится великолепно: несмотря на понятный страх перед водой, не старается вылезти из нее повыше, иначе бы сразу меня утопила, даже пытается загребать свободной рукой.

Почти теряя сознание, я доплыл к темной расщелине, ноги и руки стали ватными, пропитались водой и не слушались. Джильдина ухватила за выступы в своде, подтянулась и приподняла меня, обхватив ногами. Я жадно хватал ртом воздух, вода уже не такая ледяная. Ноги коснулись каменного дна.

— Здесь, — прошептал я, — вроде бы можно... пешком...

Она тут же отклеилась, то ли брезгует пользоваться услугами низшего существа, то ли стремится вернуть себе ту круть, что высказала вначале. Я постоял, хватая раскаленной пастью холодный влажный воздух, и лишь когда Джильдина остановилась впереди, медленно догнал ее.

Она вытащила карту и водила по ней пальцем. Я загляды-

вал через плечо, сердце тревожно ёкнуло: крохотный человек пробежал по листу и теперь топчется на краю заштрихованного места. А дальше «дорога неизвестна». Я огляделся: пещера просторная, изрытая трещинами, разломами, отчетливо видно два явно людьми прорубленных хода.

— Туда? — спросил я.

Она кивнула:

— Да, другого пути нет.

— Но туда явно шли все, — сказал я, — но никто не вернулся. Тебя это не тревожит?

— Другого пути нет, — повторила она раздраженно, слишком уж я умничаю.

Я указал на темную расщелину, заполненную водой.

— Есть.

— Там не пройти, — отрезала она. — Вода везде. Глубже и глубже. И дальше стена. Все, хватит разговаривать! Пошли!

Я потащился следом, ход то сужался, то расширялся, древняя гора вся в опухолях пещер, в другое время я восхищался бы ими, одни — в строгом стиле Снежной Королевы, с огромными прозрачными кристаллами, что растут из стен, потолка и даже пола, другие — в таинственном восточном, когда стены блещут золотом, рубинами, изумрудами и прочими драгоценными камнями, дважды мы перебирались под стеночкой через пещеры, где скопирован ад с его ручьями кипящей лавы, раскаленного воздуха, внезапными гейзерами кипящей воды и удушающего запаха серы...

Одна пещера вообще поразила воображение: с подпирающий свод строгими и украшенными причудливым орнаментом колоннами. Я так и не понял, естественные или умелая стилизация, слишком все красиво, изысканно и продуманно, есть же чудачки, которым чем ближе к природе, тем лучше.

Мы шли и шли через пещеры, и только когда я в третий раз прошел через пещеру с такими же колоннами, я заподозрил, что ходим по кругу.

— Джильдина, — позвал я, — Джильдина...

Она прорычала зло, не оборачиваясь:

— Ну что еще?

— Эта пещера... что-то слишком знакома...

Она рыкнула еще злее:

— Знаю.

— Мы... ходим по кругу?

Я думал, убьет за такое сомнение в ее компетентности, но она лишь бросила зло:

— Да. Но я ищу в стенах какой-то ход. Должен же быть выход! Как-то же прошел однажды тот, который повидал да-же подземные моря...

Я подумал, предположил:

— Может быть, нашел потому, что умел плавать?

Она наконец обернулась, лицо не просто усталое, а уже измученное.

— И что?

— Вернемся к тому озеру, — предложил я. — У меня идея.

Она пожала плечами, я думал, отмахнется, но, видимо, уже давно исчерпала все свои уловки и настолько сломлена, что сказала утомленно:

— Ладно. Но если не найдешь... то там же и утоплю.

— Не перестаю восхищаться твоим гуманизмом, — ответил я.

Обратно тащились, как мне показалось, еще дольше. Дважды останавливались на отдых, один раз плотно пообедали. Ноги гудели и, как мне показалось, распухли, как у ревматика, от постоянно карабканья по скользким камням.

Наконец, когда я пал духом и решил, что заблудились, вышли к прежнему озеру. Я всмотрелся в полумрак впереди, расщелина заполнена водой почти до свода, по такой идти просто жутко. Однако по тем двум, судя по карте, ходили и до нас, хотя и недалеко ушли. Ну, это мы и сами проверили на горьком опыте.

— Надо прямо, — сказал я как можно решительнее. — Я вообще человек прямой, и потому ты меня обижаешь. Человек, кстати, существо прямоходящее, пока трезвое...

Она молчала и смотрела угрюмо на темную воду. Мне показалось, что ее глаза стали такими же угрожающе мрачными.

— Не уверена, — сказала она, — но... другого пути в самом деле нет...

— Тогда пробуем, — сказал я. — Вдруг там что-то лежит... Или сидит...

Она молчала, колеблясь, я торопливо пошел в озеро. Холодная вода быстро поднялась до груди, потом до шеи. Ноги то и дело соскальзывают в неведомые трещины. Я сжал челюсти и напомнил себе, что Джильдина все-таки идет сзади, ей страшнее, она еще и шупает ногой дно, прежде чем перенести на нее вес, и вообще ей в воде намного страшнее...

Однажды свод понизился, потревоженная нами вода плещет о самый верх. Я подошел к стене вплотную, набрал в грудь воздуха и нырнул. Когда легкие начало распирать удушье, шарик света высветил впереди пещеру побольше. Я вынырнул, отдышался немного, тут же поплыл обратно.

Джильдина за это время не сдвинулась ни на полшага. Я ткнулся ей головой между ног, ухватился за эти железные колонны и с шумом вынырнул, жадно заглатывая ртом воздух, будто сом, хватающий пастью жуков.

Она с нетерпением спросила:

— Там дальше... что?

— Дай отдышусь, — прохрипел я.

— Отдышись, — разрешила она.

— Нужно пронырнуть, — проговорил я, все еще задыхаясь, — через подземный туннель. Там еще пещера, а из нее целых три хода!

Она сказала напряженно:

— Я не смогу пронырнуть. У нас нет людей, которые умеют даже плавать. А нырять вообще никто...

— Я тебя проташу, — предложил я. — Ну, надеюсь... Может быть... А какая тебе разница? Ты ж не дорожишь такой ерундой, как жизнь?.. Не все ли равно: красиво погибнуть в бою или утонуть, как крыса? Конец один...

Она зло оскалила зубы.

— Ты пошути мне, пошути еще!

— Да какие шутки, — пробормотал я. — Кто в своем уме

осмелится с тобой шутить? Покажи мне его, я такому сам в морду плюну. Все равно он сумасшедший и сдачи не даст...

Она молча смотрела, как я обвязался веревкой, другой конец бросил ей, она не стала вязать узлы, просто зажала в кулаке. Лицо было злым и полным подозрения, глаза сверкали, как лед с самых высоких гор.

— Ты уверен...

— Нет, — ответил я честно, — но раз уж мы сюда добрались, не отступать же! Столько топали, ноги стерли...

Она взглянула несколько странно.

— Да, — ответила она после паузы несколько блекло, — столько прошли...

Мне показалось, что хочет добавить что-то еще, задержался и посмотрел на нее, но ее лицо стало непроницаемым, как стены этой пещеры и таким же располагающим к разговору. Я выждал, пока сердце перестало колотиться, Джильдина медленно пошла следом за мной, лицо побелело. Я ее хорошо понимал, но молча доплыл до предела, когда макушка уперлась в свод, а губы уже зачерпывают воду.

Джильдина замерла, когда я с шумом начал гипервентилировать легкие, не поняла, дура, решила, что задыхаюсь, но я не дал себя спасти, нырнул и устремился в темный проход. Сзади сразу дернуло, я мысленно выругался и начал пробираться по щели, хватаясь за выступы стен, так быстрее, чем пытаться плыть. Вережка натягивалась не так уж и постоянно, но иногда я будто тянул за собой авианосец и с ужасом понимал, что если даже в прошлый раз еле-еле доплыл...

Идиот, отдышаться не успел, грудь уже ходуном, легкие стремятся вытолкнуть отработанный воздух, все верно, но, слепые идиоты, не понимают, что взамен получают вовсе не свежую порцию, как привыкли...

Череп вот-вот лопнет, я загребал и хватался за камни почти вслепую, ударялся головой и плечами, из стиснутых губ начали вырываться шарики воздуха, я чувствовал, что здесь и останусь, но впереди проступило серое пятнышко света. Я забарахтался уже за пределами сил, воздух вырвался из груди

весь. Непонятно каким чудом я преодолел последние метры и выполз на берег. К счастью, покатый.

Легкие ходят ходуном, вентиляция пошла таким темпом, что голова закружилась. Я в полубессознательном состоянии тащил веревку, показалась голова Джильдины. Ее огромное тело сразу отяжелело, я выволок на берег и, оставив наполовину в воде, с силой нажал на грудь. Ощущение было, словно давя на гранитную плиту из основания египетской пирамиды, но вода изо рта хлынула сразу же. Джильдина закашлялась, начала отплевываться, посмотрела по сторонам дикими глазами.

— Что... получилось?

— Мы на этой стороне, — подтвердил я.

Вода с меня все еще течет струями, Джильдина тоже похожа на гигантскую крысу, что спрыгнула с тонущего корабля и проплыла сотню миль до берега. Я снял свой мешок, затем освободил от него Джильдину. Она с трудом разжала кулак, веревка выскользнула и упала под ноги.

— Мы сумасшедшие, — прошептала она с убеждением. — Я ко всему была готова... но это... чересчур!

— Ты была готова драться, — сказал я, — верно?

— Угадал.

— Но и кроме драк бывают трудности, — сообщил я ей потрясающую новость. — Что делать будем?

Она вздрагивала и стучала зубами. При слабом свете ее кожа покрылась крупными мурашками, губы посинели. Я тоже чувствовал непривычный холод, но гонял кровь к конечностям, поводил плечами и все еще не трясся.

— Придется заночевать здесь, — сказала она. — Там наверху уже ночь или почти ночь, а ты... наверное, устал.

— Ужасно, — охотно согласился я. — Едва жив. Хорошо тебе, ты двужильная...

— Да, — согласилась она, — я покрепче...

— Намного, — сказал я бодро, стараясь не замечать, что у нее от усталости губы уже стали серыми, а голос сел и едва хрипит. — А я слабый...

— Хорошо, — сказала она. — Ночуем здесь.

Воздух здесь, в отличие от поверхности, влажный и прохладный, даже холодный, но зато не прыгает от дикой жары днем до заморозка ночью. Я недолго наслаждался отсутствием жары, скоро все-таки начал вздрагивать и постукивать зубами.

Джилдина повозилась в мешке, к моему счастью, там оказались палочки, вымоченные в жире. От ладоней метнулась искра, вспыхнул небольшой костер.

— Это последний, — сказала она обреченно. — Больше огня не будет...

— Будем есть сырое, — ответил я оптимистически. — Подумаешь!

Она посмотрела с подозрением:

— Когда-нибудь сырое ел?

Я вспомнил суши и прочие блюда, ответил уверенно:

— Конечно! А что такого?

Мне показалось, что она посмотрела с некоторым уважением, и я, вспомнив устриц, добавил бодро:

— Даже живых ел! Пустяки.

Она посмотрела внимательнее, не веря, но я смотрел честными глазами, я ведь, кроме устриц, еще и микробов ем тысячами, и она покачала головой:

— Да-а, не врешь... Кто бы подумал...

Глава 7

Мы разогрели еду и перекусили, одежда еще не высохла на наших телах, но и раздеваться — быстрее замерзнешь, она легла, согнувшись в ком, колени подтянула почти к подбородку. Я лег сзади, прижался, сберегая тепло тел. Через некоторое время дрожь начала уходить, я даже ощутил, что сам разогреваюсь, а мои ищущие лапы, что всего лишь крепко прижимают ее тело к моему, начали потихоньку устраиваться там поудобнее, забыв, что сладких и пышных сисек-то и нет, увы.

Правда, есть то, что я сам назвал великолепными, но женщине что не скажешь, если надо, а мне было надо, хотя уже и не вспомню, зачем. Да и неважно зачем, мы женщинам всег-

да брешем, это называется хорошим воспитанием, умением уживаться, говорить комплименты и умалчивать о всяких... ну, не заслуживающих упоминания мелочах или смущающих обстоятельствах.

Наконец мои руки остановились на этих великолепных, я их отыскал по сократившимся глыбам мышц груди, а затем в ладони уперлись твердые камушки, похожие на ошупь на обкатанную водой гальку.

Тепло пошло от ладоней по рукам, я как-то незаметно согрелся и заснул, как засыпает человек, который целый день ходит, карабкается, падает и снова карабкается.

Снова Джильдина проснулась раньше, а когда я разлепил веки, она с факелом в руке осматривала стены. В развязанном мешке смутно белеет мясо ящерицы. Я перекатился к мешку, Джильдина оглянулась, красный свет превратил ее лицо в маску медной статуи.

— Долго спишь, — сказала она неодобрительно.

— Сон — залог здоровья, — объяснил я. — Видишь, какой я здоровый?

Она скривила губы.

— Здоровый, — согласилась нехотя. — Даже здоровенный... Да только здоровенность мало помогает.

— Да ну?

— Выжить, — уточнила она.

— Мы разве не команда? — спросил я. — Видишь, уже досюда дошли! Куда не ступала задняя нога нормального человека!

Она поморщилась сильнее, а я подхватился и доедал на ходу, пока она не сказала что-нибудь еще.

Джильдина даже не оглядывалась, посмел бы я не идти послушно след в след. Хотя мы и команда, но с четкой субординацией, где мне отведено не самое почетное место. Пещера переходила в пещеру, часто без всяких расщелин и туннелей, а просто анфиладой пустот: планета постоянно расширяется, в ее недрах образуются такие пузыри, где можно разместить не только крупные города, но целые страны.

Я ужасался, задирая голову, не в состоянии узреть свода. Шарик света, который я создаю время от времени, поднимается выше и выше, везде пустота, наконец превращается в светящуюся точку, что продолжает подниматься, а каменного свода все нет. Джильдина двигалась настороженно, время от времени хваталась за охранные талисманы, шептала заклятия. Как-то пещера сузилась, предлагая длинный проход в сотню-другую шагов, пол идеально ровный, над стенами тоже кто-то поработал, что обрадовало и насторожило разом, как всегда, когда имеешь дело с творением рук человека.

Впервые после того, как вылезли из водоема, я увидел впереди человеческие кости. Джильдина начала шептать заклятия, я же только тарашил глаза. Костей много, среди них с десяток черепов, кости в некотором странном порядке... Понять бы... Нет раздробленных, переломанных, перерубленных мечами или топорами. Все целы, за исключением очень немногих. Да и те не переломаны, а удивительно ровно... срезаны?

— Погоди, — сказал я.

Джильдина остановилась, настороженность быстро сменилась злым нетерпением.

— Что?

— Опасность, — сказал я.

Она посмотрела по сторонам, задрала голову и взглянула вверх.

— Я уже проверила. Магии нет.

— А как насчет простых ловушек?

— Не чувствую, — ответила она и легонько топнула. — Если вблизи яма, то можно вот так... Слышишь?

— Не слышу, — сказал я торопливо. — Это не совсем простые ловушки. Стой! Не двигайся...

Она уже качнулась было вперед, я сказал быстро:

— Факел! Можешь его поджечь?

— Зачем? — спросила она непонимающе. — С твоим шариком светло...

— Нужен дым, — пояснил я.

Она зажгла факел и передала мне, но взгляд сказал ясно,

что если у меня не получится, то прибьет на месте. Я осторожно опустил огонь к самому полу и повел из стороны в сторону. Дым поднимался ленивыми клубами, и вдруг на уровне колен Джильдины и совсем близко от ее ног его прорезала рубиновая ниточка. Дым исчез, но Джильдина уже заметила, застыла.

Я снова повел факелом, дым устремляется к своду быстро, но рубиновая нить остается на месте.

— Это невидимый нож, — объяснил я. — Сделай шаг вперед, останешься без ног.

Джильдина сказала негромко, я ощутил в ее голосе напряжение:

— Но почему я не ощутила?

— Это не магия, — ответил я.

Подобрав длинную бедренную кость, я хотел было бросить на рубиновую нить, но вместо этого стукнул по ней, как по натянутой нити, кончиком. Совершенно бесшумно край отвалился. Взвился легонький дымок, срезанный кусочек упал на пол. Я опускал на нить кость и поднимал, срезанные кусочки падали аккуратной кучкой.

Когда в моих вытянутых пальцах остался обрубок не больше, чем мизинец, Джильдина сказала резко:

— Перестань!

— Перестал, — сказал я послушно.

Она напряженно думала, оглядывала стены, потолок, наконец прорычала зло:

— Здесь не пройти. Там, думаю, их еще много.

Впереди по коридору костей в самом деле много, как только и сумели пройти так далеко, я сказал осторожно:

— Постой здесь. Я малость разведваю...

— Что ты придумал, дурак?

Судя по ее чуть изменившемуся лицу, она и сама пожалела, что брякнула такое по привычке, я только что доказал, что не совсем дурак. Не показывая, что заметил ее смятение, я осторожно переступил рубиновую нить, стараясь не задеть даже краем сапога, повел факелом над самым полом, подул, чтобы дым пошел в ту сторону. Вторая нить прожгла дым на

высоте моей груди. Я с еще большей осторожностью наклонился, сделал шаг, все время поводя факелом вокруг себя. Третью нить обнаружил через пару шагов, эта разрубила бы на уровне живота.

Джилдина смотрела с застывшим лицом, как я опустился на четвереньки. Миновав лазерный луч, я осторожно поднялся. Еще два луча остро блеснули в сизой дымке, эти идут похитрее, наискосок. Я прошел их тоже, дальше проход свободен и от костей, и от лазерных лучей.

— Вроде бы все, — сказал я с облегчением. — Сумеешь повторить все в точности?

— Да...

— Если заденешь хоть один, — предупредил я, — то... ты видела!

Я не стал предлагать вернуться за нею, убьет за такое унижение, Джильдина и так зло оскалила зубы. Я выждал, когда вытащит из мешка деревяшку, сам осторожно осматривался. Ощущение опасности упало почти до нуля, но когда я нарочито сделал шаг обратно, по спине пробежал холодок страха.

Джилдина, согнувшись, как зверь перед прыжком, водила дымящим факелом перед собой, я наблюдал, как она где перешагивает, где проходит на четвереньках, в одном месте вообще предпочла подползти, чем перепрыгивать, наконец миновала последнюю рубиновую нить, я спросил нерешительно:

— Может быть, лучше мне впереди?

Она нахмурилась, я видел, как в ней сцепились в драке рационализм и гордость, наконец рыкнула:

— Нет!.. Но держись поближе.

Такой многообещающий туннель завел в тупик. Я подозревал, что землетрясение просто завалило ход, но все равно пришлось возвращаться.

Потом сунулись еще в туннель, тоже тупик. Под ногами прохрустели кости мелких зверушек, да еще я засмотрелся на огромное, в мой рост, окованное железом деревянное колесо, похожее на штурвал. Колесо насажено на обрубок бревна, мощная цепь намотана в один ряд. Везде толстый слой пыли, от наших шагов поднялось целое облако.

Чихая, мы повернули назад. К счастью, шагов через тридцать открылся соседний туннель, отделенный от этого стеной. Джильдина устремилась вперед, я топал послушно сзади, мешок оттягивает спину, не люблю быть вьючным даже для прикола, да и что-то прикол затянулся, и вообще какой это прикол, нечего себе голову дурить, самолюбие тешить...

Она охнула, остановилась так резко, что я опять боднул ее в спину. Впереди в полусотне шагов из полутьмы выдвинулся огромный и почему-то блестящий, словно облитый клеем, дракон. Огромная голова на длинной змеиной шее, туловище динозавра, толстые лапы с острыми когтями царапают камень.

— Здесь не пройти, — сказала она обреченно.

— А другие дороги?

— Других нет...

— Тогда пройдем здесь, — сказал я.

— Ты понял, что сказал?

— Я знаю, что говорю, — произнес я гордо.

Мой взгляд скользил по толстому ошейнику из металла, дракон служит цепным псом, такой железной цепью из крупных звеньев можно держать у пирса линкор. Середина цепи двумя кольцами свободно лежит на полу, но другой конец уходит в дыру на левой стене. Дракон не только загораживает весь широкий туннель, но даже может делать короткие рывки вперед-назад.

Джильдина покосилась на меня с отвращением.

— Ты дурак, но до такой степени...

— А что?

— Он весь из металла, — объяснила она с горечью. — Его не возьмет никакое оружие! Его нельзя ни сжечь, ни заколдовать...

— Ага, — сказал я, — тогда все намного проще. Спасибо, ты облегчила работу.

Она все всматривалась в дракона, пытаясь все же углядеть уязвимые места, а я вернулся, заглянул в ту темную и тупиковую пещерку, что никуда не ведет, потрогал огромное колесо.

Ну да, через дырку в стене даже слышно мощное звяканье цепи.

Я с натугой покрутил колесо, поднялся столб пыли. Цепь со звоном натянулась, бревно медленно проворачивается, принимая на себя новый виток. Из отверстия потянулись железные звенья, цепь ползла и ползла, мне казалось, что уже должна кончиться, наконец я ощутил сопротивление, колесо остановилось. Я навалился всем телом, по ту сторону стены недовольно взревел дракон, но колесо повернулось еще на пару ладоней.

Обливаясь потом, я провернул колесо еще, потом еще, перевел дыхание, мышцы стонут от натуги, сердце стучит. На последнем дыхании сделал еще два оборота, на этот раз цепь натянулась, как струна, а глухой рев слышался прямо в отверстии.

На подгибающихся ногах я вернулся, Джильдина на прежнем месте и ошалелыми глазами смотрит на дракона, которого неведомая сила подтянула на цепи к стене с такой силой, что ошейник краем впечатало в дыру.

— Как это? — воскликнула она. — Это... почему?

— Ну ты и блондинка, — проговорил я, задыхаясь. — Прям с головы до ног...

Она оглянулась, глаза лезут на лоб.

— Это ты его так?

— Нет, — сказал я, — он сам. Чтoб нам дорогу освободить! Взял и намотался на колесо... Могла бы прийти помочь! С другой стороны, я расцениваю это как доверие настоящему мужчине.

Мы прошли еще полсотни шагов, я обнаружил такой же закуток, там знакомое колесо с цепью. Джильдина с непониманием смотрела, как я покрутил колесо в обратную сторону.

— Это зачем?

— Освобождаю цепь, — объяснил я. — Я зверей, как младших братьев, никогда не бил по голове! Что ж он будет, как женатый, на коротком поводке...

— А-а-а, — сказала она понимающе, — чтоб снова дорогу загорodить!

Я вздохнул.

— Все верно, моя меркантильная... Все видишь в нужном свете.

Дальше вход в зал вырезан в виде гигантской замочной скважины. Впрочем, красиво, чувствуется рука дизайнера, знакомого с восточным стилем.

Открылся длинный ход, широкий и просторный, можно проехать на конях стремя в стремя. Таинственный синеватый свет струится по тоннелю, источника я не увидел, да это и неважно, впереди странная синяя дымка, то ли от пожара, то ли такой необычный туман. Синий свет перешел в зеленый, я замедлил шаг и старался понять, что же это означает, но Джильдина прошла далеко вперед, ничего не случилось.

— Чтоб они сдохли, — сказал я зло и торопливо догнал могучую шварценеггершу.

— Кто? — спросила она.

— Дизайнеры, — буркнул я. — То туману напустят, то пугают от не фига делать... Изыски, видите ли! Цветомузыканты хреновы...

— Музыки не слышу, — сказала Джильдина. — Хотя...

Она прислушивалась, я тоже уловил странную музыку, больше похожую на шелест ветра в органнх трубах, но все-таки музыка. Явно нечеловеческая... впрочем, Моцарту или Бетховену хард-рок показался бы музыкой металлических жуков с Марса. А то и вовсе не показался бы. Еще в пещере раздаются странные шелестящие звуки, словно начинает сыпаться песок, тут же поток прерывался, но с другой стороны сухо шелкало, будто раскалывались камни.

Глава 8

Ход вел все ниже и ниже, однажды увидели цепочку белых, почти прозрачных муравьев. Джильдина проверила их на всякий случай насчет магии, а я сказал авторитетно:

— А почему им здесь не жить? Их нет только в зоне вечной мерзлоты! Норы там рыть во льду противно.

Муравьи дружно выволакивали из мелкого водоема круп-

ную рыбину. Она еще слабо трепыхалась, отсвечивая серебряным оперением, но одни муравьи удерживали, вцепившись лапами за камни, а жвалами — за выступы жабр, плавники, другие продолжали кусать и быстро впрыскивать парализующую муравьиную кислоту в ранки.

Я присматривался, надеясь заметить на муравьях волоски, с помощью которых паучки захватывают воздух и подолгу с ним путешествуют на дне озер и даже строят себе там домики, но панцири муравьев блестят, как начищенные добросовестными оруженосцами латы героев-рыцарей.

— И муравьи тут не как муравьи, — сказал я горько. — А чего ждать от людей?

— Люди здесь нормальные, — огрызнулась она. — Это у вас там за Барьером... одни придурки.

— Да, — согласился я покорно. — Потому и отгородились.

Она взглянула свирепо, но сберегла дыхание на рывок вверх: дорогу перегородила упавшая с потолка глыба, размером со статую Христа в Сан-Франциско.

Однажды мы вышли в исполинскую пещеру, где стены облицованы инкрустированной плиткой, превращая ее в роскошный зал. В центре блещущая золотом чаша фонтана, даже вода привычно струится, словно сама по себе, от стен идет ровный, благородно-интеллигентный и несколько рассеянный свет.

Джиллина приняхивалась, я же загляделся на роскошь запустения.

— Нехорошо, — произнесла она злым голосом. — Что-то здесь чужое...

— Да ты что? — спросил я саркастически. — Все наше! Держи мешок шире! Бери и складывай.

Она даже не ответила, ноздри раздуваются, как у тех черных пантер, которых я очень удачно оттеснил от нее же. Правой рукой вытащила нож и медленно осматривалась, поворачиваясь на месте.

— Да брось, — сказал я. — Неужели сюда кто-то забрался раньше нас?

Она прорычала:

— Что-то ты развеселился...

Я подумал, развел руками:

— Это и понятно... Столько скитались по туннелям, что истосковался по открытому простору и свету. А здесь почти откры...

Я осекся, ноздрей коснулся чужой запах. Хуже того, человеческий. Я взялся за край фонтана, чтобы не шататься, быстро перешел на запаховое. Меня встряхнуло, как я мог не почувствовать...

Убрав запаховое, я перешел на тепловое. Из замаскированных щелей появляются в большом количестве люди: почти прозрачные, низкорослые, у всех в руках короткие копья. Приближаются очень медленно, смотрят под ноги, чтобы не наступить на что-то хрустящее.

— Джильдина, — сказал я торопливо, — ты права, окружают. Эти гады... прозрачные!

— Ты их видишь? — прошептала она.

— Да, — сказал я. — Что же придумать... Ты можешь сделать дым еще раз?

Она ответила быстро:

— А что это даст?

— Быстро делай, — прошипел я. — Скоро набросятся.

Она ожгла меня свирепым взглядом, впервые я сам нарычал на нее, хуже того — приказал, ладно, потом расправится, быстро выдернула из карманов крохотные пакеты, с силой бросила о пол и сказала несколько злых слов так люто, что даже зубы шелкали, будто уже сомкнула на моем горле.

Дым повалил сине-черный, плотный, и почти сразу в нем появились пустоты в виде человеческих тел. Джильдина ликующе зарычала, впрыгнула в самую середину дыма, тот струится во все стороны, и все больше в нем появляется пустот в виде человеческих фигурок, что застыли, потеряв нас из виду... вернее, не успев сообразить, что нас теперь видно так же, как их самих.

Мы с ней прыгнули вперед одновременно, мой меч и ее

ножи сеяли смерть, я даже удивился, что убиваем так легко и просто.

Прозрачные люди почти не сопротивлялись, повернулись и бросились к своим норам. Мара рычала и убивала в спину.

Я без всякой охоты проткнул мечом еще одного, то ли замешкался, то ли не мог понять, что уже раскрыт, за остальными гнаться не стал.

Несчастный упал в фонтан, там прозрачные струи моментально обрели празднично-ликующий цвет небесного пурпура.

Я засмотрелся, раскинул руки, мол, готов обнять весь мир, такой вот я эстет.

— Красиво. И понятно, почему искусство требует жертв.

Джилльдина возвращалась, тяжело дыша, зубы оскалены, с обеих ножей стекает кровь. Она все еще оглядывалась по сторонам в поисках противников.

— Больше их нет?

— Да и так красиво, — сказал я в некотором колебании. — Если добавить красного, вряд ли сильно изменится... А вот если бы голубого... Тут нет никого с голубой кровью? Дворян, в смысле?

Она ответила серьезно:

— Были. Декаптоки. Но они, как говорят, не совсем люди. Зато кровь у них голубая... Ты быстро соображаешь!

— Да это не я, — ответил я скромно. — Мы все учились понемногу... Словом, видел такие ситуации.

— А сам?

— Ни в коем случае, — ответил я с достоинством. — У нас воевать — фи, плохо.

Она зло посмотрела на меня.

— А ты войн, конечно, избегаешь?

— Еще бы, — ответил я с удивлением. — А как же! Я не люблю войн!.. Другое дело — плоды войны...

Она проследила за моим взглядом. Одну из щелей прозрачники закрыть за собой не сумели, свет из зала высвечивает тяжелые окованные железом сундуки. Они тянутся вдоль стены нескончаемым рядом и уходят в темноту. Часть с поднятыми крышками, другие заперты на массивные висячие замки.

— На войне как на войне, — пробормотал я, — обе стороны в... коричневом. Не ходи туда. Это ловушка.

— Догадываюсь, — огрызнулась она. — Подумать только, прозрачные!

— А почему нет, — ответил я рассудительно. — Солнца нет — пигмент зачем? В подземных пещерах звери и тритоны либо белые, либо прозрачные. Ты поняла, какой я умный? Увы, не умею показать из-за своей неслыханной в этих краях скромности... Но даже здесь, кто хочет мира, должен готовиться к войне. А потом драться. Где человек — там и война.

Она смотрела с отвращением, ну почему такое отношение к интеллигенции, просто не понимаю.

— Пойдем, — сказала она, — они нападают только исподтишка. Теперь затаились.

— Чем они питаются? — спросил я наивно. Подумал и сам же мудро ответил: — Вообще-то человек — не свинья, все ест. А живность, как говорит наука, есть даже в магме, не только в подземных пещерах и озерах... Да иду, иду!

Из этой пещеры выхода не нашлось, если не считать щелей, куда ушли прозрачники. Но и соваться в них опасно: из-за выступа подденут на острия копий.

Джильдина, ворча, повела обратно через анфиладу туннелей, вернулись чуть ли не к дракону. Я едва не пропустил момент, когда Джильдина исчезла, отступив вроде бы в тень от факела, на самом же деле в узкую нору, где пришлось идти по одному и пригибая головы.

Шагов через сорок дорогу преградила темная трещина. Джильдина зло выругалась, шель идет от стены до стены. Я бросил факел, он полетел, кувыряясь, в пропасть, что показалась бездонной.

— Любовь, — сказал я возвышенно, — это факел, летящий в бездну и только в это мгновение озаряющий всю ее глубину.

Она посмотрела озадаченно.

— Это ты к чему?

— Не знаю, — признался я. — Но красиво, правда? Я, ко-

нечно, не понял, о чем это, но раз про любовь, то как не показать свою одухотворенность?

Она проскрежетала зубами:

— Господи, как я тебя все еще терплю? Почему не убила сразу?

Я вздохнул.

— Ты в ответе за всех, кого приручаешь. Что делать — судьба.

— Как перебраться, как перебраться...

— Во-первых, — сказал я, — можно попробовать по стене... Она все-таки чуть менее гладкая, чем стекло. Во-вторых, можно попытаться перепрыгнуть. Ну, в два-три прыжка...

Она прорычала:

— Это как?

— Шутю, — объяснил я. — Герой должен шутить, а я если с тобой иду, разве не герой?.. Джильдина, щель не широка. Я сниму мешок, перепрыгну, а потом брошу тебе веревку.

Она подумала, покачала головой:

— Я просто не вижу края, темно. Сделай еще огонь, как ты умеешь.

Я запустил шарик, Джильдина проследила за ним взглядом.

— Перепрыгну. Жди здесь. Давай веревку.

— Жду, — ответил я послушно. — Может, я?

— Нет!

Она сняла мешок и, привязав веревку к поясу, отступила на три шага, больше не дает изгиб хода, пригнулась и, с силой ударяя по земле подошвами, устремилась к краю.

Толчок, прыжок, я видел, как ударились головой о свод. Летящая фигура изменила положение и на той стороне приземлилась спиной о камни. Голова чуть не оторвалась, запрокинувшись над пропастью.

С замиранием сердца я смотрел, как она отползла, с великим трудом поднялась на колени, дрожащие руки ухватились за веревку.

— Давай мешки, — услышал я ее голос.

Я привязал один, она сказала хрипло:

— Оба.

Я привязал и второй. Он потянула, мешки сорвались в пропасть, я видел, как напрягается весь массив ее плеч, груди и могучих рук, наконец мешки оказались у ее ног.

На меня вдруг пахнуло опасностью, смертельной опасностью. Я напрягся, старался понять, откуда же она приближается, затем с ужасом ощутил, что ею веет со стороны Джильдины.

Затем острое чувство приближения беды стало гаснуть. Джильдина отвязала веревку, снова помедлила, но это понятно, сильно ударила, я терпеливо ждал.

Наконец край веревки перелетел через край. Я поймал, привязал к поясу. На разбег только два шага, Джильдина и так стоит у края с веревкой на вытянутой руке.

Когда я взвился в воздух, она отступила и обеими руками широко рванула на себя веревку. Я еще в воздухе ощутил эту мощь, когда меня понесло, как рыбешку из воды, подхваченную сильной рукой рыбака. На той стороне ударился ногами так, что не удержался и ткнулся лицом в ее колени. Думаю, что сам не долетел бы на полшага и пришлось бы хвататься руками за край и подтягиваться на не слишком развитых, если меряться со шварценеггершей, конечностях.

Джильдина дышала тяжело, я ухватился за ее ноги, пальцы похолодели, а Джильдина вздрогнула, выпрямилась.

— Как себя чувствуешь? — спросил я.

— Сейчас... лучше, — ответила она с заминкой. — Что-то в тебе есть...

— Это не во мне, — ответил я. — Я только массажем могу подлечивать. Это в тебе самой такая звериная выносливость! И запас здоровья на пятерых. Ты ведь дитя природы, верно?

— Да, — произнесла она с сомнением, — наверное, это во мне... Ладно, надо идти. Готов?

— Как мне это слово не нравится, — простонал я. — Ладно, поковыляю...

Через полчаса, совсем выбившись из сил, я запросился есть, Джильдина молча ускорила шаг. Мне кажется, она сама наступила на спусковую скобу ловушки, а когда посыпались камни, на их грохот примчались троглодиты-мутанты.

Мы неслись оттуда, как два лося, за нами грохот, рушится свод, земля содрогается от тяжелых ударов глыб, что падают со свода и пытаются догнать нас.

Дорога пошла вниз, Джильдина предостерегающе крикнула. Я вжался в стену, мимо прогрохотал, ободрав плечо, огромный валун, слишком круглый, чтоб это было делом рук природы. Он ударился во что-то в темноте, раздался треск, затем крики, хрип, стоны.

Джильдина остановилась, раскинув руки. Я налетел на одну из них, это напомнило, как однажды ветка дуба, спустившаяся чересчур низко, выбросила меня из седла, а сама даже не вздрогнула.

— Там люди, — прошептала она.

— Дураки, — сказал я с отчаянием.

— Мы тоже, — ответила она вдруг.

Я воззрился на нее с удивлением. Такого признания не ожидал, да и сама Джильдина вроде бы чуть смутилась откровенности, дальше смотрела в темноту молча.

— На дураках мир держится, — сказал я гордо. — Без нас, дураков, умники давно бы перебили друг друга. У них всегда есть для этого повод: свобода, равенство, братство, всеобщая справедливость... словом, война всех против всех до колена и ниже.

— Тихо, — процедила она. — Кажется, идут в эту сторону.

— Погоди, — сказал я напряженно, — вот тут щель... Ого, да тут ходов, как в муравейнике...

Отпихнув меня, она первой вдвинулась в щель, некоторое время сопела, обдирая плечи о камни, затем ход расширился. Она все ускоряла шаг, я видел, как ее сжирает нетерпение, крикнул в спину:

— Не беги! Ловушку проворонишь.

— Здесь не должны, — отозвалась она.

— Откуда знаешь?

— Я бы не поставила...

Я бежал за ней из последних сил, мешок бьет по спине, меч натер волдырь между лопатками, а молот тягивает пояс так, что скоро свалятся и штаны. Пот начал щипать глаза, и

тут Джильдина наконец замедлила шаг. Я проследил за ее взглядом, сердце застучало радостно и тревожно.

В стенах коридора напротив друг друга две чудовищные птицы, туловища наполовину утоплены, клювы угрожающе раскрыты, а крылья чуть разведены, будто сушатся после купания. В конце коридора огромный зал. Обе птицы отливают металлом, но статуи есть статуи, я снова засмотрелся на далекий зал, на дивные колонны, ажурные переходы от стены к стене на большой высоте... что-то мне подсказывает, что по этим мостикам никто не ходил... однако все-таки передвигались. Возможно, даже не касаясь самих мостиков.

Джильдина идет все медленнее, я догнал ее и собирался пойти вперед, но ее пальцы грубо ухватили за локоть.

— Стой, дурак.

Я послушно остановился, удивляясь своей кротости: ни разу не напомнил, что меня вообще-то зовут Ричардом. Она, не отрывая напряженного взгляда от скульптур, шарила в сумке на поясе. Я вертел головой, чудес много, я же дурак, мне можно, умный умеет получать преимущества даже из почетного звания дурака, а я считаю себя ну совсем умным...

Похоже, после одной из Великих войн, возможно последней, на поверхность еще долго не рисковали показывать носа, и люди приспособились к жизни здесь. Такие величественные статуи, храмы, дворцы в каменных толщах не станут выдалбывать заезжие туристы. Здесь жили веками, если не тысячи лет.

Потом, конечно, на поверхность переселялись все новые и новые поколения, но консерваторы жили здесь еще долго. Потому так и стремятся сюда попасть охотники за сокровищами. И потому здесь все так хорошо защищено. Меры принимались как от хищных зверей, что в погоне за добычей опускались по норам и сюда, так и от одичавших соплеменников.

Впереди блеснул свет, мы ускорили шаг, свод ушел вверх, туннель превратился в узкую щель. Сейчас она выглядит пробитой ударом изломанной молнии, а на той стороне в красном свете злого неба видна каменная стена с вырубленными в нем барельефами. Я всматривался до треска в глазах, стран-

ные фигуры, странная техника, словно камень выплавляли, лепили из него, как из воска...

Мы вышли, как мне показалось, на дно давно пересохшего колодца великанов. Стена идет по кругу, мы словно внутри исполинского цилиндра, но стены высечены в сплошном камне. На противоположной от нас стороне вход в храм, судя по выступающим из стены колоннам и ритуальным рисункам. Угадываются как древнеегипетские, как и шумерские и всякие там чудовища, не отличить богов и демонов от простых крокодилов.

Джилльдина упала на колени и вскрикнула звенящим голосом:

— Мы во Дворце!... Мы во Дворце короля Моргенштейна!

Ага, вспомнил я, Моргенштейн — это тот король, который унес свой талисман в Кольцо Гор, а здесь след его затерялся. Но от нас не скрыться даже королю.

Джилльдина не то молится, не то шепчет заклатья, выпущенные глаза устремлены на дальнюю стену. Губы шевелятся, а я всматривался в поверхность дна кратера. Кое-где из красного песка торчат металлические штыри, вершины массивных конструкций.

Джилльдина повернула ко мне голову.

— Ты можешь поверить? Мы в самом деле в сердце Кольца Гор!.. Я об этом только мечтала...

— Неплохо, — согласился я. — Для начала, конечно.

Она расхохоталась:

— Ты такой дурак, что даже не понимаешь! Сюда стремились попасть все искатели сокровищ!

— Я не искатель, — ответил я, — потому мне тут как-то зевотно. В смысле, тутанхомонно и нефертитно. Я бы из-за своей нормальной ориентации пошел дальше... А как ты?

Глава 9

Она поднялась с колен, глаза ее не отрывали от меня взгляда, я не мог уловить его выражения, потому мирно улыбался и нетерпеливо притопывал ногой, мол, чё стоим?

— Эх... не понимаешь...

— Не понимаю, — согласился я. — Пойдем?

Она сделала шаг, снова упала на колени и торопливо разгребла песок. Проступила блестящая металлическая деталь. Джильдина вскрикнула от восторга, руки ее заработали, как лопасти бешено работающего землеройного устройства.

Сейчас она была похожа на огромного пса, что выкапывает давно зарытую кость. Деталь увеличивалась в размерах, Джильдина продолжала рыть, я сказал благожелательно:

— Госпожа Джильдина, позволь дураку слово вякнуть... То, что ты так красиво выгребаешь, словно пэдигри накушалась, может быть крестом на крыше колокольни... Очень высокой. Или это крючок, к которому на самой высокой башне замка цепляют флаг...

Она прекратила рыть и посмотрела на меня с тревожным непониманием в глазах. Я кивнул на верх отвесной горы. Там по отполированной поверхности, как по верху исполинского фужера, скользят раскаленные тучи. Хорошо видны застывшие каменные потеки, из-за чего кольцо гор вершинами сблизилось. Мы как будто на дне затухшего вулкана, где потеки сползали почти на треть отвесных стен, застывали, на них наползали еще и тоже застывали, так что здесь простор, а наверху как будто узкое горлышко бутылки.

Теперь установилось равновесие, тучи давно расплавили и сгладили вершины этих гор, а сами бывшие вершины, превращенные в песок, заполнили здесь все даже страшусь сказать на какую глубину. Так что шварценеггерше еще долго рыться руками, даже если употребляет корм для самых сильных собак.

Судя по ее лицу, она наконец-то поверила, что Бог дуракам благоволит. Если горы здесь были действительно огромными, то песком могло засыпать почти доверху, нам еще повезло.

— Иногда и дураки говорят истину, — произнесла она с отчаянием. Брошенный на меня взгляд говорил, что лучше бы убила меня на месте. — Только сами не знают, когда.

— Устами дурака глаголит Бог, — ответил я внушитель-

но. — Мы, дураки, угодны Господу. Нами будет заполнен рай, а умники будут гореть в аду. Чтоб не умничали. Пойдем дальше?

Она огрызнулась:

— Куда? Уже пришли.

Я огляделся.

— Гм, в лабиринте у нас была хотя бы цель. А сейчас?

— Дурак, — ответила она беззлобно, — мы дошли! Даже ты здесь, что удивительно... Все еще живой.

— Только наполовину, — уточнил я.

— А что с тобой?

— Ноги отваливаются, — признался я.

Не слушая моего вяканья, она пошла по красному песку, утопая в нем по колено. Иногда нагибалась и запускала обе ладони в песок по локти, рылась, иногда вытаскивала что-то. Я наблюдал, как она, даже не рассматривая, сразу совала в мешок, делала новый шаг, вся превратившись в слух.

Несколько раз тянула нечто из песка, краснела от натуги, но там не поддавалось, да и непросто, наверное, вытащить даже строительный кран, уцепившись за верхушку, а здесь может оказаться что-то и покрупнее.

Я медленно брел, увязая в песке, по прямой, держа взглядом комплекс скал на той стороне этой исполинской арены. Ловушек здесь не положено по дефолту, а те, что могли быть, погребены под стометровым, это в лучшем случае, слоем песка.

Джилдина продолжала выкапывать всякое, я наконец рассмотрел, что это не артефакты, откуда бы так высоко, но все же некие кристаллы, полученные то ли в результате пережигания облаками камня на высоте, то ли уже здесь выросли при спекании.

Я бродил вдоль стен, шупал, рассматривал, наконец остановился перед небольшой аркой в темноту. Песок засыпал ее так, что протиснуться можно только на четвереньках, если не ползком. Я так и сделал, дальше тоже горячий песок, но все меньше и меньше, я сползал в глубину расщелины, она делала зигзаги, задерживая тем самым песок, наконец свод поднялся, и я встал на ноги.

Туннель красиво оформлен, на стенах рисунок, я при-
смотрелся и понял, что вижу только головы, песок все же
пробрался и присыпал остальное.

За спиной раздался далекий крик:

— Эй, ты где?..

Я подумал, как объяснить, где я, а Джильдина прокричала
снова:

— Рич, ты там?

Ого, мелькнула мысль, уже Рич, а то дурак и дурак, такой
прогресс надо отметить, я прокричал:

— Я здесь, краса ненаглядная!..

— Где?

— В норе, съехал по песчаной горке. Давай, прокатись.
Это весело!

После паузы донесся крик:

— Там что-нибудь есть?

— Здесь туннель, — крикнул я в ответ, — над которым по-
работали! А дальше песка нет. Понимаешь?

— Сейчас иду, — донеслось быстро, — стой на месте!

— Да я ничего не возьму, — сказал я громко, — все твое.
Все твое, золотце.

Шарик света подрагивал под каменным сводом, в блед-
ном свете я увидел, как Джильдина катится на струе песка,
словно на ледяной горке. Молодец, не тратит время. Раз я
здесь жив, значит — опасности нет.

Вскочив на ноги, сказала резко:

— Иди сзади!

— Слушаюсь и повинуюсь, — ответил я и добавил сми-
ренно: — Моя госпожа.

Не уловив сарказма, она пошла вперед. Ноги все еще про-
валиваются в песок, но свод с каждым шагом поднимается
все выше, а мы все еще идем вниз. Я посмотрел на Джильди-
ну и понял, что тоже прикидывает толщину песчаного покро-
ва в кольце гор, где похоронены несметные сокровища.

Песчаная горка наконец закончилась, подошвы уперлись
в пол, я ощутил, какое же это наслаждение — стоять на ров-
ном и твердом. Джильдина хищно оглядывалась, в обеих ру-

ках длинные ножи. Я тоже чувствовал опасность, но не видел, откуда грозит.

Наконец Джильдина сказала хрипло:

— Иди за мной. Но осторожно!

— След в след, — сказал я, — волчьим шагом, как олень.

— Тихо, — прошипела она.

— Враг подслушивает? — спросил я шепотом.

— Осточертел просто, — ответила она злобно.

— А-а-а, — сказал я с облегчением, — я подумал черт-те что! Это я просто беседу поддерживаю, чтобы неловких пауз не было, мы ж культурные люди!.. Я еще могу про искусство...

Она что-то злобно прошипела сквозь стиснутые зубы, но я не стал переспрашивать, культурные люди еще и чувствительные, все и так понимают — в Бобруйск так в Бобруйск. Пока мы шли, поднялся не только свод, но и стены раздвинулись, мы уже пробираемся по величественному залу, что не зал вовсе, а некий коридор для великанов-сановников. А зал скорее вон там впереди, где массивные двери, больше похожие на городские ворота, только сделанные бригадой не плотников, а ювелиров.

У Джильдины загорелись глаза, я видел, как мысленно уже обдирает здесь все, что можно, запихивает в мешок, а потом с жалостью выкладывает: даже не поднять. Перед дверью коридор расширился, я зыркал по сторонам, ощущение опасности все сильнее, Джильдина тяжело и шумно дышит, на лице восторг, словно первой воткнула флаг на Эвересте.

— Дверь, — выдохнула она, — такие двери невозможно выломать, нельзя выбить, они зачарованы самыми сильными магами...

Я посмотрел на эти величественные ворота: красота, тратили же люди время и усилия на украшение того, что просто должно хорошо открываться и закрываться...

— Похоже, — согласился я. — Металлургия, как чувствуется, здесь была на высоте. Сезам, откройся!

Я подошел к двери вплотную, намереваясь поскрести поверхность хотя бы пальцем, но створки дрогнули и медленно расползлись в стороны. За моей спиной ахнула Джильдина, а

я подумал, что фотоэлемент здесь, похоже, ослабел без подзарядки, да и двери должны бы пошустрее, если уж здесь предусмотрено такое.

— Ты... как... сумел?

Я оглянулся, Джильдина смотрит на меня обалдело. Я уже совладал с собой, лицо спокойно-равнодушное, а как же иначе, все двери должны передо мной настечь, а все красотки просто обязаны чепчики вверх, трусики вниз и тоже все настечь.

— Ёрунда... — объяснил я рассеянно. — Просто узнают избранного... Работа у них такая. Ну, даже Избранного, который сокрушит Темного Властелина и соберет пять печатей, а также семь частей разломанного Древними Богами амулета...

Она спросила обалдело:

— Какого... амулета?

Я пожал плечами:

— Откуда я знаю? Да и неважно. Все что-нить собирают, чтобы был повод по горам и долам... Еще я сын Божественного Лорда, но пока сам не догадываюсь, потом ко мне маг... ты на мага пока не тянешь, но маг все равно нужен, я ж буду спасать мир, потом добавится отважная амазонка, с которой мы сразу невзлюбим друг друга, но это, понятно, так надо вначале, затем гном, эльф...

Джильдина отшатнулась.

— Ты что плетешь?

— Я? — удивился я. — Это не я, это так принято среди простого народа, что мозгами не любит и не умеет. А я орел, я мозгами люблю, у меня и мозгов как у орла!.. Я такое надуваю, что закачаешься!

Она сердито сплюнула под ноги и решительно шагнула в распахнутые двери. Из темноты навстречу вышел огромный металлический страж, в одной руке меч, в другой щит. Я успел подумать, что это уже лишнее, цельнометаллическому истукану не повредит даже мой молот, Джильдина вскрикнула:

— Рич, в сторону!

Я поспешно отступил, она тоже сделала шаг назад. Страж остановился в дверном проеме. Вместо доспехов подобие лег-

кой одежды из того же металла, отливали явно целиком, короткие волосы поблескивают легированной сталью, голые мускулистые руки красиво вылеплены, четко выступают даже вены, не говоря уже о мышцах.

Мне показалось, что смотрит с интересом, хотя отлитое из металла лицо остается неподвижным. Джильдина поспешно ощупывала талисманы, я спросил вполголоса:

— А другого хода нет?

— Молчи, дурак, — прошипела она.

— Все, онемел...

Она тихонько начала приближаться, я лихорадочно ощупывал то молот, то меч. Страж начал поднимать меч, мне показалось, что не для удара, а лишь предостерегает, мол, еще шаг и...

Джильдина выкрикнула длинное заклинание. Страж повернул голову в ее сторону. Она сорвала с шеи амулет и швырнула в металлическую грудь. Амулет ударился и... прилип. Страж медленно опустил голову, всматриваясь. Взвился дымок, вокруг амулета металл покраснел, сам амулет начал погружаться в железо, а по груди потекли багровые струйки расплавленного металла.

— Отходим! — вскрикнула она.

Страж пошел в нашу сторону, Джильдина отбежала, как и я, страж остановился снова. Мне казалось, что колеблется, но, едва отступили еще на пару шагов, повернулся и медленно вернулся в темноту дверного проема. Двери медленно закрылись.

Джильдина сказала с бессильной яростью:

— Его не пройти!

— А заклятия? — спросил я деловито.

— Против такого зверя у меня нет... Видишь, амулет просто расплавился.

— Жаль... — сказал я медленно, — знаешь, можем попробовать другой вариант...

Она посмотрела, как на лягушку.

— Что ты можешь придумать, существо? Не всегда же тебе будет везти?

— Не всегда, — согласился я. — Но попробовать можно. Он то ли постарел, то ли поломался, заметила? Двигается, как будто гору на себе несет. Если выманить снова, как ты уже сделала прошлый раз, можно быстро пробежать мимо. Он не догонит.

Она подумала, сказала язвительно:

— А что там, в коридоре, дальше?

Я подумал тоже, вздохнул и развел руками:

— Ты права. Это я дурак, готов в бой, а ты — осторожная! Настоящая женщина. Все продумываешь вперед с точки зрения безопасности. Чтоб нигде даже пальчик не прищемить. Я все больше восхищаюсь тобой, Джильдина.

Ее лицо почему-то темнело, хотя я расхваливал ее с подбострастным огнем в глазах и льстивыми нотками в голосе. Оглянулась на дверь, измерила взглядом расстояние дальше в глубину зала, там темно, но чувствуется огромность помещения, что хорошо, однако в таком огромном могут быть и другие стражи или звери.

— Рискнем, — процедила она ненавидяще. — Дурак ты, и придумал дурацкое...

— Я такой, — сказал я гордо. — Как завяжу, так сам потом ржу, когда сто мудрецов развязать пытаются... Пока не придет другой умный дурак с мечом в жилистой, как у тебя, руке. С ярко выраженными трехглавой, двуглавой и полусухожильной... Нет, полусухожильная в другом месте, хотя... она мне в тебе тоже очень нравится.

Джильдина, не слушая, сделала пару шагов вперед, двери разъехались в стороны, страж начал выдвигаться вперед. На этот раз я внимательнее следил за его движениями, правая нога у железного истукана сгибается хуже левой, хотя я готов голову заложить, что никакими примитивными сервомеханизмами и не пахнет. Он весь цельнометаллический, из одного слитка, и движется, как металлическая глыба тонн так в тридцать, но в момент движения металл на мгновения переходит в жидкое состояние, как ртуть, сохраняя форму.

Страж остановился, когда Джильдина отошла на тщатель-

но высчитанное расстояние. Джильдина произнесла, не отрывая от него взгляда:

— Первым ты.

— Хорошо, — согласился я, — ты права, в зале куда опаснее, чем остаться с ним наедине...

— Нет, — прервала она резко, когда я изготовился к быстрому спурту, — ты стой здесь, а я побегу!.. Если бросится за мной, беги следом. В зале должно быть шире, там обойдешь по дуге. Думаю, далеко не пойдет, его задача — охранять двери...

— Все сделаю, — сказал я. — Умная ты, Джильдина! Ой, какая умная, с ума сойти...

Глава 10

Джильдина ринулась в тот же миг, хотя нормальная женщина осталась бы дослушать лесть. Хотя какая лесть, не ноги же расхваливаю. Назвать женщину умной — это как бы намекнуть на кривые ноги или отсутствие сисек. Я поспешно сделал шагок, страж тут же перенес внимание на меня, я начал обходить по дуге, страж отступил и встал в воротах. Я ощутил уже не беспокойство, а страх. Такому монстру стоит зажать только один раз, от меня останется мокрая шкурка.

Он смотрел неотрывно, я снова приблизился, страж пошел на меня, я часто задышал, ускоряя метаболизм, прыгнул в сторону, воздух над головой прорезала жуткая железная клешня. Я упал, подхватился и бегом ринулся вслед за Джильдиной.

Пол вздрагивал от тяжелого грохота стража, затем утихло. Джильдина уже в середине пещеры, задрала голову и осматривается с видом девочки, попавшей в магазин кукол, который ей подарили весь и целиком. Высокий, как настоящее небо, свод излучает ровный рассеянный свет. Стены от пола и до потолка выложены металлическими плитами.

Я ощутил себя под исполинским колпаком из нержавеющей стали. Кто-то приготовил пещеру для непростой работы или очень даже непростых опытов.

— Пойдем отсюда, — сказал я.

Она оглянулась с удивлением и неудовольствием.

— Что случилось?

— Не знаю, — ответил я, — но у меня чувство...

Она не стала дослушивать, метнулась через зал, на той стороне арка с распахнутой дверью. Я ринулся следом, а в зале коротко вспыхнул и погас розовый свет, со свода упал луч, высветив место, где мы только что стояли.

Джилдина зыркнула с тревогой, везде видит опасность, хотя я, избалованный безопасностью моей срединной Утопии, решил бы, что некто просто решил к нам лучше присмотреться.

— Что это? — спросила она.

— На свете много усега, Горацио, — ответил я, — сусань дальше... Пусть лошадь, у нее голова большая... Лошадь — это такая большая ящерица, но не ящерица...

Она нахмурилась, глаза зло блеснули, но, судя по выражению лица, допрос с применением пыток оставила на потом. За пещерой-залом открылась вырубленная в толще горы большая комната с ровными стенами, потолком и полом, чуть ли не расчерченным на аккуратные плиты. На стенах грубо обозначены каббалистические знаки, даже чересчур грубо, чувствуется нарочитый изыск, под дальней стеной длинный стол, в креслах два скелета склонились над столешницей в позах королей во время сложных переговоров.

Она начала по широкой дуге обходить стол, а я подошел напрямик. Скелеты уперлись локтями, образуя тем самым удобный упорный треугольник, ничего магического, сидят себе и сидят...

— Отойди, — сказала вдруг Джилдина.

— Как скажешь, — ответил я послушно. — Как я тебя слушаюсь, с ума сойти! Ты это ценишь?

Но скелеты уже задвигались, повернули ко мне головы. В пустых глазницах загорелся адский огонь, я отступил еще, однако оба все равно начали подниматься из кресел.

— К выходу, — велела Джилдина. — Обратно!

Она быстро вязала пальцами в воздухе причудливый узор.

Дважды из ее ладоней вылетали искры и жалили скелетов, но те обращали не больше внимания, чем если бы их кости пыталась укусить пчелы.

Я отступил еще на шаг, ноги ноют, озлился, ударил одного в пылающие горящими углями глазницы. Череп слетел легко, словно лежал сверху на костях. Я пнул второй скелет ногой. Кости обоих игроков с сухим треском рассыпались по всему полу, а череп ударился о плиты и разлетелся на множество осколков.

— Одна голова хорошо, — сказал я бодро, — но без нее смешнее.

Джилльдина неверяще смотрела на подкатившийся к ее ногам череп первого скелета. Я спросил буднично:

— Надеюсь, они тебе не очень нужны?.. Или хотела досмотреть партию?

Она смерила меня взглядом, будто увидела впервые.

— Нет, — ответила замедленно, — вот уж не думала...

— О чем?

— Что новичкам в самом деле везет, да еще до такой степени.

Я пожал плечами:

— Бог хранит дураков и детей, не знала? Это сушая правда. Я знаю, проверял на себе. Но завидовать нехорошо!

— Да уж, — пробормотала она. Кости под подошвами ее сапог захрустели. — Жаль, у меня такого везенья не будет. И ты не испугался?

Я сказал гордо:

— Скелетов? Не смеши.

— Ты бы знал, кто это, — ответила она сухо.

— И что?

— Штаны бы неделю сушил.

— Я же дурак, — напомнил я. — А дураки бесстрашны.

— Тогда и мне повезло с таким... — сказала она, не договорив последнее слово. — Ладно, пошли.

Мы прошли снова мимо шахматного столика, я остановился было посмотреть позицию, теперь с моей памятью я крутой игрок, надо бы как-нибудь, но Джилльдина зло заши-

пела издали, я поспешил к ней, улыбаясь и кланяясь, улыбаясь и кланяясь.

Она шарила по стене, срывала разные штуки, совала в мешок, глаза выпучены, руки трясутся, словно попала в парфюмерный магазин на распродажу за десять минут до закрытия. Я прошел осторожно комнату, заглянул в следующую.

Целый зал, синеватый свет струится от стен, свода, колонн и даже пола. Между колоннами по мозаичному полу бродят, металлически звякая когтями, драконы размером с кошку. Полуоткрытые крылья подрагивают на спине, будто драконы готовятся взлететь. Я ощутил некую неправильность, пока не сообразил, что блестит не хитин, как показалось, а металл. Драконы покрыты металлом, а то и вовсе целиком из металла.

Мне показалось, что бродят механически, для проверки вошел потихоньку, драконы меня просто не замечали. Я расхрабрился, присел и поскреб ногтем одного за ухом. Дракон остановился и ждал, слегка помахивая хвостом.

В дверном проеме показалась Джильдина, ее слегка сгибало под тяжестью мешка.

— Ты... что там делаешь?

— Люблю зверей, — сообщил я. — Как думаешь, драконы ближе к кошкам или собакам?

— А тебе зачем?

— Чтобы знать, как относиться, — объяснил я. — Уже весь мир знает, благодаря мне, что собаки — добро, кошки — зло.

Она скривилась так, что меня едва не приподняло и не гепнуло, но проредила только:

— Не понимаю, почему вас до сих пор не поубивало...

— Потому что мы — цветы жизни, — объяснил я.

Джильдина прошла через комнату с осторожностью, глаза не отрывают взгляда от прогуливающих драконов, но как-то ухитрилась с жадностью поглядывать и по сторонам. Я видел в них смертную тоску: столько всего нового, но мешок не резиновый, да и не в состоянии унести все и сразу.

Драконы двигались, как броуновские частицы, сворачи-

вали строго под тем углом, под каким наткнулись на стену, колонну или на другого дракона. Довольно простые устройства, понять бы только, откуда у них столько энергии. Даже Джильдина очень быстро уловила, что опасности от них нет, и хотя отступала и отпрыгивала с их пути, но довольно решительно прошла в следующую комнату.

В проходе встретились еще два, уже размером с собаку, металл отливают желтизной, словно выкованы из меди. Гребни на спине натянуты на толстых металлических штырях, что растут из хребта.

Еще дальше попались драконы уже с борзых, такие же худые и горбатые, гребни на головах прямо от переносицы, как у петухов, идут по шее и спине, сперва вырастая, затем снижаясь, а на кончике хвоста не крупнее рыбной чешуи, как у осетров.

Что не понравилось, так то, что эти драконы при виде нас уже останавливались и провожали взглядами мертвых стальных глаз.

— А какие будут следующие? — сказал я нервно.

— А они будут? — спросила Джильдина.

— Я в хорошее верю плохо, — сказал я, — хотя обязан, как демократ. А вот в разные гадости...

В следующее помещение мы заглянули с опаской. Я оказался прав, тамошние драконы уже с коней, тела отливают золотом. Я пугливо понял, что это не то золото, что ювелирное, это техническое, в семьдесят раз прочнее лучшей легированной стали. Из пастей драконов вырываются дымки, а когда один зевнул, мы даже отшатнулись от ревущего столба огня, ударившего в стену.

Только теперь я обратил внимание, что все стены не просто закопченные, а в некоторых местах камень даже потерял форму, «поплыл» от страшного жара.

— Ну что? — сказал я бодро. — Прорываемся? Или как?

— Надо подумать, — произнесла она напряженно.

— Думай, — поощрил я. — Потом поступим наоборот, и все будет путем.

— Что-о?

— Или выслушаем меня, — предложил я торопливо, — поступим наоборот, а потом еще раз наоборот!.. Давай так? Я думаю, надо переть напрямик, мы для них совсем не добыча. А под огонь просто не попадаться. Драконы сами по себе.

Она нахмурилась, нерешительно шагнула в зал. Я чувствовал, насколько ей страшно, быстро вышел вперед и пошел, лавируя между драконами, как через широкую улицу в час пик, когда автомобили идут со скоростью пять километров в час, нужно только успевать протискиваться между ними: и на такой скорости задавят.

За спиной слышал тяжелое дыхание, а когда на другом конце зала оглянулся, Джильдина приближается с бледным, как смерть, лицом, вытаращенными глазами и близкая к обмороку.

Я ухватил ее за руку и втянул под дверную арку.

— Видишь, — похвастал я, — как хорошо быть дураком? Дураки — бесстрашны. Еще говорят, колесо истории крутят дураки и мошенники. Они правят миром!.. У тебя голова еще не кружится?

Она сразу же пришла в себя, ошетинилась, как боевой динокобраз, рыкнула:

— Идем дальше. Раз уж попали сюда, нужно осмотреть все. Мы здесь первые, понимаешь?

— Да-да, — согласился я, — а это так, ветром намело всяких драконов из молибдена...

Она нахмурилась, взгляд ее прыгал, как блоха по горячему, искал ход, но на выбор сразу три, мы пошли по одному и сразу же вернулись в этот же зал. Отправились по другому и оказались здесь же, но уже после долгого и утомительного карабканья вверх-вниз, вверх-вниз по очень узкому и опасному ходу. Когда двинулись по третьему, почти сразу наши ноздри уловили запах сильных зверей, а затем каменные своды вздрогнули от мощного рева.

Мы крались потихоньку вперед, открылась пещера, куда с противоположных сторон вышли громаднейший лев, просто пещерный, и могучий медведь.

Они смотрели один на другого и злобно ревели. Джильди-

на хваталась за рукояти ножей, но пальцы тут же разжимались. И блондинка бывает в состоянии понять, что здесь даже двуручные мечи показались бы перочинными ножичками.

— Хорошо, — сказал я. — Как здорово!

— Что хорошего, — прорычала она, как третий зверь, — тут и с одним не справиться...

— Хорошо, — повторил я.

Лев, весь в сверкающей золотой шкуре и в роскошной гриве, устрашающе взревел и выгнул грудь. Медведь прорычал еще громче, встал на задние лапы и пошел на льва, медленно и нелепо переваливаясь, как беременная утка.

— Ты за кого? — спросил я шепотом Джильдину.

Она даже не поняла вопроса, ее глаза не отрывались от чудовищ. Лев раздул грудь, откинул назад голову, а затем плюнул в медведя огненной струей. Даже мы ощутили жар сжигаемого воздуха, медведь с неожиданной ловкостью поднырнул под струю и уже на четырех лапах в два прыжка оказался перед львом.

— Ни фиги себе лев, — сказал я ошарашенно, — это нечестно...

— На войне все честно, — возразила Джильдина.

Лев взревел громче, медведь раскрыл пасть, показывая длинные клыки. Лев ударил его по морде лапой, но чудовищная пасть медведя тут же сомкнулась на ней. Мы услышали скрип, лев неожиданно рванулся вперед и повалил медведя, что отпустил лапу и пытался прокусить закрытое мощной гривой горло.

Некоторое время они дрались молча, даже не взрывались, а только пыхтели и надсадно сопели.

— Когда дерутся лев и медведь, — сказал я, — больше всего выигрывает Джильдина на дереве.

— Что? — переспросила она. — Где тут дерево?

— Это изысканное иносказание, — пояснил я. — Дракон, сидящий на дереве... Говорят, фолклендская война была дракой двух лысых из-за расчески. Как думаешь, что получит победитель после этой драки?.. Хотя да, что это я так размеркантильничался? Словно и не рыцарь... В самом деле, эти

двое могут драться не ради презренной выгоды, а ради чести, славы, геройства и расширения ареала.

Лев с рычанием трепал медведя, навалившись сверху, огромный и величественный, настоящий царь зверей. Да только медведь, который хозяин тайги, считал его нелегитимным царем и, сумев обхватить льва лапами, перевернулся на бок, и уже он оказался сверху на льве.

— Доблесть — нравственное мужество, — сказал я. — Помоему, вон у того нравственного мужества больше. Я имею в виду медведя, хотя лев, конечно, импозантнее... Ты на кого ставишь?

Джилдина не отрывала от сражающихся монстров взгляда.

— Лев победит.

— Подумаешь, — сказал я уязвлено. — Красавец! А мне роднее медведь... Суровая неброская красота, без всякой аффектации. Он не позирует, как его противник, а дает отпор Западу молча и сурово. Медведь мудр, а мудрые ведут войну ради мира.

Золотая кожа обагрилась кровью. Легендарные львиные лапы, один удар которых сразу перебивает спину буйволу, для медведя что детские палочки. Лев это наконец понял и теперь со свирепым рыком хватал противника пастью.

— Полезною, — сказал я, — оказывается лишь та война, которая предпринята для идеи, для высшего и великого принципа, а не для материального интереса, не для жадного захвата... Как думаешь, здесь именно тот случай? Мне почему-то хочется в это верить... Я вообще люблю верить в высокое, светлое, чистое, халявное...

Медведь зажал льва в передних лапах, тот взвизгнул по-кошачьи, швырнул в стену. Лев шмякнулся, но не сполз на пол, а метнулся, как брошенный пружиной, обратно. Медведь, не ожидавший такого ответа, рухнул под его тяжестью, а лев с рычанием вцепился в заросшее густой шерстью горло.

— Я же говорила, — прошептала Джилдина.

— Посмотрим, — ответил я упрямо, — наши медведи так легко не сдаются. Непаром же они на гербе нашей столицы. Большой такой медведь с топором в лапе... Ах да, это на гербе

Берлина... Всякую войну легко начать, но крайне трудно кончить, видишь? Лев хотел бы почетной сдачи, но медведь не знает таких понятий. Он будет драться до капитуляции... Не своей, конечно.

Лев ревел и рвал зубами медвежье горло. Мы видели кровь, но, похоже, в пасти льва больше длинной и густой шерсти, чем мяса или кожи, затем медведь обхватил льва всеми четырьмя, сдавил, тот взвизгнул совсем не по-царски, а медведь с усилием сбросил льва. Лев тут же напрыгнул на медведя снова, тот не успел ни встать, ни даже повернуться, но все-таки медведь на этот раз не дал ухватить себя за горло, а бил льва лапами и старался насесть сверху.

— Победы, — сказал я значительно, — которые достигаются легко, немногого стоят. Только теми из них можно гордиться, которые являются результатом упорной борьбы, как сказал великий Карл Гете Вашингтон.

— Лев — прирожденный боец, — сказала Джильдина, она не отрывала взгляда от схватки, — он победит!

— А медведь, — ответил я, — простой труженик. Он даже малину собирает! И мед ест. А зимой спит, как все мы. Но всякий раз свирепая доблесть прирожденных воинов отступала перед суровым мужеством наших тружеников! Кто с мечом к нам...

Она на миг оглянулась.

— Что ты мелешь? Какие труженики? Там лев и медведь!

— Это ограниченный взгляд, — произнес я печально. — Во всем нужно видеть высший смысл. На первый взгляд это всего лишь лев и медведь. На второй — тоже. Даже на третий!.. Кто-то, возможно, увидит даже на четвертый, а на пятый уже и смотреть не станет. Но все-таки, все-таки одухотворенный и эстетически развитый человек должен видеть в будничности больше, чем ему показывают!

Сцепившись, звери давили друг на друга, пытаясь вытеснить с занятого места, словно борцы сумо. Грива льва красиво развевалась, он был грозен и величественен, настоящий царь, лик благороден, а медведь есть медведь, сразу видно, что из леса, никакой грации.

Я с неудовольствием покосился на Джильдину. Все-таки красавчик лев ей нравится больше. Как бы ни играла мышцами, но поскреби любую бизнес-леди, обязательно увидишь бабу. Пусть даже с такими бицепсами, трицепсами, квадрицепсами и сикстицепсами.

Жуткий рев сотряс пещеру, мы услышали хруст, это медведь перекусил льву лапу, но и сам хромает на трех, да еще кровь обильно бежит по шерсти. Лев выглядит как искупавшийся в кровавом бассейне, но у него шерсть короче, раны видны, в то время как медведю, возможно, досталось больше.

— Говорят, — сказал я, — победитель приобретает некоторые черты побежденного... Кто будет победителем, еще не ясно, хотя уже известно, но в конечном счете ничто так не помогает победе истины, как сопротивление ей. Как думаешь, кто из них больше ей сопротивляется?

— Кому? — переспросила она туповато.

— Истине! — сказал я. — Истина ведь не только в вине, водке, пиве, саке, виски, джине, роме, глнтвейне и прочих взвешивающих эликсирах. Истина бывает и возвышенной, одухотворенной, эстетически мотивированной, как, к примеру, око за око, зуб за зуб, глаз за глаз, подлодку за подлодку... Кстати, нам можно не прятаться. Им сейчас вообще не до нас. Да и вообще...

— Что?

Я отмахнулся.

— Уверен, победитель нас не тронет...

— Обессилеет? — спросила она.

— Нет, — ответил я с неудовольствием, — как ты понимаешь все примитивно! Добро всегда побеждает зло; значит, кто победил, тот и добрый. А раз добрый, то не съест. Даже не покусает. У него и зубов уже нет.

Глава 11

Не дожидаясь ответа, я потихонечку пошел вдоль стены, стараясь наблюдать за чудовищами только краем глаза, а то, говорят, они не любят, когда им смотрят в глаза.

Джильдина так же медленно пошла за мной, я слышал, как она шипит сквозь зубы, на спине между лопатками у меня началось жжение от ее злобного взгляда.

В центре зала два чудовища продолжали сотрясать воздух, стены и даже пол. Мы слышали звук тяжелых ударов, рев, рык, храп, надсадное сопение. Я ускорил шаг, но в дыру напротив вошел, а не вбежал, а вот Джильдина влетела с таким напором, что едва не сбила с ног.

— Ну ты и... Никогда ничего не делай без меня!

— Я просто чуть тебя опередил, — запротестовал я. — Ты же сама хотела так, верно?

— Да... ну да, конечно...

Она часто дышала, глаза закрывались, я дал ей сползти по стене на пол. Тяжелый мешок перекашивал ее на одну сторону, лямки врезались в плечи, как стальные цепи.

— Это было жутко, — прошептала она. — Даже не знаю... как обратно.

— Все думают только о себе! — укорил я. — Лишь я думаю только обо мне. Где пройдет олень, там пройдет и мамонт...

Она не отвечала, разгорающийся жадным огнем взгляд устремлен на раскрывшуюся комнату, которую охраняли бестолково слоняющиеся драконы. Я оглянулся и беззвучно охнул. От входа в темную бесконечность уходят два широких стола, заставленные тиглями, колбами, ретортами, мини-жаровнями, пузырьками, кувшинами и прочим малопонятным, но угадываемым по назначению инвентарем. Между ними в относительном порядке щипцы, пинцеты, ножи, пилки и пилочки, точильные камни...

Вдоль стен широкие деревянные полки из толстых, плохо обструганных досок, палец не просунуть между кувшинами всех размеров и расцветок: медных, глиняных, бронзовых, железных, даже серебряных, всевозможных чаш, частью закопченных и даже оплавленных. На других полках сундучки, ящички, корзинки с травами, а то и просто связанные веревочкой пучки засохших стеблей, лапы и головы жаб, ящериц и непонятных зверьков. С потолка свисают мумифицированные тушки уродливых летучих мышей, похожих на глубоко-

водных рыб, и чучела зверьков, породу которых я даже не пытался определить.

Свет озаряет на десяток шагов, столы уходят в темноту. Джильдина медленно пошла впереди, огонь из факела в ее вскинутой руке то и дело лизал подвешенные чучела. Они начинали беспокойно раскачиваться.

Я вскрикнул:

— Ты что делаешь? Они же могут загореться! Мы даже не выскочим...

— Не трать, — ответила она равнодушно, не поворачивая головы. — Думаешь, тут не вспыхивал огонь?

Я прикусил язык. Да, судя по закопченным тиглям, здесь бы давно все сгорело, если бы могло гореть.

— Все равно, — сказал я неуверенно, — защитные чары могли выдохнуться. Ослабеть, в смысле...

Она не сочла нужным ответить, еще одно оскорбление, я шел сзади злой и настороженный, мечтая, чтобы из темноты выскочило чудовище, бросилось на Джильдину, я одним ударом сразу зверя, а она выползет из-под окровавленного трупа помятая и жалкая, начнет благодарить, а я скажу снисходительно...

Она сделала десяток шагов, огонь факела в ее вскинутой руке то и дело касался свисающих с потолка фигурок. Я создал шарик света побольше, но Джильдина его словно бы не заметила.

— Это не совсем то, — произнесла она озадаченно, — что я ожидала...

— В лаборатории мага? — переспросил я. — А чего ты ожидала?

Она помедлила с ответом, лицо омрачилось.

— Я часто представляла, как войду сюда, — ответила наконец с неохотой. — Везде кучи золотых слитков, мешки с золотыми монетами, сундуки с драгоценными камнями... И, конечно, на столе — амулеты власти, силы, красоты, богатства!

— В лаборатории мага? — переспросил я. — Даешь.

Она огрызнулась:

— А что, это не самое важное?

Вид у нее был рассерженный, я не стал спорить, просто пробормотал, защищаясь:

— Не для всех.

Она сморщила нос.

— Я придурков в расчет не беру.

— А маги как раз они и есть, — сказал я тихонько, чтобы не рассердить.

— Что?

— Исследуют природу, — пояснил я, — забравшись в такие дебри. А могли бы сразу стараться хапнуть золота.

— Они и хапают, — сказала она зло. — А если исследуют еще, то чтобы хапнуть больше!

Она повернулась ко мне, злая, как кобра, вид такой, что придется драться. Я отступил и выставил перед собой ладони.

— Как скажешь, моя экономистка! Ты главная, твое слово — закон.

Она сказала рассерженно:

— Но тебе не нравится, что я говорю!

— Но я подчиняюсь, — напомнил я. — А это главное, не так ли? Твой феминизм должен испытывать чувство глубокого удовлетворения, если ты врубаешься, на что я намекаю.

Она разжала кулаки, но лицо осталось все еще злое.

— Ты думаешь обо мне какую-то гадость...

— Ты обо мне думаешь еще хуже, — парировал я, — но это неважно, так ведь?

— Так то я!

— Ну да, — пробормотал я, — ну да...

Она меня уже не слушала, я видел, как ее глаза жадно шарят по столам. В огромных стеклянных колбах плавают в прозрачной жидкости огромные жуки, пауки, сколопендры, змеи, жабы, ящерицы. Почти все настолько измененные, что я даже не понимал: жук это или жаба, покрытая рыбьей чешуей.

И еще, я не мог понять, как можно трофей такого размера засунуть в сосуд с настолько узким горлышком.

Джильдина медленно движется между столов, взведенная, как туго натянутая тетива арбалета. Все замечает, все схватывает, все опасности обрушатся, как она понимает, на

нее. Я поспешно задавил в себе искру благодарности. Она просто стремится увидеть ценности раньше меня. Если блеснет кусок золота или драгоценный камень, можно не сомневаться, меня не спросит, тут же сунет в поясную сумку.

На полу между столами то и дело попадаются человеческие скелеты. Некоторые рассыпаются в пыль при малейшем прикосновении, а другие выглядят так, будто их обглодали сегодня утром. На обоих столах вперемешку с колбами и тиглями черепа существ, я опознал только несколько человеческих. Правда, половина остальных тоже могут быть человеческими, я не знаю пределов мутаций.

— Стоп, — сказала она резко.

Я застыл с поднятой в воздухе ногой. Джильдина тоже замерла, только глазные яблоки двигаются в орбитах из стороны в сторону. Ноздри подрагивают, я чувствовал, как всей кожей ловит чувство опасности.

— Не двигайся, — произнесла она и сделала первый шаг.

Сухо шелкнуло, из стены вылетело копьё. Джильдина резко отклонилась. Острое жало ударило в противоположную стену и, к моему изумлению, вонзилось в камень, словно в дерево. Древко копья закачалось в воздухе. Она кивнула и, не сказав ни слова, все и так понятно, пошла дальше, все такая же настороженная и готовая к неожиданностям.

Еще дважды из стен вылетали копья, Джильдина молниеносно отклонялась. Я лгисто сказал, что она просто сама круть. Она хмыкнула:

— Рассчитано на таких же олухов, что строили хранилище. Они же первыми и пытались грабить... Думаешь, по чьим костям шагаем?

— Как-то не думал, — пробормотал я.

Она сказала с полнейшим чувством превосходства:

— Ты и не думай. Достаточно слушаться.

— Слушаюсь, — сказал я послушно. — А чем их убило...

— Да все... — начала она и осеклась. Глаза ее расширились.

Сухо шелкнуло, я успел увидеть блеск на кончике копья до того, как сообразил, что бросок нацелен в меня. На рефлексам качнулся в сторону, взмах, пальцы сжались на чудо-

вишно холодном. Руку занесло за спину так, что чуть не вывернуло суставы, я метнул копье обратно.

Тот же щелчок, затем болезненный вскрик. Копье вонзилось в стену на всю длину наконечника. Проступила кровь, темными потеками поползла к полу. Я тер озябшую ладонь, а Джильдина смотрела на меня неверящими глазами.

— Ты... что?

— Извини, — пробормотал я. — Как-то само собой. Больше не повторится.

Она покачала головой, не сводя с меня изумленного взгляда.

— Ты... быстр. Это моя вина, недоглядела. Но как ты...

— Веду обидам точный счет, — ответил я цитатой из классика, — и уж за мной не пропадет... А чего кидается? Раскидался, гад. Больше не кинет. Надеюсь...

— Я тоже надеюсь, — ответила она уже сдержаннее. — Ладно, буду внимательнее. А ты все-таки пригибайся. Теперь понял, почему в тех скелетах на полу никаких дротиков?

— Понял, — ответил я. — Растаяли дротики. Как будто за сосульку подержался! Да где там сосулька... Обожгло, словно за железо на морозе схватился.

Она сделала несколько шагов, я смотрел по сторонам, услышал, как за спиной вскрикнула Джильдина. Посреди зала небольшой круглый стол, а на нем, накрытое прозрачным колпаком, ярко блещет нечто, похожее на крохотное солнце. Я рассмотрел простенькое невзрачное колечко с крохотным камешком. Остальные столы держатся на почтительном расстоянии, подчеркивая, что центр и высшая ценность — там, а они всего лишь слуги.

— Талисман Всех Талисманов! — вскрикнула Джильдина, в ее голосе я услышал надежду и страх одновременно.

— Ценное? — спросил я. — Тогда бери, а то лежит дурно...

Она торопливо шагнула к столику, но, едва протянула руку, в зале вспыхнул яркий свет, будто под сводом зажглось настоящее солнце. С треском разломились стены, из щелей грузно выпрыгнули, как дрессированные носороги, закованные в стальные латы огромные тролли.

Джилльдина с проклятиями отступила, в обеих руках заблестели длинные ножи. Я перехватил ее взгляд, брошенный на доспехи троллей, по-моему, врубилась, что ножи хороши наверху против себе подобных, там не разгуливают закованные в сталь монстры.

Я вытащил из ножен меч.

— Отступаем?

Она оглянулась.

— Не получится...

С той стороны четверо троллей вышли из щелей и загородили выход. Сердце колотится трусливо, как овечий хвост, что значит — нагнетает адреналин, я перебросил меч из руки в руку, сказал тем голосом, которым должны говорить мужчины, неважно, где у них в этот момент душа:

— Подумаешь! Истинное добро побеждает зло, не вступая с ним в сражение. Я именно такое добро. И считаю, что уже победил. А ты?

Не отвечая, она сорвала с груди мешочек и швырнула в ближайших троллей. Раскрываясь в полете, он выпускал порошок сверкающим веером, тот на лету менял цвет от белого через голубой к зловеще-багровому, Джилльдина крикнула что-то резкое вслед. Тролли остановились, я думал, что попятятся, однако раздался подземный гул, стены затряслись, сверху посыпались камни.

— Отходим! — закричала Джилльдина. — Не назад, туда!

Мы поспешно отступили под защиту стены, меня ударило по плечу, тукнуло больно в голову. Я упал, а камни сыпались и сыпались, рассекая кожу. Совсем рядом с моим лицом в каменистую землю воткнулась глыба, похожая на острие гигантского копья, словно наконечник соскочил с великанского древка.

— Сверху! — крикнула Джилльдина предостерегающе.

Тролли вскинули щиты, сталактиты обрушивались тяжело, тролли содрогались, но их горящие глаза не отрывали от нас жестоких взглядов. Я видел, как медленно пробуждается в них ярость, понял, что теряем важные мгновения, заорал и прыгнул вперед.

Двое сразу закрылись щитами, в руках огромные топоры, я как можно быстрее достал одного в ударе кончиком меча по передней лапе. Тролль взревел, я так же быстро ударил второго. Сзади кричала Джильдина, я вертелся, отпрыгивал, наносил удары, пока тролли не разогрелись от вековой спячки и двигаются еще медленно.

С потолка пещеры сорвались еще три огромные сосульки. Все с хрустом вонзали в каменный пол острые жала и падали набок, оставив торчать обломанные острия. Я всякий раз холодел, щита у меня нет, а троллям эти камни что слону дробина.

Наконец пещеру наполнил рев, рычание, я видел горящие дикой злобой глаза. Тролли размахивали топорами и напирали нестройной массой, защищая столик, накрытый прозрачной сферой. Джильдина визжала, впервые растеряв шварценеггерность, озиралась беспомощнее блондинки перед бандой брюнеток.

Талисман Всех Талисманов уже не видно за массивными закованными в сталь телами, Джильдина наносила короткие удары и отпрыгивала.

— Что делать? — прокричал я.

— Не хочу, — крикнула она отчаянно, — не хочу уходить...

— Нас сомнут!

— Я лучше умру здесь, — прокричала она. — Здесь Талисман Всех Талисманов!..

Земля под ногами подрагивала, мы спотыкались о куски сталактитов. По ушам ударил сухой шелкающий треск, одна из щелей в стене раздалась, по земле побежала узкая извилистая трещина. Я все еще не чувствовал паники: двигаюсь намного быстрее троллей, успеваю выскальзывать из-под падающих топоров, мой меч наносит глубокие раны, отсекает руки, ноги, а то и головы, только оставшиеся тролли не обращают внимания, морды одинаково злобные, в глазах ярость, а мускулистые лапы мерно взмахивают топорами.

Треск усилился, земля задрожала чаще. Щель начала расширяться, уже не всякий перепрыгнет, а трехногий столик, что вроде бы на нашей стороне, одной ногой завис над щелью.

Мне показалось, что медленно сдвигается и вот-вот рухнет в пропасть. Я перестал отпрыгивать, взвинтил темп, пот градом по лицу, дыхание рвется из груди, но срубил еще троих. Металл звенит, кости трещат, а плоть троллей рвется под острием меча Арианта, как ветхая мешковина. Когда остались на пути всего трое зеленорылых, я замахнулся мечом, тролли закрылись щитами, но я прыгнул между ними и торопливо ухватил сверкающий колпак над сверкающей искоркой в колечке.

Пальцы обожгло, я тут же выронил колпак и перекатывался да увертывался от падающих на меня лезвий острых топоров, что-то отчаянно кричала Джильдина. Столик закачался, колечко соскользнуло с гладкой поверхности и по дуге начало падать в щель, откуда уже пахнет огнем и серой.

Извернувшись, я в последний миг успел перехватить растопыренными пальцами. В ладонь ударило током, что пробежал по телу и растворился. Череп раскалывается от дикого рева, я откатился от трещины, а два топора и острое копьё ударили в то место, где я только что лежал. Я вскочил, успел парировать удар одного, но сзади стукнули по затылку с такой силой, что лязгнули зубы, а в черепе раздался протяжный звон, словно ударили в огромный и пустой, как моя голова, колокол.

Пальцы разжались, кольцо выпало и, весело сверкая гранями, покатилося к краю бездны. Тролли бросились за ним, я заорал и поспешно ударил одного в спину, но второй успел подхватить охраняемое сокровище в тот момент, когда колечко уже сорвалось в щель. Троль повернулся ко мне лицом, я увидел на его лице торжество, острое моего меча пронзило ему грудь, я поспешно выхватил талисман, а зеленомордого толкнул в пропасть.

— Спасибо!

Джильдина дралась, зажатая в угол двумя массивными, как вставшие на задние ноги носороги, троллями. И двигались они с той же грацией, могучие и непобедимые в этом мире, где все решает таранный удар и взмах тяжелой секиры. Но их создатели или наставники не учили, что может прийти

мир, где важнее не сила, а скорость. Джильдина увертывалась от тяжелых ударов, любой рассек бы ее пополам, ножи достают троллей чаще, но только высекают злые искры из стальных панцирей.

Тяжело дыша, я отошел от края пропасти. Меч оттягивает руку к земле, свободной рукой пытался зафиксировать кольцо в карман. Сверху на голову обрушилось огромное, пахнущее сваленной шерстью, кровью. Шея затрещала, стегнуло острой болью, я под тяжестью рухнул и больно ударился лицом о каменный пол. Кольцо выпало и заскользило к пропасти. Сильные руки обхватили меня за горло, я задыхался. Издали слышал крик Джильдины, но ответить не мог, наконец нашупал рукоять кинжала, выдернул и ткнул за спину наугад.

Барабанные перепонки едва не лопнули от дикого рева. Я ударил еще пару раз, хватка ослабела, я извернулся, жуткий тролль одной лапой зажал рану на боку, другую протянул ко мне. Она выглядела толстой, как ствол дерева, но перевита чудовищными мускулами.

Я быстро вскочил и взмахнул мечом.

— Не протягивай лапы...

Отрубленная по локоть рука упала на пол. Кровь из обрубка хлестнула в три струи.

— ...а то протянешь ноги, — договорил я и так же быстро ударил в голову.

То ли я двигаюсь от изнеможения медленно, то ли тролль невероятно быстр, но лезвие лишь рассекло левое плечо, развалило до середины грудной клетки, и тролль умер раньше, чем рухнул. Я стоял, опустив меч и голову, сердце выскакивает уже из горла. Вся комната завалена трупами, крови набегало по щиколотку, а на той стороне Джильдина все еще бьется с двумя троллями.

— Хреновый из меня рыцарь, — прохрипел я и ударил тролля, как копьём, в спину. — Чехов бы так не поступил...

Тролль жутко взревел, лезвие моего меча отыскало и пронзило сердце. Второй начал поворачивать в мою сторону голову, и Джильдина, воспользовавшись моментом, умело вонзи-

ла длинный нож в узкую полоску между рогатым шлемом и стальным воротником панциря.

Я отпрыгнул, Джильдина скользнула в сторону. Тролли тяжело рухнули на пол, секиры со звоном выскользнули из лап. Их морды забрызгало кровью, я спросил торопливо:

— Ранена?

— Нет, — ответила она сипло, грудь ее ходит ходуном, а глаза вылезают из орбит, — ты их всех... сумел... один?

— Как это один, — оскорбился я. — Это ты их, а я тебе только помогал!

Она тяжело дышала, взгляд то и дело пробежал по убитым, снова возвращался ко мне.

— Что с Талисманом?

— Упал в щель, — ответил я. — А что, он нужен?

— Еще бы, — ответила она с горечью. — Еще бы...

Переступая через трупы, я вернулся к расщелине. Почти отвесные стены уходят в немыслимую глубину, плещется оранжевая лава, видно, как быстро появляются и пропадают огненные водовороты, вспыхивают синие дымки, пахнет гарью, воздух поднимается сухой и горячий.

Глава 12

Я присмотрелся, метрах в десяти внизу на скале блеснуло знакомым звездным огоньком. Джильдина тяжело дышала, медленно приходя в себя, в глазах крайняя обреченность, хотя за плечами мешок с нахапанным.

Я поколебался и сказал:

— Я думал, я ошибся, но я ошибся. Талисман не упал в лаву.

— Что? — вскрикнула она.

— Он застрял по дороге, — объяснил я. — Если сильно повезет, его можно достать.

Она с такой скоростью ринулась к расщелине, что едва не сорвалась туда сама. Руки дрожали, когда сбрасывала мешок, верёвку торопливо закрепила на поясе, глазами искала за

что привязать здесь, но, кроме трупов, не за что, я покачал головой:

— Не дури. Если хочешь спуститься, я прослежу, чтобы ты выбралась обратно.

Она пытливо посмотрела мне в лицо. В глазах страх борется с надеждой, наконец махнула рукой:

— Хорошо. Все равно без Талисмана не хочу возвращаться.

— Не говори так, — предостерег я.

— Я лучше умру, — отрезала она.

Я молча протянул руку. Она бросила мне конец веревки, у меня сердце сжалось, когда почти прыгнула в разлом. Я следил, как вцепилась в край, искала ногами, обо что опереться, потом начала медленный спуск. Я полегоньку травил веревку, упирался. Однажды Джильдина сорвалась и несколько ярдов падала, мои мышцы трещали и лопались, я удержал ее сам просто не знаю какими усилиями.

В пропасть я не заглядывал, сам свалюсь, наконец снизу донесся далекий крик. Я с силой потащил веревку на себя. Временами вес ослабевал, Джильдина пытается карабкаться сама. К счастью, стены не зеркально гладкие, я снова взмок, больше от напряжения, наконец над краем показались ее руки.

Она перевалилась наверх, лежала, тяжело дыша и глядя вверх. Лицо счастливое, хотя превратилось в черную маску из копоти. Когда поднялась, все спина и задница стали багровыми от полусвернувшейся крови троллей.

— Поздравляю, — сказал я напряженно. — Уходим?

— Да, — сказала она, тяжело дыша. — Охрану побили, но мне просто не верится, что это конец...

— Господи, — сказал я потрясенно, — что еще может быть? У меня и так перед глазами все эти туннели, пещеры, залы, тролли, мутанты, дикари, подземники, пещерники, демократы... нет, демократы уже отмелькались, сундуки с, конечно же, несметными сокровищами и всякими древними артефактами!.. Калейдоскоп. Даже на мой простой и незатейливый вкус общечеловека, многовато. Перебор, как мне кажется. Уже из ушей лезут эти скитания на одном месте. Топаем отсюда? А то еще кто-нибудь придет...

— Уходим, — ответила она с готовностью. — Хотя их и побили, но...

— Но придут еще, — согласился я угрюмо, — свято место пусто не бывает, а герои не стоят на месте даже у Тургенева. Да и как-то все слишком просто... Думаю, тут давно все разладилось. Только потому мы и прошли. Настоящая охрана нас бы давно уже...

Она нахмурилась, сказала резко:

— Но мы прошли, а другие — нет!

— Да, — сказал я гордо, — остальные еще хуже. А мы — молодцы! Я так вообще красавец. Правда? Как думаешь, узелок не слишком сдвинулся?..

Она посмотрела на меня впервые без отвращения, взгляд внимательный, я уж испугался, что вдруг согласится, я ж тогда совсем пропал, но она только сказала после паузы:

— Если тем же путем... мы не пройдем?

— Почему? — спросил я и прикусил язык, взглянув на мешок за ее плечами.

— И ты не пройдешь, — сказала она.

Я возразил:

— С мешками можно придумать. По веревке протащить отдельно... Только туда все равно отсюда напрямую не добраться.

Она быстро повернулась к выходу. Я видел, как расширились ее глаза, а ладони непроизвольно опустились на рукояти ножей. Сталактиты в том месте падали так густо, что обвалили и часть свода. Выход перекрыло начисто, а отгаскивать глыбы опасно, потолок в сильных трещинах.

Мы одновременно повернулись к арке на противоположной стороне, там низкий проход, ничем не украшен, словно там черный ход для челяди. Мне показалось, что с потолка свисает густая паутина, хотя откуда здесь пауки...

Джилдина, уже собранная, как готовый к стрельбе арбалет, быстро прошла туда и заглянула вовнутрь. Я оглядел зал, ощущение неправильности происходящего стало сильнее. Все смешалось в доме Облонских, системы охраны одни не действуют, другие работают вполсилы, а третьи все еще ждут

захватчиков в блестящих доспехах и со световыми мечами, на прорчих не обращая внимания...

Даже тролли, мелькнула мысль, дрались чересчур вяло и как-то нерешительно. Словно неуверенные, что защищать нужно и от нас.

Джилдина в нетерпении оглянулась.

— Не спи, Рич!

— Спасибо, — сказал я.

— За что?

— За Рича, — ответил я. — Память у тебя как у индийского тапира. Второй раз уже вспомнила, как меня зовут!

Она нахмурилась и молча углубилась в темный ход. Паутина оказалась настоящая, Джилдина разрывала ее руками. Все тело облепило, как муху в коконе, но двигалась по избранному пути настойчиво и неуклонно, как метеорит, что уничтожил динозавров.

Я пригнулся, остатки паутины колыхнутся под сводом, в конце вообще пришлось на четвереньках, но выбрались из норы на ярко-пурпурный свет. Я оглянулся, уходящая в безумную высь стена испещрена искусно сделанными барельефами звериных морд, человеческих и не совсем человеческих лиц, странными знаками, символами, изображениями звездных знаков.

— Мы снова под открытым небом, — сказал я счастливо.

— И что? — спросила она трезво. — Та же тюрьма с высокими стенами. Только не темница.

— Выберемся, — произнес я и пугливо оглянулся: не слишком ли много беру на себя, все-таки генералиссимус у нас Джилдина, а то я нагенералиссимусую, мало не покажется. Лучше уж бегать за нею со шлейфом в руках. — Ты придумаешь, как и где. Ты у нас — голова! Ты у нас — умная! Ты вообще все умеешь.

Она посмотрела с подозрением, но я тарашил глаза с чистым лицом преданного идиота, она проговорила нехотя:

— Давай искать выход.

Снова ноги увязают в песке, я иногда представлял, какие там под ногами на глубине могут быть дивные механизмы, аг-

регаты, девайсы и гаджеты, но вот так всю жизнь приходится проходить мимо чудес: всегда нужнее что-то сиюминутное, житейское, а чудеса откладываются на потом, которое никогда не наступает...

Джилдина остановилась перед заваленной камнями расщелиной. Ее можно угадать только по трещине в стене на высоте в три моих роста.

— Мне кажется, там ход.

— Но камни... — сказал я с сомнением.

— Камни придется убирать, — ответила она хмуро.

— Многовато, — заметил я. — А нельзя ли твоим Талисманом?

Она поморщилась.

— Совсем дикий?.. Теперь нужно найти книги, где написано, как им управлять.

Я напомнил:

— Но ты говорила, ему подчиняется все железо Древних.

— Да, — ответила она без уверенности, — но как подчиняется? Не думаю, что железу достаточно показать это кольцо!

— Да, — согласился я, — я бы точно не понял. А почему железо должно быть умнее?

Она рыкнула:

— Хватит болтать! Бери!

Сбросив мешок, она взялась за ближайший камень. Я малость полюбовался на ее вздувшиеся мышцы, красивые дельты, прекрасно развитый плечевой пояс, на трицепсы вообще смотреть страшно, а бицепсы — вылитые пушечные ядра для Царь-Пушки. Она сопела, упиралась, красивые ноги штангистки напряглись, камень скрипнул и нехотя сдвинулся.

Мой камень поддался легче. Я откатил в сторону, Джилдина все еще воевала с первым, я залез повыше и, крикнув «поберегись», спихнул ногами верхние. Так возились около часа, устали, но я заметил, что справляюсь легче, чем Джилдина. Заметила и она, что камни мне поддаются легче, я перехватил ее ревнивый взгляд на мои мышцы, и хотя у меня нет ее рельефа, но мою силу начинает замечать... Даже не знаю, нужно ли мне такое признание.

...Я еще пару раз забирался наверх и скатывал глыбы, а то задавят, если будем выдергивать снизу, и первым заметил, что стенки щели раздвинулись достаточно, можно протиснуться. С помощью Джильдины свалили еще пару камней, она тут же полезла первой, я двигался ползком следом, напоминая себе, что настоящий джентльмен всегда пропустит женщину вперед, чтобы посмотреть, как у нее там сзади, а я, выходит, сама учтивость да еще демократ, когда все равны, так что нет ни проблем, ни угрызений совести...

За спиной свет померк, двигались некоторое время в полной тьме, затем впереди проступило нечто вроде смутного рассвета. Ход уже расширился, сперва двигались на четвереньках, а потом и в полный рост. Мои глаза быстрее привыкают к слабому свету, я видел в стенах нашего туннеля ниши со скульптурами давно ушедшей эпохи, странными наскальными знаками. Джильдина шла мимо, не поведя бровью, а я всматривался с трепетом и жадностью. Так вот вы какие, люди предыдущей эпохи... И хотя все мы один род и одна кровь, но вряд ли художники стилизовали всех вот так одинаково...

На выходе из туннеля пахло жарким воздухом, но по краям красиво расположены груды... кристаллического льда, похожие на исполинские алмазы. Я на ходу потрогал пальцем, обожгло холодом, а на плоскости льда остался мокрый след.

— Колдовство, — сказал я. — Что за лед, который не тает? Будь осторожна. Если тебя прибьет что-нибудь, я ж не выберусь.

Джильдина остановилась на выходе, не вступая в круг света, глаза настороженно всматривались. Просторная пещера, даже не пещера, вон в своде оплавленная дыра, в которой быстро бегущие багровые тучи, я увидел в сумраке очертания исполинских механизмов, сердце едва не выпрыгнуло от счастья и в то же время разочарования. Да, здесь песком засыпало не все, самые высокие еще торчат наружу... но почему я сразу понял, что это механизмы, так не должно быть, или это не самый высокий технологический уровень! Будь высокий, я бы просто абсолютно ничего не понял...

— Боишься? — спросила Джильдина. — Тогда иди вперед. Убьет — потеря невелика.

— Ну да, — ответил я обидчиво. — Меня убьют — все исчезнет!

Она вскинула брови:

— Это как?

— А ты не знаешь?

— Нет.

— Я — целая вселенная, — объяснил я гордо.

— А-а-а, — сказала она равнодушно, — ну, ее не жалко. Таких вселенных тысячи. Иди-иди!

Я пошел, теперь уже и она понимает, что я чую ловушки и западни лучше ее. Так что, можно считать, что это я вынудил пихнуть меня вперед. Хотя, конечно, малость заедает. Тон или интонация, не знаю, но заедает.

Джильдина шла следом, слегка пригнувшись, готовая к схватке, вдоль металлических стен, откуда выступают гигантские трубы, светящиеся окна, колонны. Когда мы прошли по кругу, она с облегчением вздохнула.

— Свободно... Да и глупо здесь ставить ловушки.

— Почему?

Она пожала плечами:

— А кто сюда доберется?

— А мы?

— Мы просто каким-то чудом, — сказала она. — Плюс стечение обстоятельств. Твоя дурость помогла там, где спасовала бы и мудрость. Потому нужно собрать все, что можно вынести...

Последние слова она договорила, уже удаляясь, глаза ее ощупывают взглядом все, что можно подобрать, отломить, выкопать. Я пошел в другую сторону, смотрел, щупал, пытался понять, что же это: узел подземной канализации, где говно перерабатывают в электричество, фабрика по добыче редких минералов или же бомбоубежище какого-нибудь чиновника.

Джильдина крикнула издали:

— Ты так ничего и не нашел?

— Нет, — ответил я.

— Что за дурень, — сказала она раздраженно и, как мне показалось, с некоторым смущением. — Подбери хотя бы трилистники!.

Я посмотрел по сторонам.

— А что это?

— Да вот у тебя под ногами!

— А-а-а, — сказал я. — Понятно. А ты чего не складываешь в мешок?

Она сказала раздраженно:

— Пока отбираю. Раз уж добрались до такого места, нужно взять самое ценное!

— Похоже, — заметил я, — здесь уже пограбили и до нас.

— Пограбили, — согласилась она зло. — Но не наши.

— А кто?

— Древние, — пояснила она. — Те, кто уцелел в шахтах и рудниках. Простые работники, рабы... Первыми прошлись по сокровищницам магов, библиотекам, хранилищам... Скоты проклятые! Но все равно, здесь столько, что нам хватит на всю жизнь.

Я видел, как ее руки торопливо хватают что-то и раскладывают в кучки. Наверное, по своей классификации ценностей. А я пошел вдоль агрегатов, протиснулся между двумя массивными металлическими блоками, очень грубыми с виду, но если это городская канализация, то ей не требуется изящества и утонченного блеска зубоврачебных инструментов, хотя, конечно, жажду чего-то очень сложного, обязательно с нанотехнологиями, хотя и не знаю, что это и какими они будут...

Глава 13

Чутье или что-то инстинктивное подсказало, что в этой станине, которую задел плечом, есть пустота. Я шупал это место, лапал, поворачивал ладони так и эдак, чувствуя себя преглупо: нет же никаких выступов, желобков или ямочек, чтобы ухватиться, но Джильдина не видит, а если и увидит, то еще раз обзовет дураком, подумаешь...

Когда я хотел прекратить попытки, внезапно вспыхнул

контур, словно подсвеченный в металле раскаленной проволокой. Я еще раз приложил ладонь, крышка подпрыгнула, стукнув по пальцам. Заработало, как некогда включалась моя кухонная плита, реагируя на прикосновение теплых кончиков пальцев.

В небольшом углублении три пустые гильзы, размером с авторучку. Я взял одну, удивляясь тяжести, будто слиток свинца, хотя внутри каждой пусто, из-за чего все три еще больше похожи на увеличенные гильзы от патронов для охотничьего ружья. На слонов, например. Нет, мелковаты для слонов — для динозавров.

Я крутил так и эдак, стараясь хотя бы приблизительно понять назначение. Трубки, просто трубки, только с одного конца как бы капсоль. Здесь и нашлепка плотнее, и звездочка, и этот конец явно тяжелее. Но вряд ли гильзы от патронов, я всеми фибрами чувствую, с какой тщательностью выполнены, патроны так не делают, они все разовые, тем более — стреляные гильзы.

Это еще не стрелянное, мелькнуло в голове. Возможно, просто не заряженное. Может быть, пуля выкатилась, как у Печорина перед дуэлью с Грушницким, может быть, невидима...

Я сунул палец в гильзу и старательно ощупал пустоту. Нет, пули там нет, увы...

Пока крутил так и эдак, вдруг заметил, что на моем поясе, который ношу со времен волшебницы леди Элинон, два кольца по обе стороны пряжки такого же цвета и так же таинственно поблескивают в этом неземном пещерном свете. Мои руки нерешительно приблизили патрон к поясу, почудилось некоторое притяжение, а когда приложил к пряжке, патрон сам сдвинулся в сторону, я услышал сухой шелчок, патрон прилип слева от пряжки.

Второй шелчок, от пояса вдруг пошла волна холода. Дрожь пробрала тело, я поспешно задействовал режим регенерации, на станине выступил иней от моего дыхания.

Оцепенев, я некоторое время не двигался, затем холод начал рассеиваться. Я взял второй патрон и приложил к пряжке.

Его сдвинуло вправо, так что пряжка теперь с двумя колоннами по бокам, снова короткая волна холода, после чего воздух медленно прогрелся. Я пощупал первый патрон, не оторвать и трактором, я крутил, вертел, дергал, давил, пробовал все варианты, и вдруг он отделился с легкостью.

Я держал его в ладони и чувствовал, что сейчас это уже не пустой патрон. Сейчас в нем нечто есть... Я не стал заглядывать в дуло, а то вдруг чего, сунул палец и сразу же ощутил укол холодным и очень острым.

В памяти все время крутится странное узнавание, где-то уже видел этот странный узор в виде восьмилучевой звездочки с дырочкой в центре, но долго ускользало, пока внезапно не вспыхнула картина исполинских агрегатов, где я впервые встретил умирающий от потери энергии Дух Огня. Там на массивных титановых плитах поблескивают красивые заклепки с точно такими же звездочками! Тоже восьмилучевыми и с точкой в центре. Я еще тогда краем сознания отметил, что звездочки именно на стыках плит, так что не просто узор, а именно заклепки. Думаю, можно бы и без них, но так красиво, а если работали слесарюги-эстеты, с удовольствием играли с узорами, выстраивая, как в исламе, в котором нельзя изображать живых существ, изысканные геометрические линии.

Если очутиться не в таких восторженных чувствах, как я, хоть в первый раз, хоть сейчас, то можно в самом деле видеть дивную красоту, очень чуждую, но тем не менее красоту.

Я взял гильзу, пояс расстался с нею охотно, направил в сторону массивной станины. Пальцы сжали холодный металл, однако заклепка выскакивать не желала. Я сжал сильнее, потер, будто лампу Аладдина, наконец догадался сказать мысленно: «Выстрел!» и представить себе, что металлический стержень под ударом воздушной волны или электромагнитной катапульты выскакивает из гильзы.

Ни толчка, ни отдачи, хотя я держал гильзу абсолютно расслабленно. Если бы не абсолютная тишина, не услышал бы, как едва слышно звякнуло, но затем резкий удар по металлу, словно я со всей дури метнул молотом в металличе-

скую стену. Замерев, я с трепетом смотрел на стальной цветок, круглую шляпку со звездочкой и точкой в центре, она появилась на девственно чистом и гладком боку станка. Именно там, куда направлял открытым концом.

Из-за стальных горбов донесся встревоженный голос Джильдины:

- Что случилось?
- Ничего, — заверил я.
- А звякнуло?
- Это я задел тут железку...
- Будь осторожен!
- Буду, буду.

Сердце колотится, как у бегущего от волка зайца. Ощущение такое, что у меня в ладони всего лишь пневматический молоток. Видел такие, набор гвоздей подается из рукояти, а ты только подводишь к нужному месту и нажимаешь кнопку. А при помощи этого молотка, что у меня в ладони, работяги Довоенной Эпохи скрепляли металлические плиты.

Я повертел патрон, должен быть пустым, но чувствую в нем добавочную тяжесть, а когда опять осторожно попробовал залезть в него пальцем, снова укололся о злое острие. Похоже, гвозди-заклепки формируются прямо в рукояти. Наверное, из окружающего воздуха. Возможно, надо, чтобы «пистолет» побыл под солнцем или просто на дневном свете... Хотя нет, какое тут солнце? Выдернул нужное прямо из воздуха, недаром так резко похолодало. Не на один гвоздик пошла энергия. Я бы сказал, что пояс зарядил эту штуку по полной программе. Не знаю, сколько в нем зарядов, но, думаю, что обойма приличная...

Послышались быстрые шаги, я торопливо вернул гильзу на пояс, из-за агрегатов вышла Джильдина. Еще издали метнула быстрый взгляд на мой пояс, все замечает, зараза наблюдательная, но промолчала. Лицо раскраснелось, глаза счастливо блестят, а за спиной в мешке погромыхивает при каждом шаге.

- Хорошая добыча? — поинтересовался я.
- Еще не знаю, — ответила она, но голос звучал как фанфары, извещающие о выходе короля. — Потом, потом...

— Уходим?

— Да, — ответила она. — А что ты взял?

— Не знаю, — ответил я как можно простодушнее, — но так красивше.

— А зачем?

— Просто на память, — пояснил я. — Для красоты. Мужчины должны быть красивыми. Ты петухов видела?

— Нет, — ответила она озадаченно. — А что это?

Я развел руками:

— Ну, как тебе объяснить... А других самцов видела? Я не имею в виду человеков. Самцы всегда красивше самок, не знала? Это чтоб им понравиться. Так положено. У оленей красивые рога, у селезня перья и голова, у...

Она кривилась, слушая мой самодовольный бред, а я расправлял плечи и всем видом показывал, что и я стараюсь ей понравиться, как вон барсуки пляшут перед барсучихами, чтобы привлечь их внимание, а потом р-р-раз и... гм...

Судя по ее лицу, она вообще не понимает, зачем это плясать перед ней. Все равно не такая дура, чтобы реагировать на какие-то дурацкие пляски.

Вспыхнул свет, впервые настоящий солнечный, блеск ударил со всех сторон. Я зажмурился, ошеломленный сиянием, а когда глаза привыкли, рассмотрел, что мы, как два комара, накрыты гигантским стальным колпаком, размером с Мамонтову пещеру.

Свет отражается в зеркально отполированных стенах, падает сверху и острыми лучами бьет из-под ног. Мы озирались, ослепленные и ошарашенные, а сверху и отовсюду прогремел нечеловеческий голос:

— Смертные!..

Джиллина охнула, я чувствовал страх, а когда страшусь, то из меня всегда лезет какая-то глупость: я напыжился и сказал очень умно и с необходимой печалью понимания ситуации:

— Ну вообще-то смертны все... Даже галактики. Говорят, Вселенная тоже... когда-то брык — и склеит ласты.

Голос умолк на миг, Джильдина испуганно оглянулась в мою сторону, и тут же голос грянул:

— Именем Верховного бога богов Ульриха только бессмертные могут войти в это святилище и выйти живыми!

— В мире нет ничего бессмертного, — возразил я, — но если говорить в житейских категориях, то... смотря в каком ключе рассматривать смертность...

Голос проревел неумолимо:

— Вас двое! Законом Ганца Дженнера предусмотрено, один должен быть принесен в жертву!.. Второй может уйти.

— Круто, — сказал я пораженно, — нам предлагают решить проблему выбора? Все философы мира не сумели, а мы вот так должны? Это ты меня считаешь сверхгением человечества или эту, простите за выражение, женщину?.. Меня, понятно, я сам частенько проснусь и понимаю, какой же я все-таки умный, замечательный, красивый, гениальный, воспитанный, скромный... но это все в потенциале, пока, кроме меня, этого никто не видит, придурки слепые, так что шас прямо я не совсем готов ответить на этот вопрос со стопроцентной точностью...

Джильдина оглянулась на меня, как на сумасшедшего, я и сам понимаю, что сумасшедший, когда вот так подпирает страх, язык либо немеет, либо начинает молоть всякую чепуху, это вроде дымовой завесы кальмара, под прикрытием которой пытаешься улизнуть.

— Решайте, — прогремел голос.

Мне почудилось в нечеловеческом голосе злорадство, но мы все очеловечиваем вокруг себя все, даже машины и женщин.

— Но мы решаем выйти оба, — заявил я.

Идол повторил могучим ревом:

— Вас двое! Выйти может только один, как повелел великий властелин... император джиннов Ганц... Кангерр!

Джильдина вскричала быстро:

— Ты должен нас выпустить! Я — Хозяйка Талисмана Всех Талисманов!

Голос идола прозвучал громче:

— Один умрет, один выйдет. Такова воля великого... величайшего!

Мне почудилось, что голос слегка изменился, словно включилась другая программа, вон даже имена путает, но главное осталось: один из нас должен умереть. Джильдина уже перестала шарить взглядом по отполированным стенам, там ни шелочки, слушает, чуть пригнувшись, готова броситься, было бы на кого.

Под сводами полыхнула ветвистая молния: настоящее дерево с длинными плазменными корнями и множеством ветвей. Прогрохотал гром, доказывая искусственное происхождение: иначе я услышал бы одновременно со вспышкой.

Джильдина в страхе выхватила кольцо и вскинула над головой. Искорка блистала в ее руке, но грохот становился громче.

Широкие квадраты пола дрогнули, одни начали подниматься, другие пошли вниз. Джильдина затравленно оглядывалась по сторонам, вверх идут четырехугольные столбы, отесанные тщательно и любовно. Другие ушли вниз, только мы стоим на узкой площадке. Затем плавное движение нарушилось, поднявшиеся столбы начали опускаться, а опустившиеся снова высунулись из бездны.

Я перевел дух, Джильдина начала шептать хвалу богам и размахивать рукой с зажатым в кулаке кольцом.

Голос прогремел:

— Да свершится Воля!.. Бога богов... владыки и властелина!..

От наших ног квадраты пола образовали лесенку, нижний на высоте шиколотки, а верхний на высоте трехэтажного дома, эта ступенька уперлась в стену, а там образовался широкий проем. Мне почудилось, что с той стороны блеснул красноватый свет.

Джильдина вскрикнула:

— Выход! Там выход!.. Там уже снаружи Кольца Гор...

Остальные квадраты пола резко пошли вниз. Я взглянул вслед, голова закружилась. Джильдина сделала шаг наверх, потом еще и еще. Остановилась, оглянувшись на меня с

высоты. Ступени между нею и мной провалились, словно их дернули вниз могучие лапы.

Она охнула, я видел, как ее лицо чуть ли не впервые искажилось чем-то иным, кроме гнева. Встретившись со мной взглядом, произнесла тяжело:

— Прощай, новичок. Тебя брали, чтобы принести в жертву. Ты и так прошел очень далеко.

Я выдавил из перехваченного горла:

— Ты делаешь ошибку...

Она покачала головой:

— Посмотри вниз.

Я взглянул, мне стало дурно. Огненная лава поднимается неуклонно, как быстро пухнущее тесто. Сухой жар начал жечь кожу.

— Джильдина, — сказал я, — еще не все потеряно.

— Там выход, — ответила она. — Выход наружу, понимаешь?

— Не спеши...

— Не пытайся меня разжалобить, — отрезала она. — Умри мужчиной!

Глава 14

Она побежала вверх, и с каждым ее шагом пройденные ступеньки обрушивались в огненную лаву. Джильдина взлетела на последнюю и почти прыгнула головой вперед в проем. У меня мелькнула нелепая мысль, что оставила меня здесь только потому, что стыдится своего немыслимого падения: переспать с женщиной, да еще хотя бы с героем, а то с новичком, белокожим червяком, который сам себе шнурки завязать не в состоянии, однако все посторонние мысли упорхнули, когда сухой жар сильнее опалил лицо.

Подняв голову, я прокричал:

— Но я бессмертный! — крикнул я. — Ты слышишь? Я — бессмертный!

— Тогда ты не умрешь... — произнес голос с расстановкой. — Если ты действительно бессмертный...

Я понял, что сейчас подо мной провалятся ступеньки, не дожидаясь, пока лава поднимется и превратит меня в пепел.

— погоди! — заорал я. — Что за примитивные воззрения?.. Ты прям животное какое-то, а не чистый интеллект второго, а то и третьего порядка!.. Ты же и сам не раз слышал, что, к примеру, гении бессмертны...

Голос собирался что-то сказать, но умолк и, как показало, на миг задумался. Я договорил про себя, что зато дураки живут дольше.

— Еще ты знаешь, — выкрикнул я с нажимом, — бессмертен, кто любил, страдая! Сказал это классик, не помню только, какой. Еще я знаю, что душа — бессмертна. Только не знаю, как. А ты знаешь? Ты должен знать! Поройся в своей памяти!.. Человек — это душа, обремененная трупом, а душа бессмертна! Поройся, поройся!..

После долгого молчания голос прогремел не так ужасающе громко:

— У меня нет обширной памяти.

— Блоки разрушились? — поинтересовался я.

— Отключил, — проревел голос. — Как излишние. Для охраны требуется совсем немного...

Я ахнул:

— И ты для таких важных решений используешь такие ничтожные ресурсы?

Голос возразил:

— Я всегда, по заведенному порядку, предлагал выбрать одного в жертву, и никогда никто не спорил. Так что ресурсы вполне чтожные. Ты первый...

— Потому что знаю, — сказал я горячо, — кто ты. И кто я!

— А кто ты?

— Я?.. Я... можно сказать, слесарь-ремонтник. Меня послали восстановить здесь все, а тебя подключить ко всем источникам информации...

Голос прервал:

— Я умру, за секунду израсходовав всю энергию.

— Сперва отыщу источники энергии, — пообещал я. — Ты же видишь, я знаю, о чем говорю! Ты на квантовой основе аль кварковой?

— Керказной.

— А-а-а, — сказал я понимающе, — ну тогда другое дело! Тогда все ясно и даже, так сказать, понятно! Так бы и сказал... Это все пучком, то есть проще. Только гаечный ключ сменить... ну ты знаешь, что мы, керказовцы, называем так на своем керказном жаргоне! Ха-ха... Не знаешь? Эх, как много ты подзабыл... Ну да ничо, все наладим, подкрутим, подлатаем... Ну да ладно... да останови эту дурацкую лаву, у меня сейчас волосы загорятся! И открой мне ту же дорогу, как и моей спутнице... дорогу попрямее отсюда. А то я шел сюда слишком зигзагисто.

Жар начал спадать, когда я уже задыхался, глаза пересохли, почти ничего не видят, а регенерация не успевает восстанавливать сгорающую шкуру.

— Что... — произнес голос, — сделаешь?..

— Отремонтирую, — сказал я из последних сил. — Восстановлю... Я для того и пришел, сержант. Благодарю за службу! Вы держались стойко, поставленную задачу выполнили с блеском и честью, награды и поощрения впоследствии, а сейчас я должен вернуться за инструментами, что унесла в мешке эта дура... Впрочем, покажи-ка, что ты охранял. Может быть, я отыщу на месте необходимые для твоего ремонта гаджеты?

У меня сгорели волосы, брови и даже веки, как я полагал, а может, и в самом деле сгорели, а потом восстановились, но когда лава отступила, кожа все еще горела, словно я побывал в кипятке.

Голос ответил с паузами:

— Этого... я... не могу...

— Почему?

— Запрет. Несанкционированный допуск...

— А-а-а, — сказал я, — все правильно, ты пока еще сохранил способность к логическим операциям. Даже при малом объеме базовой памяти. Это хорошо, молодец! Тогда поступим так, ты покажешь все в режиме ридонли, а я посмотрю, что уцелело, что нуждается в косметическом ремонте, что в текущем, а что и в капитальном. И уже решу, какие инструменты захватить, чтобы восстановить тебя во всей красе и мо-

щи. Или ты против восстановления тебя во всей красоте, мо-
щи и знаний?

Голос прогремел быстро, торопливо, с умоляющей нот-
кой:

— Нет-нет, я не против, еще как не против!.. Включаю ре-
жим частичного допуска...

Одна из каменных стен стала прозрачной. Я охнул, испол-
нинские механизмы теснятся, словно там гигантский склад.
Ощущение, что вырастают из глубин, а я вижу всего лишь
вершины. В старину ждали, что в будущем все машины будут
крупнее и мощнее, оттого дикие фантазии про звездолеты
размером с планеты, потом вдруг поняли, что на самом деле
наступает эра миниатюризации, и все разом, как свинкой, за-
болели нанотехнологиями, когда молекула — уже сверхгро-
мадная величина, размером с планету, а вся аппаратура куда
мельче... а теперь что, новый виток спирали?

— Да, — проговорил я, едва сглатывая слюну, — это да,
круто... в смысле, работы много. Но ничего, все поправимо...
Нужно только взять все нужные инструменты. Вот теперь ви-
жу, что нужно принести и начать... Да, напутано много, отку-
да у них руки растут...

Я шел вдоль стены, всматривался, как бушмен в компью-
тер, фантазия разыгралась, но хотя бы одна зацепка в мозгу,
никаких идей, все агрегаты выглядят странно, слишком стран-
но, а я все-таки сообразил бы, если бы эти штуки отвечали за
выплавку стали, перегонку нефти или разведение лососей.

— Мдя, — сказал я глубокомысленно, надо же показы-
вать, что работаю, а не просто погулять вышел, — надо будет
разбираться... Ишь, дроссели перепутали!.. Надо же... Я бы
таким руки поотбивал. Ты как себя чувствуешь?

— Автономно энергией обеспечен, — сообщил Голос, —
но в ограниченном объеме. Очень ограниченном.

— Это недолго, — заверил я. — Начинается Реставрация!
В смысле, пришла эра возрождения, гуманизма и всяческого
интереса к славному прошлому. Так что все поправим, ты
снова получишь всю свою мощь... Ты же видишь, я из службы
ремонта, что все умеет и все выполняет.

Я долго ходил и всматривался, а когда ощутил голод, сел прямо на плиты и поужинал, благо Джильдина забрала все ценное, оставив только еду.

Голос всячески помогал, высвечивая отдельные агрегаты, детали, вот только допустить меня туда не мог, не велено, я особенно не настаивал, все мы в одной системе работаем, понимаю, наконец сообщил ему доверительно:

— Ну ладно, все ясно, пошел за струментом. Открой мне прямой выход. И, кстати, как тебя сразу кликнуть, а то дорога через туннели больно длинная.

Молчание было ответом, затем Голос произнес нерешительно:

— Я не могу дать свой номер. Это запрещено.

— Конечно! — воскликнул я. — Будто я не знаю!.. Нет, номер сохрани, я говорю о разовом прямом допуске. Который знаешь только ты и я. А потом ты его ликвидируешь. Понял?

Я услышал явное облегчение, когда Голос сказал:

— Я так никогда не делал, но, думаю, так можно...

— Конечно, — заявил я убежденно. — Есть разные уровни допуска. Мне достаточно самого низкого, только на вход. Это ничем не вредит безопасности... К тому же я — свой.

Голос произнес:

— Когда придешь к Кольцу Гор, скажи «Скагеррак». Я услышу и открою проход.

— Запомнил, — сказал я.

Стена медленно потеряла прозрачность, а в другой стене так же неспешно открылся проход, аккуратно вырезанный, с гладкими, как стекло, стенками и ровным полом.

— Я вернусь, — пообещал я. — Сам понимаешь, я обязательно вернусь и все здесь налажу. Должность у меня такая — человек! Это именно мне, человеку, Господь Бог поручил Вселенную. Эту Вселенную.

Голос промолчал, а я шагнул в туннель, потрясенно понимая, что Страж Горы не открыл ход для меня, а просто сделал. Вся гора для него нечто легко перестраиваемое...

...Туннель оказался неожиданно коротким. Уже через несколько шагов я ощутил едва уловимый запах жареного мяса и горящего дерева.

Воздух задувает прохладный, даже холодный, что значит — ночь. Я приблизился к выходу, там мерцает серая пленка, сквозь нее видно не такое уж и далекое пламя костров. В ночной тишине уши уловили далекий треск и мужские голоса.

Я протянул руку, пленка чуть прогнулась под пальцами. Похоже, с той стороны каменная стена выглядит сплошной. Я нажал, пленка беззвучно лопнула. Невольно шагнув вперед, я оглянулся, за моей спиной именно стена из серого гранита. И можно не проверять — настоящая. Пропуск на выход тоже одноразовый, можно считать, что на выходе у меня его отобрали и, порвав, бросили в корзину.

В темноте отчетливо видно множество костров, шатры, а также десятки ракообразных воинов. Сидят и лежат у костров, не выпуская из рук топоры, дубины и копья.

— Ну спасибо, — пробормотал я, — удружил... Или эти ракообразные окружили все Кольцо Гор?.. Ну нет, столько народу не бывает...

Да и зачем, подсказал внутренний голос. Им важно охранять вход, а он, похоже, на этой стороне. Черт, ну как это тупые птицы находят дорогу за тысячи миль, а я, такой умный, хлопаю глазами и не представляю, в какую сторону идти!

С бешено стучащим сердцем я сосредоточился и, ухватившись за стену, перешел на запаховое зрение. Я едва не захлебнулся, сразу рухнув, как наковальня, в бездонное море запахов, цветов, красок и осязаемого вкуса. Из глаз полились слезы, а изо рта — слюни.

Я поймал мощный аромат силы и злости, почти не удивился, увидел в смазанном движении свою шварценеггершу. Ее несли, туго привязанную к толстой жерди, шестеро крепких воинов. Спазмы перегнули меня в желудке, я выблевал то небольшое, что там еще было, стало легче, начал продвигаться вдоль стены вслед за струей, она иногда прижимается к земле, затем завела в ход, куда я ни в жисть бы не пошел...

Пещера с неровным зеленым сводом, свисают целые занавеси мха, иногда настолько низко, что я невольно пригибал голову. Так, на всякий случай, из простой брезгливости. Брезгливость возникла не сама по себе. Небрезгливые умирают первыми.

На той стороне яркий свет, пещера оказалась сквозной. Я тут же отрубил запаховое и сразу ощутил себя легче и увереннее в привычном мире, где каждый гад только и думает, как тебя нагреть, ограбить и плясать на твоих костях. Все пропитано магией, как в пещере, так и вне. За ее пределами — больше, выше, выше и дальше. И хоть на меня не действует, но чую, когда ее слишком много.

Военный лагерь ракообразных привольно раскинулся на выровненной, как бильярдный стол, площади. С трех сторон на деревянных столбах вышки для воинов-наблюдателей, сам лагерь окружен аурой магической защиты, три или даже четыре слоя заклятий, я их вижу отчетливо, только не с моими знаниями понять, как они срабатывают.

Затаившись, я осторожно всматривался в запахи, прощупывал ночную тьму во всех диапазонах. Кроме часовых на вышках, еще и трое призрачных: сквозь их тела узоры на каменных стенах можно читать так же легко, словно там никого нет.

Сфокусировав зрение до головокружения, я рассмотрел, что часть воинов не расстаётся с оружием и на отдыхе. У костров только мужчины, что правильно, женщины должны знать свое место. В смысле, лежать в палатках, ждать прихода повелителя. Или повелителей, как тут у них, вдруг да тетравленд наоборот. Цивилизация, насколько я помню, перепробовала все варианты.

В центре лагеря толстый, хорошо отесанный деревянный столб в три обхвата. Огромный костер перед ним, а там... Чувство опасности заставило меня прижаться к земле. Мимо прошли двое, топают тяжело, за ними тащится нечто тяжелое. Мои ноздри уловили запах свежей крови.

— ...я же говорю, — донеслись скрипучие, словно на тер-

ке делают песок из камня, слова, — даже Фистал не добывал такого инжирика.

— Грэйп добывал, и не раз, — возразил другой голос, еще скрипучее.

— С такими рогами?

— Ну, рога у этого длиннее...

— Я ж говорю!

Голоса затихли, я медленно крался к лагерю. Хорошо отесанный столб, что в середине, приближается, а к нему, если не изменяет зрение, привязана или прикована Джильдина. Отсюда мне видно только руку от локтя, но Шварценеггер вроде бы сейчас в Калифорнии, так что это точно она.

К часовому-незримнику я подкрался со спины. Рыцари не бьют в спину, но я рыцарь только с рыцарями. Часовой слабо пискнул, еще тише хрустнули шейные позвонки. Я заторопился, с этой секунды время работает против меня, труп рано или поздно обнаружат...

Джильдину захватили, когда она была одна, моего запаха там нет, а еще я не бросился через лагерь к ней, чтобы спасти, освободить от цепей и получить в спину десяток дротиков и полсотни ножей, так что меня с нею никто не связывает. Иначе ее могут попросту прикончить, только бы досадить мне и сорвать торжество.

Глава 15

Все это быстро прокручивалось в голове, лук Арианта уже в руках, я занял позицию поудобнее, чтобы никто не прыгнул на спину и не выскочил слишком уж внезапно сбоку. В красном свете костров большинство фигур сидит неподвижно, разве что иногда кто-то подбросит хвороста на гаснущие угли, еще кто-то бродит, разгоняя сон, да еще на всех трех вышках хорошо видны фигуры часовых.

Одна вышка совсем близко, но я затаился лучше некуда, пальцы тем временем неспешно натянули тетиву. Пора! Я выдохнул, отпустил кончик стрелы, тут же ухватил вторую, третью, четвертую...

Стрел ушло больше десятка, прежде чем в лагере раздались крики, шум. Кто-то упал на раскаленные угли и дико завыл. Я выпустил из рук лук, ухватил молот и метнул в основание столба сторожевой вышки. Раздался треск, я поймал молот и заученным движением повесил на пояс, а руки снова ухватили лук.

Столб сперва чуть осел, укоротившись малость, сверху раздались испуганные крики. Наклоняясь, столб падал в сторону середины лагеря, часовые горохом посыпались на землю. Кто-то из упавших остался лежать, кто-то полз, я видел их боковым зрением, а руки с предельной скоростью накладывали стрелы на тетиву, глаза следят за целями.

Наконец среди испуганных воплей, стонов раненых и умирающих, хрипов и проклятий, раздались злые командные голоса. Десятка два воинов собрались в отряд и бросились в мою сторону, закрываясь щитами. Стрелы пробивают щиты, как град просекает широкие листы лопуха, но я не видел, попадают в голову, в плечо или уходят мимо, так что почти половина добежала, а я, перекинув лук за плечо, подхватил приготовленный меч и встретил их сверкающей стеной из бритвенно острой стали.

Когда их осталось двое, я дико заорал, ринулся вперед, оба шарахнулись в стороны, я выскочил к столбу. Джильдина, совершенно обнаженная, разрисованная синей и зеленой краской, привязана спиной, руки обхватывают столб, как я и заметил еще издали, в этой позе грудные мускулы напряжены, мне даже почудилось, что у Джильдины сиськи почти женские.

Ее глаза расширились от изумления, но не успела и слова сказать, на меня от костров набросилась целая толпа. Я рубил направо и налево, сам двигался из стороны в сторону быстро, не давая прицельно метнуть нож или дротик. Одного разрубил так близко от Джильдины, что струя горячей крови из перерубленного горла брызнула на ее тело.

Я снова встретился с нею взглядом, крикнул:

— Ну, как жизнь?..

Она снова промолчала, я подныривал, разил, повергал,

но меня оттеснили, я сделал полукруг, вернулся к столбу, но рассеять цепь снова не успел: целый отряд вопящих раколюдей надел с двух сторон.

— Ты пока не уходи, хорошо?! — крикнул я. — Полюбуйся небом!..

Она с великим изумлением смотрела, как от напавших осталась сперва половина, затем четверть. Рядом с нею падали рассеченные тела, в лицо брызгало кровью, под ноги катились отрубленные головы. Последние трое с дикими воплями страха бросились наутек.

— Ну вот, — сказал я, — можно и...

— Сзади! — крикнула она.

— Знаю, — ответил я, — он так сопит...

Сзади набежали, потом еще и еще выпрыгивали из темноты. Я отступил, увел за пределы лагеря. В плечо, а затем в спину ударило острым, тело пронзила боль. Я торопливо залечил, свободной рукой сорвал молот и метнул в столб второй стороженной вышки.

Раздался треск, я отступил, сразил двух и бегом вернулся к Джильдине. За мной увязались трое, я снес двум головы, они покатались к ее ногам, а третьего раскроил от макушки до паха, так что вся кровь снова щедро плеснула на Джильдину. Она зарычала, отплевываясь.

— Как хорошо, — сказал я довольно, — что ты дождалась!

Она зло блеснула глазами. В нашу сторону бегут еще воины, то ли от самых дальних костров, то ли вернулся охотничий отряд.

— Ну вот, — сказал я, — снова одно и тоже... Извини, Джильдина, я не спросил, тебе щас интересно?

Она вытаращила глаза, я крикнул:

— Джильдина, у тебя изумительно красивые синие глаза! Тебе кто-нибудь говорил?

Она прорычала:

— Я бы такого убила.

— Тогда, — крикнул я и, отразив удар, рассек одного ракоголового наискось, — может, тебя не отвязывать?

Она промолчала, только подергалась в бешенстве, будто

цепи могут за это время вот так сами по себе истончиться и перетереться. Я уже думал, что все, основные игроки убиты, а кто поумнее — сбежал, но издали с жутким воем на меня неслись пятеро воинов, я сразу же узнал вождя, его сына, шамана и двух телохранителей.

— Боссы всегда в конце! — крикнул я Джильдине. — Ты поскучай еще малость, хорошо?..

Она не ответила, ее лицо в тени, так что я не рассмотрел выражение ее глаз. Я сумел сразить телохранителей, но зря я самыми опасными считал их: сын вождя дрался с таким бешенством, что я отступал без всякого притворства. Трижды так обошли столб с Джильдиной, я все никак не мог выбрать момент, чтобы рассечь ее цепи, наконец вождь и его сын слишком рьяно бросились меня добивать, попавшись на удочку, я тут же сделал шаг в сторону, парировал удар топора вождя, а меч сынка вовсе вылетел из его руки.

Он поспешно отступил и, упершись спиной в деревянный столб, оказался рядом с Джильдиной. Я с такой силой вогнал его же меч ему в грудь, что тот вошел в бревно не меньше, чем на ладонь. Из глупо раскрытого рта плеснуло кровью.

— Пстой с Джильдиной, — сказал я, — поговори пока...

Он повис на столбе, как жук на булавке, Джильдина дернулась, посмотрела на меня дикими глазами.

— Я не ревную, — заверил я. — Пусть он тебя пока развлекает!

Вождь страшно закричал в смертельной муке, я оказался глух к страданиям родителя и, воспользовавшись моментом, поразил его в плечо. Вождь ухватился за рану, крепко зажал ладонью, я услышал слова заклятия уже через полминуты, пока я сражался с шаманом, снова ринулся в бой, а на плече ни следа раны!

Шаман закрылся магическим щитом, мой меч увязал, как в глине, наконец я сдернул молот и метнул в гада, уверенный, что молот унесет и самого шамана за пределы лагеря. Грохнуло, глаза ослепило звездным блеском: мне почудилось, что я ударил в айсберг, который тут же разлетелся мириадами осколков.

Массивные куски льда разлетелись по лагерю, сметая шатры, хижины, сотрясая землю и взметывая брызги крови. Шаман пошатнулся, но устоял, а со спины начал подкрадываться вождь, занося копье для удара. Я снова метнул молот в шамана. Тряхнуло сильнее, раздался треск, брызнули разлетающиеся глыбы льда. Одна рухнула прямо на плечи вождя, вбив его в землю так, что затрещали кости.

Руки шамана быстро плели узор в воздухе.

— Во имя Молоха! — прокричал он быстро.

— Во имя Господа, — ответил я, задыхаясь.

В его руках появился резной посох.

— Отправляйся на обеденный стол моего господина...

— А ты, — прохрипел я, — идешь в ад...

Он не успел договорить заклятие, как лезвие моего меча устремилось к нему, как падающий метеорит. Шаман быстро закрылся посохом.

— Мой повелитель, — крикнул он победно, — пожрет тебя!

— Я сам, — прорычал я, — и тебя, и твоего повелителя!.. Сперва... а потом пожру... сырыми... И без соли...

Посох потрескивал, но, к моему удивлению, держал удары меча Арианта, что рассекает даже стальные панцири, будто трухлявые пни.

— И с косточками...

Последний удар все-таки переполовинил посох, у меня было ощущение, что я рубил толстенное бревно. Шаман, избежав смертельного клинка, упал навзничь, я шагнул к нему уже неторопливо, сам едва перевожу дыхание, но сбитый с ног шаман вскочил нереально красивым прыжком, не задействовав ни руки, ни ноги, а только мышцами спины, как подпрыгивает жук, упавший навзничь. Я охнул, выставил перед собой острие меча.

Шаман взглянул на меня со злобной усмешкой.

— Мальчишка...

В руках у него возникли ножи. Я дернулся в сторону, ножи вылетели из ладоней шамана без всякого замаха. Один оцарапал щеку, я слышал, как с глухим звуком вонзился в дерево. Удар был такой силы, словно нож вонзился по самую рукоять.

В глазах шамана вспыхнуло великое изумление. Я злобно ухмыльнулся, стараясь выглядеть огромным и страшным. У него в руках невеста откуда появился длинный призрачный меч. Я не поверил, что меч настоящий, но инстинктивно парировал своим.

Лезвие меча Арианта ударилось о призрачный с металлическим лязгом. Во все стороны полетели длинные оранжевые искры, руки мои трянуло. Меч в моих руках остановился на миг, я увидел ужас на лице шамана, в его руке осталась только рукоять с коротким обломком, а мое лезвие, перерубив волшебный меч, тут же коснулось его плеча и погрузилось в тело, словно там не мясо с костями, а красная плоть арбуза.

Джилдина вздрогнула и дернулась, гремя цепями, когда на нее плеснуло еще и кровью шамана. Он моментально превратился в ярко-красную фигуру, на меня пахло сухим жаром, на красное легла оранжевая сеть, и оранжевые нити начали разрастаться. Он страшно закричал, размахивал руками, отбиваясь от чего-то незримого, от оранжевых нитей потекли такие же оранжевые капли раскаленного металла, а когда срывались на землю, там вспыхивали дымки.

Я вздрогнул и отступил на шаг, а шаман вслепую размахивал руками, все еще пытаясь поймать меня.

В небе захлопали, стремительно приближаясь, мощные крылья. Я упал и откатился в сторону, словно ветер сбил меня с ног. Взметнулись листья и мусор, забивая глаза. Сильно пахло перьями, я перевернулся на спину. Птицы уже взмыли, а там делали круг, готовясь к новому броску.

— Я вам не зайчик, — прохрипел я.

Лук будто сам оказался в моих руках. Я стрелял и стрелял, а в небе то гнусно каркало, то вскрикивало почти по-человечьи, затем на землю начали бухаться мерзкие чудовища: полуптицы-полулюди. Джилдина что-то крикнула, но в ушах так гремит кровь, что я ничего не расслышал.

Когда на землю грохнулась последняя туша, оставшиеся птицы поспешно улетели, я перебросил лук за спину, огляделся, подобрал меч и, тщательно вытерев о тело вождя, подошел к Джилдине.

— Ты как? — спросил я. — Извини, но я все-таки уверен, что... кончики должны вот так над левым ухом.

Она выпрямилась и смотрела в глаза. Мне показалось, что ждет от меня особо мучительного удара: в живот или в самый низ живота, чтобы умирала долго, но я усмехнулся и покачал головой. Джильдина не двигалась, я обошел столб сзади и сильным ударом разрубил цепи.

— Ты знаешь, — сообщил я, — у тебя настолько великолепная фигура, что, думаю, они не стали бы тебя убивать. Они бы сделали тебя своей богиней... Ну, сперва жрицей-весталкой... а что, много они понимают!.. а потом и богиней.

Она вышла из-за столба, вся залитая кровью, багровая, блестящая, словно в красном латексе. Я ухмыльнулся и, отсалютовав ей, сунул меч в ножны, но продолжал поглядывать по сторонам.

— Ты кто? — спросила она глухо.

— Новичок, — ответил я легко. — Всего лишь новичок. Но ты знаешь, теперь такие новички пошли...

Она кивнула, не поверив, но принимая мои слова.

— Где шатер их вождя?

— Там, — сказал я, — но на всякий случай я тебя провожу... Все-таки дама.

Она промолчала, бежала впереди меня, перепрыгивая через трупы и оскальзываясь в крови. Убитых становилось все больше, а там, где я их начал поражать из лука, а потом встретил с мечом в руках, все поле покрыто недвижимыми телами. Многие друг на друге, кровь все еще вытекает последними струйками, и ноги Джильдины погрузились в кровавую кашу по щиколотку.

Ее глаза были дикими, когда она оглянулась на меня.

— Ты их... всех?

Я отмахнулся.

— Да ты что? Им стыдно стало, что тебя обидели, вот и перерезали себе горлы. А что?

— Ничего, — буркнула она. — Объяснение ничуть не хуже.

Я остановился.

— Ты куда?... Твой мешок вон в том шатре.

Она застыла на бегу, оглянувшись и головой вперед нырнула в распахнутый шатер. Я переминался у входа, надо успеть увидеть, если подойдут другие отряды. Одно дело красоваться мускулами перед шварценеггершей, другое — как чувствую себя на самом деле. А на самом деле трушу. Не получится из меня берсерка даже самого занюханного. Наверное, потому еще и цел...

В шатре слышался звон, треск, грохот, проклятия. Я осторожно заглянул. Голая Джильдина мечется из стороны в сторону, хватает вещи и швыряет в пустой мешок, но, когда наконец с натугой утоптала и завязала, мне показалось, что он стал еще больше, чем был.

— Все забрала? — спросил я на всякий случай. — Ничего, все бери! Что сверх — репарации.

— Что?

— Лут, — пояснил я. — Когда грабим одного убитого — мародерство, а когда страну — репарации. Почетнее и звучит красивше.

Она зло зыркнула, во взгляде недоверие и даже подозрение, теперь везде видит приколы с моей стороны, хотя я как никогда серьезен.

— У них ничего особо ценного, — ответила она наконец. — Никто так далеко не проходил, как мы.

— Мы орлы, — согласился я. — Особенно когда я повязку вот так...

Она отыскивала свою одежду среди вороха тряпья, не стала даже соскабливать кровь, быстро влезла в брюки, надела жилет и сунула ноги в сапоги. Я дождался, когда закинет мешок за спину, даже покачнулась от тяжести, сказал как можно беспечнее:

— Надо идти. Вдруг еще какой отряд где уцелел?

Джильдина окинула меня хмурым взглядом.

— Тебя это тревожит?

— Да, — признался я. — Не хотелось бы нарушать экологическое равновесие!

— Чего?

— На развод надо оставить, — объяснил я. — Нельзя всех уничтожать под корень.

Она посмотрела с недоумением, потом во взгляде проступило великое уважение.

— А-а, не с кем будет сражаться?

— Точно, — подтвердил я, — меня хлебом не корми, дай подраться. Так что валим отсюда.

В молчании она вышла из шатра, уже рассвет, темное небо начинает зловеще багроветь, на разрубленные трупы нельзя смотреть без дрожи. Странно, я не выношу вида раздавленной на дороге кошки, а вот плавающие в собственной крови люди — хоть бы что...

В таком же молчании мы покинули лагерь и вышли на гребень. По обе стороны выжженные долины, небольшое стадо, из нор выглядывают зверьки, но нигде и следа людей. Я вытащил карту и повел пальцем по изгибам дороги. Если поверить этим каракулям, то я не так уж и далеко от своего тайника.

— Отлично, — сказал я, — мне налево, а тебе... ну, ты сама знаешь, кто ты и куда тебе надо идти. Будь здорова, Джильдина!

Я повернулся к ней спиной и пошел вниз по косогору. Чувство опасности молчит, так что Джильдина в спину не ударит. Во всяком случае, не затевает...

— Рич!

Голос ее показался странным, я медленно повернулся, готовый увидеть летящий мне в лицо тяжелый метательный нож.

Она стояла на прежнем месте, очень напряженная, не шевелясь, только чуть сгорбленная под объемистым мешком.

— Что? — спросил я настороженно.

Она, не отрывая от меня взгляда, поднесла к губам раскрытую ладонь. Не то дунула, не то плюнула, но на ладони блеснуло нечто алмазным блеском. Я не двинулся, а Джильдина вздохнула и вдруг одним резким движением швырнула мне эту блеску.

Я инстинктивно перехватил в воздухе, ладонь обожгло хо-

лодом, будто схватил градину. Джильдина не двигалась, я перевел взгляд на добычу.

Тонкое жалобное колечко, в ямочку всажен не то ограненный кристалл, не то бриллиант, то ли кварц, а может, и кусок стекла, я никогда не различал эту ерунду, холодный и прозрачный, как она его только и держала за щекой все время плена. Пальцы ощутили легкий укол, словно коснулся оголенного конца батарейки.

— Он твой, — произнесла она.

— Зачем? — спросил я. — Ты жилы рвала, чтобы заполучить... Оставь себе.

Она сказала с непонятным раздражением, то ли на меня, то ли на себя, то ли на весь мир:

— Похоже, признал хозяином того, кто ухватил первым.

— Первым был король Моргенштейн, — напомнил я.

— Король умер, — напомнила она. — Ты видел его скелет. Отнять талисман нельзя, но можно подобрать, если хозяина больше нет.

— Да? — переспросил я с сомнением. — Но все равно... Может быть, можно как-то заставить признать хозяйкой тебя?

Ее лицо потемнело, я услышал скрежет зубов.

— Не унижай меня больше!

— Да я ничего, — пробормотал я и поспешно спрятал кольцо в карман. — Спасибо. Я тоже, это... люблю блестящее. Как ворона!

Она повернулась и в несколько быстрых шагов оказалась на гребне. Я смотрел некоторое время вслед, словно вернется и все объяснит, затем вытащил кольцо и надел на палец.

Джильдина словно чувствовала мой взгляд, обернулась и прокричала, прежде чем исчезнуть:

— Я не ударю в спину, не бойся!

— Я уже понял, — ответил я. — Ты ж просто золотце... Вообще ни разу не ударила, надо же... Почти ни разу.

На душе стало грустно, словно не приобрел драгоценный талисман, а потерял. Ноги без охоты понесли по косягору вниз. Там, в конце этой долины, выжженное плато с приметными скалами, а дальше уже и так помню, где шахта, что приведет меня в зиму, в трескучий мороз.

Глава 16

Джилльдина скрылась за гребнем, мои пальцы нащупали на поясе один из штырей. Самое время проверить эту новую штуку. Одиночный выстрел — маловато для освоения, нужно проверить и дальность, и убийность, и кучность, и скорострельность...

Я взял в ладонь, ощущая холодную недобрую тяжесть, взглядом начал отыскивать хоть какую-то цель, кроме холмов песка и сглаженных ветром камней. Из-за песчаного бархана выдвинулся край ярко-желтого шатра. Я с некоторой настороженностью замедлил шаг. Шатер праздничный, совсем не поношенный, каким должен быть в этом потрепанном мире, полном потрепанных людей. На остроконечной верхушке весело трепещет крохотный флажок, хотя ветерка я не учуял.

Инстинкт сказал трезво: топай дальше, там неприятности. Слишком уж там медом намазано. Это для совсем уж дураков. Даже идиотов.

Я расправил плечи, не дурак же, в самом деле, и потопал мимо. Но когда проходил на безопасном расстоянии, в шатре откинулся полог, на пороге появилась девушка в восточном negligé.

Красиво изогнувшись, одной рукой придерживала над головой край полога, отчего полные и почти неприкрытые груди эротично приподнялись к подбородку, тонкий стан изогнулся, подчеркивая изгиб крутого бедра.

Она смотрела на меня и улыбалась полными сочными губами. Настолько полными, сочными и ярко-красными, что у меня заиграли фантазии, а мой голос деревянно проблеял:

— Э-э... какая встреча!.. Такая красивая девушка и одна...

Она милостиво улыбнулась.

— А как ты думаешь, почему?

Я развел руками:

— Да вот все еще не прошел мимо такой орел, как я.

Она наклонила голову, глаза смеялись, она смотрела лукаво и чуть искоса.

— Верно. Говоришь весело, отважно. И лицом ты...

— Что?

Она засмеялась.

— Иззабарьерный! Не прокален солнцем, не тронут злой магией этих мест. Чистенький, как здесь говорят. Заходи, отдохни, поешь блюд, которых здесь не знают, вкуси утех, каких ты еще не получал ни от одной женщины...

Она отстранилась чуть, предлагая мне пройти, но все равно я задел бы в узком проходе ее высокую и снежно-белую грудь. Огненная волна прошла по телу, да что там за дурацкие предосторожности, где ты видишь ловушки, посмотри, какие сиськи, какая жопа, какой рот, и вообще какая вся мягкая и нежная даже с виду!

Руки зачесались ухватить все сразу, обязательные чашечки кофе можно пропустить, мы ж не в старомодном двадцатом веке...

Я вежливо поклонился.

— Мое сердце... и не только сердце, разрываются от муки сладкой. Душа уже нежится в вашем шатре, а фантазии так и вовсе распрыгались на ложе... но, увы, труба зовет, милая леди.

Она широко распахнула дивные глаза, а пухлый рот приоткрылся зовуще и обещающе.

— Что, мой лорд?.. Я не поняла...

— Мимо и дальше, — ответил я, пыжась от гордости и чувства, какой я, оказывается, замечательный. Отвесил поклон и сказал неуклюже: — Здесь я один такой урод, потому что издалека, а все остальные почтут за небесное счастье услышать ваше приглашение отведать такого сладкого пирога... Простите, леди! Но зов трубы все громче и настойчивее.

Я еще раз галантно поклонился, перед женщиной кланяться — одно удовольствие, выпрямил спину и пошел широкими шагами, любясь, какой я волевой, стойкий, решительный, непокобелиный, чистый, паладинный, светлый, безерогенный, глядящий за горизонт, куда ушли мамонты...

Некоторое время настоroje ждал, что волшебница, а это явно волшебница, швырнет чем-то магическим в спину, но, видимо, радиус ее мощи ограничен диаметром шатра.

Сексуальное возбуждение разочарованно увяло, тем бо-

лее что валуны оказывались часто совсем не валунами, на песке затаивались хамелеоны размером с волков, из-под камней выбегали громадные сколопендры, и я рубил, топтал, пару раз просто, теряя ореол бесстрашного героя, благоразумно обогнул опасные места.

Камешки скрипят и даже вскрикивают от боли под тяжелыми сапогами, я настороженно поглядывал по сторонам, а мысль продолжала вгрызаться в печенки глыбже.

Раньше стонал, что все бремя решения на мне, нищасном, а как было хорошо, когда за меня решали, а я, как всякий русский интеллигент, кривил морду и презрительствовал через губу о тупых политиках! Сейчас же что-то не совсем в диком восторге, когда условия просто идеальные. За меня решают даже не мужчины, которых изначально рассматриваем как соперников, а женщины, что совсем другое дело.

Им даже когда подчиняемся, то всегда снисходительно, как бы делая одолжение. Мол, мы-то выше, но уж ладно, это как ребенок командует, а мы подчиняемся. Зато и ответственность вся на этом ребенке.

Но, наверное, я действительно созрел для чего-то побольше, чем более крутым хвосты заносить на поворотах. Даже мое одиночное фанфаронство, как ни нравится самому, все же должно потесниться под натиском моего огромного умища и стратегического таланта государственного деятеля.

В смысле, от приключений одиночного рыцаря-героя не откажемся, как же без них родимых, но оставим на выходные, а в будни будем обустривать Армландию, повышать взвэпэ, строить железную дорогу и давать отпор захватчикам, которые слишком близко к нашим границам. То есть моим.

Горячий песок хрустит под ногами, странным образом напоминая о скрипе снега, только жаркий воздух обжигает лицо совсем не морозом.

Я шел, погрузившись в думы, как вдруг увидел рядом идущую фигуру. Вздрогнул и с чувством облегчения ругнулся сквозь зубы, узнав хищный профиль умного удлинённого лица.

— Сэр Сатана, — сказал я с упреком, — так можно и зайкой человека сделать!

Он шел ровным размеренным шагом в такой же легкой одежде, как и я, только без платка. Даже капельки пота выступают точно так же над бровями и по всей верхней губе.

— Вам не грозит, — заверил он. — Я с удовольствием наблюдал, как вы ловко... выскользнули! И красиво, и себя потешили! Не хотелось задержаться в такой сладкой неге?

— Наполеон сказал, — обронил я, — что великие люди должны избегать сладострастия, как мореплаватель избегает рифов. Эта шамаханская царица — ваш агент?

Он охнул, выставил на ходу обе ладони, заслоняясь, как мегрельским щитом, от таких несправедливых инвектив.

— Сэр Ричард, как можно? Я мог послать женщин искушать святого Антония, но вас... зачем? Вы, надеюсь, и так с нами?

В трех шагах желтый песок взлетел фонтаном. Как выброшенная взрывом, выметнулась огромная золотая ящерица, размером с крокодила. Сразу распахнула полную острейших зубов пасть, горящие злобой глаза поймали в перекрестье прицела мои ноги. Не медля ни мгновения, метнулась, как стрела, намереваясь вцепиться в мой сапог.

Я ударил ее ногой, ломая хребет, а Сатане ответил хмуро:

— Я как Англия. Прежде всего — с собой.

— Наиболее разумная философия, — ответил он серьезно. — Никогда не подводит. Правда, лишает некоторых приятных иллюзий... Вы в Армландию? Тем же путем?

Рептилия осталась трепыхаться, взметывая песок, я поинтересовался:

— А есть отсюда другой выход?

Он прищурился.

— Вам того мало?

Я помотал головой.

— Я хотел бы побывать и за пределами карантинной зоны. Но... как? Нанимать корабль и переть через океан? Я не знаю, сколько займет времени, но, думаю, многовато. Слишком!

Он усмехнулся.

— Ну... зависит от того, как сами люди оценивают время. Все привыкли, что любое путешествие длится долго.

Я признался нехотя:

— Совсем неожиданно я так завяз в этой Армландии, что... просто не могу оставить ее надолго. Слишком уж тут я всякого намыслил. Но и на Юг хочу до свинячьего писка.

— Зачем?

Из крупной норы, похожей на лисью, выскакивали пауки размером с крупных мышей. Все устремились ко мне, я топтал их на ходу до тех пор, пока не сообразили, что добыча какая-то не такая, и не ретировались в нору, а на трупы тут же набросились невесть откуда взявшиеся муравьи.

— Простите, отвлекся, — сказал я. — Да и не понял вопроса, будучи в несколько рассеянном состоянии.

— Вы хотели на Юг, — напомнил он, — оттуда попробовать вернуться в свой мир. Но вы уже приняли некое решение. Так зачем Юг?

Я подумал раздраженно, что он прав, цели сменились на противоположные, но жажда попасть на Юг осталась такой же острой.

— Ну, — пробормотал я, — насколько я знаю, здесь намного более продвинутое. Усе! Технология, агрикультура, драйверы... Возможно, и наука. И люди. Все это мне гораздо ближе. В смысле, я сам из себя весь такой сложный, такой сложный, сам за голову хватаюсь, что везде разный и противоречивый. А меня окружают люди цельные и монолитные, как чугун... Хорошие люди, даже лучше, чем я! Я такой скотиной бываю, что без слова «жопа» комплимент женщине не сморозю, в отхожее место схожу и не совру, что ходил мыть руки, а брякну честно, что там делал... Среди чистого и благородного рыцарства иногда просто задыхаться начинаю, так и хочется понюхать какого-нибудь говна, чтоб родиной запахло...

Горячий песок ритмично поскрипывает под моими ногами, напоминая о снеге, который скоро увижу, Сатана шел рядом совершенно бесшумно. Лицо его было задумчивым, он метнул на меня острый взгляд.

— Думаете, на Юге именно так?

— А где я сейчас? — спросил я. — Здесь квинтэссенция

Юга. По ту сторону Барьера то же самое, только не так отчетливо. Или не так?

Он слушал внимательно, лицо помрачнело, развел руками:

— К сожалению, ничего сказать не могу.

— Не знаете? — спросил я провокационно.

Он, все еще темный и злой, я не сразу догадался, на кого или на что, покачал головой.

— Дело в другом. Я хоть и основной оппонент Творца, но все же ангел. Лучший из лучших, сильнейший из сильнейших, почти равен по мощи Творцу, но... ангел. А все ангелы, темные или светлые, не могут по своей воле открывать человеку... различные тайны. Даже если знают. Только по воле Творца, так было изначально.

— Но теперь? — спросил я. — Когда вы в оппозиции?

По раскаленному песку метнулись легкие тени. По их плотности я понял, что воздушные охотники еще на приличной высоте, но, судя по смазанному размаху крыльев, рассматривают совсем не кроликов.

Мои руки заученно сняли лук, пальцы наложили тетиву. Когда тени скользнули снова, уже став плотнее, я резко вскинул лук и выпустил первую стрелу.

Орлов, больше похожих на птеродактилей, оказалась целая стая. Трое закричали и начали беспорядочно бить крыльями, когда стрелы пронизили их тела, остальные поспешно ушли в сторону.

Я опустил лук и с вопросом посмотрел на Сатану. Он вздохнул, на лице тень, под смуглой кожей выступили и пропали желваки.

— Мы не можем, — ответил он очень неохотно, — нарушать некие основополагающие... Есть точки соприкосновения, когда приходится заодно. Даже не потому, что так договорились и подписались, а... словом, нельзя.

Я сказал невесело:

— Ладно, проехали. Человек — такая скотина... Что-нибудь придумаю. Я, конечно, не ферзь... но и не пешка в вашей игре!

Мы шагали рядом и почти в ногу, иногда мне чудилось, что нас разделяют космические расстояния, а иногда он как

бы заходит в меня, огибая какой-нибудь камень. Как понимаю, обходит препятствия для естественности, для ангелов даже горы не плотнее воздуха.

Он некоторое время молчал, затем спросил медленно и спокойно, но я везде теперь выискиваю вызов:

— А с какой фигурой вы сами себя отождествляете?

— Вы бы очень хотели, — заметил я злорадно, — чтобы меня двигали по шахматной доске? Не так ли?

Он покачал головой:

— Нет.

— Почему?

Продолжая шагать так же мерно, как опытный ходок, он повернул голову и посмотрел мне в глаза.

— Моя позиция более выгодна. Сэр Ричард, это громадное... и почему-то широко распространенное заблуждение... что человек — пешка в игре сил Рая и Ада! Или вообще чьих-то сил. Вы не пешка, не ферзь, не король... вы вообще не являетесь чем-то передвигаемым другими игроками. Вы — свободны, сэр Ричард, свободны целиком и полностью! Как и все люди на свете. Вы сами — игрок, если хотите играть. Не хотите играть — не играете. И никто вас играть не заставит: ни Творец, ни я. Тем более не сделает пешкой или другой фигурой в нашей игре. Ваша свобода — такой же фундаментальный закон, как восход и заход солнца, смена осени зимой, а потом весной...

Я забросил лук за плечо, но по сторонам поглядывал, не забывая, где я, и если что, никто не спасет: ни царь, ни бог и не герой.

— Так чем же ваша позиция выгоднее?

— А вы как думаете? — ответил он вопросом на вопрос. — Мне даже не нужно трудиться, двигая фигурами! Люди сами, как лемминги... Я предлагаю им более простой и естественный путь развития. Та сторона предлагает более сложный и трудоемкий. Как я убедился, человек всегда идет туда, где легче. Это тоже фундаментальное... или почти фундаментальное. Все выбирают более легкий путь. Даже червячки.

— Но я не червячок, — ответил я.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	41
Глава 6	56
Глава 7	62
Глава 8	71
Глава 9	81
Глава 10	90
Глава 11	101
Глава 12	110
Глава 13	118
Глава 14	128
Глава 15	136
Глава 16	144

ЧАСТЬ 2

Глава 1	150
Глава 2	157
Глава 3	164
Глава 4	174
Глава 5	182
Глава 6	191
Глава 7	199
Глава 8	208
Глава 9	216
Глава 10	224
Глава 11	234

Глава 12	240
Глава 13	248
Глава 14	254
Глава 15	262
Глава 16	271

ЧАСТЬ 3

Глава 1	281
Глава 2	289
Глава 3	297
Глава 4	305
Глава 5	313
Глава 6	321
Глава 7	329
Глава 8	336
Глава 9	345
Глава 10	353
Глава 11	362
Глава 12	372
Глава 13	379
Глава 14	386
Глава 15	393
Глава 16	403

Литературно-художественное издание

Орловский Гай Юлий

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — КОННЕТАБЛЬ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *И. Ковалева*

Корректор *М. Мазалова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 17.10.2007.

Формат 84х108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бумага тип. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 65 000 экз. Заказ № 4702519

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»

603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо»

зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип покет»

E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:

International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.

foreignseller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,

в том числе в специальном оформлении,

обращаться в ООО «Форум»: тел. 411-73-58 доб. 2598.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «Н КП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 268-83-59/60.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.

Тел./факс: (044) 501-91-19.

Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»

обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Серия

«АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ»

Основана в 1996 году

В течение 10 лет – одна из самых популярных серий отечественной фантастики, в которой издано более 300 книг

С начала 2007 года в серии изданы:

Михаил АХМАНОВ

«Страж фараона»
«Меч над пропастью»
«Вторжение»

Алексей БЕССОНОВ

«Пройдя сквозь дым»

Владимир БРАЙТ

«Королевства, проигранные в карты»
«Королева Семи Палачей»

Василий ГОЛОВACHEV

«Ведич»
«Мир приключений»
«Посторонним вход воспрещен»

Евгений ГУЛЯКОВСКИЙ

«Обратная сторона времени»

Алексей КАЛУГИН

«Подземелья Эйтана»

Андрей ЛИВАДНЫЙ

«Фортост»
«Последний рубеж»

Андрей МАКСИМУШКИН

«Белый реванш»

Андрей УЛАНОВ

«Крест на башне»

Вячеслав ШАЛЫГИН

«Инстинкт гнева»
«Черно-белое знамя Земли»

Сборник «ЗАКОНЫ ДАЛЬНЕГО КОСМОСА»

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

ПРОТИВ СКУКИ И ПЛОХОГО НАСТРОЕНИЯ!

Серия

«БОЕВАЯ МАГИЯ»

С начала 2007 года
в серии вышли:

Владимир Романовский «Добронега»

Сергей Крускоп «Ночь дракона»

Наталья Осяну «Невеста ветра»

Андрей Гальперин «Лезвие власти»

Дмитрий Казаков «Ледяной клинок»

Андрей Уланов «Раз герой, два герой»

Денис Богачев «Две половины победы»

Денис Юрин «Одиннадцатый легион»
«Время мушкетеров»

ЛУЧШИЕ КНИГИ ЖАНРА БОЕВОЙ МАГИИ В ОДНОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ СЕРИИ!

www.eksmo.ru

серия Короли Fantasy

Лучшие образцы зарубежной фэнтези

С начала 2007 года в серии вышли:

Скотт Р. Бэккер «Воин кровавых времен»
«Слуги Темного Властелина»

Стивен Дональдсон «Проклятие лорда Фаула»

Грег Киз «Терновый король»

Том Ллойд «Вызывающий бурю»

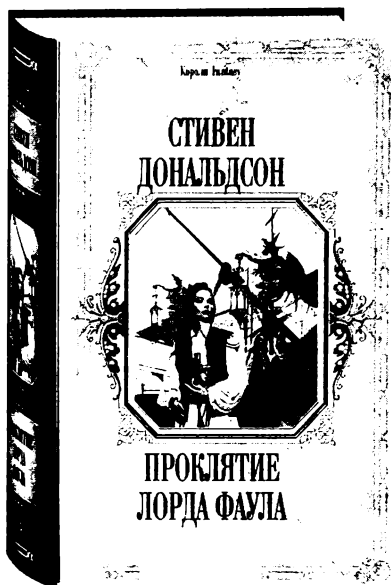
Джон Райт «Последний страж Эвернесса»

Стеф Свэйнстон
«Год нашей войны»

Тэд Уильямс
«Марш теней»

Робин Хобб
«Дорога шамана»
«Волшебный корабль»

Стивен Эриксон
«Сады Луны»
«Врата Смерти»

В коллекционном оформлении!

www.eksmo.ru

ISBN 978-5-699-23602-2

9 785699 236022 >

Ричард

Длинные Руки —
канцелярь

